ISSN 2074-9201

ВЕСТНИК
АКАДЕМИИ ПРАВА И УПРАВЛЕНИЯ
№ 4 (65) 2021

НАУЧНЫЙ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

SCIENTIFIC INFORMATIONAL-ANALYTICAL MAGAZINE

Учредитель:
АНО ВО «Институт деловой карьеры»

Журнал издается с 2001 года

Решением Президиума Российской Академии естественных наук от 17 сентября 2007 года «Вестник Академии права и управления» награжден Почетной серебряной медалью В.И. Вернадского

Решением Президиума Российской Академии естественных наук от 17 марта 2010 года «Вестник Академии права и управления» награжден Почетной серебряной медалью А.С. Попова

Редакционная коллегия:

Главный редактор
д.э.н., к.ф.н., доц. Делия В.П.
Заместитель главного редактора
к.ю.н. Милов П.О.
Компьютерная верстка
Савеличев М.Ю.

Подписной индекс в каталоге «Почта России» – ПН574
Подписку можно произвести на сайте агентства.
Минимальный период подписки – 3 месяца

АККРЕДИТОВАННЫЕ НАУЧНЫЕ СПЕЦИАЛЬНОСТИ:
120001, 120002, 120008, 120009, 120013, 080005

В НОМЕРЕ:

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ,
ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ,
ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Издатель:
АНО ВО «Институт деловой карьеры»

Адрес редакции и издателя:
109029, Москва, Нижегородская ул., д. 32, стр. 16, каб. 1010
Тел.: +7 (495) 782-52-73, +7 (916) 909-73-56
http://ideka.ru
e-mail: nauka@ideka.ru

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-60768 от 11.02.2015 г.

Авторы статей несут полную ответственность за точность приведенных сведений, данных и дат.
При перепечатке ссылка на журнал «Вестник Академии права и управления» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии ООО «Сам Полиграфист», тел. 8 (495) 545-37-10
Подписано в печать 24.01.2022. Формат 60x84/8. Усл.-печ. л. 21,3.
Печать цифровая. Заказ № 58 от 28.01.2022 г. Тираж 2000 экз.

ISSN 2074-9201
9 772074 920102 65

12+

Редакционный совет

Члены редакционного совета:

08.00.00 Экономические науки

Рагулина Юлия Вячеславовна, *доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Всероссийского научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства Федерального научного центра аграрной экономики и социального развития сельских территорий, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, почетный работник науки и техники Российской Федерации;*

Салихов Борис Варисович, *доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и менеджмента Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство.);*

Солодуха Петр Викторович, *доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономической теории и мировой экономики, декан экономического факультета Российского государственного социального университета;*

Шкодинский Сергей Всеволодович, *доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра отраслевой экономики, Научно-исследовательский финансовый институт Министерства финансов Российской Федерации, заведующий кафедрой Экономической теории, Московский государственный областной университет.*

12.00.00 Юридические науки

Агапов Павел Валерьевич, *доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления факультета государственного управления и права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации;*

Бажанов Станислав Васильевич, *доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Московского государственного университета технологий и управления, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, старший советник юстиции в отставке;*

Волков Александр Михайлович, *кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры Государственно-правовых и финансово-правовых дисциплин Московского финансово-юридического университета, член Российской академии естественных наук, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации;*

Гаврилов Борис Яковлевич, *доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой управления органами расследования преступлений Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации;*

Дорская Александра Андреевна, *доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой международного права юридического факультета Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена;*

Краснова Кристина Александровна, *кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры Уголовного права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия;*

Кузнецов Петр Уварович, *доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права Уральского государственного юридического университета;*

Минбалеев Алексей Владимирович, *доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора информационного права и международной информационной безопасности Института государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник Республиканского НИИ интеллектуальной собственности;*

Нарутто Светлана Васильевна, *доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;*

Пашенцев Дмитрий Алексеевич, *доктор юридических наук, профессор, заведующий отделом теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, профессор Московского городского педагогического университета, почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;*

Полякова Татьяна Анатольевна, *доктор юридических наук, доцент, заведующая Сектором информационного права Института государства и права Российской академии наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный государственный советник юстиции Российской Федерации третьего класса, почетный работник юстиции;*

Радько Тимофей Николаевич, *Радько Тимофей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, действительный член Академии гуманитарных наук, академик Российской академии адвокатуры, заслуженный юрист Российской Федерации, государственный советник юстиции первого класса, генерал-майор внутренней службы в отставке;*

Тарасов Анатолий Михайлович, *доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра Академии управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации;*

Чернявский Александр Геннадьевич, *доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры Конституционного (государственного) и международного права Военного университета Министерства обороны РФ.*

Зарубежные члены редакционного совета:

Анил Сарвал, *доктор наук, профессор Пенджабского университета (г. Чандигарх, Индия);*

Дэвид Рейнольдс, *доктор наук, действительный член Британской академии наук, профессор истории Колледжа Христа в Кембридже, почетный профессор Колледжа Далвич, Университетов Кембриджа и Гарварда, Небраски, Оклахомы, Нихон (Токио) и По (Париж). С октября 2013 г. возглавляет исторический факультет в Кембридже;*

Мкртумян Арман Юрьевич, *доктор юридических наук, заслуженный юрист Республики Армения, профессор Российско-Армянского (Славянского) университета;*

Пол Смит, *доктор наук, профессор Университета Претории, Южная Африка (ЮАР);*

Уоррен Кимбол, *доктор наук, почетный профессор исторического факультета Колледжа искусств и наук Рутгерс, профессор Университета Кембриджа;*

Ю Синода, *доктор наук, профессор права Университета Хокусэй-Гакуэн, г. Саппоро (Япония).*

Эксперты:

Меськов Валерий Сергеевич, *доктор философских наук, профессор, профессор кафедры педагогики Высшей школы образования, профессор кафедры теологии филологического факультета, директор Учебно-научного центра междисциплинарных проблем образования и когнитивистики Московского педагогического государственного университета;*

Тихонов Александр Васильевич, *доктор социологических наук, профессор, действительный член Российской Академии социальных наук, руководитель Центра социологии управления и социальных технологий Института социологии Российской академии наук;*

Шеремет Игорь Анатольевич, *доктор технических наук, профессор, член Военно-промышленной комиссии при Правительстве Российской Федерации, заместитель директора по науке, Российский фонд фундаментальных исследований, член-корреспондент Российской академии наук, действительный государственный советник Российской Федерации третьего класса.*

© Коллектив авторов, 2021
© АНО ВО «ИДК», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

Алиева Зульфия Ибрагимовна,
ИЗМЕНЕНИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ
В СВЕТЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ 2020 ГОДА

Zulfiya I. Alieva,
CHANGING THE LEGAL STATUS OF THE CONSTITUTIONAL COURT
OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE LIGHT OF THE CONSTITUTIONAL REFORM OF 2020 7

Владимирова Дарина Сергеевна,
ПРАВОПОЛОЖЕНИЯ В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Darina S. Vladimirova,
LEGAL PROVISIONS IN THE MECHANISM OF LEGAL REGULATION 13

Воробьева Светлана Евгеньевна,
ПРАВОВОЙ СТАТУС СТОЛИЦЫ – ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Svetlana E. Vorobyeva,
THE LEGAL STATUS OF THE CAPITAL – THE HISTORICAL ASPECT 19

Глазкова Лилия Владимировна,
РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ ВООРУЖЕННОГО МЯТЕЖА

Lilia V. Glazkova,
DEVELOPMENT OF LOW ON RESPONSIBILITY FOR THE ORGANIZATION OF ARMED REBELLION 24

Давитадзе Мевлуд Демуралович,
МОЖЕТ ЛИ НЕСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВО ЗА ДОВЕДЕНИЕ
ДО САМОУБИЙСТВА ИЛИ ДО ПОКУШЕНИЯ НА САМОУБИЙСТВО

Mevlud D. Davitadze,
CAN THE STATE BE HELD RESPONSIBLE FOR DRIVING TO SUICIDE OR ATTEMPTED SUICIDE 29

Зорин Алексей Вячеславович,
УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА КРАЖУ ПО УК РФ: ПРОБЛЕМЫ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Aleksey V. Zorin,
CRIMINAL LIABILITY FOR THEFT UNDER THE CRIMINAL
CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS OF LEGISLATIVE AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE 32

Костенникова Елизавета Ивановна,
ПАТОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЦИДИВИСТА С ПСИХИЧЕСКИМИ АНОМАЛИЯМИ

Elizaveta I. Kostennikova,
PATHOPSYCHOLOGICAL FEATURES OF A RECIDIVIST WITH MENTAL ABNORMALITIES 36

Кузнецов Александр Анатольевич,
ХАРАКТЕРИСТИКА НАСИЛИЯ ПРИ ЗАХВАТЕ ВЛАСТИ

Alexandr A. Kuznetsov,
CHARACTERISTIC OF VIOLENCE IN POWER CAPTURE 41

Лысенков Сергей Геннадьевич, Олейник Сергей Александрович, Родин Андрей Вячеславович,
ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ
НЕДВИЖИМОСТИ В ЧАСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ЗОН С ОСОБЫМИ УСЛОВИЯМИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕРРИТОРИИ
(НА ПРИМЕРЕ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

Sergey G. Lysenkov, Sergey A. Oleynik, Andrey V. Rodin,
FEATURES OF LEGAL REGULATION OF TERRITORIAL PLANNING OF REAL ESTATE IN PART OF THE ESTABLISHMENT OF ZONES WITH SPECIAL CONDITIONS FOR THE USE OF THE TERRITORY (ON THE EXAMPLE OF THE NATIONAL GUARD TROOPS OF THE RUSSIAN FEDERATION) 47

Морозова Александра Андреевна, Динека Виктор Иванович,
К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ОБЪЕКТИВНОГО И СУБЪЕКТИВНОГО ВМЕНЕНИЯ

ПРИ ПОСРЕДНИЧЕСТВЕ В КОММЕРЧЕСКОМ ПОДКУПЕ

Aleksandra A. Morozova, Viktor I. Dineka,
TO THE QUESTION OF THE RATIO OF OBJECTIVE AND SUBJECTIVE IMPUTATION IN THE IMPLEMENTATION OF CRIMINAL LIABILITY FOR MEDIATION IN COMMERCIAL BRIBERY 54

Тарасов Евгений Александрович,
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ АВТОТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В РАССЛЕДОВАНИИ ДТП С НАЕЗДОМ НА ПЕШЕХОДА И СПРОВОЦИРОВАННЫХ ПЕШЕХОДАМИ ДТП

Evgenii A. Tarasov,
THE USE OF THE RESULTS OF THE CAR TECHNICAL EXPERTISE IN THE CONSIDERATION OF ACCIDENTS WITH HITTING A PEDESTRIAN AND PEDESTRIAN-PROVOKED ACCIDENTS 60

Усманова Елена Фанильевна,
ЮРИДИЧЕСКАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ПРАВОВЫХ СПОРОВ И КОНФЛИКТОВ

Elena F. Usmanova,
LEGAL ARGUMENTATION IN RESOLVING LEGAL DISPUTES AND CONFLICTS 64

Штефан Алена Владимировна,
К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВОМ АНАЛИЗЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ СЛУЖАЩЕГО ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Alyona V. Stefan,
ON THE ISSUE OF CRIMINAL LAW ANALYSIS OF CRIMES COMMITTED IN THE PERFORMANCE OF OFFICIAL POWERS OF AN EMPLOYEE OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES 67

Щукина Татьяна Владимировна, Мазеин Артем Владимирович,
ФОРМЫ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: НОВЫЕ ФОРМАТЫ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Tatyana V. Shchukina, Artem V. Mazein,
FORMS OF ADMINISTRATIVE ACTIVITY IN THE MODERN SYSTEM OF PUBLIC ADMINISTRATION: NEW FORMATS AND LEGAL REGULATION 74

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Акбашев Ильшат Ильфатович,
ВЫЗОВЫ ЗЕЛЕНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Ilshat I. Akbashev,
GREEN ENERGY CHALLENGES IN MODERN CONDITIONS 83

Варфоломеева Вера Александровна, Иванова Наталия Александровна,
ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНАЯ ПОЛИТИКА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Vera A. Varfolomeeva, Natalia A. Ivanova,
MONETARY POLICY IN THE DIGITAL AGE 91

Востокова Ольга Владимировна, Милов Павел Олегович, Шовунова Наталья Юрьевна,
АНТИКРИЗИСНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КОРПОРАТИВНЫМИ СТРУКТУРАМИ

Olga V.Vostokova, Pavel O. Milov, Natalia Yu. Shovunova,
ANTI-CRISIS MANAGEMENT OF CORPORATE STRUCTURES 97

Галкина Галина Станиславовна, Троицкая Нина Геннадьевна, Цветков Евгений Иванович,
ТУРИЗМ КАК ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Galina S. Galkina, Nina G. Troitskaya, Eugene I. Tsvetkov,
TOURISM AS A PROMISING DIRECTION OF THE RUSSIAN STATE CULTURAL POLICY 101

Гирина Татьяна Сергеевна,
ЦИФРОВИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ (ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ)

Tatiana S. Girina,
DIGITIZING THE SOCIAL INFRASTRUCTURE OF RURAL AREAS (DOMESTIC EXPERIENCE) 107

Горин Денис Станиславович, Акопян Артур Арсенович,
АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ И МЕТОДИКА УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ
НА ПРЕДПРИЯТИЯХ НАУКОЕМКОГО СЕКТОРА В РОССИИ

Denis S. Gorin, Artur A. Akopyan,
ANALYSIS OF THE STATE AND METHODOLOGY OF RISK MANAGEMENT
AT SCIENCE INTENSITY ENTERPRISES IN RUSSIA 111

Делия Виктор Павлович, Кульгачев Иван Петрович,
РАЗВИТИЕ ВНУТРЕННЕГО ТУРИЗМА – ДРАЙВЕР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО
РОСТА СТРАНЫ И РЕГИОНОВ

Viktor P. Delia, Ivan P. Kulgachev,
DEVELOPMENT OF DOMESTIC TOURISM IS A DRIVER OF SOCIO-ECONOMIC GROWTH
OF THE COUNTRY AND REGIONS 116

Левченко Константин Константинович,
ВЛИЯНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ НА РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ТУРИЗМА

Konstantin K. Levchenko,
IMPACT OF TECHNOLOGICAL TRANSFORMATION ON THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL TOURISM 122

Лунева Елена Андреевна,
НЕГАРМОНИЧЕСКИЕ КОЛЕБАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ
СО СВОЙСТВОМ ГОМЕОСТАЗА

Elena A. Luneva,
INHARMONIC FLUCTUATIONS OF THE ECONOMIC SYSTEM
WITH THE PROPERTY OF HOMEOSTASIS 127

Подкопаев Олег Александрович,
ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ МАРКЕТИНГОВЫМИ КОММУНИКАЦИЯМИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ КУЛЬТУРЫ

Oleg A. Podkopaev,
ORGANIZATION AND MANAGEMENT OF MARKETING COMMUNICATIONS
IN CULTURAL INSTITUTIONS 131

Сухина Юлия Валериевна,
РОЛЬ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ В ПРАКТИКЕ РАЗВИТИЯ СИСТЕМ
УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫМ РАЗВИТИЕМ РЕГИОНОВ

Yuliya V. Sukhina,
THE ROLE OF MANAGEMENT CONSULTING IN THE PRACTICE
OF DEVELOPMENT OF THE INNOVATIVE DEVELOPMENT MANAGEMENT SYSTEM OF THE REGION 138

Трофимова Наталья Николаевна, Будагов Артур Суренович
ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ HR-ДЕПАРТАМЕНТОВ
РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Natalia N. Trofimova, Artur S. Budagov,
DIGITAL TRANSFORMATION OF HR DEPARTMENTS
OF RUSSIAN ENTERPRISES IN MODERN CONDITIONS 149

Туров Ростислав Сергеевич,
АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОНИМАНИЯ СЕЛЬСКОГО ТУРИЗМА

Rostislav S. Turov,
AXIOLOGICAL FOUNDATIONS OF UNDERSTANDING RURAL TOURISM 154

Чжао Вэньфу,
ФОРМИРОВАНИЕ МОДЕЛИ ВЫБОРА ОПТИМАЛЬНОГО ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРОЕКТА
ПО РАВНОВЕСИЮ НЭША В РАМКАХ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО КЛАСТЕРА

Zhao Wenfu,
FORMATION OF A MODEL FOR CHOOSING THE OPTIMAL NASH EQUILIBRIUM INVESTMENT
PROJECT WITHIN THE MACHINE-BUILDING CLUSTER 159

Шкодинский Сергей Всеволодович, Кушнир Андрей Михайлович,
ОТ РЫНКА ИЛИ К РЫНКУ: ДИНАМИКА ОСНОВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ
ОАО «РОССИЙСКИЕ ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ»

Sergey V. Shkodinsky, Andrei M. Kushnir,
FROM THE MARKET OR TO THE MARKET: DYNAMICS OF THE MAIN INDICATORS
OF JSC RUSSIAN RAILWAYS 165

Щурилов Алексей Вадимович,
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОГО КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА
(НА ПРИМЕРЕ АДМИНИСТРАЦИИ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ГОРОД КОВРОВ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Alexey V. Shchurilov,
ROBLEMS OF FORMATION OF EFFECTIVE PERSONNEL POTENTIAL (USING THE EXAMPLE
OF THE MUNICIPAL ADMINISTRATION THE CITY OF KOVROV, VLADIMIR REGION) 170

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Дмитриева Анна Владимировна,
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ
К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ СМЕРТИ ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ

Anna V. Dmitrieva,
IMPROVING LEGAL REGULATION WHEN INVOLVED TO CRIMINAL LIABILITY
FOR CAUSING DEATH BY NEGLIGENCE 175

Туманян Гарник Вагинакович,
СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И МЕССЕНДЖЕРЫ КАК НОВОЕ ПРОСТРАНСТВО
ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Garnik V. Tumanyan,
SOCIAL MEDIA AND MESSENGERS AS A NEW SPACE
FOR THE IMPLEMENTATION OF MODERN PUBLIC GOVERNANCE 179

УДК 342.5

DOI 10.47629/2074-9201_2021_4_7_12

Алиева Зульфия Ибрагимовна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры Конституционного и международного права Юридического института, Дагестанский государственный университет, город Махачкала,
mumina@mail.ru

ИЗМЕНЕНИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ В СВЕТЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЫ 2020 ГОДА

Аннотация. *Определяется содержание судебной системы современной России, анализируются конституционные новеллы 2020 года в части изменений полномочий Конституционного суда Российской Федерации, его состава в целом, организационные основы Конституционного суда. Проанализированы поправки в Федеральный конституционный закон «О судебной системе Российской Федерации», согласно которым к 2023 году будут ликвидированы уставные конституционные суды субъектов РФ. Указывается, что конституционные изменения коснулись и регламентации статуса Конституционного суда РФ, его взаимоотношений с другими органами государственной власти. В целом констатируется, что новеллы снижают самостоятельность и независимость Конституционного суда РФ, способны осложнить его деятельность по осуществлению конституционного контроля. Отмечено, что одним из самых спорных и дискуссионных на сегодняшний день остается вопрос о юридической природе решений Конституционного суда РФ и их исполнении. Реформа Конституционного суда модифицировала его полномочия по рассмотрению конституционных жалоб граждан, дел о возможности исполнения Российской Федерацией решений межгосударственных и иных подобных органов, принятия им обязательных итоговых решений с выявлением конституционно-правового смысла оспариваемой нормы. Проанализированы новые полномочия Конституционного суда по осуществлению превентивного контроля законов о поправке к Конституции РФ, федеральных и региональных законов, формулируются предложения по дальнейшему регулированию отношений в этой сфере с позиций необходимости совмещения предварительного и последующего нормативного контроля.*

Ключевые слова: конституционные нововведения 2020 года, Конституционный суд, конституционный контроль, конституционный надзор, полномочия Конституционного суда, судебная власть.

Zulfiya I. Alieva,
Ph.D. of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Constitutional and International Law of the Law Institute, Dagestan State University, Makhachkala,
mumina@mail.ru

CHANGING THE LEGAL STATUS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE LIGHT OF THE CONSTITUTIONAL REFORM OF 2020

Abstract. *The article defines the content of the judicial system of modern Russia, analyzes the constitutional novelties of 2020 in terms of changes in the powers of the Constitutional Court of the Russian Federation, its composition as a whole, and the organizational foundations of the Constitutional Court. The amendments to the federal Constitutional law "On the Judicial System of the Russian Federation", according to which the statutory constitutional courts of the subjects of the Russian Federation will be liquidated in 2023, are analyzed. The changes also affected the regulation of the status of the Constitutional Court of the Russian Federation, its relations with other state authorities. In general, it is stated that the novelties reduce the independence and independence of the Constitutional Court of the Russian Federation, can complicate its activities for the implementation of constitutional control. One of the most controversial and controversial issues today is the question of the legal nature of the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation and their execution. The reform of the Constitutional Court has modified its powers to consider constitutional complaints of citizens, cases on the possibility of the Russian Federation executing decisions of interstate and other similar bodies, making mandatory final decisions with the identification of the constitutional and legal meaning of the contested norm. The article analyzes the new powers of the*

Constitutional Court to implement preventive control of laws on amendments to the Constitution of the Russian Federation, federal and regional laws, and formulates proposals for further regulation of relations in this area from the standpoint of the need to combine preliminary and subsequent regulatory control.

Keywords: constitutional innovations 2020, Constitutional Court, constitutional control, constitutional supervision, powers of the Constitutional Court, judicial power.

В современном понимании конституция – это учредительный акт, обладающий высшей юридической силой. Данное определение сформировалось еще в XVIII-XIX веках, когда по всей Европе и Северной Америке прокатилась волна буржуазных демократических изменений, на мировой арене. Речь идет, в первую очередь, о Великой Французской революции. Примерно в это же время зародилась концепция конституционализма, то есть правления, ограниченного конституцией.

Правовая природа конституционного контроля изучалась многими исследователями правоведами, ведущими отечественными и зарубежными учеными. Сравнительный анализ законодательства других стран позволяет прийти к выводу, что во многих странах существуют специальные органы конституционного контроля (например, во Франции это Конституционный совет, Конституционный суд в Италии, Высший конституционный суд в Египте и так далее). В СССР право конституционного контроля принадлежало Президенту, Съезду народных депутатов и Верховному совету, в 1989 году был создан парламентский орган правовой охраны Конституции – комитет конституционного надзора СССР [7, с.43]. В ряде стран СНГ специализированные органы конституционного контроля обладают полномочием по осуществлению предварительного абстрактного нормоконтроля, как правило, в отношении не вступивших в силу международных договоров, инициатив, вопросов и проектов правовых актов, предлагаемых для вынесения на всенародный референдум (Азербайджан, Таджикистан), а также поправок к конституции (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Армения). В отдельных государствах СНГ предварительный абстрактный нормоконтроль в отношении поправок к конституции является обязательным.

Уместно было бы вспомнить, какие предложения по работе дополнительных органов конституционного контроля вносились на всем протяжении конституционной историографии нашей страны, это, например, идея о создании Высшего судебного присутствия (обсуждалась в ходе Конституционного совещания в 1993 году). Тогда отчетливо проявились абсолютно разные подходы к определению главной роли государства, согласно Конституции (либо государство – это «ночной сторож», которое охраняет и не принимает участия в социально-экономических отношениях, либо государство реализует социально-ориентированную политику в условиях рыночной экономики) [14, с.18]. О.Е. Кутафин после всех обсуждений в 1993 году поставил под сомнение действительную независимость всех судебных учреждений, имея ввиду создание дополнительного органа конституционного контроля. Высшим судебным присутствием предполагалось расширить некоторые прерогативы судебной власти: поставить под судебный конституционный контроль практику судов общей судебной юрисдикции, назначение и освобождение от должности Генерального прокурора РФ и др., любые предложения Верховного суда Российской Федерации с конституционными полномочиями, с арбитражной палатой [11, с.63].

Наличие системы гарантий в условиях соблюдения режима законности проявляется в реализации конституционных норм, а также в требовании точного соответствия всех законов, иных нормативных актов, принимаемых на территории государства, главному нормативно-правовому акту страны. В целях обеспечения ведущих конституционных контрольных функций в отношении соответствия обычных законов и подзаконных актов Основному закону страны, осуществляется первая и главная задача правовой охраны конституции. Важным условием реальности верховенства конституции, как основного закона в государстве, является ее правовая охрана.

Значение Конституции России на современном этапе развития страны трудно переоценить. Социально-политический анализ практики соблюдения Конституции подтверждает, что действенным механизмом реализации некогда сугубо декларативных конституционных норм является акт прямого действия, который обеспечивает раскрытие подлинного смысла конституционных норм в соответствии с динамично меняющимися общественными отношениями [8, с.18]. В условиях действующих измененных в 2020 году конституционных норм, на данном этапе исторического развития в Российской Федерации актуальными являются изменения в сфере правосудия и модернизации механизма реализации судебной власти. Основополагающими и важнейшими условиями жизнедеятельности политической, социальной и экономической систем, их равновесия и незыблемости, является соблюдение Конституции Российской Федерации.

Характер конституционных изменений 2020 года. В январе 2020 года Президент РФ в своем ежегодном послании Федеральному собранию [4] признал необходимым конституционные изменения. Было обозначено семь основных направлений изменения Основного закона страны, в числе которых называлась и судебная система РФ. Президент РФ указал на то, что Конституционный суд РФ необходимо наделить полномочиями по запросам Президента РФ проверять конституционность законопроектов, принятых Федеральным Собранием, до их подписания главой государства, а также оценивать конституционность не только законов, но и иных нормативных правовых актов органов государственной власти как федерального, так и регионального уровней [9, с.18]. Также, для защиты независимости судей, реализации принципа их подчиненности только Конституции и федеральным законам, предусматривалась возможность по представлению Президента РФ отрешать от должности Советом Федерации конституционных судей (как и судей Верховного Суда РФ) в случае совершения ими проступков, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию.

Согласно новой редакции ч.1. ст.125 Конституции РФ [1] изменилось количество судей Конституционного суда РФ с 19 на 11, в число которых входят Председатель Конституционного суда РФ и его заместитель, что находится в пределах дискреции конституционного законодателя. При этом судьи Конституционного суда РФ, осуществляющие свои полномочия на день вступления в силу новой редакции статьи ч.1. ст. 125, продолжают осуществлять полномочия судьи Конституционного суда Российской Федерации до их прекращения по основаниям, установленным Федеральным конституционном законом № 1 «О Конституционном суде Российской Федерации» (далее – Закон), и если после вступления в силу новой редакции ч.1. ст.125 число судей, равно предусмотренному ч.1. ст.125, либо превышает его, новые судьи Конституционного суда Российской Федерации не назначаются. Такое переходное регулирование, допускающее временное наличие в составе Конституционного суда РФ большего числа судей, чем предусмотрено Конституцией РФ, согласуется с принципами независимости и несменяемости судей [5, с.112]. Конституционный суд при первом его создании в 1991 году должен был состоять из 15 судей (реально их было 13). По Конституции РФ 1993 года в начальной редакции он состоял из 19 судей.

Согласно ст.4 Закона в редакции от 4 июня 2014 года Конституционный суд вправе осуществлять свою деятельность при наличии в его составе не менее двух третей (до этого – трех четвертей) от общего числа судей; в редакции 2020 года – при наличии в его составе не менее восьми судей. В ст. 30 определялось, что Суд правомочен принимать решения в заседаниях при наличии не менее двух третей от числа действующих судей, а в редакции 2020 года – при участии в заседании не менее шести судей. Полномочия Конституционного суда не ограничены определенным сроком.

Конституция РФ 1993 года не раскрывала конституционно-правовую природу Конституционного суда РФ, однако, всем остальным федеральным органам была дана лаконичная характеристика: Президенту, Федеральному Собранию, Правительству и Верховному суду (ст. 80, 94, 110, 126) [13, с.60-61]. Учитывая вышесказанное, отсутствие такого же определения в отношения Конституционного суда являлось пробелом. Согласно конституционным поправкам 2020 года Конституционный суд определяется как «высший судебный орган конституционного контроля в Российской Федерации, осуществляющий судебную власть посредством конституционного судопроизводства в целях защиты основ конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации на всей территории Российской Федерации» (ч.1 ст.125). Данная конституционная новелла – совокупность прошлых дефиниций Конституционного суда, получивших свое отражение редакции от 24 мая 1991 года Основного закона РСФСР, где Конституционный суд определяется как высший судебный орган конституционного контроля в РСФСР, осуществляющий судебную власть в форме конституционного судопроизводства (ч.1 ст.165) [6, с.656].

Итак, Конституционный суд решает исключительно вопросы права. Но в правила формирования и компетенцию суда конституционные новеллы 2020 года внесли свои определенные изменения. Во всех случаях, когда установление и мониторинг фактических обстоятельств является компетенцией других судов или органов, при осуществлении конституционного судопроизводства Конституционный суд Российской Федерации осуществляет функцию стороннего наблюдателя. Практика Конституционного суда наглядно демонстрирует, что в своей работе Суд опирается не только на Конституцию РФ, но и на текущее законодательство РФ, а также на международные договоры, конвенции в области прав человека, исходя при этом, однако, из норм самой Конституции РФ.

Несомненно, что решения Конституционного суда могут вызвать политический резонанс, иметь политические последствия. Однако это обусловлено переплетением политических и конституционно-правовых моментов в принятых кем-то решениях, ставших предметом внимания Суда. Правда, отметим: слова о том, что Конституционный суд решает исключительно вопросы права, почему-то не оставлены в новой редакции 2020 года Федерального конституционного закона о Конституционном суде РФ. Конституционный суд принимает решения на основе Конституци-

ции, а сама Конституция не может быть предметом его оценки. Конечно, Конституция может быть несовершенной, но с этим Конституционный суд ничего сделать не в состоянии. Путем толкования норм суд может сделать текст понятнее, избегая оценочных суждений в адрес Конституции и ее норм.

Наконец, Конституционный суд не является высшей инстанцией для других судов, включая Верховный суд РФ. В Конституционный суд нельзя жаловаться на конкретные судебные решения. И граждане, и суды вправе обращаться в Конституционный суд в случае, если закон, иной нормативный акт, примененный или подлежащий применению в конкретном деле, им кажется не соответствующим Конституции.

Следует заметить, что Конституционный суд РФ конечно является органом конституционного контроля, однако, он не вправе заниматься конституционным надзором, то есть возбуждать проверку конституционности соответствующих официальных актов по собственной инициативе. Конституционная юрисдикция начинает свое производство только по обращениям уполномоченных на то субъектов и должна быть связана при рассмотрении дела предметом обращения [3]. Поводом к рассмотрению дела является обращение в Конституционный суд РФ в форме запроса, ходатайства или жалобы. Основанием к рассмотрению дела является обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствует ли Конституции РФ тот или иной закон или иной нормативный акт, конституционность которого может быть проверена Конституционным судом РФ, или обнаружившееся противоречие в позициях сторон о принадлежности полномочия в спорах о компетенции, или обнаружившаяся неопределенность в понимании положений Конституции РФ, или выдвижение Государственной Думой обвинения против Президента в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления (статья 36 Федерального конституционного закона «О Конституционном суде Российской Федерации») [2]. Конституционный суд РФ принимает решения только по предмету, указанному в обращении, и лишь в отношении той части акта или компетенции органа, конституционность которых подвергается сомнению в обращении. Однако, в принятии решения Конституционный суд РФ не связан основаниями и доводами, изложенными в обращении.

Исчерпание всех средств внутригосударственной судебной защиты, как новое условие для подачи жалобы на нарушение конституционных прав является новой конституционной нормой, установленной новеллами 2020 года. Вследствие чрезвычайной загруженности Конституционного суда (а после ликвидации конституционных уставных судов, нагрузка Суда значительно увеличится), устанавливаются правила обжалования гражданином решения суда по крайней мере в апелляционном и кассационном порядке. Такой порядок обращения в Конституционный суд РФ в системе действующего правового регулирования судоустройства и процессуального законодательства должен обеспечить эффективность обжалования в рамках согласованного функционирования всех судов, составляющих единую судебную систему Российской Федерации. Поэтому требование об исчерпании иных предусмотренных законом способов судебной защиты в качестве условия допустимости жалобы в Конституционный суд РФ способствует реализации права граждан на судебную защиту.

В соответствии с Федеральным конституционным законом «О Конституционном суде Российской Федерации» Конституционный суд РФ принимает три вида решений: постановления, заключения и определения. Постановления принимаются по делам о соответствии Конституции РФ федеральных законов, нормативных актов Президента РФ, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства РФ и др. Решение Конституционного суда по запросу о соблюдении установленного порядка выдвижения обвинения Президента РФ в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления именуется заключением. Все иные решения Конституционного суда РФ, принимаемые в ходе осуществления конституционного судопроизводства, называются определениями. Постановления и заключения Конституционного суда РФ подлежат незамедлительному опубликованию в официальных изданиях органов государственной власти РФ, субъектов РФ, которых касается принятое решение. Решение Конституционного суда РФ действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами, а акты, признанные неконституционными, утрачивают силу; не соответствующие Конституции РФ международные договоры РФ не подлежат введению в действие и применению. Конституционная реформа 2020 внесла свои коррективы и в порядок рассмотрения дел в Конституционном суде. Так, теперь Секретариат Суда получает право уведомления гражданина о недопустимости его обращения в связи с явным неиспользованием всех других внутригосударственных судебных средств защиты. Это значительно снизит нагрузку Конституционного суда. Уменьшит нагрузку и то, что теперь решения Конституционного суда РФ не подлежат разъяснениям [12, с.49].

Выводы и заключение исследования. В результате конституционных новелл правовой статус Конституционного суда РФ изменился. Это можно объяснить и в целом с общей трансформацией внутриполитической ситуации в стране, и с эволюционным развитием Конституционного суда за последние 15 лет, и с модификацией и расширением конъюнктурных полномочий суда, и в обратную сторону, с

последовательным сокращением независимости и самостоятельности Суда в целом.

Каким именно станет Конституционный суд станет понятнее после правовой конкретизации, правоприменительной практики в ближайшие годы, однако некоторые выводы можно сделать уже сейчас: конституционные новеллы 2020 года снизили способность Конституционного суда РФ уравновешивать законодательную и исполнительную власть, эффективно защищать основные права и свободы граждан.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации 1993 года – М. 2021 г.
2. О Конституционном суде Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 21.07.1994: ред. от 09.11.2020: принят Государственной Думой РФ от 24 июня 1994 года: одобрен Советом Федерации РФ 12 июля 1994 года. – Текст: электронный // КонсультантПлюс – надежная правовая поддержка: официальный сайт компании «КонсультантПлюс». – URL: htpp://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/ (дата обращения: 25.10.2021).
3. Федеральный конституционный закон «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном суде Российской Федерации» № 5-ФКЗ от 09 ноября 2020 года (в последней редакции от 09.11.2020) // Российская газета 2020. № 253(8307).
4. Послание Президента Федеральному Собранию от 15 января 2020 года. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342959/ (дата обращения 12.10.2021).
5. *Бархатова Е.Ю.* Комментарий к Конституции Российской Федерации: новая редакция с поправками. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2021. – 256 с. – ISBN978-5-392-33853-5. – Текст: непосредственный. – С.112-113.
6. *Авакьян С.А.* Конституционное право России. Учебный курс : учебное пособие : в 2 томах. Том 2. 7-е изд., перераб. и доп. Москва : Норма : ИНФРА-М, 2022. URL:https://znanium.com/catalog/product/1818211 (дата обращения: 26.10.2021). – Режим доступа: по подписке.
7. *Виноградова Е.В.* Формирование правового статуса органа судебного конституционного контроля Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2020. № 1 (181). С.43.
8. *Мазаев В.Д.* Поиск новых смыслов продолжается (по внесенным поправкам к Конституции РФ) // Lex russica. – 2021. – Т. 74. – № 7. – С. 18. – DOI: 10.17803/1729-5920.2021.176.7.015- 031.
9. *Кряжков В.А.* Как конституционная реформа 2020 года изменила Конституционный суд Российской Федерации // Государство и право. 2020. № 9. С.18-32.
10. *Мазаев В.Д.* Поиск новых смыслов продолжается (по внесенным поправкам к Конституции РФ) // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 7. — С. 18. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.176.7.015- 031.
11. *Малютин Н.С.* Тенденции модернизации конституционного контроля в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 3. С. 63.
12. *Стеничкин Н.Г.* Обеспечение независимости и самостоятельности судебной власти в контексте конституционной реформы 2020 года // Lex Russica. Т. 73. 2020. № 5. С. 49.
13. *Шелегов Ю.В.* Конституционный суд Российской Федерации в механизме конституционно-правового регулирования // Вестник Восточно-Сибирского Института МВД России. 2021. № 1 (96). С.60-61.
14. *Эбзеев Б.С.* Актуализация конституции России: собирательный образ поправок Президента РФ В.В. Путина и новые смыслы основного закона // Государство и право. 2020. № 4. С.18-23.

References

1. The Constitution of the Russian Federation of 1993 – M. 2021.
2. On the Constitutional Court of the Russian Federation: Federal Constitutional Law of 21.07.1994: ed. dated 09.11.2020: adopted by the State Duma of the Russian Federation on June 24, 1994: approved by the Federation Council of the Russian Federation on July 12, 1994. – Text: electronic // ConsultantPlus – reliable legal support: the official website of the company "ConsultantPlus". – URL: htpp://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_4172/ (accessed: 25.10.2021).
3. Federal constitutional law "On amendments to the Federal constitutional law "On the constitutional Court of the Russian Federation" № 5-FKZ of 09 Nov 2020 (latest version from 09.11.2020) // Rossiyskaya Gazeta 2020. № 253(8307).
4. The message of the President to the Federal Assembly on 15 January 2020. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342959/ (accessed 12.10.2021).
5. *Barkhatova E.Yu.* Commentary to the Constitution of the Russian Federation: new edition with amendments – – 3rd ed., reprint. and additional – Moscow : Prospekt, 2021– – 256 p– – ISBN978-5-392-33853-5. – Text: direct. – pp.112-113.
6. *Avakian S.A.* Constitutional law of Russia. Training course : textbook : in 2 volumes. Volume 2. 7th ed., reprint. and add. Moscow : Norma : INFRA-M, 2022. URL:https://znanium.com/catalog/product/1818211 (accessed: 10.26.2021). – Access mode: by subscription.

7. *Vinogradova E.V.* Formation of the legal status of the judicial constitutional control body of the Russian Federation // Law and the State: theory and practice. 2020. № 1 (181). p.43.
8. *Mazaev V.D.* The search for new meanings continues (according to the amendments to the Constitution of the Russian Federation) // Lex russica. – 2021. – Vol. 74. – № 7. – P. 18. – DOI: 10.17803/1729-5920.2021.176.7.015- 031.
9. *Kryazhkov V.A.* How the constitutional reform of 2020 changed the Constitutional Court of the Russian Federation // State and Law. 2020. № 9. pp.18-32.
10. *Mazaev V.D.* The search for new meanings continues (according to the amendments to the Constitution of the Russian Federation) // Lex russica. – 2021. – Vol. 74. – № 7. – S. 18. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.176.7.015- 031.
11. *Malyutin N.S.* Trends of modernization of constitutional control in the Russian Federation // Constitutional and municipal law. 2020. № 3. p. 63.
12. *Stenichkin N.G.* Ensuring the independence and independence of the judiciary in the context of the constitutional reform of 2020 // Lex Russica. Vol. 73. 2020. № 5. p. 49.
13. *Shelegov Yu.V.* The Constitutional Court of the Russian Federation in the mechanism of constitutional and legal regulation // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 1 (96). pp.60-61.
14. *Ebzeev B.S.* Actualization of the Constitution of Russia: the collective image of the amendments of the President of the Russian Federation V.V. Putin and the new meanings of the basic law // State and Law. 2020. № 4. pp.18-23.

УДК 340.142

DOI 10.47629/2074-9201_2021_4_13_18

Владимирова Дарина Сергеевна,
преподаватель кафедры Теории государства и права, Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург,
dari.vladimirova@mail.ru

ПРАВОПОЛОЖЕНИЯ В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. *Рассматривается место правоположений в механизме правового регулирования, для чего выявлены общие и отличительные черты правоположений и основных элементов механизма правового регулирования. В качестве предмета исследования рассматривается их функциональная связь и взаимодействие между собой. Сделан вывод, что правоположение, не являясь обязательным элементом механизма правового регулирования, выполняет вспомогательную функцию, существуя фактически на всех стадиях механизма правового регулирования. Особое значение правоположения приобретают на стадии нормативного регламентирования общественных отношений, где они выполняют субсидиарное по отношению к норме права значение, и в рамках правоприменения, где закрепляются в актах применения права. Отмечается особая связь правоположений и правосознания, их взаимное влияние друг на друга, в результате чего правоположения можно рассматривать как формализованный результат профессионального правосознания.*

Ключевые слова: правоположение, интерпретационная норма, норма права, интерпретационный акт, механизм правового регулирования, правовое регулирование, правовое воздействие, толкование права, правосознание.

Darina S. Vladimirova,
Lecturer at the Department of Theory of State and Law, Ural State Law University, Ekaterinburg,
dari.vladimirova@mail.ru

LEGAL PROVISIONS IN THE MECHANISM OF LEGAL REGULATION

Abstract. *This article examines the place of legal provisions in the mechanism of legal regulation, for which common and distinctive features of legal provisions and main elements of the mechanism of legal regulation are identified. The subject of the study is their functional relationship and interaction with each other. It is concluded that the legal provision, not being an obligatory element of the mechanism of legal regulation, performs an auxiliary function and exists in fact at all stages of the mechanism of legal regulation. Legal provisions acquire special importance at the stage of normative regulation of social relations, where they perform a subsidiary role in relation to a rule of law, and within the framework of law enforcement they are fixed in acts of law application. There is a special connection between legal provisions and legal awareness, their mutual influence on each other, as a result of which legal provisions can be considered as a formalized result of professional legal awareness.*

Keywords: legal provision, interpretative norm, rule of law, interpretative act, mechanism of legal regulation, legal regulation, legal impact, interpretation of law, legal awareness.

Позитивистские взгляды на сегодняшний день не позволяют найти обоснование, если не причин существования правоположений, то увеличивающегося влияния правоположений на правовое регулирование в частности и правовое воздействие в целом. Не отвечающая потребностям современных реалий концепция беспробельности права не выдержала критики, в связи с чем возникла необходимость разработки таких положений, которые могли бы оперативно решить возникающие проблемы в применении права, когда быстрое принятие необходимой нормы права невозможно. Венец правотворческой мысли в виде «нормативных обобщений вызывает в качестве неизбежного следствия усиление роли юридической (судебной) практики в процессе правового регулирования» [4]. Актуальность настоящего исследования видится в необходимости нового взгляда на правоположения и их роль в механизме правового регулирования.

Механизм правового регулирования с момента его глубокого осмысления С.С. Алексеевым остается важной методологической конструкцией теории права, существенно повлиявшей на дальнейшие теоретические разработки в сфере правового регулирования. В свою очередь, категория правоположений также давно является предметом научных исследова-

ний, однако, не нашедшая столь комплексного и полного отражения в правовой литературе. Влияние правоположений, формулируемых судебными органами, на сегодняшний день столь значительно, что отрицать его бессмысленно, вне зависимости от рассмотрения вопроса о судебных актах как источниках права. Тем не менее, вопрос, насколько сильно правоположения оказывают свое влияние на механизм правового регулирования в целом, заслуживает подробного рассмотрения, в том числе по причине их теоретической и практической значимости и понимания глубокого встраивания правоположений в механизм правового регулирования.

Традиционно под правоположениями в литературе понимаются «суждения, конкретизирующие нормы права применительно к определенным фактическим обстоятельствам» [1], либо «общие веления правоприменяющих органов, которые с наибольшей определенностью отражают волю законодателя и служат относительно самостоятельным средством поднормативного юридического воздействия на субъектов общественных отношений» [7], а также рассматриваются как часть комплексного понятия судебной практики – положения своеобразного нормативного характера [5].

Из данных определений следует, что правоположения имеют субсидиарное по отношению к норме права значение, это некоторый сгусток правовой энергии [3], имеющий свои собственные функции и назначение, не оформившийся до правовой нормы. Однако, если роль и значение норм права в механизме правового регулирования четко определены – они составляют первооснову правового регулирования, то значение правоположений в механизме правового регулирования остается до конца не изученным. Что касается самого понятия механизма правового регулирования, то оно считается достаточно устоявшимся, под ним понимают взятую в единстве всю совокупность юридических средств, при помощи которых обеспечивается правовое воздействие на общественные отношения [2].

Категория механизма правового регулирования, являясь комплексным явлением и имея существенное методологическое значение [11], позволяет в системе проанализировать все его элементы. В связи с чем представляется необходимым предпринять попытку определения места правоположений в механизме правового регулирования.

Основными элементами механизма правового регулирования являются: норма права, правоотношение, акт реализации права, акт правоприменения, правосознание [2], которые соответствуют стадиям правового регулирования. При этом подчеркивается, правосознание занимает специфическое место в этой схеме, оно пронизывает все стадии правового регулирования, оказывая на них свое влияние. Помимо указанных элементов некоторыми учеными выделяются и другие составляющие механизма правового регулирования, однако в рамках данной статьи будут рассмотрены лишь перечисленные.

Определением места и роли правоположений в механизме правового регулирования занимались немногие исследователи, прежде всего, рассматривая роль правоположений в механизме юридического воздействия [7], которое является более широким понятием по отношению к правовому регулированию. В остальной части исследования посвящены выяснению роли толкования или интерпретационных актов в механизме правового регулирования [6; 10], которые, в свою очередь, являются формой закрепления правоположений и в литературе характеризуются в качестве нетрадиционных источников права [9].

Общими чертами всех элементов механизма правового регулирования является то, что, находясь в последовательной, закономерной связи, они оказывают прямое правовое воздействие на общественные отношения, выступая в качестве согласованной системы. Перечисленные элементы являются основными и необходимыми, а отсутствие хотя бы одного элемента будет свидетельствовать об отсутствии всего механизма правового регулирования.

Наличие у правоположений возможности оказывать правовое воздействие на общественные отношения говорит о наличии у них воздействующей силы, способной организовывать происходящие общественные и правовые процессы. Само содержание правоположений способствует уточнению субъективных прав и юридических обязанностей участников правовых отношений, что свидетельствует о наличии у них регулятивного свойства.

В свою очередь, правоположение не является необходимым элементом механизма правового регулирования, зачастую весь процесс происходит в его отсутствие, и цели правового регулирования достигаются без использования конкретизирующих и уточняющих положений. В то же время правоположение может только зарождаться в процессе правового регулирования.

Формой закрепления правоположений являются интерпретационные акты, которые в некоторой литературе характеризуются в качестве нетрадиционных источников права [9].

Таким образом, правоположения вряд ли могут претендовать на статус основного самостоятельного элемента механизма правового регулирования, однако правоположения являются таким правовым явлением, которое присутствует на всех стадиях правового регулирования и взаимодействует с каждым элементом механизма правового регулирования, тесно вплетено в его канву, что дает возможность рас-

сматривать их в качестве вспомогательного элемента наряду с интерпретационными актами, которые являются их источниками.

Сформулированные правоположения существуют на первой стадии правового регулирования и тесно связаны с основным элементом механизма правового регулирования – нормой права, совокупно воздействуя на общественные отношения. Безусловно, правоположения следуют за нормами права, которые в механизме правового регулирования стоят на первой позиции. Благодаря правоположениям происходит нормирование понимания права путем установления смыслов правовой нормы, то есть происходит формирование полноценного и ясного нормативно-правового фундамента, состоящего из разнопорядковых явлений: из норм права и правоположений.

Таким образом, правоположения имеют поднормативный характер, о чем указывал В.В. Лазарев. Такие правоположения раскрывают содержание применяемой нормы права, выступают необходимым звеном, опосредующим применение закона к спорному случаю [5]. Такое поднормативное влияние неоднородно по причине разнообразия самих правоположений, их характера, в связи с чем можно выделить правоположения регулятивного свойства, когда правоположение раскрывает отдельные права и обязанности; правоположения материального, процессуального свойства в зависимости от характера регулируемых отношений; правоположения дефинитивного свойства, когда раскрывается определение термина, отсутствующего в законодательстве. Существуют правоположения, которые закрепляют правила толкования нормативного текста, своего рода технические нормы либо интерпретационные нормы в их узком понимании, которые не содержат в себе конкретизацию прав и обязанностей участников правоотношений, являясь вспомогательными правилами толкования, которые закрепляют инструкции понимания норм права.

Помимо своего поднормативного значения правоположения могут оказывать прямое воздействие на законодательство. Совокупность правоположений, содержащихся в актах официального толкования, служит своеобразной эмпирической базой для законодателя, механизмом обратной связи о реальном действии законодательства, поскольку сами правоположения являются фактически готовыми для восприятия правилами. И в случае реальной необходимости такие правоположения в порядке законодательного процесса устанавливаются в качестве нормы права.

В отечественной правовой системе такое происходит довольно часто, особенно в отношении смелых толкований, продиктованных потребностями общественной жизни и меняющих существенным образом практику применения норм права. Вероятно, такая закономерность обусловлена чисто позитивистскими воззрениями, боязнью усиления роли интерпретаторов и попыткой нивелировать некоторую новизну правоположений принятием новой нормы, пусть такая тактика и представляется несколько спорной с точки зрения качества законодательного массива и авторитета интерпретатора, поскольку в данном случае формулировка основной нормы права не меняется, а значит не меняется и ее объем, но происходит демонстрация богатого содержания, появляется соответствующее уточнение, более конкретная норма права, которая по своей сути представляет лишь один из аспектов проявления основной нормы права.

Таким образом, правоположения влияют на нормотворческую деятельность: в одном случае на основании интерпретационного правоположения может возникнуть новая норма права, которая носит конкретизирующий и дополняющий характер по отношению к основной, в другом случае правоположение влияет на нормотворчество не в связи с формированием нового правила, а с точки зрения соблюдения всех правил юридической техники, более грамотного и логически правильного изложения существующей нормы права, устраняется имевший место в законодательстве дефект.

Ярким примером создания нормы права на основе ранее существовавшего правоположения является введенный в статью 393 ГК РФ пункт 5 о доказывании размеров подлежащих возмещению убытков. До 2013 года судебная практика шла по пути отказа в возмещении убытков, если таковые не были подтверждены документально. После Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 62 от 30.07.2013 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» практика существенно изменилась. А Федеральным законом от 08.03.2015 № 42-ФЗ были внесены изменения в текст кодекса. По сути, данная интерпретация была выведена из ранее существующих положений закона и общих принципов гражданского права, то есть объем нормы о возмещении убытков не изменялся, но правоприменительные органы (суды) использовали норму в усеченном варианте. Столь существенное изменение практики, вероятно, не могло существовать только в интерпретационном поле, и законодатель внес соответствующие изменения в текст нормативного-правового акта.

Взаимодействие правоположений с такими элементами механизма правового регулирования, как юридический факт, правоотношение и акты реализации права является косвенным, поскольку оно осуществляется через влияние на норму права. Так, например, правоположение напрямую никак не мо-

жет влиять на юридический факт, однако может детализировать гипотезу нормы права, которая как раз и закрепляет данные юридические факты и таким образом включить в правовое поле некоторые фактические обстоятельства, которые ранее не признавались в качестве юридических.

Правоположение в данном случае не способно каким-либо образом исключить или наоборот добавить новый юридический факт, такое возможно только путем внесения изменений в норму права, однако правоположение способно конкретизировать круг фактических обстоятельств, сделать их более понятными, если формулировка нормы права не давала ясности в отношении фактов реальной жизни, влекущих юридические последствия, или сложившаяся юридическая практика не признавала их в качестве таковых. Поскольку развитие общественных отношений, динамика жизни приводит к возникновению явлений, ранее неизвестных обществу, которые фактически подпадают под действие норм права, то правоположения способны устранить отсутствие четкости и ясности в формулировке гипотезы. То есть в данном случае правоположением дополняется понимание гипотезы нормы права.

В качестве примера влияния правоположений на понимание юридического факта можно привести пример, связанный с государственной регистрацией договоров аренды, который в том числе демонстрирует влияние правоположений на правоприменительную деятельность.

Позиция, связанная с регистрацией договоров аренды, изменялась последовательно. Изначально отсутствие государственной регистрации влекло отсутствие договора аренды, который сам по себе выступает в качестве юридического факта. Даже в случае, если договор исполнялся на протяжении нескольких лет, при отсутствии регистрации стороны могли в любой момент отказаться от исполнения договора, решив дальнейшие вопросы по правилам неосновательного обогащения. Впоследствии от такой позиции отказались правоприменительные органы, установив ее противоречие общим началам и смыслу гражданского законодательства и указав, что отсутствие регистрации договора аренды не влечет последствия только для третьих лиц, для сторон же договор является действительным и исполнение происходит в соответствии с согласованными условиями. Данная позиция была отражена в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 17.11.11 №73 «Об отдельных вопросах практики применения Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды», впоследствии п. 3 ст. 433 ГК РФ был дополнен соответствующим правилом.

Таким образом, до определенного момента заключение договора, его исполнение без государственной регистрации не рассматривалось в качестве соответствующего юридического факта – договора как индивидуального юридического акта, влекущего конкретные субъективные права и юридические обязанности. Конечно, нельзя говорить о влиянии правоположений на сам юридический факт, поскольку это факты реальной жизни, они существуют независимо от них, однако в данном случае явно прослеживается момент, когда такие факты стали видны и небезразличны праву, то есть изменился подход к восприятию такого факта как юридического.

Воздействие правоположений на правоотношения также является косвенным, однако такое влияние оказывается двумя путями: когда правоположение влияет на диспозицию нормы права, где закрепляются основные права и обязанности участников правоотношений, или санкцию нормы права, в которой закреплены меры юридической ответственности, и влияние правоположений на фактическое содержание правоотношений через правосознание. В любом случае такое влияние происходит совокупно.

Возникающие правоотношения являются средством перевода не только общих предписаний норм права, но и более конкретных требований, содержащихся в правоположениях, детализирующих диспозицию или санкцию нормы права. В таком случае возникает вопрос знания субъектов права, вступающих в правоотношения, о наличии и содержании правоположений по соответствующему вопросу. И поскольку здесь уже идет речь о совокупных представлениях и чувствах субъекта права, то такое воздействие правоположений уже происходит через правосознание, о котором речь будет идти ниже.

Что касается реализации права, то поскольку это фактическое воплощение норм права в жизнь, то в случае наличия правоположения – воплощения и его содержания тоже. То есть достижение цели правового регулирования будет происходить в соответствии с нормативной основой, куда в том числе и входят интерпретационные акты, содержащие правоположения.

Хотя точка зрения о применении права как одной из форм реализации права не является господствующей, представляется необходимым в рамках данного исследования охарактеризовать взаимосвязь правоположений с применением права. Правоположения в таком союзе оказывают существенное влияние на применение права: как на сам процесс, так и на его результат – акт применения права, на содержание его мотивировочной части и на принимаемое решение в целом. Кроме того, правоположения, зачастую, являются определяющими конкретное решение при вынесении правоприменительного акта, когда ситуация в юридической практике меняется в связи с изданием интерпретационного акта, содер-

жащего разъясняющие правоположения, что ярко демонстрируется вышеназванными примерами, поскольку все они приводили к существенному изменению судебной практики.

Рассмотрение взаимодействия правоположений и актов правоприменения не может не обойтись без раскрытия вопроса формирования правоположений, ведь именно на стадии правоприменения зарождаются такие правоположения. Первоначально правоположение появляется в правоприменительном акте как результат интеллектуальной деятельности по толкованию, и впоследствии становится содержанием, находит свое отражение в интерпретационных актах – актах официального толкования, либо такое сформулированное правоположение и продолжает существовать в конкретном правоприменительном акте, такие случаи распространены в решениях по конкретным делам высших судов. Как отмечал В.И. Леушин, правоположения как результат правоприменительной практики, опыт ее объективированного обобщения – мощный источник воздействия на различные элементы правового регулирования [8].

В данном случае суды через правоприменение прощупывают бреши в законодательстве, они являются главными «производителями» правоположений, которые в своем результате побуждают законодателей пересматривать нормативные правовые акты и принимать соответствующие нормы права.

Правоположения очень тесно связаны с правосознанием. Само по себе правосознание и правовая культура занимают специфическое место в механизме правового регулирования, они как бы пронизывают все его части. Как указывал С.С. Алексеев: «обеспечительным средством, придающим юридический характер этим путям воздействия права на общественные отношения, является сила юридической культуры» [2]. Наибольшее влияние правоположения как суждения, входящие в состав профессионального и научного правосознания, влияют на все правовое регулирование, распространяясь по всем уровням механизма. Причем такое влияние происходит обоюдно: правосознание влияет на правоположение, сказываясь на процессе его зарождения и формулировке, так и правоположение влияет на правосознание, обогащая представления о праве у соответствующих субъектов, правосознание определяет содержательный результат толкования через свое идеологическое воздействие, правоположения же в свою очередь насыщают правосознание установками правового характера. И именно через правосознание правоположения оказывают косвенное влияние на реализацию права, поскольку высокий уровень правосознания индивидов способен оказывать на них регулирующее воздействие и служит некоторым обеспечением действия правовых норм. С.С. Алексеев говорил о существовании внешне объективированной, подвижной и гибкой сферы правовой реальности, участвующей в правом регулировании помимо юридических норм и правосознания [4].

Таким образом, эффект влияния правоположений на стадиях правового регулирования, отчасти схож с эффектом правосознания в механизме правового регулирования, поскольку первое является частью второго как одно из составляющих правовой идеологии.

Подводя итог вышеизложенному, опираясь на анализ взаимодействия правоположений с элементами механизма правового регулирования можно сделать вывод о том, что правоположение является особым вспомогательным элементом механизма правового регулирования, который с одной стороны, находясь на первой стадии правового регулирования, помогает детализировать норму права путем ее наиболее полного понимания, а с другой стороны, являясь частью правосознания, влияет на весь механизм правового регулирования. Взаимодействие с другими элементами механизма правового регулирования может быть охарактеризовано как косвенное.

Список литературы

1. *Алексеев С.С.* Общая теория права: Курс в двух томах. М.: Юридическая литература, 1982. 359 с.
2. *Алексеев С.С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юридическая литература, 1966. 187 с.
3. *Алексеев С.С.* Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА, 1998. 810 с.
4. *Алексеев С.С.* Собрание сочинений. В 10 т. [+ Справоч. том]. Том 3: Проблемы теории права: Курс лекций. М.: Статут, 2010. 781 с.
5. *Братусь С.Н., Венгеров А.Б., Кузнецов И.Н.* Судебная практика в советской правовой системе / Под ред. С.Н. Братуся. М.: Юридическая литература, 1975. 328 с.
6. *Гурак С.З.* Роль толкования правовых норм в механизме правового регулирования и обеспечения законности // Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 1. С. 207-218.
7. *Лазарев В.В.* Правоположения: Понятие, происхождение и роль в механизме юридического воздействия // Правоведение. 1976. № 6. С. 3-15.
8. *Леушин В.И.* Юридическая практика в системе социалистических общественных отношений. Красноярск.: Издательство Красноярского университета, 1987. 152 с.

9. *Смирнова М.Г.* Правоположения судебной практики как нетипичный источник права // Ленинградский юридический журнал. 2006. № 1. С. 54-70.
10. *Степанов С.А.* Судебное нормотворчество, его формы и место в механизме правового регулирования // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 6. С. 50-57.
11. *Тарасов Н.Н.* Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001. 264 с.

References

1. *Alekseev S.S.* Obshchaya teoriya prava: Kurs v dvukh tomakh. M.: Yuridicheskaya literatura, 1982. 359 s.
2. *Alekseev S.S.* Mekhanizm pravovogo regulirovaniya v sotsialisticheskom gosudarstve. M.: Yuridicheskaya literatura, 1966. 187 s.
3. *Alekseev S.S.* Pravo. Azbuka. Teoriya. Filosofiya. Opyt kompleksnogo issledovaniya. M.: Izdatel'skaya gruppa NORMA-INFRA, 1998. 810 s.
4. *Alekseev S.S.* Sobranie sochinenii. V 10 t. [+ Spravoch. tom]. Tom 3: Problemy teorii prava: Kurs lektsii. M.: Statut, 2010. 781 s.
5. *Bratus' S.N., Vengerov A.B., Kuznetsov I.N.* Sudebnaya praktika v sovetskoi pravovoi sisteme / Pod red. S.N. Bratusya. M.: Yuridicheskaya literatura, 1975. 328 s.
6. *Gurak S.Z.* Rol' tolkovaniya pravovykh norm v mekhanizme pravovogo regulirovaniya i obespecheniya zakonnosti // Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2013. № 1. S. 207-218.
7. *Lazarev V.V.* Pravopolozheniya: Ponyatie, proiskhozhdenie i rol' v mekhanizme yuridicheskogo vozdeistviya // Pravovedenie. 1976. № 6. S. 3-15.
8. *Leushin V.I.* Yuridicheskaya praktika v sisteme sotsialisticheskikh obshchestvennykh otnoshenii. Krasnoyarsk.: Izdatel'stvo Krasnoyarskogo universiteta, 1987. 152 s.
9. *Smirnova M.G.* Pravopolozheniya sudebnoi praktiki kak netipichnyi istochnik prava // Leningradskii yuridicheskii zhurnal. 2006. № 1. S. 54-70.
10. *Stepanov S.A.* Sudebnoe normotvorchestvo, ego formy i mesto v mekhanizme pravovogo regulirovaniya // Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka. 2018. № 6. S. 50-57.
11. *Tarasov N.N.* Metodologicheskie problemy yuridicheskoi nauki. Ekaterinburg, 2001.

УДК 342

DOI 10.47629/2074-9201_2021_4_19_23

Воробьева Светлана Евгеньевна,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры Философии, Российский новый университет, Москва,
SvetlanaV2212@gmail.com

ПРАВОВОЙ СТАТУС СТОЛИЦЫ – ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. *Статус столицы в России закреплен Конституцией Российской Федерации и федеральным законом «О статусе столицы Российской Федерации» 1993 года. Главной характеристикой столицы в законодательстве является то, что в столице находятся органы государственной власти. Однако, в случае с наделением столичным статусом Москвы данная характеристика не является определяющей, ведь с 2007 года Конституционный суд находится в другом городе федерального значения – Санкт-Петербурге. Восприятие Москвы как столицы в настоящее время определяется, прежде всего, историей нашего государства. Краткий обзор истории столичных городов нашей страны показывает, что Москва долгое время играла роль исторического центра, объединяющего города, центра традиций. Москва, как центр страны, воспринимается в общественном сознании и в настоящее время. Поэтому в нормативно-правовых актах о статусе столицы следует прописать идею исторической преемственности, подобно тому, как эта идея была зафиксирована в поправках в Конституцию России в 2020 году.*
Ключевые слова: статус столицы, конституционность, органы государственной власти, субъект федерации, история государства и права.

Svetlana E. Vorobyeva,
Ph.D. of Historical Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Philosophy, Russian New University, Moscow,
SvetlanaV2212@gmail.com

THE LEGAL STATUS OF THE CAPITAL – THE HISTORICAL ASPECT

Abstract. *The status of the capital in Russia is enshrined in the Constitution of the Russian Federation and the 1993 federal law "On the status of the capital of the Russian Federation". The main characteristic of the capital is the legislation that government bodies are located in the capital. However, in the case of granting the capital status of Moscow, this characteristic is not decisive, because since 2007 the Constitutional Court has been located in another city of federal significance – St. Petersburg. The perception of Moscow as a capital is currently determined, first of all, by the history of our state. A brief review of the history of the capital cities of our country shows that for a long time Moscow played the role of a historical center, uniting cities, a center of traditions. Moscow as the center of the country is perceived in the public consciousness at the present time. Therefore, in the normative legal acts on the status of the capital, the idea of historical continuity should be spelled out, just as this idea was fixed in the amendments to the Constitution of Russia in 2020.*
Keywords: status of the capital, constitutionality, government bodies, subject of the federation, history of state and law.

Абсолютное большинство современных государств имеют столицы, статус которых закреплен официально. Редким исключением служит, например, Берн – город, который де-факто выполняет роль столицы Швейцарии, хотя в юридическом смысле столицей не является.

Столицей нашего государства является город федерального значения Москва – один из древнейших городов нашей страны, культурный и исторический центр государства.

Правовое положение столицы определяется Конституцией России: Часть 2 статьи 70 Основного закона указывает, что столицей России является город Москва, а статус столицы устанавливается специальным федеральным законом. Это закон «О статусе столицы Российской Федерации», который был принят в 1993 году, в дальнейшем в него был внесен ряд поправок.

Согласно 1 статье закона «О статусе столицы» столица – это «место нахождения федеральных органов государственной власти Российской Федерации, если иное не предусмотрено федеральными законами». Поправки 2020 года в Конституцию России специально указывают, что местом постоянного пребы-

вания федеральных органов государственной власти может быть не только Москва, а другой город, «определенный федеральным конституционным законом». Также в законе 1993 года столица определяется как место нахождения «представительств республик в составе Российской Федерации, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов». Таким образом, столица обозначается как центр федеративного государства. И в заключении статьи 1 Федерального закона «О статусе столицы» Москва указывается как место нахождения «дипломатических представительств иностранных государств в Российской Федерации».

Статья 2 закона «О статусе столицы» определяет понятие статуса – правовое положение города Москвы. Другие статьи указанного закона устанавливают правовое регулирование статуса столицы, полномочия органов государственной власти города, содействие органов государственной власти Московской области в осуществлении городом Москвой функций столицы. Закон также регулирует особенности территориального планирования города, вопросы касающиеся программ реновации, градостроительные и земельные отношения, гарантии жилищных прав собственников. Кроме того, в законе говорится о правовом положении строений, сооружений, земельных участков, находящихся в федеральной собственности. Также указанный федеральный закон регулирует отношения проведения митингов, шествий, демонстраций, иных публичных мероприятий в городе. Отдельная статья закона регламентирует порядок принятия и изменения Устава города Москвы. Также в законе рассматриваются вопросы территориального деления города и особенности осуществления отдельных видов регионального государственного контроля (надзора) в городе Москве.

Таким образом, с правовой точки зрения самая важная характеристика столицы – это место нахождения и пребывания здесь органов государственной власти, а также представительств иностранных государств. Такое определение представляется вполне точным и с исторической точки зрения.

Даже во времена зарождения Русского государства, когда юридически само понятие «столицы» еще не было регламентировано, «стольным градом» считался город, в котором пребывал глава государства – князь, великий князь, княжеская администрация. В самом кратком экскурсе в историю первых веков существования нашего государства можно проследить процесс перемещения властных структур. Летописец Нестор в «Повести временных лет», задав вопрос «Откуда есть пошла Русская земля», рассказывает, как князь Рюрик приехал в Новгород, а после его смерти его преемник на княжеском престоле Олег в 882 году переместился в Киев, объединив тем самым два политических центра под своей властью. В тот давний период нашей истории понятие «столицы» еще не сформировалось юридически, границы государства были не устойчивы, а место пребывания князя было не всегда постоянным. Можно хотя бы вспомнить постоянные военные походы князя Святослава, которого летописец упрекал: «чужую землю ищешь, а родную – бросил». Пребывая в военных походах, Святослав даже задумывался о переносе столицы или места княжеской резиденции на территорию вновь завоеванных земель.

Еще более сложным вопрос о столице оказывается в период раздробленности. Отсутствие национального самосознания делало попросту невозможным стремление объединиться под властью одного города, единого столичного центра. В каждой социально-политической и экономической части раздробленного государства был собственный центр со своими властными структурами, традициями и обычаями. Именно отсутствие единого центра и позволяет называть этот период временем раздробленности.

Объединяющим фактором в это время были не только культурные традиции и общее прошлое, но и позиция такого социального института, как церковь. Перемещения митрополита существенно влияли на народное восприятие понятия «центра». Неслучайно московский князь Иван Калита так стремился, чтобы митрополит Петр выбрал местом своей резиденции именно Москву. Интересно, что именно в период раздробленности стали заметны расхождения в титуловании и реальном географическом пребывании церковных и светских властей. Так, среди русских князей главными номинально считались великие князья владимирские. Однако, если князья XII – первой половины XIII веков, получив титул великого князя владимирского, как правило, выбирали данный город местом своей резиденции, то уже со второй половины XIII века, после Александра Невского, князья, получив данный титул, жили в других городах, центрах своих уделов и не переезжали во Владимир. Например, борьба московских и тверских князей XIV века за титул «великого князя владимирского» наглядно это иллюстрирует: важно было обладание титулом, а не возможность находиться в городе Владимире и править именно оттуда.

Подобная ситуация складывалась и с титулом митрополита: долгий период пребывания Русской церкви в составе Константинопольского патриархата предстоятель Русской церкви носил титул «митрополит Киевский и всея Руси». В конце XIII века, в 1299 году митрополит переехал из Киева во Владимир, потом в Москву, которая с 1326 года стала его официальной резиденцией. Однако титул предстоятеля церкви звучал по-прежнему – «митрополит Киевский и всея Руси». И только после объявления автокефалии Рус-

ской православной церкви титул был изменен на «митрополита Московского и всея Руси», что было связано как с международными отношениями – Феррaро-Флорентийским собором, подписанием Флорентийской унии, борьбой Византии за существование, так и с возвышением Москвы как центра Русских земель.

Только к XV веку в нашей истории решился вопрос о том, какой город будет центром объединения Русских земель. Тогда и в названии государства появилось указание на столицу – Московское государство. На долгий период вопрос о переносе столицы из Москвы в какой-либо другой город не поднимался. Конечно, можно вспомнить о периоде опричнины Ивана Грозного, когда государь решал политические вопросы из Александровой слободы. Можно упомянуть события Смуты, когда центром пребывания Лжедмитрия II было Тушино, а позже в Ярославле было сформировано правительство – «Совет всея земли». Но все же краткие периоды «ухода» правительственных органов из Москвы не изменили общей ситуации – Москва продолжала быть столицей государства. Также Москва продолжала считаться центром страны в народном сознании, что еще более важно, чем принятие политических решений. Такой же осталась ситуация в XVII столетии – при первых поколениях Романовых.

Глобально вопрос о новой столице был поднят в годы правления первого императора России – Петра Великого. Петру с его амбициями, планами и масштабными задумками нужна была принципиально новая жизнь в государстве и, как следствие, новая столица. Прежняя столица – Москва – была для государя воплощением старины, традиций всего, от чего он столь активно пытался отмежеваться. В Москве на Петра давили представители знати, древние обычаи, старые порядки. Кроме того, Москва напоминала ему о стрелецких бунтах, о кровавых событиях конца XVII века, борьбе с Софьей и ее сторонниками.

Новой столицей государства в XVIII веке стал город на Неве, основанный в 1703 году и названный в честь покровителя государя – Святого Петра. Столичные функции Санкт-Петербург стал выполнять с 1712 года. Причем, формального официального акта о переносе столицы в Санкт-Петербург не было. С 1710 года в Петербург стали переезжать чиновники, с 1711 года – члены Правительствующего Сената. В 1711 – 1712 годах в новую столицу переехали посольства и представительства государств Персии, Великобритании, Франции, Голландии, Пруссии. Другие учреждения государственной власти перебрались в Санкт-Петербург в 1713 – 1715 годах. Таким образом, еще до окончания Северной войны, до подписания Ништадтского мира и международного признания побережья Балтийского моря за Россией, Санкт-Петербург стал новой столицей России.

Петербург разительно отличался от Москвы, и хотя со времени основания города прошло более трехсот лет, споры между двумя столицами продолжаются до сегодняшнего дня. В XIX веке сравнение двух столиц ушло в область литературы. Так, Н.В. Гоголь в «Петербургских записках 1836 года», сравнивая две столицы, отмечал: «Москва нужна для России; для Петербурга нужна Россия». В середине XIX века была выпущена целая череда очерков на тему сравнения Санкт-Петербурга – столицы Российской империи – и Москвы. Сравнения двух городов перешли из области литературной в другие сферы культуры, в общественную мысль, в политику. Споры западников и славянофилов также строились вокруг понимания роли и значения двух столиц – Москвы и Петербурга. Исследования о ментальности, особенностях, уникальности двух столиц продолжаются до наших дней – как на уровне обывателей, так и в сугубо интеллектуальной среде. К примеру, литературовед, журналист С. Волков в книге «История культуры Санкт-Петербурга» отмечает: «Москва в народном сознании символизировала все национальное, исконно русское, родное. Москва была городом с корнями, уходящими в религиозную традицию… Петр Великий подчинил церковь государству. Петербург, несмотря на некоторые внешне религиозные атрибуты, замышлялся и осуществлялся как светский город. Силуэты Москвы определяли «сорок сороков» церквей с их колокольнями, силуэт Петербурга – доминирующие шпили» [1].

Несмотря на короткий период возвращения двора императора в Москву (1728-1732 гг.), Санкт-Петербург (Петроград) оставался столицей Российской империи до 1917 года. Положение Санкт-Петербурга как столицы не всегда было прочным и неизменным, достаточно вспомнить, что в своих планах декабристы предлагали перенести столицу в Нижний Новгород.

Следующее глобальное изменение положения столицы произошло уже при Советской власти. После бурных революционных событий 1917 года, прихода к власти большевиков, 12 марта 1918 года согласно «Извещению о переезде в Москву», столица была перенесена из Петрограда. 16 марта того же года перенос столицы был узаконен IV Съездом Советов. Первый Всесоюзный съезд Советов 30 декабря 1922 года подтвердил это решение при образовании Союза Советских Социалистических Республик. Перемещение столицы из Петрограда в Москву было вызвано целым комплексом причин – революционными событиями, началом Гражданской войны, продолжением Первой мировой войны, непосредственной угрозой Петрограду и другими. Таким образом, новый этап истории нашего государства ознаменовался утверждением новой столицы, а точнее – возвращением в прежнюю столицу, в Москву.

Москва сохранила столичный статус и на следующем резком повороте истории – при распаде Советского Союза и формировании из бывших социалистических республик независимых государств. Москва как столица не только СССР, но и Российской Советской Федеративной Социалистической Республики была определена в Конституции РСФСР 1978 года в статье 183. За период с прекращения существования СССР до принятия закона о статусе столицы вопрос о правовом положении Москвы решался рядом нормативно-правовых документов. Например, 29 декабря 1991 года был издан указ Президента РФ № 334 «О дополнительных полномочиях органов управления г. Москвы на период проведения радикальной экономической реформы». 12 января 1992 года указом Президента России № 16 «Об обеспечении ускоренной приватизации муниципальной собственности в г. Москве» было предусмотрено расширение полномочий мэра Москвы. Эти документы впоследствии стали предметом конституционного контроля, часть из них была признана неконституционной. Принятие закона о статусе столицы было важной актуальной задачей в развитии законодательства в 1992 году. Так, доктор юридических наук А.Е. Постников в своей статье отмечает: «Известно, что после оглашения постановления Конституционного Суда РФ от 19 мая 1992 года председатель Конституционного Суда В.Д. Зорькин направил Президенту РФ Б.Н. Ельцину и Председателю Верховного Совета РФ Р.И. Хасбулатову письма с предложением ускорить принятие закона о статусе столицы России». [5]. Наконец, в апреле 1993 года закон «О статусе столицы Российской Федерации» был принят. Интересно, что на сегодняшний день это один из немногих законов, изданных до принятия в 1993 году Конституции Российской Федерации и действующих до сегодняшнего дня. Закон «О статусе столицы» претерпел ряд изменений с момента принятия. Так, из закона была исключена статья 6, которая предусматривала порядок компенсации затрат города Москвы в связи с осуществлением им функций столицы. Фактическим изменением текста закона стал переезд из Москвы в Санкт-Петербург Конституционного суда в 2007 году. Соответствующее изменение в закон «О статусе столицы» было внесено только в 2014 году. Федеральным законом от 1 июля 2017 года в закон «О статусе столицы» были внесены изменения в связи с реновацией жилищного фонда.

Несмотря на юридическое закрепление статуса столицы, в правовом и общекультурном смысле некоторые вопросы статуса Москвы остаются не вполне решенными. К примеру, столичный статус Москвы «накладывается» на статус субъекта Российской Федерации – города федерального значения. Согласно статье 65 Конституции такой статус имеют три города: Москва, Санкт-Петербург и Севастополь. Закон «О статусе столицы» в определении правового положения Москвы опирается, прежде всего, на то, что в Москве находятся федеральные органы государственной власти, представительства субъектов, а также дипломатические представительства иностранных государств. Возможно, в законе следовало бы прописать идею исторической преемственности Москвы как столицы государства. В качестве образца можно взять поправку в Конституцию Российской Федерации 2020 года в статье 67 часть 1: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство». Конечно, полное копирование поправки в Конституцию в закон о столице не требуется, но подчеркнуть нынешнее положение Москвы с историей нашей страны и историей города необходимо.

Подобная поправка об исторической преемственности была бы особенно важна, ведь столица государства – не только его административный центр. Столица – ведущий город государства, исторический центр, оплот традиций. Особое отношение к столице, к историческому центру развивают идеи патриотизма, любви и уважения к своей Родине. История и современные правовые отношения показывают, что столицам могут быть не самые крупные города государства (таких примеров множество), не самые экономически развитые, не самые населенные. Но в нашем менталитете именно Москва воспринималась и воспринимается сейчас как «сердце» Родины, как место, где решается судьба всей страны.

Данная концепция столицы как центра национальной политики, как воплощения национальных традиций достаточно распространена. К примеру, С. Кэмпбелл в своей статье «Идентичность и меняющаяся роль столиц в эпоху глобализации» отмечает: «В городских исследованиях столицы часто рассматриваются отдельно, в качестве исключительно административных центров. Однако столица – это также и символическая сцена национальной идеологии, отражение общего отношения государства к урбанизации, катализатор экономического развития страны и – хотя бы в историческом плане – посредник между местной культурой и «воображаемым сообществом» национального государства» [3]. Эту же идею подчеркивают исследователи положения столиц в международных отношениях Г. Терборн и Кон Чон Хо: «Столица – центр власти на государственном уровне – опирается на целую совокупность традиций и символов и олицетворяет могущество государства как внутри него самого, так и за его пределами» [7].

Вынесение столичных функций за пределы столицы показывает, что восприятие обществом города как столицы не изменяется. Примером может служить

перемещение Конституционного Суда. Хотя один из значимых федеральных органов государственной власти сменил место пребывания, в общественном мнении Москва не перестала считаться столицей государства. Термин «столица» активно используется сегодня не только на юридическом поле [6], но и в медиа-пространстве, общественных дискуссиях. Звание «столицы» подчеркивает особый статус города. Поэтому, например, определенную устойчивость получило выражение «Екатеринбург – столица Урала», или «Нижний Новгород – столица Поволжья». Об особом положении и значимости столиц говорится в статье 2021 года О.В. Нотман: «Очевидно, что акцент на «столичности» и столичных функциях является весьма важным для понимания особенностей мегаполисов и городов мегаполисного типа» [4].

Быстрые темпы развития Москвы показывают настоятельную необходимость составления нормативно-правовых актов о тесном сотрудничестве Москвы и Московской области в различных сферах и областях. Кроме отдельных подзаконных актов, договоров между правительствами Москвы и Московской области, можно разработать проект документа об основных принципах взаимоотношений данных субъектов федерации.

Понимание и закрепление особого правового положения столицы – очень важный вопрос в развитии права Российской Федерации. Вопрос, которому необходимо уделять значительное внимание как в общественных дискуссиях, так и в учебных пособиях по изучению отечественного государства и права [2].

Список литературы

1. *Волков С.М.* История культуры Санкт-Петербурга. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. 704 с.
2. *Климчук Е.А., Воробьева С.Е.* История государства и права России: схемы, таблицы, диаграммы. М.: РосНОУ, 2005. 296 с.
3. *Кэмпбелл С.* Идентичность и меняющаяся роль столиц в эпоху глобализации // Логос. 2013. № 4 (94). С. 57 – 108.
4. *Нотман О.В.* Концептуализация понятия «мегаполис»: формально-количественный, правовой, функциональный и системы подходы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 143 – 149.
5. *Постников А.Е.* Статус столицы как категория российского конституционного права // Журнал российского права. 2018. № 4. С. 5-13.
6. *Тепляков Д.О., Рзаев Р.Т.* Понятие и признаки административного центра субъекта Российской Федерации в Российском законодательстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 4 (99). С. 92 – 95.
7. *Терборн Г., Кон Чон Хо.* Столичные города и неоднозначность их роли в жизни государства // Логос. 2013. № 4. С. 39 – 56.

References

1. *Volkov S.M.* Istoriya kul'tury Sankt-Peterburga. M.: Izd-vo EKSMO-Press, 2002. 704 s.
2. *Klimchuk E.A., Vorob'eva S.E. I*storiya gosudarstva i prava Rossii: skhemy, tablicy, diagrammy. M.: RosNOU, 2005. 296 s.
3. *Kempbell S.* Identichnost' i menyayushchayasya rol' stolic v epohu globalizacii // Logos. 2013. № 4 (94). S. 57-108.
4. *Notman O.V.* Konceptualizaciya ponyatiya «megapolis»: formal'no-kolichestvennyj, pravovoj, funkcional'nyj i sistemy podhody // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sociologiya. Politologiya. 2021. T. 21, vyp. 2. S. 143-149.
5. *Postnikov A.E.* Status stolicy kak kategoriya rossijskogo konstitucionnogo prava // ZHurnal rossijskogo prava. 2018. № 4. S. 5-13.
6. *Teplyakov D.O., Rzaev R.T.* Ponyatie i priznaki administrativnogo centra sub»ekta Rossijskoj Federacii v Rossijskom zakonodatel'stve // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii. 2014. № 4 (99). S. 92-95.
7. *Terborn G.,* Kon CHon Ho. Stolichnye goroda i neodnoznachnost' ih roli v zhizni gosudarstva // Logos. 2013. № 4. S. 39-56.

УДК 343.3

DOI 10.47629/2074-9201_2021_4_24_28

Глазкова Лилия Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент, Северо-Кавказский Федеральный университет, город Ставрополь,
glazkova_lily@mail.ru

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОРГАНИЗАЦИЮ ВООРУЖЕННОГО МЯТЕЖА

Аннотация. *Целью исследования является изучение развития законодательства за преступления, связанные с вооруженным посягательством на основы государственного строя и безопасность государства. Исследование исторических аспектов уголовной ответственности за вооруженный мятеж и преступления террористической направленности позволяет проанализировать ошибки, существовавшие в уголовном законе прошлых лет, чтобы на их основе выработать модель совершенствования действующего Уголовного кодекса и привести нормы об ответственности за вооруженные формы захвата власти в единую систему, которая бы позволила наиболее рационально выстроить их для достижения целей и задач, которые стоят перед уголовным законом. На основе проведенного анализа автор приходит к выводу о необходимости совершенствования исследуемой группы уголовно-правовых норм. Все изменения, которые вносились в уголовный закон, являлись бессистемными, основанными на происходящих в государстве событиях и политической обстановке конкретного времени, поскольку некоторые нормы менялись неоднократно, а некоторые остаются неизменными с момента принятия УК РФ в 1996 году. Такая бессистемность стала причиной коллизий уголовно-правовых норм, которые не способствуют единообразию судебной практики применения норм об ответственности за эти преступления. Автор приходит к выводу, что на основе опыта прошлых лет требуется создание единой системы норм, предусматривающих ответственность за вооруженные формы захвата власти и террористическую деятельность. В частности, назрела необходимость объединить в одной главе все преступления, свидетельствующие о террористической деятельности, что позволило бы применить единый подход ко всем элементам системы террористических преступлений и, тем самым, усилить уголовно-правовое воздействие на данную систему в целом.*
Ключевые слова: вооруженный мятеж, захват власти, терроризм, террористическая деятельность, преступность, уголовный закон.

Lilia V. Glazkova,
Ph.D. of Juridical Sciences, Docent, North Caucasus Federal University, Stavropol,
glazkova_lily@mail.ru

DEVELOPMENT OF LOW ON RESPONSIBILITY FOR THE ORGANIZATION OF ARMED REBELLION

Abstract. *The purpose of the study is to study the development of legislation for crimes related to armed encroachment on the foundations of the state system and the security of the state. The study of historical aspects of criminal responsibility for armed rebellion and terrorist crimes allows us to analyze the mistakes that existed in the criminal law of the past years in order to develop a model for improving the current Criminal Code and bring the norms on responsibility for armed forms of seizure of power into a single system that would allow them to be most rationally built to achieve the goals and objectives that the criminal law faces. Based on the analysis, the author comes to the conclusion that it is necessary to improve the studied group of criminal law norms. All the changes that were made to the criminal law were unsystematic, based on the events taking place in the state and the political situation of a particular time, since some norms have changed repeatedly, and some remain unchanged since the adoption of the Criminal Code of the Russian Federation in 1996. Such haphazardness has caused collisions of criminal law norms that do not contribute to the uniformity of judicial practice in the application of the norms of responsibility for these crimes. The author comes to the conclusion that based on the experience of the past years, it is necessary to create a unified system of norms providing for responsibility for armed forms of seizure of power and terrorist activities. In particular, there is a need to combine in one chapter all crimes that indicate terrorist activity, which would allow applying a unified approach to all elements of the system of terrorist crimes and, thereby, strengthen the criminal legal impact on this system as a whole.*
Keywords: armed rebellion, seizure of power, terrorism, terrorist activity, crime, criminal law.

Законодательство об ответственности за организацию вооруженного мятежа в целях свержения или насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации либо нарушения территориальной целостности РФ (ст. 279 УК РФ) имеет длительную историю становления, связанную с развитием государственности и необходимостью защиты властных структур от мятежных выступлений, способных подрывать безопасность государства.

Первые нормы, направленные против «государских убойцев и коромолников», «подымщиков и зажигалников» и «ведомых лихих» людей, появились в Судебнике 1497 года, и предусматривали в качестве наказания смертную казнь [10].

Смертная казнь применялась по Соборному Уложению 1649 года к тем, «кто при державе царского величества, хотя Московским государьством завладеть и государем быть и для того своего злого умышления начнёт рать збирать..." (ст.2 Главы II) [9].

В апреле 1715 года вышел Артикул воинский, в Главе III предусмотревший ответственность за вооружение войска или применение оружия против его Величества. Смертная казнь в виде четвертования полагалась не только непосредственным исполнителям, но и всем тем, «которыя в том вспомогали, или совет свой подавали», а также тем, которые никаких действий не произвели, но «волю и хотение к тому» имели, либо знали о замыслах, но не известили о них (Арт.19) [7].

Свод законов Российской империи (1832 год) в 15 томе содержал законы уголовные. На его основе в 1846 году было разработано Уложение о наказаниях [14], в котором подводился итог предшествующему развитию уголовного права. В Главе второй «О бунте против власти верховной и о государственной измене» статья 271 устанавливала ответственность за бунт против Власти Верховной, под которым понималось восстание «скопом и заговором против Государя и государства». В качестве меры наказания предусматривалась смертная казнь с лишением всех прав состояния. Такие же последствия влекло приготовление к бунту, в том числе сбор, хранение и раздача оружия, а также недонесение о приготовлении к данному преступлению, если виновный имел возможность сообщить о нём, но не исполнил своей обязанности.

В статье 272 была установлена ответственность для случаев, когда преступный замысел против власти был открыт до наступления каких-либо вредных последствий (не случилось покушений, волнений и так далее). Наказание в виде смертной казни заменялось на ссылку в каторжные работы на рудниках на срок от двенадцати до пятнадцати лет или в крепостях на срок от десяти до двенадцати лет.

В статье 273 уголовная ответственность предусматривалась за составление и распространение письменных или печатных воззваний, изображений или публичное произнесение речей с целью возбудить к бунту. Помимо наказаний, предусмотренных в ст. 271-273 Уложения, в период войны или при внутренних волнениях к виновным полагалось применять конфискацию всего имущества.

После свержения в России буржуазного правительства и установления Советской власти в условиях обострившейся классовой борьбы защита государства от вооруженных восстаний и защита территориальной целостности страны стали приоритетом новой власти. В Уголовном кодексе РСФСР (от 1 июня 1922 года) [11].

Глава I содержала перечень государственных преступлений, в котором ст. 58 устанавливала ответственность за организацию в контрреволюционных целях вооруженных восстаний или вторжения на советскую территорию вооруженных отрядов или банд. Объективная сторона преступления включала «участие во всякой попытке в тех же целях захватить власть в центре и на местах или насильственно оторгнуть от РСФСР какую-либо часть её территории или расторгнуть заключенные ею договоры».

В качестве меры наказания предусматривалась смертная казнь с конфискацией всего имущества, и только при смягчающих обстоятельствах допускалось снижение наказания до лишения свободы на срок не ниже пяти лет со строгой изоляцией и конфискацией имущества.

Даже в случае, если участник не был осведомлен о конечных целях своего участия в преступлении, он подлежал ответственности и наказанию в виде лишения свободы на срок не ниже трёх лет.

В Уголовном кодексе РСФСР (1926 год) ответственность за вооруженные действия с целью захвата власти предусматривалась в ст. 58.2. Диспозиция и санкция дублировали статью 58 УК РСФСР 1922 года [12].

Данный кодекс с многочисленными изменениями и дополнениями действовал до 1 января 1961 года, пока не вступил в силу принятый 27 октября 1960 года новый Уголовный кодекс РСФСР [13].

Законом РФ от 22.09.1993 № 5789-1 в УК РФ 1960 года были внесены изменения и кодекс дополнили ст. 64-1, в соответствии с которой была установлена ответственность за действия, направленные на насильственное изменение конституционного строя РФ. В качестве квалифицирующих обстоятельств указывалось наступление тяжких последствий, а также совершение данных действий должностным лицом. Данная статья фактически не использовалась в связи с последовавшим вскоре разгоном Верховного Совета РСФСР и отменой принятых им законов [4].

В ст. 68 (Диверсия) устанавливалась ответственность за насильственные действия (взрыв, поджог и так далее), целью которых было ослабление Совет-

ского государства. Федеральным законом от 1 июля 1994 года № 10-ФЗ данная статья была исключена из Уголовного кодекса.

Действующий Уголовный кодекс РФ был принят Государственной Думой 24 мая 1996 года, одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года, подписан Президентом РФ 13 июня 1996 года и вступил в силу с 1 января 1997 года.

Ответственность за вооруженный мятеж предусмотрена ст. 279 УК РФ, расположенной в Главе 29 «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства». Видовой (групповой) объект – это отношения, связанные с безопасностью государства, с самими основами конституционного строя, суверенитетом страны [8, с. 113-120].

В качестве непосредственного объекта выступают конституционный строй и территориальная целостность государства. О важности охраны отношений в данной сфере свидетельствует, в частности, то, что в принятой в 2021 году Стратегии национальной безопасности [5] защита конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации названы в числе стратегических национальных приоритетов (ст. 25 п.2).

Реализация Стратегии национальной безопасности осуществляется за счет комплексного применения самых различных мер – экономических, политических, организационных и так далее. Правовые меры, в том числе, уголовно-правовые, должны осуществляться в соответствии со Стратегией и направляться на охрану отношений, возникающих в сфере безопасности.

Немалое значение имеет совершенствование законодательства, приведение в систему различных уголовно-правовых норм, направленных на защиту общественной безопасности (Глава 24 УК РФ) и безопасности государства (Глава 29 УК РФ).

Данные нормы в соответствии с п.2 Примечания к ст. 205.2 УК РФ устанавливают ответственность за террористическую деятельность. На это обращает внимание Верховный суд РФ в Постановлении Пленума от 09.02.2012 [3], указывая, что ответственность за совершение преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 279, 360 и 361 УК РФ устанавливается в целях уголовно-правового обеспечения противодействия терроризму.

Уголовно-правовые нормы, предусматривающие ответственность за террористические преступления, неоднократно изменялись и дополнялись, например, с принятием федерального закона № 375-ФЗ от 6 июля 2016 года. [2]

А нормы, устанавливающие ответственность за преступления, предусмотренные ст. 279 УК РФ, остаются неизменными с 1 января 1997 года (изменения были внесены однажды в связи с введением в 2009 году в санкцию статьи меры наказания в виде ограничения свободы на срок до двух лет) [1].

В научной литературе высказываются мнения о недостатках диспозиции ст. 279 УК РФ и необходимости её совершенствования [6].

Присоединяясь к высказанным суждениям, отметим следующее. Постоянные изменения в антитеррористическом законодательстве страдают отсутствием системного подхода. В приведенном постановлении Пленума Верховного Суда РФ отмечено, что ответственность за совершение преступления, предусмотренного ст. 279 УК РФ, установлена в целях уголовно-правового противодействия терроризму. В примечании 2 к ст. 205.2 УК РФ совершение вооруженного мятежа охарактеризовано как террористическая деятельность. Но если рассмотреть формулировку примечания к ст. 205.3 УК РФ, то придётся сделать вывод о том, что законодатель отделяет от террористической деятельности совершение преступления, предусмотренного ст. 209 УК РФ. Оба примечания введены одновременно Федеральным законом от 6 июля 2016 года № 375-ФЗ.

Об отсутствии системности в законодательном установлении ответственности за совершение различных преступлений, связанных с террористической деятельностью, свидетельствует и следующее. Законом установлена уголовная ответственность за финансирование терроризма (ч.1.1. ст. 205 УК РФ), однако термин «терроризм» не раскрывается и отсутствует перечень преступлений, подпадающих под действие данной нормы. При этом название статьи включает в себя понятие «террористическая деятельность», а не «терроризм».

В ч. 3 ст. 205.1 УК РФ установлена ответственность за пособничество в совершении преступлений, предусмотренных ст. 205, ч.3 ст. 206, ч.1 ст. 208 УК РФ. Отнесённая к террористической деятельности ст. 279 УК РФ не включена в данный перечень, что вызывает сомнение в обоснованности такого подхода, так как совершение вооруженного мятежа может сопровождаться и террористическими актами, и захватами заложников. Общественная опасность преступления, предусмотренного ст. 279 УК РФ, не меньшая, чем предусмотренного ст. 208 УК РФ, и было бы, по мнению автора, вполне оправданным установление ответственности за пособничество в совершении вооруженного мятежа наравне с ответственностью за пособничество в совершении террористического акта, захвата заложников либо организации незаконного вооруженного формирования.

Здесь уместно вспомнить, что в истории отечественного законодательства подобный подход был осуществлён с принятием Артикула Воинского 1715

года. В артикуле 19 равное наказание полагалось не только лицам, непосредственно вооружавшим войско и применявшим его, либо намеревавшимся применить оружие против законной власти, но и тем, «которые в том вспомогали, или совет свой подвали», а также тем, кто не сообщил о готовящемся преступлении.

Как показало настоящее исследование, подобная позиция сохранялась в российском законодательстве практически до 1961 года.

Возможно, в настоящее время следовало бы учесть прошлый законодательный опыт, и в рамках системного подхода объединить в одной главе все преступления, свидетельствующие о террористической деятельности, что позволило бы применить единый подход ко всем элементам системы террористических преступлений и, тем самым, усилить уголовно-правовое воздействие на данную систему в целом.

Список литературы

1. «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы»: Федеральный закон от 27.12.2009 № 377-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».
2. «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности»: Федеральный закон от 06.07.2016 № 375- ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
3. «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 (ред. от 03.11.2016 № 41) // СПС «КонсультантПлюс».
4. «О поэтапной конституционной реформе в России»: Указ президента РФ от 21 сентября 1993 года № 1400 // СПС «КонсультантПлюс».
5. «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации»: утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 // СПС «КонсультантПлюс».
6. *Агапов П.В.* Вооруженный мятеж: некоторые аспекты уголовно-правовой характеристики и совершенствования законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 10. С. 66-70. Сергун Е.П. Основные юридико-технические вопросы состава вооруженного мятежа (ст. 279 УК РФ) // Вестник Саратовской юридической академии. № 3 (128). 2019. С.215-226.
7. Артикул воинский (26 апреля 1715 года) // Хрестоматия по истории госу-дарства и права России: учеб. пособие /сост. Ю.П. Титов). С. 160.
8. *Палий В.В.* Объект преступлений, предусмотренных ст. 277, 278, 279 УК РФ: проблемы систематизации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2018. № 12 (52). С.113-120.
9. Соборное Уложение 1649 года. / Электронный ресурс: hist.msu.ru>ER/Etext/1649/whole.htm…
10. Судебник 1497 года // Хрестоматия по истории государства и права Рос-сии: учеб. пособие / сост. Ю.П. Титов. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2013. С.35.
11. Уголовный кодекс РСФСР (1922 год): постановление ВЦИК от 1 июня 1922 года // Электронный ресурс: docs.cntd.ru>document/901757375…
12. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года: постановление ВЦИК РСФСР от 22.11.1926 // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст.600.
13. Уголовный кодекс РСФСР 1960 года: Утв. Указом Президиума ВС РСФСР от 27.10.1960 // Электронный ресурс: www.consultant.ru> document/cons_doc_LAW_2950/…Ведомости Верховного Совета РСФСР, 1960, № 40, ст. 591.
14. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Санкт Петербург. Типография Второго отделения Собственной его Императорского Величества Канцелярии. 1845. Электронный ресурс: rusneb.ru>catalog/000199_002889696/…

References

1. "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in connection with the Entry into force of the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation and the Penal Enforcement Code of the Russian Federation on punishment in the form of restriction of freedom": Federal Law № 377-FZ of 27.12.2009 (latest edition) // SPS "Consultant-Plus".
2. "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation regarding the establishment of additional measures to counter terrorism and ensure public safety": Federal Law № 375- FZ of 06.07.2016 // SPS "ConsultantPlus".
3. "On some issues of judicial practice in criminal cases of terrorist crimes": Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 09.02.2012 (ed. № 41 of 03.11.2016) // SPS "ConsultantPlus".
4. "On gradual constitutional reform in Russia": Decree of the President of the Russian Federation of September 21, 1993 № 1400 // SPS "ConsultantPlus".
5. "National Security Strategy of the Russian Federation": approved by Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 № 400 // SPS "ConsultantPlus".

6. *Agapov P.V.* Armed rebellion: some aspects of criminal law characteristics and improvement of legislation // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2013. № 10. pp. 66-70. Sergun E.P. Basic legal and technical issues of the composition of an armed rebellion (Article 279 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Bulletin of the Saratov Law Academy. № 3 (128). 2019. pp.215-226.
7. Military article (April 26, 1715) // Anthology on the history of state and law of Russia: studies. manual /comp. Yu.P. Titov). p. 160.
8. *Paliy V.V.* The object of crimes under Articles 277, 278, 279 of the Criminal Code of the Russian Federation: problems of systematization // Bulletin of the O.E. Kufin University. 2018. № 12 (52). pp.113-120.
9. The Cathedral Code of 1649. / Electronic resource: hist.msu.ru >ER/Etext/1649/whole.htm ...
10. Sudebnik of 1497 // Anthology on the history of the state and law of Russia: textbook. manual / comp. Yu.P. Titov. – 4th ed., reprint. and additional – Moscow: Prospect, 2013. p.35.
11. Criminal Code of the RSFSR (1922): resolution of the Central Executive Committee of June 1, 1922 // Electronic resource: docs.cntd.ru >document/901757375…
12. The Criminal Code of the RSFSR of 1926: Resolution of the Central Executive Committee of the RSFSR of 11/22/1926 // SU RSFSR. 1926. No. 80. St.600.
13. The Criminal Code of the RSFSR of 1960: Approved. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR dated 27.10.1960 // Electronic resource: www.consultant.ru > document/cons_doc_law_2950/…Vedomosti of the Supreme Soviet of the RSFSR, 1960, № 40, Article 591.
14. Code of Criminal and Correctional Punishments. St. Peter-burg. The printing house of the Second Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery. 1845. Electronic resource: rusneb.ru >catalog/000199 _002889696/…

УДК 343

DOI 10.47629/2074-9201_2021_4_29_31

Давитадзе Мевлуд Демуралович,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры Уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ (Одинцовский филиал), Московская область, город Одинцово,
md2063@mail.ru

МОЖЕТ ЛИ НЕСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВО ЗА ДОВЕДЕНИЕ ДО САМОУБИЙСТВА ИЛИ ДО ПОКУШЕНИЯ НА САМОУБИЙСТВО

Аннотация. *Ставится вопрос об ответственности государства за проведенную социальную политику, не позволившую стране создать нормальные условия на достойную жизнь социально незащищенных слоев населения, что нередко подталкивало часть из них к самоубийству или к покушению на самоубийство.*

Ключевые слова: государство, уголовная ответственность, социальная незащищенность, нищета, самоубийство, покушение на самоубийство.

Mevlud D. Davitadze,
Doctor of of Juridical Sciences, Full Professor, Professor at the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Odintsovo branch), Moscow Region, Odintsovo,
md2063@mail.ru

CAN THE STATE BE HELD RESPONSIBLE FOR DRIVING TO SUICIDE OR ATTEMPTED SUICIDE

Abstract. *The article raises the question of the state's responsibility for the social policy that did not allow the country to create normal conditions for a decent life for socially unprotected segments of the population, which often pushed some of them to suicide or attempted suicide.*

Keywords: state, criminal responsibility, social insecurity, poverty, suicide, attempted suicide.

Согласно ч. 1 ст. 110 УК РФ уголовная ответственность предусматривается за доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего [1].

В контексте данной статьи в качестве оснований уголовной ответственности за указанное преступление будет рассмотрено доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путем жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего.

Как известно, согласно ч. 1 ст. 7 Конституции Российская Федерация представляет собой социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [2].

Под социальной политикой государства следует понимать меры социальной направленности, ориентированные на социальное развитие общества в целом, его социальных групп и, что главное, обеспечивающие качество и достойный уровень жизни каждого человека и его семьи.

Основополагающим принципом государственной социальной политики является принцип социальной справедливости, суть которого заключается в обеспечении справедливого распределения общественного продукта между гражданами и равный доступ граждан страны к основным социальным гарантиям страны.

Однако в настоящее время миллионы граждан страны остаются за чертой бедности: они не в состоянии удовлетворить свои минимальные потребности, не хватает средств на содержание семьи, что нередко доводит их до самоубийства или до покушения на самоубийство.

Государству, несмотря на определенные меры социальной поддержки населения, до сих пор не удалось преодолеть в стране бедность и нищету, которые в условиях пандемии стремительно возросли. Среди причин самоубийств или покушения на самоубийство именно бедность и нищета занимают ведущее место.

Как считают многие, главной причиной их бедственного состояния являются продолжавшиеся годами падение жизненного уровня и неподъёмная нищета, а также низкий уровень социальной защищенности граждан, что рассматривается людьми как жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства социально незащищенного слоя населения со стороны государства.

В рамках уголовного законодательства в контексте ст. 110 УК РФ под жестоким обращением или систематическим унижением человеческого достоинства понимается такое обращение, при котором потерпевшему умышленно причиняются физические или психические страдания. Жестокое обращение может выражаться в совершении действий, образующих самостоятельный состав преступления, а также в иных действиях, причиняющих потерпевшему страдания. Жестокое обращение предполагает истязание, причинение вреда здоровью, лишение тепла, пищи и др.

К систематическому унижению человеческого достоинства относятся совершенные три раза и более, связанные единым умыслом и отражающие единую линию поведения субъекта проявления унизительного обращения с потерпевшим. В рамках данной статьи подобное унижение может выражаться в длительном отсутствии социальной поддержки у остронуждающихся или такой ее уровень, который обрекает граждан на нищенское существование, оскорбляющее их человеческое достоинство.

С одной стороны, под признаки объективной стороны ч. 1 ст. 110 УК РФ прямо не подпадают действия, подталкивающие граждан к самоубийству или к покушению на самоубийство из-за бедности и нищеты, однако косвенно они имеют отношение к реальности.

Как известно, в РФ количество лиц, проживающих на доходы ниже прожиточного минимума, особенно в условиях инфляции, растет. По сведениям Росстата от 6 августа 2021 года людей с доходами ниже прожиточного минимума в первом полугодии 2021 года было 19,1 млн человек, соответственно уровень бедности оценивается в 13,1% [3].

Согласно сообщению Росстата от 14 апреля в России в 2020 году доходы ниже прожиточного минимума были у 17,8 млн человек против 18,1 млн в 2019 году. Уровень бедности в стране в 2020 году составил 12,1 % против 12,3 % в 2019 году. По данным Росстата с 2015 года оба показателя постепенно снижаются, а социальные программы правительства были названы важным фактором поддержки малоимущих слоев населения. Однако бизнесмен Олег Дерипаска, который обвинил Росстат в манипулировании цифрами, привел свои данные, по которым в России доходы ниже прожиточного минимума получают около 80 млн человек. По его мнению, Росстат за последние годы научился так виртуозно жонглировать цифрами и манипулировать статистикой, что мы теперь вынуждены читать такие «бравые» отчеты о «победах» над бедностью» и что такие «победы» «в основном на бумаге происходят» [4].

«По данным Всемирной организации здравоохранения (далее – ВОЗ), каждые 40 секунд в мире происходит очередное самоубийство. В общей сложности ежегодно во всем мире более 800 тысяч человек совершают суицид, примерно каждый пятый случай самоубийства связан именно с потерей работы или невозможностью найти новую работу» [5], то есть со страхом предстоящей нищеты.

Среди стран с высоким уровнем суицида Россия занимает одно из ведущих мест, уступая не только своим соседям, но и почти всем остальным странам-членам ВОЗ, за исключением Лесото и Гайаны [6].

По показателям 2016 года по числу самоубийств на душу населения Россия превышает среднемировые показатели в 2,5 раза (26,5 случая на 100 тысяч человек – против 10,5) [7]. А если брать в расчет только самоубийства среди мужчин, то РФ тут вовсе занимает лидирующее место, и показатели составляют 48,3 на 100 тысяч населения [8]. Если сравнивать показатели самоубийства среди женщин и мужчин, то россияне-мужчины убивают себя в 6,5 раз чаще, чем женщины.

В общей сложности в 2016 году в Российской Федерации покончили с собой 44 673 человека. В пересчете это примерно 122 самоубийства в день, по пять – каждый час или в среднем каждые 12 минут [9].

Как уже было сказано, низкий уровень жизни граждан России является одной из главных причин самоубийство/суицида. Согласно показаниям Росстата, обнищание россиян в 2021 году ускорилось в четыре раза, и по итогам января-марта жители страны обеднели еще на 3,6 % [10].

Доходы 20,4 % населения страны не превышают 14 тысяч рублей в месяц (6,2 доллара в день), а каждый десятый и вовсе живет на 10 тысяч рублей в месяц.

По данным Росстата инфляция в октябре 2021 года ускорилась до 8,13 % в годовом выражении. С начала года рост цен составил 6,4 %. Стоимость товаров и услуг, учитываемых при подсчете, выросла в октябре на 1,11 % по сравнению с сентябрем. Сильнее всего подорожали продовольственные товары. Их стоимость увеличилась на 10,89 % в годовом выражении. Рост цен на непродовольственные товары составил 8,17 % [11].

По сведениям того же Росстата реальный уровень пенсий в сентябре сократился на 1,8 % [12] в годовом выражении, а это свидетельствует о том, что реальные пенсии россиян обесцениваются уже восемь месяцев на фоне высокой инфляции.

Современные реалии не исключают изменения этих показателей в сторону ухудшения жизненного уровня граждан страны.

Именно материальные трудности (невозможность справиться с долгами, нехватка средств на приобретение продовольствия и лекарственных средств, оплата коммунальных услуг, обеспечение детей-школьников всем необходимым, страх перед увольнением в условиях экономического спада, безработица и др.), нищета, низкий уровень жизни во многих регионах страны, невозможность удовлетворения гражданами своих личных, элементарных потребностей или потребностей своих семей многими гражданами расцениваются как унижение человеческого достоинства, что многих из них подталкивает к совершению преступлений (в основном против собственности – кражи, грабежи, разбой, мошенничество, угон), чтобы как-то выжить, либо к самоубийству или к покушению на самоубийство.

В связи с вышеуказанным, у многих социально незащищённых граждан возникает острый вопрос: «Подлежит ли государство к ответственности за уровень и качество проведенной социальной политики, которая не дает возможности на достойную жизнь из-за бедности и нищеты, что нередко подталкивает многих к самоубийству или на покушение на самоубийство?». Поставленный неоднозначный и сложный вопрос требует справедливого, взвешенного и продуманного ответа со стороны законодателя и общества.

Список литературы/References

1. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/
2. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/
3. https://www.interfax.ru/russia/782984
4. https://www.interfax.ru/russia/761983
5. https://newsland.com/user/4297807604/content/rossiia-v-troike-liderov-po-chislu-samoubiistv/6870081
6. https://www.bbc.com/russian/news-49636376
7. https://pikabu.ru/story/problema_samoubiystv_v_rossii_oeret_prosto_8337171
8. https://www.mk.ru/social/2020/01/07/muzhskie-samoubiystva-v-rossii-obyasnili-zhenskim-povedeniem.html
9. https://www.bbc.com/russian/news-49636376
10. https://newizv-ru.turbopages.org/newizv.ru/s/news/economy/30-04-2021/obnischanie-naseleniya-rf-v-2021-godu-uskorilos-v-chetyre-raza
11. https://lenta.ru/news/2021/11/03/rosstat/
12. https://tass.ru/ekonomika/12817107

УДК 342.9

DOI 10.47629/2074-9201_2021_4_32_35

Зорин Алексей Вячеславович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры Уголовного права и процесса, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Санкт-Петербургский институт (филиал), Санкт-Петербург,
a.zorin_cof@mail.ru

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА КРАЖУ ПО УК РФ: ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Аннотация. *Рассматривается актуальная сегодня проблема квалификации кражи и санкции за это преступление, предусмотренное соответствующей статьей УК РФ. Также внимание уделено и проблеме рецидива краж, сделаны авторские предложения по корректировке уголовной ответственности за кражи. При подготовке статьи проанализирована актуальная правовая статистика, учтены основные криминологические показатели соответствующего вида преступности, задействованы общенаучные и специальные методы научного исследования.*
Ключевые слова: преступность; уголовно-правовая политика; кража; рецидив краж; уголовная ответственность.

Aleksey V. Zorin,
Ph.D. of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Criminal Law and Procedure, All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), St. Petersburg Institute (branch), Saint-Petersburg,
a.zorin_cof@mail.ru

CRIMINAL LIABILITY FOR THEFT UNDER THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS OF LEGISLATIVE AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Abstract. *The article considers the current problem of qualifying theft and sanctions for this crime, provided for by the corresponding article of the Criminal Code of the Russian Federation. Attention was also paid to the problem of recurrence of thefts, copyright proposals were made to adjust criminal liability for thefts. When preparing the article, the current legal statistics were analyzed, the main criminological indicators of the corresponding type of crime were taken into account, national scientific and special methods of scientific research were involved.*
Keywords: crime; Criminal law policy; theft; recurrence of thefts; criminal liability

Тема уголовной ответственности за кражу актуализируется сегодня все более массовой ее распространенностью в качестве формы хищения в современной Российской Федерации. Сама группа преступлений против собственности традиционно выступает на лидирующих позициях в уголовной статистике РФ. Так, в соответствии с данными судебной статистики за 2019 год число лиц, осужденных за данную категорию преступлений, составило 111 274 человека. А согласно данным статистики правоохранительных органов в 2019 году, свыше 50 % от всего количества зарегистрированных преступлений составляют именно хищения чужого имущества, совершенные путем кражи, грабежа и разбоя, из них более 756 тысяч совершенны путем кражи. Удельный вес хищений в структуре преступности России, зафиксированный за 2020 год составил 36,7 % [6]. В целом, по теме исследования, для достижения его цели проанализирована статистика за 2018-2021 годы (январь – август 2021 года). Целью данной научной статьи является исследование и анализ проблемных аспектов регламентации состава преступления, предусмотренного ст. 158 УК РФ, тогда как предметом исследования служит сама уголовно-правовая норма, устанавливающая признаки состава преступления и ответственность за совершение кражи.

Серьезные криминологические показатели такого преступления как кража, к сожалению, корелируют с куда более скромными показателями их раскрываемости, например, из более чем 756 000 совершенных краж раскрыто было чуть более 285 000 преступлений (иными словами – каждое третье), показательно, что за 2018 год в раскрываемости краж наблюдалась отрицательная динамика (-5 %). Несмотря на то, что согласно данным статистики за январь – август 2021 года сократилось количество квартирных

краж – на 18,3 %, а краж в общественных местах – на 5,1 %, доля краж в общей структуре преступности в указанном периоде составляет 35,8 % [6].

При этом, в соответствии с данными статистики, случаи успешного расследования уголовных дел, совсем не гарантируют жертвам преступлений возмещения причиненного кражами вреда. Практика показывает, что в подавляющем большинстве случаев похищенное имущество быстро реализуется преступниками. Исходя из имеющихся данных официальной статистики, ущерб от краж в Российской Федерации только за один 2019 год, оценивается в миллиарды рублей [6]. Вышеизложенные положения обуславливают актуальность и значимость исследования вопросов ответственности за кражу по российскому законодательству.

Исследованию феномена краж в отечественной уголовно-правовой науке традиционно уделяется достаточно большое внимание. Данная тема достаточно подробно разрабатывается в трудах Ю.М. Антоняна, В.В. Векленко, В.В. Сверчкова, Н.С. Таганцева, Ю.Ю. Улановой, В.В Хилюты, А.В. Шульги и ряда других авторов [3]. Но несмотря на столь пристальное внимание к проблематике противодействия кражам, часть спорных вопросов и сегодня остается не разрешенными, по ним существуют различные точки зрения. Важно отметить, что указанные выше исследования были проведены без учета трансформации института уголовной ответственности за совершение хищений, следовательно, данная научная статья обладает достаточной степенью научной новизны. Отечественная уголовно-правовая наука, рассматривая вопрос дальнейшего развития института уголовной ответственности за преступления против собственности вообще и за кражи в частности, преодолела солидный эволюционный путь в своем развитии. Постепенно и поэтапно уголовное право России сформулировало обоснованный вывод о неизбежности законодательного установления равной степени уголовно-правовой защиты по отношению ко всем формам собственности. Следовательно, среди обширной группы преступлений имущественной направленности нашла свое место и кража, как наиболее распространенное преступление данной группы.

Статья 158 УК РФ с последними изменениями по состоянию на 2021 год – это норма с учетом поправок, внесенных в 2018 году. Три года назад законодатель счел необходимым введение дополнительного квалифицирующего признака в часть 3 (касательно банковского счета или электронной карты), особо оговорив необходимость отсутствия признаков преступления, предусмотренного статьей 159.3 УК РФ. При этом вышеуказанные нормы законодатель вывел из-под регулирования нормы примечаний, устанавливающих крупный размер. Поскольку составы преступлений, предусмотренных ч. 2 указанной статьи, выступают в соответствии с классификацией УК РФ преступлениями средней тяжести, примирение и прекращение уголовных дел по ним возможно в рамках применения ст. 76 УК РФ.

В части 3 ст. 158 УК РФ названа кража, совершенная: а) с незаконным проникновением в жилище; б) из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода; в) в крупном размере; г) с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 159.3 настоящего кодекса).

А в части 4 ст. 158 УК РФ кража, совершенная: а) организованной группой; б) в особо крупном размере.

В соответствии с примечанием к статье 158 УК РФ, поясняя общее понятие хищения, законодатель говорит о том, что указанное понятие является либо изъятием, либо обращением чужого имущества. Это, прежде всего, определяет его как обладающую некими физическими параметрами вещь [1, с. 87].

Необходимо отметить, что имеются некоторые проблемы квалификации некоторых признаков объективной стороны кражи.

Прежде всего, важна проблема разграничения кражи как преступления, признаки которой определены в ст. 158 УК РФ, и признаки мелкого хищения, то есть кражи как административного правонарушения, указанного в ст. 7.27 КоАП РФ. На первый взгляд, законодатель решил данный вопрос, так как указал в ч. 1 и ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ суммы разграничения кражи как преступления и как административного правонарушения, то есть не более 1000 руб. в ч. 1 ст. 7.27 КоАП РФ и от 1000 р., но не более 2500 руб. в ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ [2]. Именно в пределах указанной стоимости украденного правонарушение необходимо квалифицировать как мелкое хищение, а не как уголовно-наказуемую кражу. Добавим, что в современных условиях роста уровня инфляции в РФ (Центробанком был повышен прогноз по росту уровня инфляции на конец 2021 года до 5,7-6,2 % с ранее ожидавшихся 4,7-5,2 %), вполне вероятно и очередное повышение цен, что приведет к обесцениванию рубля и, соответственно, снижению порога, отграничивающего кражу от мелкого хищения.

Все это требует более точного определения критериев, по которым можно отграничить кражу как преступление от мелкого хищения чужого имущества как административного проступка. Поэтому целесообразно в качестве такого критерия взять минимальный размер оплаты труда (далее – МРОТ), который действует в соответствии с федеральным законодательством на момент совершения правонарушения. При этом целесообразно, думается, определить границу кражи и мелкого хищения имущества в какую-

либо часть МРОТа. Например, это может быть 10 % МРОТа, что следует указать в ч. 1 ст. 7.27 КоАП РФ и 20 % МРОТа, что нужно определить в ч. 2 ст. 7.27 КоАП РФ. И МРОТ в данном случае должен определяться исходя из установленного субъектом РФ МРОТ (с учетом положений ст. 133.1 ТК РФ), где совершено правонарушение. Следовательно, если, например, установленный федеральным законом МРОТ составляет 12 792 руб. и в данном регионе РФ МРОТ составляет минимально допустимые 12 792 руб., то это значит, что в соответствии с частью 1 ст. 7.27 КоАП РФ в качестве мелкого хищения чужого имущества будет выступать только то хищение, стоимость которого не превышает 1 279 руб. Хищение свыше этого, но до 2 300 руб., будет квалифицироваться по ч. 2 ст.7.27 КоАП РФ, а кража на суммы свыше 2 300 руб. должна квалифицировать по соответствующей части ст. 158 УК РФ. Соответственно, повышение МРОТа вследствие инфляции будет означать и повышение границы, отделяющей кражу от мелкого хищения чужого имущества [7, с. 157-162]. Подобные предложения по исчислению размеров хищений в процентах от установленного МРОТ безусловно потребуют и изменений в законодательстве [3], определяющем цели применения самого МРОТ, но, вместе с тем, они во многом коррелируют с положениями «Концепции нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». Приведенные выше числа в 10 % и 20 % взяты инструментально, для демонстрации возможного подхода к решению указанной проблемы и должны быть скорректированы на основе глубокого анализа экономической ситуации в стране в целом и роста уровня инфляции в частности.

Еще одна коллизия, вызванная трудностями квалификации краж, возникает при необходимости верного определения размера значительного ущерба, причиненного потерпевшему (п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ). Согласно п. 2 примечания к ст. 158 УК РФ, значительный ущерб гражданину определяется с учетом его имущественного положения, но не может составлять менее пяти тысяч рублей. Как полагает ряд экспертов, «в данном подходе ... спорным является законодательное установление конкретной минимальной суммы, а с учетом темпов инфляции... покупательная стоимость рубля не является постоянной. Доходы значительной части населения нашей страны ниже прожиточного минимума» [4], а для таких лиц даже сумма менее пяти тысяч рублей является значительной [5, с. 41].

Поэтому целесообразно вообще не определять в УК РФ минимальную сумму значительного ущерба потерпевшего. Этот вопрос должны решать органы предварительного расследования и суд с учетом нескольких факторов, например, размера заработка потерпевшего, количества членов его семьи, количества несовершеннолетних и других иждивенцев и др. Думается, здесь должен активную роль играть и защитник обвиняемого, который также может участвовать в исследовании всех обстоятельств жизни потерпевшего, чтобы установить уровень значительного ущерба для него. На основе состязательности и будет определена минимальная сумма значительного ущерба для данного потерпевшего.

Проанализировав уголовное наказание ч. 1. ст. 158 УК РФ, мы видим, что срок лишения свободы по части 1 достаточно небольшой. Изучив данные статистической отчетности ГАИЦ МВД России [6], мы видим, что кража является наиболее распространенным преступлением в России и возникает такой вопрос, почему за самое распространенное преступление предусмотрены такие небольшие сроки лишения свободы. На основании этого считаем необходимым внести поправки в Уголовный кодекс РФ, а именно касательно санкции по ч.1 ст. 158 УК РФ и увеличить срок лишения свободы по указанной статье до пяти лет.

Полагаем верным решением назначение наказания в соответствии с предусмотренными законом видами рецидива. При этом также необходимо принимать во внимание количество совершенных преступлений, а также их криминологически и криминалистически значимые характеристики.

Имеющиеся в УК РФ виды рецидива в известной степени характеризуют общественную опасность любого преступника. Примером тому может служить ситуация, при которой совершение равнозначных преступлений будет указывать на профессионализацию самого преступника. Имеется ввиду его преступная специализация в зависимости от совершения им именно однородных правонарушений. Указанный факт, в случае его доказанности в суде, в свою очередь логично потребует более длительного уголовно-исправительного воздействия на преступника чтобы добиться достижения установленных законом целей наказания.

В связи с этим необходимо внести изменения в статью 68 УК РФ и изложить часть вторую в следующей редакции: «Срок наказания при рецидиве преступлений не может быть менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление, но в пределах санкции соответствующей статьи Особенной части настоящего Кодекса. При опасном рецидиве преступлений – не менее половины, при особо опасном и специальном рецидиве преступлений (в соответствии с ч. 2 и ч. 3 ст. 158 УК РФ) – не менее трех четвертей максимального срока наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление».

В соответствии с вышеизложенным, при вынесении судом обвинительного приговора лицу по обвинению в совершении кражи с выявлением факта

рецидива, в случае одного из его специальных видов (в соответствии с ч. 2 и ч. 3 ст. 158 УК РФ), можно предложить следующую классификацию:

• при совершении кражи, квалифицируемой в соответствии с п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ, то есть вероятнее всего совершенной преступником-профессионалом, специализирующемся на так называемых «карманных» кражах, наказание следует назначать в следующих пределах: от семи лет и девяти месяцев до пяти лет;

• «квартирным» ворам за преступления, квалифицированные в соответствии с п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ – от четырех лет и шести месяцев до шести лет лишения свободы.

Предлагаемый подход к срокам лишения свободы по уголовным делам о кражах при условии наличия доказанного в суде факта специального и особо опасного рецидива представляется более эффективным для достижения целей общей и частной превенции. В приведенных выше случаях при вынесении решения по уголовному делу судом будут учтены криминологически значимые особенности личности преступников, а само строгое наказание в пределах не менее 3/4 максимального срока, предусмотренного санкцией соответствующей статьи, будет носить сдерживающее значение для преступлений против собственности в целом и особенно для краж. Наличие и увеличение подобных прецедентов будет наглядно демонстрировать обществу насколько суровое, а главное неотвратимое, наказание ждет профессионального преступника. Тогда как назначенный судом длительный срок изоляции вора-профессионала от общества, в период отбывания им наказания в виде лишения свободы, послужит препятствием для совершения им новых аналогичных правонарушений. Следовательно, приведенные меры позволят законно и эффективно оказывать воспитательное воздействие на преступника для достижения целей наказания. Превентивное предназначение наказания за преступления против собственности вообще и за кражи в частности не будет достигнуто при излишне мягком его применении к преступникам-рецидивистам. Вместо государственного порицания подобные прецеденты в известной степени могут сами порождать рецидив.

Список литературы

1. *Векленко В.В.* Квалификация хищений. Монография. / В.В. Векленко. – Омск.: Издательство Омской академии МВД России, 2001. – С.87.
2. *Карпова К.А.* Хищение чужого имущества: вопросы квалификации и проблемы дифференциации уголовной ответственности / под ред. Н.Г. Кадникова. – М.: Юриспруденция, 2011. – 323 с.
3. *Кобец П.Н., Краснова К.А.* О некоторых современных проблемах отечественной законотворческой и правотворческой деятельности // Современные проблемы уголовного права, уголовного процесса и криминалистики. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2013. С. 95-99.
4. *Нафиков М.М.* Проблемы квалификации краж: вопросы теории и практики / М.М. Нафиков // Вестник экономики, права и социологии. – 2016. – № 1. – 160 с.
5. *Сверчков В.В.* Преступления против собственности: система, юридическая характеристика, особенности и проблемы применения уголовного законодательства : учебное пособие для вузов / В.В. Сверчков. – М.: Издательство Юрайт, 2020. – С. 41.
6. Статистический отчет ГИАЦ Министерства Внутренних Дел Российской Федерации за 2018, 2019, 2020 гг. январь-август 2021 года. URL: http://mvd.ru/index.html (дата обращения: 10.09.2021).
7. *Степанов М.В.* Некоторые вопросы квалификации краж и мошенничеств / М. В. Степанов // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. — 2017. Т. 2. № 1. С. 157-162.

References

1. *Veklenko V.V.* Qualification of thefts. Monograph. / V.V. Veklenko. – Omsk: Publishing House of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2001. – Page 87.
2. *Karpova K.A.* Theft of other people's property: questions of qualification and problems of differentiation of criminal responsibility/under the editorial board N.G. Kadnikov. – M.: Jurisprudence, 2011. – 323 pages.
3. *Kobets P.N., Krasnova K.A.* On some modern problems of domestic legislative and law-making activities//Modern problems of criminal law, criminal process and criminology. Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference. Krasnodar, 2013. C. 95-99.
4. *Nafikov M.M.* Problems of qualification of thefts: issues of theory and practice/M.M. Nafikov//Bulletin of Economics, Law and Sociology. – 2016. – № 1. – 160 pages.
5. *Sverchkov V.V.* Crimes against property: system, legal characteristic, peculiarities and problems of application of criminal legislation: textbook for universities / V.V. Sverchkov. – M.: Publishing house Urright, 2020. – Page 41.
6. Statistical report of the GIAC of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for 2018, 2019, 2020 January-August 2021. URL: http://mvd.ru/index.html (case date: 10.09.2021).
7. *Stepanov M.V.* Some issues of qualification of thefts and fraud / M.V. Stepanov // Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev. — 2017. T. 2. № 1. P. 157-162.

УДК 343.969

DOI 10.47629/2074-9201_2021_4_36_40

Костенникова Елизавета Ивановна,
аспирант кафедры Уголовного права и процесса, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, город Белгород,
elizaveta.kolomatskaya@yandex.ru

ПАТОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЦИДИВИСТА С ПСИХИЧЕСКИМИ АНОМАЛИЯМИ

Аннотация. *Актуальность изучения патопсихологических особенностей личности преступника обусловлена предельно высоким уровнем рецидива насильственных преступлений в нашей стране. В ходе теоретического анализа работ российских исследователей, в основном, последних трех лет, посвященных проблеме рецидива преступлений, приводятся данные статистики Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации и результаты исследований личных характеристик преступников-рецидивистов, осужденных за совершение насильственных преступлений. Автор приводит принятые в научной среде трактовки понятия «психическая аномалия», рассматривает виды психических аномалий, а также классификацию основных групп преступников с психическими аномалиями. Анализируя деструктивное поведение рецидивистов, ученые связывают его с неблагоприятными условиями развития личности преступника, которые усугубляют имеющиеся психические аномалии. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что наличие психических аномалий у преступников-рецидивистов встречается гораздо чаще, чем у лиц, совершающих однократные преступления. Обзор современных отечественных исследований позволяет обратить внимание на используемые методики сбора информации о личности преступника-рецидивиста, а также на прямую взаимосвязь между количеством судимостей, временным интервалом рецидива и видами психических аномалий.*

Ключевые слова: преступность, преступное насилие, личность преступника, психическая аномалия, рецидив преступлений.

Elizaveta I. Kostennikova,
Postgraduate at the Department of Criminal law and procedure, Belgorod National Research University, Belgorod,
elizaveta.kolomatskaya@yandex.ru

PATHOPSYCHOLOGICAL FEATURES OF A RECIDIVIST WITH MENTAL ABNORMALITIES

Abstract. *The relevance of studying the pathopsychological characteristics of a criminal's personality is due to the extremely high level of recidivism of violent crimes in our country. In the course of a theoretical analysis of the works of Russian researchers, mainly of the last three years, devoted to the problem of recidivism, statistics of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation and the results of studies of the personal characteristics of recidivists convicted of violent crimes are presented. The author gives the accepted in the scientific environment the interpretation of the concept of "mental anomaly", considers the types of mental anomalies, as well as the classification of the main groups of criminals with mental anomalies. Analyzing the destructive behavior of repeat offenders, scientists associate it with unfavorable conditions for the development of the criminal's personality, which aggravate the existing mental anomalies. The author comes to the conclusion that the presence of mental abnormalities in recidivist criminals is much more common than in persons committing single crimes. A review of modern domestic research allows us to draw attention to the methods used to collect information about the personality of a recidivist offender, as well as to the direct relationship between the number of convictions, the time interval of recidivism, and types of mental abnormalities.*

Keywords: crime, criminal violence, identity of the offender, mental anomaly, recidivism

Изучению характерных особенностей психических аномалий, не исключающих уголовного преследования, посвящены работы ведущих ученых и специалистов, как в нашей стране [1; 2; 3], так и за рубежом [4; 5; 6]. Несмотря на значительное число работ, раскрывающих особенности уголовного преследования лиц с психическими аномалиями, остается ряд недостаточно решенных проблем. В частности, сохраняет актуальность вопрос разграничения психической аномалии и состояния невменяемости, исключающего уголовную ответственность виновного лица. При разработке мер предупреждения рецидива преступлений порой не учитываются гендерные особенности лиц, осужденных к лишению свободы [7]. Как отмечается в литературе, «нередко условия мест лишения свободы вызывают у осужденных женского пола с расстройствами личности динамические сдвиги и поведенческие изменения под влиянием психогенных, социокультуральных факторов» [8, с. 95], что также не способствует их ресоциализации.

Прежде чем приступить к выявлению патопсихологических особенностей рецидивистов с психическими аномалиями, проанализируем состояние рецидивной преступности. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, за последние три года признаны совершившими преступления при рецидиве: в 2018 году – 98 752 человек, в 2019 году – 93315 человек, в 2020 году – 88144 человек. Несмотря на то, что количественные показатели незначительно снижаются, нельзя говорить, что проблема себя изжила. Наличие психических аномалий у рецидивистов гораздо чаще встречается, чем у лиц, совершающих однократные преступления, что значительно усложняет ресоциализацию таких преступников. Это утверждение подтверждают и зарубежные исследователи из Оксфордского университета, которые обнаружили более высокий риск насилия и преступности у людей с расстройствами личности, по сравнению с основной массой населения, и для правонарушителей с расстройствами личности по сравнению с другими правонарушителями [9].

Н.И. Сазонова отмечает наличие взаимосвязи между количеством судимостей, временным интервалом рецидива и видами психических аномалий. К последним автор относит: акцентуации характера, психопатии, олигофрению (умственную отсталость), неврозы, сексуальные перверсии (половые извращения) [10]. Содержание термина «психические аномалии» включает в себя непатологические психические расстройства, которые не достигли степени психоза (психического заболевания, характеризующегося кардинальными психическими нарушениями, определяющими невменяемость) [11, с. 364]. А.А. Бакин выделяет такие виды психических аномалий как: определенные стадии алкоголизма; психопатия; наркомания; органические заболевания центральной нервной системы; эпилепсия; шизофрения в состоянии стойкой ремиссии [12].

Известный исследователь в области психологии и психиатрии Б.С. Братусь весьма емко отметил в одной из своих работ, что «между условными полюсами «нормы» и «патологии» находится обширное поле отклонений, аномалий развития» [13, с. 50]. Иными словами, психическая аномалия – это промежуточное состояние психики между двумя крайностями – нормальным и ненормальным. Обратим внимание, что стандарты психического здоровья разработаны Всемирной организацией здравоохранения, и согласно им любое отклонение от них считается психическим расстройством.

В свою очередь И.А. Горьковая говорит о том, что в наиболее общем смысле психическая аномалия – это состояние психики, психического здоровья человека, которое выходит за рамки нормального, однако при этом не является патологией [14]. Этого определения мы будем придерживаться в дальнейшем.

Бесспорным будет утверждение, что психические аномалии оказывают деструктивное влияние на внутреннее состояние личности и способствуют его противоправному поведению. Как утверждает К.А. Скворцов, при наличии у лица психической аномалии ему гораздо проще реализовать необдуманный преступный умысел, кроме того, значительно ослабляются механизмы внутреннего контроля, и действия преступника не контролируются ни моралью, ни нормами этики или нравственности [15].

Обратим внимание, что само по себе наличие психической аномалии никогда не является единственной причиной, по которой лицо становится на преступный путь. Как правило, этому сопутствуют неблагоприятные условия жизни и развития, низкий уровень воспитания и образования, негативное отношение со стороны общества (например, в школе или ином образовательном учреждении). При наличии таких неблагоприятных условий развития личности, имеющиеся психические аномалии усугубляются, что и приводит не только к первичному, но и повторному совершению преступлений. Сами психические аномалии зачастую становятся причинами агрессивности индивида, его импульсивности и острой эмоциональной реакции на окружающие его события, что в итоге приводит к изоляции индивида от общества и его неспособности адекватно реагировать на правила поведения в той или иной социальной группе. Такие индивиды постоянно ощущают враждебность окружающего мира, что в итоге приводит к агрессивным реакциям на внешние раздражители. Все это в совокупности и приводит к совершению преступлений, особенно насильственных.

Из всей совокупности лиц с психическими отклонениями Н.И. Сазонова выделяет несколько более

мелких групп, основываясь на различных психических аномалиях [10]. Мы не будем подробно описывать каждую из групп, а остановимся только на наиболее многочисленных.

Лица с признаками психопатии. Они отличаются яркими эмоциональными реакциями на внешние раздражители, близкими к аффективным, агрессивностью, стремлением к безоговорочному лидерству, вспыльчивостью и несдержанностью.

Лица с психическими аномалиями, вызванными последствиями черепно-мозговой травмы (далее – ЧМТ). Данная группа лиц является одной из самых малоизученных, потому что далеко не всегда ЧМТ может стать причиной их развития, равно как и утверждать, что человек, у которого не было ЧМТ, психически здоров – нелогично. В данном случае, на развитие психической аномалии оказывают влияние условия, в которых была получена ЧМТ, ее тяжесть, условия лечения и реабилитации. При этом характеристика преступника не всегда отличается повышенной агрессией или неприятием правил общества.

Лица, страдающие алкоголизмом и наркоманией. Главной причиной повторного совершения преступлений данной категорией лиц выступает деструктивное влияние алкоголя и наркотиков на личность человека, что в итоге приводит к ее деградации [16]. Такие преступники-рецидивисты также отличаются крайней жестокостью и агрессией, неумением вести себя в социуме. Зачастую они повторно совершают одни и те же преступления (например, кражи, грабежи) или, будучи осужденными за менее серьезное преступление, при рецидиве совершают более тяжкое (например, грабеж). Под влиянием употребления алкоголя или наркотиков данные лица совершают насильственные преступления, порой заранее не спланированные, под влиянием сиюминутной ярости или порыва (убийства, изнасилования).

Исследуя патопсихологические особенности личности преступника-рецидивиста на примере лиц, совершивших повторно корыстные преступления (такие как кражи и мошенничества), М.В. Гончарова утверждает, что их наличие у лица выступает условием, на фоне которого стечение неблагоприятных жизненных обстоятельств, преломляясь через деформированное сознание, находит отражение в совершении повторных преступлений [17].

Некоторые ученые, например отмечают, что одной из патопсихологических особенностей, которая часто встречается у преступников-рецидивистов с психическими аномалиями является низкий уровень умственных способностей [17]. Здесь сложно с этим не согласиться, так как многочисленные исследования это подтверждают, однако нельзя этот тезис распространять на все составы УК РФ без исключения. Другими словами, есть некоторые категории преступлений, которые можно отнести к группе «интеллектуальных» – то есть без наличия определенного багажа знаний и образования, преступник никогда их не сможет совершить. Например, это некоторые виды мошенничества, особенно те, которые совершаются с помощью сети «Интернет» и электронных средств платежей, злоупотребление должностными полномочиями и др. Следовательно, представленный ученым тезис имеет право на существование, однако лишь в отношении некоторых разновидностей преступников-рецидивистов, например, насильников, воров, убийц.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Наличие психических аномалий у рецидивистов гораздо чаще встречается, чем у лиц, совершающих однократные преступления. Кроме того, существует прямая взаимосвязь между количеством судимостей, временным интервалом рецидива и видами психических аномалий. В наиболее общем смысле, психическая аномалия – это состояние психики, психического здоровья человека, которое выходит за рамки нормального, однако при этом не является патологией.

2. Само по себе наличие психической аномалии никогда не является единственной причиной, по которой лицо становится на преступный путь. Как правило, этому сопутствуют неблагоприятные условия жизни и развития, низкий уровень воспитания и образования, негативное отношение со стороны общества (например, в школе или ином образовательном учреждении). Сами психические аномалии обусловливают агрессивное поведение индивида, его импульсивность и острые эмоциональные реакции на происходящие события, что в итоге приводит к изоляции индивида от общества и его неспособности адекватно реагировать на правила поведения в той или иной социальной группе. Такие индивиды постоянно ощущают враждебность окружающего мира, что в итоге приводит к агрессивным реакциям на внешние раздражители. Все это в совокупности и приводит к совершению преступлений, особенно насильственных.

3. Информация о наличии психической аномалии позволяет выделить данные о личности преступника, необходимые для организации наиболее эффективного розыска лица, совершившего преступление, а впоследствии – установлении его вины, а также выявлении и устранении причин и условий, способствовавших совершению преступлений и их рецидива.

Список литературы

1. *Петрова А.С., Егорышева Е.А.* Преступное поведение лица с психическими аномалиями // Modern Science. 2021. № 5-3. С. 239-242.
2. *Севостьянов Р.А.* Особенности преступного поведения лиц с тревожным расстройством личности // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11. № 2-1. С. 145-153.
3. *Тарасова С.А.* Проблемы взаимодействия сотрудников исправительных учреждений с осужденными, имеющими психические расстройства // Вестник Самарского юридического института. 2021. № 3 (44). С. 110-116.
4. *Uszkiewicz E.* Anomalies in the application of law related to hate crimes // Hungarian Journal of Legal Studies. 2021. DOI: 10.1556/2052.2020.00344.
5. *Sobko G.* Mental anomalies as factors that cause criminal offenses, including in the form of mental abuse // Public administration and law review. 2020. 57-63. DOI: 10.36690/2674-5216-2020-4-57.
6. *Tihanyi M., Mátyás S., Vári V., Krasnova K., Volkova M.* Correlation between female identity in civil society and criminal repression in Hungary and Russia // Russian Law Journal. 2020. Т. 8. № 4. С. 92-108. DOI: 10.17589/2309-8678-2020-8-4-92-108
7. *Кобец П.Н., Краснова К.А.* Причины и условия рецидивной преступности женщин, освободившихся из мест лишения свободы // Современная пенитенциарная система Российского государства: от теории к практике и международным стандартам. Материалы Межвузовской научно-практической конференции. Псков, 2021. С. 70-79.
8. *Сочивко О.И.* Направления исследований расстройств личности осужденных женщин в отечественной психологии // Прикладная юридическая психология. 2016. № 4. С. 93-97.
9. *Yu R, Geddes JR, Fazel S.* Personality disorders, violence, and antisocial behavior: a systematic review and meta-regression analysis. J Pers Disord. 2012 Oct;26(5):775-92.
10. *Сазонова Н.И.* Особенности личности рецидивистов с расстройствами психики // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 7. С. 139-142.
11. *Еникеев М.И., Кочетков О.Л.* Общая, социальная и юридическая психология. Краткий энциклопедический словарь. Москва: Юридическая литература, 1997. 448 с.
12. *Бакин А.А.* Социальное и биологическое в личности насильственного преступника-рецидивиста // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 2 (42). С. 90-96.
13. *Братусь Б.С.* Аномалии личности. Москва, 1988. 301 с.
14. *Горьковая И.А.* Психические аномалии и противоправное поведение несовершеннолетних // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 100. С. 178-191.
15. *Скворцов К.А.* Психологический портрет личности осужденного, склонного к совершению повторного преступления // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2020. № 9 (220). С. 76-80.
16. *Tihanyi M., Mátyás S., Vári V., Krasnova K.A.* Socio-demographic characteristics of drug users and drug addicts in Hungary // Victimology. 2020. № 3 (25). С. 53-60.
17. *Гончарова М.В.* Патопсихологические особенности корыстного преступника-рецидивиста // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 3. С. 91-94.

References

1. *Petrova A.S., Egorysheva E.A.* Prestupnoe povedenie lica s psihicheskimi anomaliyami // Modern Science. 2021. № 5-3. S. 239-242.
2. *Sevost'yanov R.A.* Osobennosti prestupnogo povedeniya lic s trevozhnym rasstrojstvom lichnosti // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. 2021. T. 11. № 2-1. S. 145-153.
3. *Tarasova S.A.* Problemy vzaimodejstviya sotrudnikov ispravitel'nyh uchrezhdenij s osuzhdennymi, imeyushchimi psihicheskie rasstrojstva // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. 2021. № 3 (44). S. 110-116.
4. *Uszkiewicz E.* Anomalies in the application of law related to hate crimes // Hungarian Journal of Legal Studies. 2021. DOI: 10.1556/2052.2020.00344.
5. *Sobko G.* Mental anomalies as factors that cause criminal offenses, including in the form of mental abuse // Public administration and law review. 2020. 57-63. DOI: 10.36690/2674-5216-2020-4-57.
6. *Tihanyi M., Mátyás S., Vári V., Krasnova K., Volkova M.* Correlation between female identity in civil society and criminal repression in Hungary and Russia // Russian Law Journal. 2020. T. 8. № 4. S. 92-108. DOI: 10.17589/2309-8678-2020-8-4-92-108
7. *Kobec P.N., Krasnova K.A.* Prichiny i usloviya recidivnoj prestupnosti zhenshchin, osvobodivshihsya iz mest lisheniya svobody // Sovremennaya penitenciarnaya sistema Rossijskogo gosudarstva: ot teorii k praktike i mezhdunarodnym standartam. Materialy Mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Pskov, 2021. S. 70-79.
8. *Sochivko O.I.* Napravleniya issledovanij rasstrojstv lichnosti osuzhdennyh zhenshchin v otechestvennoj psihologii // Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya. 2016. № 4. S. 93-97.
9. *Yu R, Geddes JR, Fazel S.* Personality disorders, violence, and antisocial behavior: a systematic review and meta-regression analysis. J Pers Disord. 2012 Oct; 26(5):775-92.

10. *Sazonova N.I.* Osobennosti lichnosti recidivistov s rasstrojstvami psihiki // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2010. № 7. C. 139-142.
11. *Enikeev M.I., Kochetkov O.L*. Obshchaya, social'naya i yuridicheskaya psihologiya. Kratkij enciklopedicheskij slovar'. Moskva: Yuridicheskaya literatura, 1997. 448 s.
12. *Bakin A.A.* Social'noe i biologicheskoe v lichnosti nasil'stvennogo prestupnika-recidivista // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2019. № 2 (42). S. 90-96.
13. *Bratus' B.S.* Anomalii lichnosti. Moskva, 1988. 301 s.
14. *Gor'kovaya I.A.* Psihicheskie anomalii i protivopravnoe povedenie nesovershennoletnih // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. 2009. № 100. S. 178-191.
15. *Skvorcov K.A.* Psihologicheskij portret lichnosti osuzhdennogo, sklonnogo k sovershenіyu povtornogo prestupleniya // Vedomosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy. 2020. № 9 (220). S. 76-80.
16. *Tihanyi M., Mátyás S., Vári V., Krasnova K.A.* Socio-demographic characteristics of drug users and drug addicts in Hungary // Victimology. 2020. № 3 (25). S. 53-60.
17. *Goncharova M.V.* Patopsihologicheskie osobennosti korystnogo prestupnika-recidivista // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2013. № 3. S. 91-94.

УДК 343.3

DOI 10.47629/2074-9201_2021_4_41_46

Кузнецов Александр Анатольевич,
полковник юстиции, следователь по особо важным делам, Главное следственное управление Следственного комитета Российской Федерации, Москва,
onikudaki@inbox.ru

ХАРАКТЕРИСТИКА НАСИЛИЯ ПРИ ЗАХВАТЕ ВЛАСТИ

Аннотация. *Статья посвящена анализу содержания и определения насилия в уголовном праве, а также его характеристике применительно к захвату власти. Отмечается, что насилие в отношении государства отличается в отношении индивида преодолением воли не отдельного человека, а воли всего проживающего в нем народа (преломление, преодоление, подавление воли народа). Данный вид насилия проявляется в воздействии на сформированные в установленном законом порядке политические институты и государственные органы. Проведена аналитическая работа по определению форм и видов насильственного захвата власти, предложены изменения в действующее законодательство и обоснована необходимость издания руководящих разъяснений Верховного Суда России.*
Ключевые слова: насилие, захват власти, формы насильственного захвата власти, свержение конституционного строя, государственный переворот.

Alexandr A. Kuznetsov,
Colonel of Justice, Investigator for particularly important cases, Main investigation Department of the Investigative committee of the Russian Federation, Moscow,
onikudaki@inbox.ru

CHARACTERISTIC OF VIOLENCE IN POWER CAPTURE

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the content and definition of violence in criminal law, as well as its characteristics in relation to the seizure of power. The author notes that violence against the state differs in relation to the individual by overcoming the will of not an individual person, but the will of all the people living in him (refraction, overcoming, suppression of the will of the people). This type of violence is manifested in the impact on political institutions and state bodies formed in accordance with the procedure established by law. Analytical work has been carried out to determine the forms and types of violent seizure of power, changes to the current legislation have been proposed, and the necessity of issuing guidance clarifications of the Supreme Court of Russia has been substantiated.*
Keywords: violence, seizure of power, forms of violent seizure of power, overthrow of the constitutional order, coup d'etat.

Захват власти – явление само по себе далеко не новое и не уникальное. На разных этапах становления государственности захват власти в различных его проявлениях испытали на себе практически все страны, и это неудивительно. Политическая власть, предполагающая возможность распоряжения природными, экономическими, человеческими и иными ресурсами, всегда будет представлять интерес для разных социальных групп, желающих воспользоваться ими в тех или иных целях.

На рост деструктивных настроений в обществе существенное влияние оказывают различные националистические организации, религиозные и общественные объединения, иностранные неправительственные организации и фонды. Их деструктивный потенциал подпитывают социальные сети исламистских и националистических интернет-сообществ, которые транслируют идеи этноконфессиональной нетерпимости и радикальных религиозных течений [1].

Стремление завладеть властью обусловлено самой ее природой, самим фактом ее существования. Как справедливо отмечает В.М. Корельский, по сути «вся политическая история человечества есть история борьбы за овладение государственной властью и использование ее возможностей на благо людей» [2].

Насильственный захват власти – одна из форм проявления такого многоаспектного и сложного понятия как «насилие», значение которого в различных отраслях науки раскрывается по-разному.

С позиций философии насилие рассматривается как такие отношения между людьми, когда одни индивиды или группы людей путем физического принуждения, вплоть до угрозы убийством и убийства, навязывают свою волю другим [3]. Еще в одном вари-

анте толкования насилие предстает как «любая сила, примененная к индивиду или к группе, вынуждающая их соглашаться и действовать вопреки собственной воле» [4].

В политико-правовых исследованиях при анализе понятия «политическое насилие» отмечается его сложность, отсутствие общепринятого определения и универсально согласованного набора системных признаков. Вместе с тем применительно к сфере борьбы с терроризмом выделяют два нормативно закрепленных в антитеррористических соглашениях ООН признака политического насилия: действие против физических лиц и незаконный характер поведения [5]. В контексте проводимого нами исследования не вызывает сомнения необходимость разработки данных признаков.

В криминологических исследованиях насилие изучается через характеристику влияния экстремистских сообществ на личность преступника, склонного к проявлению насилия. В этой связи ряд авторов формулируют понятие «радикальное насилие», под которым понимают проявление открытого и противоправного социального протеста путем совершения преступлений против жизни и здоровья случайных лиц [6].

Среди специалистов в области уголовного права отсутствует единство в оценке насилия. Под насилием, в частности, понимается физическое или психическое воздействие на кого-то или на что-то, нанесение им вреда ради собственных интересов либо такое воздействие, при котором возможное нанесение вреда игнорируется [7]. Не останавливаясь подробно на общем толковании термина «насилие», которое достаточно подробно описано в специальной литературе, остановимся на специфике его понимания с позиций науки уголовного права.

Так, В.В. Меркурьев предлагает различать понятие насилие в широком и узком смысле. В широком смысле понятие насилия может быть раскрыто через определение предмета уголовно-правового регулирования. В узком смысле уголовно-правовое понятие насилия включает в себя только преступное деяние [8].

В уголовном праве понятие «насилие» имеет специфическое (узкосмысловое) толкование, обусловленное особенностями уголовно-правовой регламентации общественных отношений, рамки которого ограничены значениями терминологических форм, используемых в основном для описания насильственных преступлений в уголовном законе.

Причем в диспозиции норм Особенной части УК РФ понятие «насилие» встречается довольно часто, – как правило, в качестве конструктивного признака конкретных составов преступлений (более, чем в 40 составах преступных посягательств), при этом чаще всего используется либо для описания деяния, либо способа его совершения.

Кроме того, насилие находит свое выражение в уголовном законе еще в нескольких значениях:

• в качестве правового стимула, направленного на предупреждение преступлений, выступая в роли основания правомерного причинения вреда лицу, посягающему на охраняемые уголовным законом интересы личности, общества и государства;

• в качестве повода для совершения преступного посягательства, характеризующего поведение потерпевшего, например, в ст. 107 УК РФ;

• выступает смягчающим или отягчающим наказание обстоятельством (ст. 61 и 63 УК РФ).

Чаще всего понятие насилия формулируют применительно к преступлениям против жизни и здоровья [9], к половым преступлениям (разновидностям сексуального насилия) [10], насильственным формам хищения [11], применению насилия в отношении представителя власти [12] и так далее. В результате получаются слишком узкие, ограниченные по смыслу и содержанию определения.

Как справедливо отмечает Л.Л. Кругликов, основным недостатком имеющихся формулировок насилия в УК выступает их однобокость [13]. Если говорить об определениях насилия, встречающихся в современной уголовно-правовой доктрине в целом, можно сделать вывод, что в универсальном значении оно (насилие) в уголовно-правовой науке определяется, во-первых, как индивидуальное насилие, то есть насилие, применяемое в отношении именно человека (конкретного человека или нескольких лиц), во-вторых, как физическое или психическое насилие в отношении них.

Это, на наш взгляд, ключевая концептуальная недоработка, которая не учитывает возможность оценки насилия, применяемого не только в отношении физических, но и юридических лиц, общества (населения страны, нации), а также – государства.

Для устранения данного недостатка, при изучении сущности насилия нужно, прежде всего, учитывать, что выступает в качестве объекта насилия, поскольку именно природа и вид объекта насилия определяют многие его черты и характеристики, в том числе и характер применяемого насилия, его средства и способы в каждом конкретном случае. Так, если объектом насилия выступает физическое лицо, то насилие в отношении него может быть либо физическим, либо психическим (в виде угрозы применения физического насилия) [14]. Если же это юридическое лицо, то насилие в отношении него уже может выразиться как в виде физического или психического насильственного воздействия на руководителей (руководство) организации, так и в иных вариантах применения силы (например, ограничения присутствия на рынке организации или проведения в отношении нее проверок с целью принуждения к совершению сделки и др.).

Что касается сути насилия, то она едина вне зависимости от формы насильственного воздействия на объект – и представляет собой действие либо совокупность действий или мер, выражающихся в применении силы: вооруженной, физической, психической, политической, экономической и иного вида к объекту насилия. Это должно быть такое волевое воздействие, которое способно обеспечить преодоление (преломление) воли субъекта, в отношении которого она применяется (объекта насилия).

Обобщая основные доктринальные положения о насилии в уголовном праве, попробуем выделить главные его признаки. Это:

1) применение силы, то есть насильственного физического, психического и иного воздействия;

2) воздействие всегда неправомерное (нелегитимное), противоправное, то есть запрещенное или непредусмотренное законом, осуществляемое вне рамок закона;

3) направленность на личность, общество, государство (иной объект насилия);

4) направленность на преодоление (подавление) и подчинение воли объекта, в отношении которого она применяется, или причинение ущерба его жизненно важным интересам с целью преодоления (подавления) и подчинения его воли (предполагает установление доминирующего со стороны субъекта насилия и подневольного в отношении объекта насилия положения (зависимости) – и подразумевает принуждение субъекта, в отношении которого применяется насилие, к совершению определенных (подкрепленных волей субъекта, применяющего насилие) действий или отказу от их совершения (воздержание от них).

Опираясь на выделенные признаки, под насилием в уголовном праве в обобщенном его виде следует понимать неправомерное (нелегитимное) применение силы, направленной на преодоление (подавление) и подчинение воли субъекта, в отношении которого оно применяется, или причинение ущерба его жизненно важным интересам против его воли.

Говоря непосредственно о насильственном захвате государственной власти, необходимо учитывать также следующее. Эта форма насилия в отношении государства отличается от насилия в отношении индивида или группы индивидов тем, что здесь речь идет о преодолении воли не просто отдельно взятого человека или группы людей, а воли всего проживающего в нем народа (преломление, преодоление, подавление воли народа).

Такой вывод вытекает из того, что данный вид насилия, как правило, проявляется в воздействии на сформированные в установленном законом порядке (на основе выборов) политические институты и прежде всего – государственные органы. Причем, основной «удар» всегда приходится непосредственно на верховную власть, которая оказывается неспособной обеспечить суверенитет, территориальную целостность, внутреннюю и внешнюю безопасность и так далее.

Таким образом, под насильственным захватом власти следует понимать любой нелегитимный (противозаконный) переход государственно-властных полномочий (высших органов государства), обеспечивающих полноту реализации государственной власти на территории страны или отдельно взятого региона (административно-территориальной единицы) либо установление фактического контроля над определенной территорией, проживающим в ее пределах населением и ресурсами путем создания альтернативных действующей системе государственных органов политических институтов, имеющих собственный аппарат управления и принуждения.

Вооруженный способ захвата власти возможен как в результате внутреннего вооруженного конфликта, так и внешнего вооруженного противостояния, захватнической войны, внешней агрессии [15]. Особенности вооруженного захвата власти заключаются, прежде всего, в применении для преодоления (подавления) воли страны (отдельной административно-территориальной единицы) и ее народа (населения) грубой силы, – армии или аналогичных ей военизированных подразделений, оружия [16]. При этом сам приход и установление на определенной территории новой власти всегда характеризуется свержением, уничтожением (устранением) прежних государственно властных институтов.

Краткий обзор возможных вариантов насильственного захвата власти в стране позволяет выделить следующие его основные формы:

1. Невооруженный насильственный захват власти представляет собой фактический захват и (или) переподчинение ключевых постов органов верховной власти страны новым лицом или группой лиц (любой нарушающий конституционный либо законный порядок перехода власти, или занятие высших должностей государства лицами без соблюдения порядка избрания на такие должности, или занятие государственных должностей вопреки установленному порядку их замещения), начало распоряжения властью (издание приказов, распоряжений, постановлений, законов и др.), обеспеченный установлением контроля над управлением территорией или частью территории страны.

2. Вооруженный насильственный захват власти представляет собой фактический захват высших должностей и органов государственной власти с установлением контроля над государством (отдельной его территорией, административно-территориальной единицей) посредством применения оружия (с использованием вооруженных сил), в результате вооруженного восстания, либо военная интервенция – вооруженный захват территории России или ее части

иностранным государством с нарушением государственной границы.

Таковы, на наш взгляд, основные теоретические модели захвата власти.

Объективная сторона насильственного захвата власти, согласно ст. 278 УК РФ, включает три вида осуществления этого деяния, которые законодатель обособил в диспозиции нормы по признаку их направленности. Это действия, направленные на:

1) насильственный захват власти;

2) насильственное удержание власти в нарушение Конституции Российской Федерации;

3) насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации.

Такой подход к описанию признаков внешнего выражения рассматриваемого состава преступления кажется нам не совсем удачным, поскольку не все из того, что перечислено в диспозиции нормы, гармонично вписывается в содержание исследуемого криминального явления и логично сочетается с другими его элементами.

Во-первых, при конструировании состава насильственного захвата власти нет острой необходимости упоминать о насильственном удержании власти как об отдельной форме криминального поведения (объективного проявления рассматриваемого феномена) ввиду особенностей современной системы передачи высшей государственной власти. В контексте установленного Конституцией Российской Федерации порядка ее формирования и смены насильственное удержание власти по смыслу и по содержанию действий логично вписывается в общую конструкцию насильственного захвата власти.

Насильственный захват власти – это свержение высшей государственной власти в стране, которое может и не вылиться в итоге в изменение конституционного строя государства (то есть перечисленных выше юридических норм), а для попытки изменения конституционного строя в свою очередь не всегда необходим насильственный захват власти. Его, как показывает история, могут осуществить и лица, находящиеся у власти на законных основаниях (например, опыт становления Третьего рейха и нацистской Германии после назначения Адольфа Гитлера рейхсканцлером Веймарской республики 30 января 1933 года).

Причем, на наш взгляд, о последнем уголовно-правовом явлении более правильно даже говорить как о свержении конституционного строя, а не его изменении с точки зрения социально-правовой природы данного политического явления.

Другой, не менее опасной формой насильственного захвата власти, выступает государственный переворот, осуществляемый террористическими или экстремистскими группировками (в разрезе исследования объективных признаков рассматриваемого феномена терроризм и экстремизм целесообразно рассматривать в едином ключе, поскольку это – хотя и разные по своей сути явления, но в плане насильственного захвата власти они проявляются одинаково, имеют одинаковые черты внешнего выражения. В данном случае чаще всего терроризм (террор) выступает способом реализации экстремистских идей, взглядов и устремлений).

Помимо обозначенных выше форм насильственного захвата власти, реально практикуемых в современный период на территории России и сопредельных государств, теоретически возможны и другие варианты реализации государственного переворота. К примеру, это, как мы уже отмечали ранее, может быть захват власти в виде фактического занятия определенной территории большой группой людей или крупной военизированной группировкой с установлением над ней контроля. Но такое явление, как показывает исторический опыт становления различных государств, характерно для периодов безвластия, либо значительного ослабления политических сил, находящихся у власти на законных основаниях, как это было, например, в годы гражданской войны в России в начале прошлого столетия.

Кроме того, еще одной характерной особенностью объективного выражения насильственного захвата власти (вне зависимости от формы его осуществления) выступает то, что ряд действий по его организации и подготовке, которые согласно нормам Общей части УК РФ должны составлять стадию приготовления к преступлению, зачастую являются оконченными отдельно взятыми деяниями, предусмотренными самостоятельными статьями Особенной части УК.

Из сказанного выше вытекает, что формулировка «действия, направленные на насильственный захват власти» как характеристика объективной стороны является наиболее универсальной, а потому и более приемлемой для законодательного описания объективных признаков рассматриваемого деяния, поскольку охватывает своим содержанием любые составляющие его действия. И те, которые совершаются на стадии подготовки к государственному перевороту, и те, которые образуют попытку его осуществления (по сути покушение на насильственный захват власти), и те, которые в соответствии с положениями института соучастия должны рассматриваться как виды соучастия (подстрекательство, пособничество, деятельность организатора), и вообще все действия, которые так или иначе выступают составной частью организации и реализации государственного переворота.

В то же время в некотором уточнении нуждается содержание признака направленности указанных выше действий. Исходя из сути деятельности организаторов и участников государственных переворотов, это, во-первых, направленность на установление кон-

троля над верховной властью в стране и фактическое завладение полномочиями высших государственных органов (как правило, предполагает направленность на смену должностных лиц, замещающих высшие должности в государстве); а во-вторых, направленность на изменение территориальных границ государства, (нарушение территориальной целостности страны).

При этом особое внимание в данном вопросе нужно уделить установлению момента окончания деяния, предусмотренного ст. 278 УК РФ. Из текста самой рассматриваемой нормы это сделать довольно сложно, поскольку законодатель, говоря о направленности действий, по сути указывает лишь на их характер, но не на содержание, из чего полноту действий, достаточную для признания деяния оконченным, в данном случае определить довольно сложно.

Что же касается непосредственно действий, направленных на насильственный захват власти и квалифицируемых по ст. 278 УК РФ, то момент окончания этого деяния, на наш взгляд, целесообразно связать с завершенностью хотя бы одного из преступных действий, оставляющих общее содержание покушения на насильственный захват власти, при условии соответствующей его направленности. В целом совокупность таких действий наиболее логично обозначить как попытку насильственного захвата власти (попытку государственного переворота) или попытку нарушения территориальной целостности Российской Федерации в виде захвата входящей в ее состав территории или выведение ее из состава России.

Однако проведенное нами исследование показало, что судами чаще всего игнорируется направленность умысла виновных при создании преступных групп и совершении ими преступлений террористического характера.

Вместе с тем, общее правило квалификации преступлений говорит о том, что содеянное лицом следует квалифицировать по направленности умысла виновного. Это правило нашло отражение и в ряде Постановлений Пленума Верховного Суда РФ. На наш взгляд, такое же правило должно применяться и при совершении преступлений, направленных на насильственный захват власти.

Полагаем, что в настоящее время требуется издание руководящих разъяснений Верховного Суда РФ по изучаемой нами категории преступлений, в которых следует разъяснить, что поскольку состав ст. 278 УК РФ сконструирован как усеченный, то есть момент его окончания перенесен на начало выполнения объективной стороны, предусмотренной диспозицией соответствующего состава, то любые действия, совершаемые с целью насильственного захвата власти, в том числе создание преступного сообщества, банды, незаконного вооруженного формирования, следует рассматривать как подготовительные действия к совершению преступления, предусмотренного ст. 278 УК РФ. В таком случае при доведении умысла на совершение насильственного захвата власти до конца, эти преступления будут поглощаться более поздней стадией – составом ст. 278 УК РФ и самостоятельной квалификации не подлежат при отсутствии в деянии признаков иного состава преступления, не входящего в диспозицию ст. 278 УК РФ. При совершении преступлений террористической или экстремистской направленности, если будет установлено, что их целью был, в том числе, и насильственный захват власти, содеянное следует квалифицировать по совокупности указанных преступлений со ст. 278 УК РФ.

В зависимости от того, на какой стадии преступной деятельности были прерваны преступные действия по подготовке к насильственному захвату власти, необходимо давать оценку и той цели, с которой виновные действовали при создании незаконных вооруженных формирований, банд, преступных сообществ. При установлении умысла на насильственное свержение власти, содеянное следует квалифицировать только как покушение на насильственный захват власти при отсутствии в деянии виновных признаков иных составов преступлений.

Список литературы

1. Деятельность органов прокуратуры по предупреждению преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства: монография / [П.В. Агапов др.; рук. авт. коллектива П.В. Агапов]; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. М., 2019. С. 7.
2. *Корельский В.М.* Государственная власть /Теория государства и права / отв. ред. В.Д. Перевалов. изд 3-е. М.: Норма, 2008. С. 53.
3. *Гусейнов А.А.* Возможно ли моральное обоснование насилия? // Вопросы философии. 2004. № 3. С. 19-27; Гусейнов А.А. Понятия насилия и ненасилия // Вопросы философии. 1994. № 6. С. 35-41.
4. *Капустин. Б.Г.* Моральный выбор в политике. – М.: Изд-во МГУ, 2004. С. 290.
5. *Чернядьева Н.А.* Анализ понятия «политическое насилие» в антитеррористических соглашениях ООН // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 1 (23). С. 313-321.
6. *Кириленко В.П., Алексеев Г.В.* Экстремисты: преступники и жертвы радикального насилия // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13; Агапов П.В., Сотченко С.Д. Противодействие распространению экстремистской идеологии в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Законность. 2016. № 8 (982). С. 22-24.
7. *Антонян Ю.М., Волконская Е.К.* Понятие насильственного преступления // Научный портал МВД России. 2013. № 1 (21). С. 3-8.

8. *Меркурьев В.В.* Защита безопасности человека и его жизнедеятельности. – М., Российская криминологическая ассоциация, 2005. С. 125-126.
9. *Гаухман Л.* Проблемы квалификации насильственных преступлений // Уголовное право. 2014. № 5. С. 39-42.
10. *Безматерных М.А., Качина Н.В.* Совместное использование признаков «применение насилия» и «использование беспомощного состояния потерпевшего (потерпевшей)» при квалификации деяний, предусмотренных статьями 131 и 132 УК РФ // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 12. С. 142-149; Тыдыкова Н.В. Уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации насильственных половых преступлений: Монография. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 24; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Российская газета. 2014. 12 декабря.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Российская газета. 2003. 18 января.
12. *Антонов Ю.* О необходимости сравнения санкций ст. 318 и статей гл. 16 УК РФ в случае применения насилия в отношении представителя власти // Уголовное право. 2014. № 5. С. 10-13.
13. *Кругликов Л.Л.* О понятии и уголовно-правовой оценке насилия // Уголовное право. 2015. № 1. С. 72-75.
14. *Кругликов Л.Л.* О понятии и уголовно-правовой оценке насилия // Уголовное право. 2015. № 1. С. 72-75; Насильственная преступность / Под ред. В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова. М.: Спарк, 1997. С. 48; Безручко К.В. К вопросу о понятии насилия // Юристъ – Правоведъ. 2007. № 2. С. 54-55.
15. *Трифонова И.А.* Классификация вооружённых конфликтов в современном международном праве // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2017. № 2-3 (153-154). С. 10-14.
16. *Татарникова А.Н.* Международное вооружённое вмешательство: опыт практического применения и оценка результативности // Стратегическая стабильность. 2018. № 3 (84). С. 9-15.

References

1. *Activities of* the prosecutor's office to prevent crimes against the foundations of the constitutional order and state security: monograph / [P.V. Agapov, others; hands. ed. collective P.V. Agapov]; University of Prosecutor's Office Ros. Federation. Moscow, 2019, p. 7.
2. *Korelskiy V.M.* State power / Theory of state and law / otv. ed. V.D. Passes. 3rd edition. M .: Norma, 2008.S. 53.
3. *Guseinov A.A.* Is there a moral justification for violence? // Questions of philosophy. 2004. № 3. S. 19-27; A.A. Guseinov The concepts of violence and non-violence // Questions of philosophy. 1994. № 6. S. 35-41.
4. *Kapustin. B.G.* Moral choice in politics. – M .: Publishing house of Moscow State University, 2004.S. 290.
5. *Chernyadyeva N.A.* Analysis of the concept of «political violence» in the anti-terrorist agreements of the UN // Bulletin of the Perm University. Legal sciences. 2014. № 1 (23). S. 313-321.
6. *Kirilenko V.P., Alekseev G.V.* Extremists: Criminals and Victims of Radical Violence // All-Russian Criminological Journal. 2019.Vol. 13. № 4.P. 612-628; Agapov P.V., Sotchenko S.D. Counteracting the spread of extremist ideology in the institutions of the penal system // Legality. 2016. № 8 (982). S. 22-24.
7. *Antonyan Yu.M., Volkonskaya E.K.* The concept of violent crime // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. № 1 (21). S. 3-8.
8. *Merkuriev V.V.* Protection of human safety and life. – M., Russian Criminological Association, 2005.S. 125-126.
9. *Gaukhman L.* Problems of qualification of violent crimes // Criminal law. 2014. № 5. S. 39-42.
10. *Bezmaternykh M.A., Kachina N.V.* Combined use of the signs of «use of violence» and «use of the helpless state of the victim (victim)» when qualifying the acts provided for in Articles 131 and 132 of the Criminal Code of the Russian Federation // Actual problems of Russian law. 2018. № 12.P. 142-149; Tydykova N.V. Criminal and legal characteristics and issues of qualification of violent sexual crimes: Monograph. M .: Jurlitinform, 2013.S. 24; Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 04.12.2014 № 16 «On judicial practice in cases of crimes against sexual inviolability and sexual freedom of the individual» // Rossiyskaya Gazeta. 2014.12 December.
11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 27, 2002 № 29 (as amended on May 16, 2017) «On judicial practice in cases of theft, robbery and robbery» // Rossiyskaya Gazeta. 2003.18 January.
12. *Antonov Yu.* On the need to compare the sanctions of Art. 318 and chap. 16 of the Criminal Code of the Russian Federation in the Case of Violence Against a Representative of the Authority // Criminal Law. 2014. № 5. S. 10-13.
13. *Kruglikov L.L.* On the concept and criminal-legal assessment of violence // Criminal law. 2015. № 1. S. 72-75.
14. *Kruglikov L.L.* On the concept and criminal-legal assessment of violence // Criminal law. 2015. № 1. P. 72-75; Violent Crime / Ed. V.N. Kudryavtseva and A.V. Naumova. M.: Spark, 1997.S. 48. K.V. Bezruchko. On the question of the concept of violence // Jurist – Pravoved. 2007. № 2. S. 54-55.
15. *Trifonova I.A.* Classification of armed conflicts in modern international law // Representative power – XXI century: legislation, comments, problems. 2017. № 2-3 (153-154). S. 10-14.
16. *Tatarnikova A.N.* International Armed Intervention: Practical Experience and Evaluation of Effectiveness // Strategic Stability. 2018. № 3 (84). S. 9-15.

УДК 343

DOI 10.47629/2074-9201_2021_4_47_53

Лысенков Сергей Геннадьевич,
доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры Теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Санкт-Петербург,
sergey.lysenkov@mail.ru

Олейник Сергей Александрович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры Гражданского права и процесса,
Международный юридический институт, Москва,
oleynik.s.a@mail.ru

Родин Андрей Вячеславович,
адъюнкт кафедры Теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Санкт-Петербург,
Rodin.a.v@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ ОБЪЕКТОВ НЕДВИЖИМОСТИ В ЧАСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ЗОН С ОСОБЫМИ УСЛОВИЯМИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕРРИТОРИИ (НА ПРИМЕРЕ ВОЙСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ГВАРДИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

Аннотация. *Проведен анализ теоретико-правового содержания общей дефиниции зоны с особыми условиями использования территории. Выявлены отдельные особенности правового регулирования территориального планирования объектов обороны и безопасности войск национальной гвардии в процессе установления таких зон. Акцентировано внимание на необходимости разработки правовых актов, регламентирующих рассматриваемую сферу деятельности.*

Ключевые слова: объекты обороны и безопасности, территориальное планирование, зоны с особыми условиями использования территории.

Sergey G. Lysenkov,
Doctor of Juridical Sciences, Ph.D. of Historical Sciences, Full Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Professor at the Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, St. Petersburg,
sergey.lysenkov@mail.ru

Sergey A. Oleynik,
Ph.D. of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Civil Law and Procedure,
International Law Institute,
oleynik.s.a@mail.ru

Andrey V. Rodin,
Adjunct at the Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, St. Petersburg,
Rodin.a.v@yandex.ru

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF TERRITORIAL PLANNING OF REAL ESTATE IN PART OF THE ESTABLISHMENT OF ZONES WITH SPECIAL CONDITIONS FOR THE USE OF THE TERRITORY (ON THE EXAMPLE OF THE NATIONAL GUARD TROOPS OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Abstract. *An analysis of the theoretical and legal content of the general definition of a zone with special conditions for the use of the territory is carried out. Certain features of the legal regulation of the territorial planning of defense and security*

facilities of the National Guard troops in the process of establishing such zones are revealed. Attention is focused on the need to develop legal acts regulating the area of activity under consideration.
Keywords: objects of defense and security, territorial planning, zones with special conditions for the use of the territory.

Зоны с особыми условиями использования территории (далее – ЗОУИТ), являясь неотъемлемой частью процесса территориального планирования, призваны оказывать влияние как на планируемые, так и на существующие объекты капитального строительства и земельные участки. Исходя из этого следует, что требуют системного изучения предмет правового регулирования и выявление общих проблемных организационно-правовых вопросов в данной области, решение которых позволит выполнить цели законодателя, возложенные на такие зоны.

Подтверждением тому является умозаключение Костюченко Ю.А. и Чалышева А.А. [13], которые выделяют среди целей ЗОУИТ защиту благополучия населения, а также безопасное и бесперебойное функционирование объектов обороны и безопасности, транспорта, энергетики, связи, сохранность объектов культурного наследия.

По аналогии с иными предметами исследования можно установить, что для рассмотрения предмета правового регулирования ЗОУИТ целесообразно исследовать правовые основы их содержания. Понятие ЗОУИТ представляет собой одну из форм теоретического познания правовой науки.

Отсутствие в законодательстве обобщенной дефиниции ЗОУИТ при их многообразии приводит к невозможности конкретного теоретического толкования понятия. О подобной проблеме указывается в научной работе ряда авторов [14; 15], где указано на то, что законодателем не сформировано определение ЗОУИТ, а Земельный кодекс РФ устанавливает лишь их цели. Другие исследователи [11; 17] сводят понятие ЗОУИТ к неполному перечню их видов. Третьи полагают [12], что имеющееся определение представляет собой перечень объектов обязательных для обозначения. Такое содержание понятия является не корректным, так как основным видом дефиниции в праве является установление понятия через его род с использованием видовых отличий.

При этом сам термин ЗОУИТ для действующего законодательства не является нововведением, а имеет свою правовую историю и предшественника в виде термина «зона с особыми условиями использования земель». Именно указанная формулировка присутствовала в советском законодательстве, так как она содержалась в статях 83, 89, 91 Земельного кодекса РСФСР [4].

При этом возможность установления таких зон распространялась только применительно к землям промышленности, связи, транспорта, космического обеспечения, обороны, радиовещания, телевидения, информатики, природоохранного, оздоровительного назначения и иного назначения. Целью установления являлось – обеспечение безопасности граждан и создание условий для использования промышленных, транспортных и прочих объектов.

При всем современном многообразии правового регулирования видов ЗОУИТ указанных статье 105 Земельного кодекса РФ, менее изученной и одной из наиболее актуальных с учетом международной обстановки, в настоящее время являются зоны в отношении военных объектов. Причем ЗОУИТ военных объектов войск национальной гвардии Российской Федерации (далее – ВНГ) являются менее изученными и соответственно менее применяемыми в практическое деятельности в связи с относительно недавним временем создания Росгвардии. Примечательно, что объекты обороны и безопасности, в своем большинстве существующие и планируемые к строительству и реконструкции, имеют свою специфику, связанную с необходимостью их нахождения в границах муниципальных образований. Такое нахождение, как указано ранее, позволяет ВНГ, как правопреемникам внутренних войск МВД России, наиболее эффективно выполнять служебно-боевые задачи.

Первым юридическим документом, регулирующим порядок установления ЗОУИТ военных объектов в правовой истории современного государства, явилось постановление Правительства РФ от 17 февраля 2000 года № 135 [6]. Актом Правительства Российской Федерации определялась необходимость установления запретных зон и запретных районов в отношении арсеналов, баз, а также складов как центрального, так и окружного подчинения, находящихся в ведении Вооруженных Сил России, иных войск, воинских формирований и органов, в том числе и внутренних войск МВД.

Таким образом, акт содержал две разновидности зон в отношении ограниченного перечня военных объектов, выполняющих функцию хранения вооружения, техники и иного военного имущества. Полномочия по утверждению границ зон и районов передавались руководителям органов власти субъектов государства, на территории которых расположены такие военные склады, по предварительному представлению военного командования.

При этом, как следует из открытых источников и юридической литературы, установление зон в отношении объектов внутренних войск МВД России не

осуществлялось, а, следовательно, и не изучалось их правовое регулирование и зависимость от территориального планирования.

В дальнейшем постановлением Правительства Российской Федерации от 5 мая 2014 года № 405 [7] ранее применявшееся постановление Правительства Российской Федерации от 17 февраля 2000 года № 135 признано утратившим силу и утвержден новый порядок установления зон с особыми условиями использования земель в отношении военных объектов Вооруженных Сил России, иных войск, а также органов и воинских формирований, обеспечивающих оборону страны. Новый порядок (впервые) содержит в себе нормативно закрепленное понятие военные объекты, используемое применительно к установлению зон, раскрывает правовой режим зон и перечисляет их виды.

Примечательно, что новый акт Правительства России обязывает федеральные органы устанавливать зоны не только в отношении арсеналов, баз, складов, а и в отношении военных объектов включающих максимально широкий спектр объектов, существующих и планируемых к строительству в интересах обороны страны и безопасности государства. Первоначальная редакция постановления Правительства Российской Федерации от 5 мая 2014 года № 405 обязывала федеральные органы в том числе МВД России в лице внутренних войска установить до 31 декабря 2015 года ЗОУИЗ в отношении своих военных объектов. Однако, как возможно предположить, что в связи с отсутствием ведомственных правовых актов, регламентирующих реализацию акта Правительства России и созданием в 2016 году ВНГ, приведших к ликвидации внутренних войск МВД России, ЗОУИЗ так и не были установлены.

Постановлением Правительства РФ от 10 сентября 2016 года № 904 [8] внесены изменения в текст постановления Правительства Российской Федерации от 5 мая 2014 года № 405 в результате чего «внутренние войска Министерства внутренних дел Российской Федерации» заменены на ВНГ.

Одним из существенных отличий порядка, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 5 мая 2014 года № 405 является обязательное условие внесения сведений об установлении ЗОУИТ в отношении военных объектов в документы территориального планирования. Так, совокупность законодательства в области территориального планирования показывает, что первоначально ЗОУИТ указываются в качестве характеристик в документах территориального планирования планируемых объектов, а затем окончательно устанавливаются уже в тех же документах, но при условии принятия соответствующих решений уполномоченными органами.

Как указано выше, в соответствии с градостроительным законодательством, рассматриваемая схема обороны и безопасности состоит из положения о территориальном планировании и карты планируемого размещения объектов капитального строительства, а также материалов по их обоснованию. В положениях о территориальном планировании указываются в том числе характеристики ЗОУИТ в случае необходимости их установления в отношении планируемых объектов.

По мнению авторов, необходимо обратить внимание на существующую проблему указания характеристик ЗОУИТ в отношении планируемых для размещения объектов обороны и безопасности ВНГ, относящихся по своей правовой сути к военным объектам.

Это вызвано тем, что в 2018 году Федеральным законом от 3 августа 2018 года № 342-ФЗ [3] фактически прекращено действие постановления Правительства Российской Федерации, определяющего порядок установления ЗОУИТ в отношении военных объектов ВНГ.

При этом планом-графиком Минобороны России [10] было поручено разработать до 1 августа 2019 года проект акта Правительства Российской Федерации, определяющего новый порядок установления, изменения и прекращения ЗОУИТ в отношении военных объектов. Однако, такой проект акта Правительства Российской Федерации до указанного срока утвержден не был.

Пунктом 8 статьи 5 частью Федерального закона от 27 декабря 2019 года № 455-ФЗ [2] внесены изменения в Федеральный закон от 3 августа 2018 года № 342-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», в соответствии с которым до 1 января 2022 года установление, изменение или прекращение существования ЗОУИТ (за исключением случаев, если до 1 декабря 2019 года Правительством России в соответствии со статьей 106 Земельного кодекса РФ [1] утверждено положение о ЗОУИТ соответствующего вида) осуществляется в порядке, установленном до дня официального опубликования настоящего Федерального закона.

Таким образом, анализируя законодательство становится очевидно, что порядок установления, изменения и прекращения ЗОУИТ в отношении военных объектов осуществляется до окончания 2021 года на основании постановления Правительства Российской Федерации от 5 мая 2014 года № 405. В тоже время данное постановление содержит указание на необходимость разработки федеральным органом исполнительной власти, в ведении которого находится военные объекты, в том числе Росгвардией, перечня факторов, оказывающих влияние на безопасное функционирование военных объектов и порядка прогнозирования последствий воздействия таких факторов на военные объекты. Указанные докумен-

ты подлежат согласованию с Минобороны, МВД, МЧС, СВР, ФСБ, ФСО, ФСТЭК, ФСО России.

При этом, исходя из правовых систем в Росгвардии такой перечень факторов и порядок прогнозирования последствий отсутствует, что делает фактически невозможным указание характеристик ЗОУИТ в отношении планируемых для размещения объектов обороны и безопасности ВНГ. Указанные обстоятельства создают объективную потребность скорейшего принятия мер по разработке необходимых документов и установлению ЗОУИТ в отношении военных объектов, планируемых к строительству и реконструкции.

Необходимо учитывать, что пунктом 7 статьи 51 Градостроительного кодекса РФ определено, что для получения разрешения на строительство, реконструкцию, в том числе объекта обороны и безопасности военного объекта, необходимо предоставить копию решения об установлении или изменении ЗОУИТ в случае, если указанный объект относится к военным объектам, что фактически означает запрет на строительство таких объектов в случае отсутствия у них установленных ЗОУИТ. Такое ограничение будет действовать с 1 января 2022 года.

Анализ генезиса правового регулирования ЗОУИТ, и в том числе в отношении объектов обороны и безопасности, позволяет определить первостепенность документов территориального планирования в процессе установления зон.

При этом размещение объектов обороны и безопасности ВНГ имеет свою особенность правового регулирования. Так, в соответствии с градостроительным законодательством в целях строительства, реконструкции объекта обороны и безопасности ВНГ, заявление о выдаче разрешения на строительство таких объектов подает застройщик. Правовыми актами Росгвардии утверждены учредительные документы юридических лиц, осуществляющих функции заказчика-застройщика при строительстве и реконструкции объектов обороны и безопасности ВНГ, из которых следует, что они не наделены полномочиями по подготовке документов по установлению ЗОУИТ. Таким образом, по мнению авторов, учредительные документы указанных юридических лиц требуют внесения изменений в части наделения полномочиями по подготовке документов, позволяющих устанавливать ЗОУИТ в отношении объектов обороны и безопасности ВНГ. Указанная необходимость логически увязывается с дальнейшими действиями центров по предоставлению комплекта документов на получение разрешения на строительства в Минобороны России.

Уполномоченным органом на выдачу разрешений на строительство, объектов обороны и безопасности ВНГ Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 года № 1082 [5] определено Минобороны России. В целях реализации акта Президента России издан приказ Министра обороны России [9], в соответствие с которым, для получения разрешения на строительство заявитель, а в данном случае центр заказчика-застройщика ВНГ, направляют в Минобороны России заявление о выдаче разрешения на строительство с приложением копии решения об установлении или изменении ЗОУИТ в отношении объекта обороны и безопасности. Отсутствие такого решения является основанием для отказа в выдаче разрешения на строительство.

В этой связи необходимо отметить, что ЗОУИТ в процессе территориального планирования по своей сути также выполняют охранительные функции и от их своевременного установления зависит безопасное функционирование объектов обороны и безопасности, обеспечивающих национальную безопасность государства, которая, как правильно утверждает С.В. Степашин, является одним из ключевых факторов качественного развития человека и общества [18].

Скорейшая разработка указанных выше документов позволит своевременно указывать характеристики ЗОУИТ в схеме обороны и безопасности, устанавливать их и в дальнейшем получать разрешение на строительство объектов обороны и безопасности ВНГ. Таким образом, после получения разрешения на ввод объекта в эксплуатацию и его дальнейшее использование в интересах безопасности государства будет обеспечена его собственная безопасность от различных факторов и безопасность иных юридических и физических лиц, являющихся смежными с ним землепользователями.

Определено, что процесс установления запретных, охранных, специальных, а также зон охраняемых военных объектов, относящихся к ЗОУИТ, может повлечь за собой установление определенных законодательством запретов и ограничений на хозяйственную и иную деятельность граждан и организаций, что приведет к дополнительным расходам федерального бюджета на компенсацию финансовых потерь лиц, в отношении которых введены такие ограничения. Поэтому очевидно мнение исследователей [19], что установление ЗОУИТ имеет важное значение и требует надзора за их формированием.

Отсутствие современных научно-правовых исследований, направленных на изучение взаимосвязи территориального планирования с процессом установления ЗОУИТ в отношении объектов обороны и безопасности ВНГ, определяют актуальность представленной работы.

Исследование ЗОУИТ в процессе территориального планирования позволит выявить необходимость правового закрепления общей дефиниции ЗОУИТ, что даст возможность избегать неясности его правового определения исследователями в данной

области. Кроме того, определена частная необходимость активизации законодателя и исследователей в области теории права по совершенствованию правового регулирования вопроса установления ЗОУИТ в отношении военных объектов.

По мнению авторов, общие и частные теоретико-правовые вопросы установления ЗОУИТ позволяют определить одну из особенностей территориального планирования в отношении объектов обороны и безопасности ВНГ, связанную с установлением таких зон преимущественно в границах населенных пунктов, а также с необходимостью разработки новых ведомственных нормативных правовых актов, регулирующих порядок установления зон и внесением изменений в существующие правовые акты, определяющие основные задачи заказчиков-застройщиков в процессе строительства специальных объектов войск. В результате правовое регулирование рассмотренных вопросов как никогда актуально, так как в случае его отсутствие создается угроза срыва плана строительства и развития войск, а также снижения национальной безопасности государства.

Список литературы

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 года № 136-ФЗ (в действ. ред.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020, № 12, ст. 1658.
2. Федеральный закон от 27 декабря 2019 года № 455-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об особенностях регулирования отдельных правоотношений в связи с присоединением к субъекту Российской Федерации – городу федерального значения Москве территорий и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в действ. ред.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019, № 52 (часть I), ст. 7773.
3. Федеральный закон от 3 августа 2018 года № 342-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в действ. ред.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019, № 52 (часть I), ст. 7773.
4. Земельный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 25.04.1991 № 1103-1) (утратил силу) // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации, 1993, № 52, ст. 5085.
5. Указ Президента Российской Федерации от 16 августа 2004 года № 1082 «Вопросы Министерства обороны Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2021, № 31, ст. 5895.
6. Постановление Правительства Российской Федерации от 17 февраля 2000 года № 135 «Об утверждении Положения об установлении запретных зон и запретных районов при арсеналах, базах и складах Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2012, № 1, ст. 154.
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 5 мая 2014 года № 405 «Об установлении запретных и иных зон с особыми условиями использования земель для обеспечения функционирования военных объектов Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, выполняющих задачи в области обороны страны» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2017, № 32, ст. 5074.
8. Постановление Правительства Российской Федерации от 10 сентября 2016 года № 904 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2016, № 38, ст. 5553.
9. Приказ Министра обороны Российской Федерации от 28.03.2019 № 171 «Об утверждении Административного регламента предоставления Министерством обороны Российской Федерации государственной услуги по выдаче разрешений на строительство и ввод в эксплуатацию объектов обороны и безопасности, входящих в военную инфраструктуру Вооруженных Сил Российской Федерации, объектов обороны и безопасности войск национальной гвардии Российской Федерации» // Зарегистрирован в Минюсте России от 7 июня 2019 года № 54880 (не публиковался).
10. План-график по подготовке проектов актов Правительства Российской Федерации и федеральных органов исполнительной власти, необходимых для реализации норм Федерального закона от 3 августа 2018 года № 324-ФЗ, утвержденным Правительством Российской Федерации от 24 января 2019 года № 903п-П9 (не публиковался).
11. *Айнуллина К.Н., Кряхтунов А.В.* Законодательное регулирование зон с особыми условиями использования территорий // Международный журнал прикладных наук и технологии «Integral». 2020 № 2. ООО «Электронная наука». С. 49-52.
12. *Аверина Л.В., Мямина И.С.* Проблемы установления зон охраны объектов культурного наследия и пути их решения // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 4 (199). С. 50-63.
13. *Костюченко Ю.А. Чалышева А.А.* Нововведение в законодательстве, касающееся зон с особыми условиями использования территории // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации. Сборник статей XIII Международной научно-практической конференции. 2018. С. 55-58.
14. *Новицкая В.В., Стулова Д.В.* Зоны с особыми условиями использования территории: внесение сведений в Единый государственный реестр недвижимости // Наука через призму времени. 2019. № 11 (32). С. 57-60.

15. *Олейник С.А., Родин А.В.* Теоретико-правовые и гражданско-правовые сентенции о месте и роли территориального планирования в Российской Федерации (на примере войск национальной гвардии Российской Федерации) // Журнал Вестник Российского нового университета. Серия «Человек и общество». Вып. 1, 2021 – С. 175-181.
16. *Олейник С.А., Родин А.В.* Организационно-правовые и гражданско-правовые особенности правовой природы государственных объектов на основании схем территориального планирования (на примере Росгвардии) // Журнал Вестник Российского нового университета. Серия «Человек и общество». Вып. 3, 2021 – С. 135-139.
17. *Олейник С.А., Родин А.В.* Отдельные вопросы организационно-правового регулирования территориального планирования (аспекты отражения государственных объектов Росгвардии на схемах террпланирования) // научный журнал «Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири». Новосибирский военный институт им. И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации. Новосибирск. № 3/(9) 2021.
18. *Степашин С.В.* Безопасность человека и общества (политико-правовые вопросы) // СПб.: Санкт-Петербургский институт МВД России. 1994. С. 240.
19. *Калиниченко А.О., Калиниченко Е.О., Судиловский Е.В., Тихонов К.В.* Правовое регулирование отношений связанных с установлением Зон с особыми условиями территории и определением границ таких зон // Экономика и экология территориальных образований. Ростов-на-Дону. 2020. Т. 4. № 1. С. 77-84.

References

1. Land Code of the Russian Federation № 136-FZ of October 25, 2001 (in effect. ed.) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020, № 12, article 1658.
2. Federal Law № 455-FZ of December 27, 2019 "On Amendments to the Federal Law "On the Peculiarities of Regulation of Certain Legal Relations in Connection with the Accession of Territories to the Subject of the Russian Federation – the City of Federal Significance of Moscow and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" and Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (as amended) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2019, № 52 (Part I), article 7773.
3. Federal Law № 342-FZ of August 3, 2018 "On Amendments to the Urban Planning Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (in effect. ed.) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2019, № 52 (Part I), Article 7773.
4. The Land Code of the RSFSR (approved by the Supreme Soviet of the RSFSR on 25.04.1991 № 1103-1) (expired) // Collection of Acts of the President and Government of the Russian Federation, 1993, № 52, Article 5085.
5. The decree of the President of the Russian Federation dated August 16, 2004 № 1082 "Questions of the Ministry of defense of the Russian Federation" // Collected legislation of the Russian Federation, 2021, № 31, art. 5895.
6. Resolution of the Government of the Russian Federation of February 17, 2000, № 135 "On approval of the Provision on the establishment of restricted zones and restricted areas in the arsenals, bases and warehouses of the Armed Forces of the Russian Federation, other troops, military formations and bodies" // Meeting of the legislation of the Russian Federation, 2012, № 1, p. 154.
7. Resolution of the Government of the Russian Federation № 405 of May 5, 2014 "On the establishment of restricted and other zones with special Conditions for the Use of land to ensure the functioning of military facilities of the Armed Forces of the Russian Federation, other troops, military formations and bodies performing tasks in the field of national defense" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 2017, № 32, Article 5074.
8. Resolution of the Government of the Russian Federation № 904 of September 10, 2016 "On Amendments to Certain Acts of the Government of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation, 2016, № 38, Article 5553.
9. Order of the Minister of Defense of the Russian Federation № 171 dated 28.03.2019 "On approval of the Administrative Regulations for the Provision by the Ministry of Defense of the Russian Federation of State Services for the Issuance of Permits for the Construction and Commissioning of defense and Security Facilities Included in the Military infrastructure of the Armed Forces of the Russian Federation, defense and security facilities of the Troops of the National Guard of the Russian Federation" // Registered in the Ministry of Justice of the Russian Federation dated June 7, 2019 № 54880 (not published).
10. Schedule for the preparation of draft acts of the Government of the Russian Federation and federal executive authorities necessary for the implementation of the provisions of Federal Law № 324-FZ of August 3, 2018, approved by the Government of the Russian Federation № 903p-P9 of January 24, 2019 (not published).
11. *Ainullina K.N., Kryakhtunov A.V.* Legislative regulation of zones with special conditions for the use of territories // International Journal of Applied Sciences and Technology "Integral". 2020 № 2. LLC "Electronic Science". pp. 49-52.
12. *Averina L.V., Myamina I.S.* Problems of establishing zones for the protection of cultural heritage objects and ways to solve them // Property relations in the Russian Federation. 2018. № 4 (199). pp. 50-63.
13. *Kostyuchenko Yu.A. Chalysheva A.A.* Innovation in legislation concerning zones with special conditions of use of the territory // Modern jurisprudence: topical issues, achievements and innovations. Collection of articles of the XIII International Scientific and Practical Conference. 2018. pp. 55-58.

14. *Novitskaya V.V., Stulova D.V.* Zones with special conditions for the use of the territory: entering information into the Unified State Register of Real Estate // Science through the prism of time. 2019. № 11 (32). pp. 57-60.
15. *Oleinik S.A., Rodin A.V.* Theoretical-legal and civil-legal maxims about the place and role of territorial planning in the Russian Federation (on the example of the troops of the National Guard of the Russian Federation) // Journal Bulletin of the Russian New University. The series "Man and Society". Issue 1, 2021 – pp. 175-181.
16. *Oleinik S.A., Rodin A.V.* Organizational-legal and civil-legal features of the legal nature of state objects on the basis of territorial planning schemes (on the example of Rosgvardiya) // Journal Bulletin of the Russian New University. The series "Man and Society". Issue 3, 2021 – pp. 135-139.
17. *Oleinik S.A., Rodin A.V.* Certain issues of organizational and legal regulation of territorial planning (aspects of the reflection of state objects of Rosgvardiya on the schemes of territorial planning) // Scientific journal "Military-legal and humanitarian sciences of Siberia". Novosibirsk Military Institute named after I.K. Yakovlev of the National Guard of the Russian Federation. Novosibirsk. № 3/(9) 2021.
18. *Stepashin S.V.* Human and society security (political and legal issues) // St. Petersburg: St. Petersburg Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 1994. p. 240.
19. *Kalinichenko A.O., Kalinichenko E.O., Sudilovsky E.V., Tikhonov K.V.* Legal regulation of relations related to the establishment of Zones with special conditions of the territory and the definition of the boundaries of such zones // Economics and ecology of territorial entities. Rostov-on-Don. 2020. Vol. 4. № 1. pp. 77-84.

УДК 343/352

DOI 10.47629/2074-9201_2021_4_54_59

Морозова Александра Андреевна,
старший юрисконсульт Правового управления Главного управления МВД России по Московской области, адъюнкт ФПНПиНК Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва,
aleksandra.morozova.14@mail.ru

Динека Виктор Иванович,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры Уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва,
viktordi@rambler.ru

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ОБЪЕКТИВНОГО И СУБЪЕКТИВНОГО ВМЕНЕНИЯ ПРИ ПОСРЕДНИЧЕСТВЕ В КОММЕРЧЕСКОМ ПОДКУПЕ

Аннотация. *Рассматривается проблема соблюдения принципа вины и его элемента – субъективного вменения по уголовным делам о посредничестве в коммерческом подкупе. Автор раскрывает сущность данной проблемы, а также формулирует и обосновывает предложение по ее решению посредством совершенствования уголовного закона и практики его применения.*

Ключевые слова: объективное и субъективное вменение, посредничество в коммерческом подкупе, принцип вины, уголовная ответственность.

Aleksandra A. Morozova,
Senior lawyer at the Legal Department of Main Department of the Ministry of internal Affairs of Russia in Moscow region, postgraduate Vladimir Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow,
aleksandra.morozova.14@mail.ru

Viktor I. Dineka,
Doctor of of Juridical Sciences, Full professor, professor at the Department of Criminal law Vladimir Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow,
viktordi@rambler.ru

TO THE QUESTION OF THE RATIO OF OBJECTIVE AND SUBJECTIVE IMPUTATION IN THE IMPLEMENTATION OF CRIMINAL LIABILITY FOR MEDIATION IN COMMERCIAL BRIBERY

Abstract. *The article addresses the problem of compliance with the principle of guilt and its element – subjective imputation in criminal cases of mediation in commercial bribery. The author discloses the essence of this problem, and also formulates and justifies a proposal to solve it by improving the criminal law and the practice of its application.*

Keywords: objective and subjective imputation, mediation in commercial bribery, the principle of guilt, criminal liability.

В настоящее время уголовное законодательство не содержит определений понятий «субъективное вменение» и «объективное вменение». Вместе с тем в науке уголовного права говорят о принципе субъективного вменения как о принципе вины, предусматривающем наступление уголовной ответственность только за те действия (бездействие) лица и наступившие последствия, в отношении которых установлена его вина (ч. 1 ст. 5 УК РФ). Наличие вины является обязательным основанием субъективного вменения. Ее отсутствие или неспособность виновно действовать признаются обстоятельствами, исключающими уголовную ответственность.

Исследованием вины, как ключевого признака субъективной стороны, занялись еще в конце 60-х – начале 70-х годов XX века. Данной проблеме были посвящены работы таких отечественных авторов, как П.С. Дагель, Д.П. Котов, А.И. Рарог, Ш.С. Рашковская, Р.И. Михеев, В.А. Якушин, М.С. Габидуллин, К.Ф. Тихонов, В.Д. Иванов и С.Х. Мазуков.

Объективное вменение предусматривает прямо обратный субъективному вменению процесс, когда лицо привлекается к уголовной ответственности

даже в том случае, если его вины в содеянном нет. Объективное вменение игнорирует отсутствие вины лица, его неспособность действовать виновно и ориентируется на наличие причинённого вреда [9, с. 102]. Тем самым объективное вменение противоречит смыслу уголовной ответственности, требующей установления вины в случае совершения деяния. Со слов П.С. Дагеля, «уголовная ответственность, основанная на объективном вменении, никогда не может достичь своих целей, а способна привести лишь к отрицательным результатам» [3, с. 177].

Основанием уголовной ответственности является совершение лицом деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ. Такую формулировку содержит ст. 8 УК РФ. Это означает, что единственным основанием уголовной ответственности является факт совершения лицом деяния, содержащего признаки состава преступления. При этом хорошо известно, что преступное деяние в период его совершения выступает как единство объективного и субъективного, внутреннего и внешнего, физического и психического [15, с. 26]. Именно данное единство объективного и субъективного раскрыто в законе путем указания признаков преступного деяния (ч. 1 ст. 14 УК РФ). При этом, как полагает К.Ф. Тихонов, сложность соотношения субъективного и объективного заключается в том, что на психику лица оказывает влияние не только внешние условия и обстоятельства, в которых формируется сознание и воля лица, но и особенности данной личности, ее темперамент, привычки, побуждения и др. В связи с этим, по мнению авторов, возникает необходимость выделения из всего многообразия внутреннего и внешнего в преступлении тех элементов, которые будут указывать на преступный характер человека [13, с. 85].

В уголовно-правовой литературе объективными признаками называют признаки, характеризующие объект и объективную сторону преступления, субъективными – признаки, присущие субъективной стороне и субъекту преступления. Указанные признаки находятся в тесном единстве и взаимосвязи друг с другом и оказывают взаимное воздействие друг на друга. При этом в уголовно наказуемом деянии должны содержаться все признаки, образующие определённый состав преступления. Сам состав преступления есть абстрактная структура с присущими юридически значимыми свойствами преступного поведения, которые в их совокупности и образуют систему, состоящую из четырех элементов: объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона [5]. Посредничество в коммерческом подкупе является самостоятельным уголовно наказуемым деянием и содержит «свой» состав преступления, предполагающий наличие присущих именно ему объективных и субъективных признаков. Отсюда в ст. 5 УК РФ и в теории уголовного права подчёркивается запрет на односторонний подход к обвинению в преступлении, основанному исключительно на объективных признаках состава преступления.

Субъективная сторона преступления представляет собой непосредственный продукт сознания и это обуславливает возникновение определенных трудностей в её установлении, понимании и оценке [2, с. 16]. Как полагает Л.Д. Гаухман, содержание субъективной стороны раскрывается через призму таких признаков как вина, мотив и цель, представляющих собой объективную реальность – фактически существующие явления. Их содержание может быть установлено посредством анализа и оценки всех объективных обстоятельств совершенного преступного деяния [1, с. 142]. Данные признаки органически связаны между собой, но каждый из них обладает самостоятельным содержанием и ни один не включает в себя другого в качестве своей составной части [6, с. 4].

При этом особое внимание следует уделить вине как ключевому признаку субъективной стороны преступления. При ее отсутствии нет ни субъективной стороны, ни самого состава в целом. В соответствии с ч. 1 ст. 24 УК РФ вина выражается в форме умысла или неосторожности и характеризуется психическим отношением лица к совершенному деянию и его последствиям (при материальной конструкции состава преступления). Вина существует в органическом единстве с объективной стороной и, в частности, с причинной связью. Деяние, не отражающее внутреннего отношения субъекта к совершаемому поступку, не образует преступления, поскольку в нем не выражены антиобщественное сознание и воля человека, что предопределено принципом субъективного вменения [11, с. 59].

Элементами, характеризующими вину, являются осознание и воля, которые в своей совокупности образуют содержание вины. Осознание общественно опасного характера своего поведения образует интеллектуальный элемент прямого умысла и означает понимание лицом того, что его поведение, обладающее определёнными признаками, существенно нарушает общественные отношения, охраняемые уголовным законом. При этом лицу достаточно лишь в общих чертах осознавать, что его действие (бездействие) причиняет вред социально значимым ценностям.

Желание совершения противоправных действий указывает на направленность воли и составляет волевой элемент прямого умысла. Желание – это стремление к определенному результату. Причем желаемыми являются не только те последствия, которые приятны виновному, доставляют ему внутреннее удовлетворение, но и те, которые при внутреннем отрицательном эмоциональном отношении к ним со стороны виновного представляются ему, тем не ме-

нее, нужными или неизбежными на пути удовлетворения потребности, ставшей побудительной причиной к действию [11, с. 31]. Сознание и воля человека выражаются, «материализуются» в его поведении.

Посредничество в коммерческом подкупе, равно как обещание или предложение такого посредничества, характеризуются формальной конструкцией состава преступления, при которой вина характеризуется только умышленной формой, причём имеющей исключительно один вид – прямой умысел. В случае физического посредничества, когда оказываемое содействие заключается в передаче незаконного вознаграждения, посредник осознаёт, что принимает предмет подкупа по поручению лица, передающего предмет коммерческого подкупа, или лица, получающего предмет коммерческого подкупа для последующей передачи, и желает совершить последнее. При интеллектуальном посредничестве посредник осознаёт, что оказывает содействие, выражающееся в способствовании в достижении или реализации соглашения между сторонами незаконной сделки о передаче и получении вознаграждения, и желает оказать такое способствование.

Помимо того, что посредничество совершается только с прямым умыслом, он еще является и заранее обдуманным. Указанная разновидность умысла предполагает, что посредник, как правило, планирует совершение преступления и чётко представляет, что ему предстоит сделать, кому и в чём оказать содействие.

Полагаем, что в практической деятельности возможны ситуации, когда лицо неосознанно способствовало передаче и (или) получению предмета коммерческого подкуп, заблуждаясь в мотивах заинтересованных лиц, скрывших свои истинные преступные намерения. Поэтому по каждому уголовному делу о посредничестве в коммерческом подкупе, в целях недопущения объективного вменения, необходимо установить, что обвиняемое лицо осознавало, что его действия осуществлены им именно для возникновения и (или) реализации соглашения о подкупе между сторонами преступной сделки. Если же будет установлено, что данное лицо, заблуждаясь, воспринимало свои действия как правомерные, не представляющие общественной опасности, то следует исходить из того, что такая ошибка устраняет его умысел и, как следствие, исключает основание уголовной ответственности, несмотря на то, что оно фактически способствовало совершению коммерческого подкупа. Поэтому важным направлением развития уголовного законодательства в части регламентации вины, как справедливо отмечает, В.И. Динека, является закрепление в нём положений об ошибке, её видах и уголовно-правовом значении [5, с. 51].

Поскольку посредничество характеризуется формальной конструкцией состава преступления, это позволяет исключить возможность совершения рассматриваемого преступления с косвенным умыслом, при котором волевая деятельность посредника не направлена на совершение преступления. У посредника отсутствует желание выполнить ряд задуманных действий и достичь определенной цели, а имеется лишь сознательное допущение совершения им преступного деяния.

Посредничество в коммерческом подкупе может проявляться в таких альтернативных общественно опасных действиях, как непосредственная передача незаконного вознаграждения по поручению подкупающего или подкупаемого лица, а также иное способствование в достижении или реализации соглашения между указанными лицами о получении и передаче предмета подкупа. При этом Пленум Верховного Суда РФ [7] обращает внимание судов на то, что посредничество, состоящее в ином способствовании достижению или реализации указанного соглашения, признаётся оконченным преступлением с того момента, когда посредник оказал соответствующее содействие, вне зависимости от фактического достижения или реализации соглашения. Если же преступление заключалось в обещании или предложении посредничества (ч. 4 ст. 204.1 УК РФ), то момент его окончания связан с осуществлением виновным лицом действий, направленных на доведение до сведения заинтересованных лиц своего намерения стать посредником в коммерческом подкупе. В случаях, когда такое лицо заведомо не собиралось выполнять соответствующее обещание или предложение, и использовало данную ситуацию для того, чтобы обратить предмет подкупа в свою пользу, его действия образуют состав другого преступления – мошенничества.

С учётом содержания ст. 204.1 УК РФ и разъяснений Пленума Верховного Суда РФ можно заключить, что посредничество в коммерческом подкупе может иметь простой и сложный характер, поскольку функции посредника могут выходить за рамки непосредственной передачи незаконного вознаграждения по поручению той или иной стороны подкупа и выражаться в комплексе иных действий, которые способствуют достижению соглашения о подкупе между его сторонами и (или) непосредственному претворению такого соглашения в жизнь. Следовательно, можно говорить и о различном содержании умысла посредника в коммерческом подкупе, зависящем от степени сложности оказываемого содействия, которое может иметь как физическую, так и (или) интеллектуальную форму.

Вина является ключевым признаком субъективной стороны. Вместе с тем установление вины не отвечает на вопросы, какие помыслы двигали лицом и для чего им совершалось преступление. Ответы на данные вопросы можно получить с помощью уста-

новления таких признаков субъективной стороны как мотив и цель.

Мотив и цель не являются элементами психического отношения лица к совершаемому общественно опасному деянию, они лежат вне сферы интеллекта и воли. Данные признаки являются психологической базой, формирующей психическое отношение лица к деянию и его последствиям, в котором проявляется сущность вины [10, с. 9].

Мотивы преступного поведения посредника и цели, которые он преследует, не являются обязательными признаками, поскольку таковые прямо не предусмотрены ст. 204.1 УК РФ. Соответственно, мотивы и цели, преследуемые посредником, и устанавливаемые в каждом конкретном случае оказания содействия совершению коммерческого подкупа, на уголовно-правовую оценку содеянного оказывать влияния не будут.

Однако стоит согласиться с высказанным А.А. Толкаченко мнением, что мотив и цель в зависимости от выполняемых функций в противоправном поведении могут влиять на характер, степень общественной опасности преступления и на характеристику личности виновного [14, с. 133].

Мотив и цель, являясь самостоятельными признаками субъективной стороны, оказывая влияние на формирование умысла и приведение его в исполнение, не входят в его содержание. Мотив – это обусловленные определёнными потребностями внутренние побуждения, которые толкают лицо на совершение преступления и руководят им при его совершении. Мотивы, которыми руководствуется посредник, могут быть различны, однако, преимущественно имеют корыстный характер и следуют за мотивами подкупающей и подкупаемой сторон соответствующего коррупционного взаимодействия. Вместе с тем нельзя согласиться с М.И. Моисеенковым, высказавшим мнение о необходимости включения корыстного мотива в число квалифицирующих признаков состава посредничества в коммерческом подкупе, поскольку анализ уголовных дел о посредничестве в коммерческом подкупе позволил прийти к выводу, что таковыми могут быть не только корысть, но и зависть, дружеские или иные доверительные отношения, а также личная заинтересованность [8, с. 10].

Цель – это то, что стремится достигнуть лицо в результате совершения преступления. Цель заключает в себе представление о тех желаемых изменениях во внешнем мире, которые должны произойти в результате совершения преступления [12, с. 22-23]. В совокупности с другими элементами и обстоятельствами психического отношения мотив и цель помогают установить содержание субъективной стороны преступления. Более того, выяснение мотива и цели необходимо в том числе для назначения справедливого наказания с учетом степени вины лица, которая определяется общественной опасностью совершенного деяния, формой вины, характером умысла или неосторожности, мотивом и целью преступления, личностными особенностями субъекта, а также причинами и условиями, которые оказали влияние на формирование преступного умысла [4, с. 58-60].

Осознание посредником общественной опасности совершаемого им преступления, а также того преступления, совершению которого способствует, желание совершить ряд действий, направленных на доведение коммерческого подкупа до конца, несомненно, отражаются на степени вины самого посредника. По мнению А.И. Рарога, влияние цели на степень вины осуществляется не непосредственно, а в силу связи с интеллектуальной и волевой сторонами психики человека. Цель, наряду с мотивом, определяет постановку конкретных задач реальных действий, выбор средств и способов их решения. На их основе возникает идеальная мысленная модель преступного деяния, следовательно, они представляют тот фундамент, на котором рождается реальное психическое отношение лица к общественно опасному деянию, то есть вина [11, с. 25].

Преследование посредником конкретной цели – доведение коммерческого подкупа до полного завершения повышает общественную опасность не только самого посредника, но и повышает общественную опасность совершаемого посредником общественно опасного деяния. В связи с чем полагаем, что несмотря на то, что преследуемая посредником цель не предусмотрена в качестве обязательного признака рассматриваемого преступления, на практике необходимо устанавливать соответствующий признак для того, чтобы в полном объёме исследовать субъективную сторону совершенного посредником деяния, определить характер и степень общественной опасности совершённого им деяния, выяснить особенности личности посредника, а равно – причины и условия, способствующие совершению преступления. Одновременно с этим будет решаться и задача реализации принципов индивидуализации наказания и справедливости.

Степень общественной опасности посредничества повышают признаки, образующие квалифицированный состав рассматриваемого преступления. К таким признакам законодатель относит совершение посредничества в коммерческом подкупе: группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; за заведомо незаконные действия (бездействие); в крупном размере – (ч. 2 ст. 204.1 УК РФ), а также в особо крупном размере – (ч. 3 ст. 204.1 УК РФ).

Совершение посредничества группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (п. «а» ч. 2 ст. 204.1 УК РФ) предполагает, что

лица осознают совместное осуществление содействия совершению коммерческого подкупа, действуют на основе предварительного соглашения между ними, в том числе в составе устойчивой группы лиц, заранее объединившейся для совершения одного посредничества или нескольких, и желают действовать таким образом.

В случае, когда посредник достоверно знает, что он способствует достижению или реализации договорённости о передаче и получении вознаграждения за осуществление подкупаемым лицом незаконных действий или бездействия, совершаемых вопреки законным интересам организации, в целях извлечения выгод и преимуществ для себя и других лиц, повлекшее причинение тяжких последствий в виде существенного вреда правам и законным интересам организации, его действия следует квалифицировать по пункту «б» ч. 2 статьи 204.1 УК РФ. Использование законодателем формулировки «заведомо» подтверждает необходимость установления факта того, что посредник осознает все объективные признаки осуществляемого им деяния и желает его совершить при наличии таких признаков.

Верное установление размера незаконного вознаграждения также способствует справедливому установлению санкции, подлежащей применению. При этом умыслом посредника должно охватываться оказание содействия в передаче или получении незаконного вознаграждения в крупном или особо крупном размерах. Нередки случаи, когда вознаграждение посредником передаётся по частям. В этом случае деяние следует расценивать как одно продолжаемое преступление.

Подводя итог сказанному, стоит отметить, что применительно к установлению и реализации уголовной ответственности за посредничество в коммерческом подкупе особое значение приобретает неуклонное следование принципу вины, исключающего односторонний подход к правовой оценке содеянного исключительно на основе его объективных признаков. Полное выяснение всех признаков субъективной стороны преступления в виде посредничества в коммерческом подкупе, фактически проявившихся в деянии, включая и цель его совершения, исключает объективное вменение по делам о таком преступлении.

Список литературы

1. *Гаухман Л.Д.* Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2001. 316 с.
2. *Гребенюк, А.В.* Вина в российском уголовном праве: автореферат дис. …к.ю.н.: 12.00.08 / Рост. юрид. Ин-т МВД РФ. Ростов-на-Дону, 2004. 26 с.
3. *Дагель П.С.* Неосторожность: уголовно-правовые и криминологические проблемы. М., 1977. 143 с.
4. *Дагель П.С.* Проблемы вины в советском уголовном праве. Ученые записки ДВГУ, вып. 21, ч. 1. Владивосток, 1968. 187 с.
5. *Динека В.И.* Вина в уголовном праве: содержание и юридическое значение: учебное пособие /В.И. Динека. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2015. 82 с.
6. *Иванов В.Д., Мазуков, С.Х.* Субъективная сторона преступления. Ростов-на-Дону. Издательство «Булат», 1999. 31 с.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» // Сайт Верховного Суда РФ: URL: http://www.vsrf.ru.
8. *Моисеенко М.И.* Посредничество во взяточничестве: уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Ур. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 2015. 26 с.
9. *Назаренко Г.В.* Содержательный и законодательно-технический аспекты принципа субъективного вменения (вины) в уголовном праве России/ М.О. Назаренко//Вестник Нижегородской академии МВД России.– 2020. № 2 (50). С. 102.
10. *Рарог А.И.* Проблемы субъективной стороны преступления. Учебное пособие. Москва, 1991. 91 с.
11. *Рарог А.И.* Субъективная сторона и квалификация преступлений. Москва, 2001. 133 с.
12. *Рашковская Ш.С.* Субъективная сторона преступления. Выпуск 7. Москва, 1961. 33 с.
13. *Тихонов К.Ф.* Субъективная сторона преступления. Приволжское книжное издательство. Саратов, 1967. 103 с.
14. *Толкаченко А.А.* Проблемы субъективной стороны преступления: Учеб. Пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 02.11.00 «Юриспруденция». М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2005. 176 с.
15. *Якушин В.А., Габидуллин, М.С.* Пределы субъективного вменения в уголовном праве. Ульяновск: УлГУ, 1997. 50 с.

References

1. *Gauhman L.D.* Kvalifikaciya prestuplenij: zakon, teoriya, praktika. M.: AO «Centr YurInfoR», 2001. 316 s.
2. *Grebenyuk A.V.* Vina v rossijskom ugolovnom prave: avtoreferat dis. …k.yu.n.: 12.00.08 / Rost. yurid. In-t MVD RF. Rostov-na-Donu, 2004. 26 s.
3. *Dagel' P.S.* Neostorozhnost': ugolovno-pravovye i kriminologicheskie problemy. M., 1977. 143 s.
4. *Dagel' P.S.* Problemy viny v sovetskom ugolovnom prave. Uchenye zapiski DVGU, vyp. 21, ch. 1. Vladivostok, 1968. 187 s.

5. *Dineka V.I.* Vina v ugolovnom prave: soderzhanie i yuridicheskoe znachenie: uchebnoe posobie /V.I. Dineka. M.: Moskovskij universitet MVD Rossii imeni V.Ya. Kikotya, 2015. 82 s.
6. *Ivanov, V.D., Mazukov, S.H.* Sub"ektivnaya storona prestupleniya. Rostov-na-Donu. Izdatel'stvo «Bulat», 1999. 31 s.
7. *Postanovlenie Plenuma* Verhovnogo Suda RF ot 09.07.2013 № 24 «O sudebnoj praktike po delam o vzyatochnichestve i ob inyh korrupcionnyh prestupleniyah» // Sajt Verhovnogo Suda RF: URL: http://www.vsrf.ru.
8. *Moiseenko M.I.* Posrednichestvo vo vzyatochnichestve: ugolovno-pravovaya harakteristika i voprosy kvalifikacii: avtoreferat dis. ... kandidata yuridicheskih nauk: 12.00.08 / Ur. gos. yurid. akad. Ekaterinburg, 2015. – 26 s.
9. *Nazarenko G.V.* Soderzhatel'nyj i zakonodatel'no-tekhnicheskij aspekty principa sub"ektivnogo vmeneniya (viny) v ugolovnom prave Rossii/ M.O. Nazarenko//Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2020. № 2 (50). S. 102.
10. *Rarog A.I.* Problemy sub"ektivnoj storony prestupleniya. Uchebnoe posobie. Moskva, 1991. 91 s.
11. *Rarog A.I.* Sub"ektivnaya storona i kvalifikaciya prestuplenij. Moskva, 2001. 133 s.
12. *Rashkovskaya Sh.S.* Sub"ektivnaya storona prestupleniya. Vypusk 7. Moskva, 1961. 33 s.
13. *Tihonov K.F.* Sub"ektivnaya storona prestupleniya. Privolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo. Saratov, 1967. 103 s.
14. *Tolkachenko A.A.* Problemy sub"ektivnoj storony prestupleniya: Ucheb. Posobie dlya studentov vuzov, obuchayushchihsya po special'nosti 02.11.00 «Yurisprudenciya». M.: YUNITI-DANA, Zakon i pravo, 2005. 176 s.
15. *Yakushin, V.A., Gabidullin, M.S.* Predely sub"ektivnogo vmeneniya v ugolovnom prave. Ul'yanovsk: UlGU, 1997. 50 s.

УДК 343.148.63

DOI 10.47629/2074-9201_2021_4_60_63

Тарасов Евгений Александрович,
кандидат технических наук, доцент кафедры Строительной техники и инженерной механики,
Воронежский государственный технический университет, город Воронеж,
382652@mail.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ АВТОТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В РАССЛЕДОВАНИИ ДТП С НАЕЗДОМ НА ПЕШЕХОДА И СПРОВОЦИРОВАННЫХ ПЕШЕХОДАМИ ДТП

Аннотация. *Рассматривается вопрос применения методов автотехнической экспертизы при рассмотрении дел о ДТП с участием пешеходов, а также возможность применения результатов автотехнической экспертизы совместно с анализом записей средств объективного контроля (регистраторов) для выявления случаев имитации наезда со стороны пешехода. Сказано, что принцип моделирования механизма развития ДТП «водитель-автомобиль-дорога-среда» позволяет рассматривать картину событий в динамике и установить причинно-следственные связи между всеми составляющими, субъектами и объектами и последствиями. Приводятся параметры, которые позволяет определить автотехническая экспертиза при исследовании механизма ДТП. Делаются выводы о возможностях применения результатов автотехнической экспертизы при рассмотрении дел о ДТП с наездом на пешехода.*

Ключевые слова: ДТП, автотехническая экспертиза, наезд на пешехода, механизм ДТП.

Evgenii A. Tarasov,
Ph.D. of Engineering Sciences, Associate Professor at the Department of Construction machinery and engineering mechanics, Voronezh state technical University, Voronezh,
382652@mail.ru

THE USE OF THE RESULTS OF THE CAR TECHNICAL EXPERTISE IN THE CONSIDERATION OF ACCIDENTS WITH HITTING A PEDESTRIAN AND PEDESTRIAN-PROVOKED ACCIDENTS

Abstract. *The article deals with the application of methods of auto-technical expertise in the consideration of cases of accidents involving pedestrians, as well as the possibility of applying the results of auto-technical expertise together with the analysis of records of objective control means (registers) to identify cases of imitation of a hit-and-run by a pedestrian. It is said that the principle of modeling the mechanism of development of an accident "driver-car-road-environment" allows us to consider the picture of events in dynamics and establish cause-and-effect relationships between all components, subjects and objects and consequences. The parameters that can be determined by auto technical expertise in the study of the mechanism of an accident are given. Conclusions are drawn about the possibilities of applying the results of the car technical expertise in the consideration of cases of road accidents with a hit-and-run on a pedestrian.*

Keywords: Road accidents, auto technical expertise, hitting a pedestrian, the mechanism of the accident.

Настоящее исследование посвящено вопросу применения методов автотехнической экспертизы при расследовании дел о ДТП с участием пешеходов. Проблема оценки технической возможности для водителя принять меры к предотвращению наезда транспортного средства (далее – ТС) на пешехода рассматривается с точки зрения установления расчетной возможности, соответствия действий водителя дорожной обстановке и применения методики автотехнической экспертизы для получения объективных данных об условиях и механизме развития ДТП. Отдельно кратко рассматривается возможность применения результатов автотехнической экспертизы совместно с анализом записей средств объективного контроля (регистраторов) для выявления случаев имитации наезда со стороны пешехода для получения компенсации вреда жизни и здоровью и морального вреда владельцем транспортного средства. Ст. 1079

ГК РФ устанавливает ответственность владельца ТС как лица, использующего источник повышенной опасности, а п. 17 Постановления Пленума ВС РФ № 3 указывает, что под источником повышенной опасности может быть любая деятельность, осуществление которой создает повышенную опасность в том числе из-за невозможности полного контроля со стороны человека [1]. Автомобиль относится к таким источникам, поскольку управлением им не может дать эффекта полного контроля скорости, направления движения, тормозного и остановочного пути в зависимости от конкретных условиях. Именно поэтому при рассмотрении дел о ДТП с наездом на пешехода нужно установить необходимость, достаточность и возможность совершения водителем действий, которые требовалось предпринять для предотвращения наезда [2].

Официальная статистика ГИБДД за 2019 год показывает, что 35-40 % ДТП связаны с наездами на пешеходов, при этом в городах среднего и крупного масштаба этот показатель может доходить до 50-60 %. В упомянутой статистике приведены данные о том, что в стране за 2019 год произошло 164 358 ДТП, из них с участием пешеходов 48 734 с 4 917 погибших и 45 940 получивших травмы и ранения. Анализ развития механизма ДТП показывает, что в большинстве случаев причиной наезда становится невнимательность и недисциплинированность пешехода.

Упомянутая выше ответственность владельца (водителя) ТС как источника повышенной опасности наступает в случае травмирования и смерти пешехода независимо от распределения вины, при этом ответственность снимается, если пострадавший намеренно создал условия для нанесения ему вреда (наличие умысла), а по ст. 1083 ГК РФ — снимается полностью или частично при грубой неосторожности потерпевшего.

В исследовательской литературе и практических пособиях по использованию результатов автотехнической экспертизы вопрос раскрывается преимущественно с точки зрения общего обзора проблемы оценки возможности водителя применить меры к предотвращению столкновения с пешеходом, очень мало внимания уделяется комплексной оценке результатов экспертного автотехнического исследования в моделировании механизма развития ДТП в динамике [3].

Цель настоящего исследования состоит в выработке рекомендаций по применению комплексного метода моделирования механизма развития ДТП с наездом на пешехода и способам создания условий для объективной оценки степени виновности участников ДТП, в том числе и при поведении пешехода, провоцирующем происшествие.

Методы исследования и материалы. Автор настоящего исследования проанализировал применение методов автотехнической экспертизы при рассмотрении ДТП с наездом на пешехода и представил ряд соображений и рекомендаций по повышению эффективности применения результатов экспертизы для определения степени виновности водителя и пешехода при таких происшествиях.

Результаты исследования. Показано, что применение комплексного рассмотрения механизма развития ДТП с наездом на пешехода по принципу «водитель-автомобиль-дорога-среда» (далее – ВАДС) или моделирования развития ситуации дает возможность предоставить сторонам судебного процесса наиболее полную картину объективно полученных результатов для моделирования и оценки правомерности, достаточности, эффективности действий водителя и возможной неосторожности пешехода, в том числе и для рассмотрения вероятности умышленного создания обстановки ДТП пешеходом для получения выплат за полученные повреждения и моральных ущерб.

Обсуждение результатов. Вопрос виновности водителя при наезде на пешехода ставится с точки зрения совершения им действий, направленных на:

• предотвращение физического контакта ТС и пешехода;

• снижение (минимизацию) последствий столкновения для пешехода.

Фактически это можно интерпретировать как правильную оценку водителем дорожной обстановки, владение приемами управления ТС, соответствие скорости и направления движения условиям, при которых наезда не произойдет или последствия наезда будут минимальными для здоровья пешехода.

Принцип моделирования механизма развития ДТП «водитель-автомобиль-дорога-среда» позволяет рассматривать картину событий в динамике и установить причинно-следственные связи между всеми составляющими, субъектами и объектами и последствиями – полученными пешеходом травмами и связанными с ними требованиями возмещения вреда. Поскольку наличие умысла или грубой неосторожности потерпевшего могут существенно повлиять на ответственность водителя по ст. 264 УК РФ и положениям ст. 12.54, 12.57 КоАП РФ, следует рассматривать картину ДТП как комплекс событий и факторов, в котором каждая из сторон могла принять меры к предотвращению ДТП.

При построении динамической ситуационной модели ДТП рассматриваются показания участников и свидетелей, схемы и материалы ГИБДД, данные автотехнической экспертизы и зафиксированные регистраторами события. Показания участников и свидетелей можно отнести к субъективной информации, данные экспертиз и регистраторов к объективным, материалы ГИБДД, составленные с соблюдением норм и требований рассматриваются как преимуще-

ственно объективные, но с возможностью возникновения разночтений и сомнений [4].

Автотехническая экспертиза может дать объективную информацию следующего характера:

• оценку длины тормозного пути с учетом условий и состояния шин автомобиля;

• оценку скорости движения автомобиля в момент начала торможения;

• оценку интенсивности замедления автомобиля от момента начала торможения;

• место начала фактического торможения по следу проектора;

• оценку скорости движения автомобиля в момент столкновения с пешеходом;

• место фактической остановки автомобиля и длину пути после столкновения;

• наличие или отсутствие следов столкновения на ЛКП и конструкции кузова автомобиля;

• вероятное время реакции водителя на появление в поле зрения пешехода с учетом особенностей устройства автомобиля и его технического состояния;

• воздействие износа шин, тормозной системы, внешних условий на динамику торможения и замедления автомобиля.

Автотехническая экспертиза в этом случае является источником объективных выводов по механизму развития дорожно-транспортного происшествия. Однако, в случае вызова в суд, эксперт может отвечать на вопросы, связанные с уточнением воздействия определенных факторов на развитие механизма ДТП в рамках своей компетентности [5]. При возможности сравнения результатов экспертизы и данных регистраторов возникают условия, позволяющие придавать гораздо меньше значения субъективным данным показаний участников и свидетелей ДТП. При этом выводы экспертизы могут быть проверены или учтены в сравнении с показаниями регистратора, если он фиксировал скорость движения и другие параметры перед и во время столкновения с пешеходом.

Данные результатов автотехнической экспертизы применительно к случаям провоцирования ДТП пешеходом или проявления грубой неосторожности

Понятие грубой неосторожности относится к оценочным характеристикам и не может быть однозначно и исчерпывающе раскрыто в законодательстве, поскольку потребует создания длинного перечня ситуаций, каждая из которых окажется прецедентной, но не эталонной для квалификации действий участников ДТП. Отнесение характера действий пешехода к грубой неосторожности или неосмотрительности остается в рамках компетенции суда по конкретному делу. В 2008 году такую позицию занял Конституционный суд РФ в Определении от 21.02.2008 № 120-О-О. Можно охарактеризовать грубую неосторожность как пренебрежение потерпевшим возможностью правильной оценки ситуации, когда он мог предвидеть большую вероятность наступления вредных последствий от своего действия.

С точки зрения конкретного судебного разбирательства с рассмотрением обстоятельств ДТП выводы автотехнической экспертизы и данные регистратора могут дать ответы на вопросы:

• соответствует ли позиция пешехода и транспортного средства возможности увидеть ТС и препятствие при соблюдении требований ПДД, убедился ли пешеход в отсутствии или приближении ТС;

• соответствует ли длина тормозного пути и эффективность замедления ТС промежутку времени, в течение которого водитель мог принять меры к торможению, обнаружив неосторожное поведение пешехода;

• имеется ли основание утверждать, что пешеход умышленно, предварительно сопоставив скорость движения ТС и расстояние до него, совершил движение, приведшее к столкновению;

• какие действия предпринял водитель, обнаружив пешехода: торможение, попытка изменения траектории движения автомобиля;

• имелись в поле зрения водителя препятствия, ограничивающие видимость участка дороги, на которой находился пешеход;

• какое расстояние было пройдено автомобилем с момента обнаружения водителем пешехода, с момента начала торможения.

При анализе данных регистратора суд может прийти к выводу, что пешеход имел намерение спровоцировать или имитировать столкновение с ТС таким образом, чтобы получить незначительные повреждения, но оставить возможность требовать от водителя немедленно «возместить» якобы нанесенный вред, что типично для ситуаций с «подставами».

Оценка силы воздействия частей автомобиля на части тела человека при столкновении с пешеходом должна быть построена на комплексе выводов, полученных автотехнической, транспортно-трасологической и медицинской экспертизы [6]. Со стороны автотехнического эксперта могут быть предоставлены данные о совпадении следов на теле с формами и размерами отдельных частей автомобиля. Полнота такой оценки во многом зависит от характера столкновения – современные автомобили, как правило, выпускаются с кузовом сглаженной формы, при столкновении оставляющим следы с минимальными идентифицирующими признаками. Однако, по высоте, положению относительно других частей тела и совпадению с элементами кузова может быть сделан вывод о значительной или малой вероятности получения удара с определенными характеристиками. Так, прямое столкновение с пешеходом легкового ав-

томобиля с распространенным дорожным просветом 150-200 мм может ставить характерный след бампера в области коленей, при этом пластиковый бампер вполне может оказаться поврежденным, имеющим свежие трещины, так как он является деформационной «жертвенной» зоной кузова при столкновении.

Основные результаты и выводы. Анализ собранных данных позволяет сделать ряд выводов о возможностях применения результатов автотехнической экспертизы при рассмотрении дел о ДТП с наездом на пешехода.

Количество таких ДТП значительно, в крупных городах оно составляет до половины всех случаев, что говорит о высокой вероятности столкновений и наездов.

Методика ситуационного моделирования по принципу «водитель-автомобиль-дорога-среда» (ВАДС) позволяет использовать объективные данные, полученные в результате экспертизы и с регистраторов для восстановления механизма развития ДТП.

Выявленные причинно-следственные связи будут подтверждаться перекрестно или обоснованно опровергаться по объективным основаниям.

Комплексное рассмотрение обстоятельств, результатов экспертиз и данных регистраторов дает возможность обнаружить признаки грубой неосторожности или умысла на провоцирование ДТП со стороны пешехода.

Результаты моделирования на основе объективных данных позволяют дать оценку правомерности, достаточности и соответствия действий водителя ТС дорожной обстановке и комплексу факторов, из которых складываются условия для наезда и нанесения вреда пешеходу.

Список литературы

1. Транспортно-трасологическая экспертиза по делам о дорожно-транспортных происшествиях (диагностические исследования). – 1998. – Вып. 1, ВНИИСЭ. – 100 с.
2. *Белкин Р.С.* Криминалистическая энциклопедия. 2-е изд., доп. М.: Мегатрон XXI, 2000. 334 с.
3. *Россинская Е.Р., Галяшина Е.И., Зинин А.М.* Теория судебной экспертизы (судебная экспертология): учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2017. 368 с.
4. *Майлис Н.П.* Судебная трасология: учебник для студентов юридических вузов. М.: Экзамен, 2003. 272 с.
5. *Орлов Ю.К.* Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. М.: РФЦСЭ, 2005. 261 с.
6. *Беляева Л.Д., Бутырин А.Ю., Воронков Ю.М.* Современные возможности экспертиз: методическое пособие для экспертов, следователей и судей. М. : Триада-Х, 2000. – 155 с.

References

1. Transport and tracological expertise in cases of road accidents (diagnostic studies). – 1998. – Issue 1, VNIISE – – 100 p.
2. *Belkin R.S.* Criminalisticheskaya enciklopediya. 2nd ed., add. M.: Metron XXI, 2000. 334 p.
3. *Rossinskaya E.R., Galyashina E.I., Zinin A.M.* Theory of forensic expertise (forensic expert science): textbook. 2nd ed., reprint. and add. M.: Norma, 2017. 368 p.
4. *Mailis N.* P. Judicial tracology: textbook for law students. Moscow: Exam, 2003. 272 p.
5. *Orlov Yu.K.* Forensic examination as a means of proof in criminal proceedings. Moscow: RFTSSE, 2005. 261 p.
6. *Belyaeva L.* D., B*utyrin A.Yu., Voronkov Yu.M.* Modern possibilities of expertise: a methodological guide for experts, investigators and judges. Moscow: Triada-X, 2000. – 155 p.

УДК 340.1

DOI 10.47629/2074-9201_2021_4_64_66

Усманова Елена Фанильевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры Правовых дисциплин, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, город Саранск,
usmanowa_ef@rambler.ru

ЮРИДИЧЕСКАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ ПРИ РАЗРЕШЕНИИ ПРАВОВЫХ СПОРОВ И КОНФЛИКТОВ[1]

Аннотация. *Исследуется юридическая аргументация при разрешении правовых споров и конфликтов. Подчеркивается важность и значение владения навыками аргументации для юриста. Выделяются лексические, стилистические, композиционные, семантические аргументативные средства юридической аргументации. Отмечается, что аргументация при разрешении правовых споров и конфликтов может быть представлена в двух направлениях: подтверждение собственной позиции и опровержение позиции противоположной стороны.*
Ключевые слова: правовой спор, конфликт, юридическая аргументация, аргумент, юрист, медиатор.

Elena F. Usmanova,
Ph.D. of Juridical Sciences, Associate professor at the Department of Legal Disciplines, N.P. Ogarev Mordovia State University, Saransk,
usmanowa_ef@rambler.ru

LEGAL ARGUMENTATION IN RESOLVING LEGAL DISPUTES AND CONFLICTS

Abstract. *The article examines the legal argumentation in the resolution of legal disputes and conflicts. The importance and significance of possession of argumentation skills for a lawyer is emphasized. The lexical, stylistic, compositional, semantic argumentative means of legal argumentation are highlighted. It is noted that the argumentation in resolving legal disputes and conflicts can be presented in two directions: confirmation of one's own position and refutation of the position of the opposite side.*
Keywords: legal dispute, conflict, legal argumentation, argument, lawyer, mediator.

Понятие «аргументация» представляет собой, прежде всего, приведение различных доводов, факторов, доказательств, для того, чтобы убедить определённого человека или группу лиц в правдивости высказываемого предложения. Аргументация используется во всех сферах общественной жизни: социальной, политической, экономической, духовной. Круг использования аргументации широк: это может быть как межличностный разговор, так и важное мероприятие на международном уровне.

Юридическая аргументация является неким подразделением обычной аргументации и представляет собой один из основных навыков юриста. Она возникает в среде отношений, которые непосредственно затрагивают сферу права. Юридическая аргументация отличается от обычной по ряду признаков. Например, для использования юридической аргументации необходимо обладать определёнными профессиональными познаниями, сосредоточением выдержки и корректности.

Безусловно, юридическая аргументация функционирует посредством её применения субъектами права. Субъект юридической аргументации – это лицо, приводящее аргументы с целью убедить субъекта воздействия в правильности занимаемой позиции и побудить его принять юридически значимое решение в пользу аргументатора или представляемой им стороны. [1, с. 164]. Трудно переоценить важность владения навыками аргументации для юриста любой специализации, прокурора, адвоката, медиатора. И именно медиатор, лицо призванное помочь эффективно разрешать правовые споры и конфликты, должен в совершенстве владеть навыками аргументации, так как это позволит эффективно и грамотно разрешить конфликтную ситуацию. Медиатор (посредник) должен владеть основными закономерностями и правилами аргументации, обладать профессиональными знаниями в данной сфере, логичностью, целеустремленностью и точностью изложения материала, в необходимых случаях использовать наглядные пособия и повторы основных мыслей, представлять информацию и факты в нужном ракурсе, и обладать определенной долей юмора.

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00378

Юридическую аргументацию часто разделяют на рациональную и нерациональную. Рациональная аргументация предполагает собой использование чётких фактов. Нерациональная аргументация допускает использование чувств и эмоций. Но характерными чертами любого вида юридической аргументации являются: ясность, логичность, достоверность.

На сегодняшний день выделяют несколько различных подходов к пониманию юридической аргументации.

Логический подход. Он представляет собой анализ рассуждения на предмет выяснения его логической обоснованности, а также определение и изучение форм правильных рассуждений. В данном подходе любое объяснение должно сводиться к логическому заключению.

Дедуктический подход. Этот подход основывается на том, что все базовые идеи, законы, принципы, а также правила проведения операций с ними должны быть предварительно выявлены, определены и систематизированы. А затем их применение должно привести к построению дедуктивного вывода, так как они уже являются проверенными.

Риторический подход. Данный подход строится на зависимости обоснованности и эффективности аргументации от аудитории. Данный подход наиболее значим в соответствии с применением нерациональной аргументации. Так как, чаще всего, именно эмоции оказывают более сильное влияние на слушателей. Но данный подход уменьшает значение нормативного содержания, и не предлагает эффективных методик оценки аргументации.

Диалектический подход. При диалектическом подходе основным критерием приемлемости аргументации считают ее соответствие идеальной модели критической дискуссии. Наличие качественных и точных аргументов – это всё относится к данному подходу.

Юридическая аргументация, как и обычная, состоит из трёх частей:

• тезис – основная мысль аргументации, некий объект, который необходимо доказать;

• аргумент;

• доказательство – определённые доводы и факты. Доказательство должно быть понятным, логичным, а также основываться на теоретических и практических знаниях.

Юридическая аргументация представляет собой, чаще всего, устное общение, поэтому существуют определенные средства для её реализации. Среди средств юридической аргументации, которые используются в юридической практике, можно выделить: лексические (сравнения, образные слова и др.); стилистические (повторы, оценочные слова и др.); композиционные (любая речь имеет введение, основную часть и заключение); семантические (явное отрицание или уступка); аргументативные (риторические вопросы, создание очевидности и общеизвестности фактов и др.). Для юридической аргументации важно умение юриста чётко выражать своё мнение, правильно, грамотно строить свою речь.

В коммуникативном процессе разрешения правовых споров и конфликтов важное значение имеет правильный выбор положения, которое нужно аргументировать. Вся информация, представленная в аргументации, соединяется вокруг данного положения и способствует его подтверждению или опровержению. При этом любое утверждение, высказанное оппонентом, может выступать в качестве такого положения. То есть любой довод нуждается в соответствующей аргументации. Методика аргументации предопределена структурой процесса: кто несет бремя доказывания, должен быть активен в обосновании своих притязаний [2, с. 107].

При помощи аргументов можно частично или полностью изменить мнение собеседника. Для эффективного разрешения конфликтной ситуации нужно придерживаться правил аргументирования. К основным правилам аргументирования при разрешении правовых споров и конфликтов можно отнести: использование простых, точных, корректных, понятных и убедительных терминов, использовать только проверенную и достоверную информацию, относящуюся к делу, способы и темп аргументирования должны соответствовать характеру оппонента. При этом нужно учитывать, что сильные аргументы всегда опираются на факты, поэтому не нужно использовать доводы, которые невозможно подкрепить достоверными данными. Неверными аргументами невозможно ни опровергнуть, ни доказать тезис.

К сильным аргументам можно отнести научные теоремы и аксиомы, статьи нормативных правовых актов, экспериментально доказанные положения, данные экспертиз, ссылки и цитаты авторитетных источников, пользующихся доверием, свидетельства очевидцев.

Считается, что «аргумент оправдан, если это может заставить оппонента исчерпать доводы любым способом, которым оппонент атакует» [3, с. 331].

Аргументация несёт в себе определенную функцию – убеждение в правоте её автора. Аргументация при разрешении правовых споров и конфликтов может быть представлена в двух направлениях: подтверждение собственной позиции и опровержение позиции противоположной стороны. Соответственно, выделяют аргументы «за», подтверждающие свою позицию, и аргументы «против», опровергающие положения позиции оппонента, которые должны убедить в том, что доводы, приводимые оппонентом слабые или недостоверные. Соответственно их следует назвать терминами, указывающими на цели:

1) показать юридическую правоту своих выводов;

2) несостоятельность доводов противника [4, с. 287].

Следует подчеркнуть, что важнейшей целью юридической аргументации является разрешение противоречий (конфликтов) между различными сторонами. Помимо прочего, аргументация способна заставить человека изменить некоторую точку зрения, либо укрепить ее. С ее помощью можно достичь консенсуса и не дать перейти конфликту точек зрения в агрессивное противоборство людей [5].

Юридическая аргументация является важной частью деятельности юриста. Коммуникативная характеристика конфликта говорит о том, что выдвигая точку зрения в диалоге, юрист берет на себя обязательство отстаивать ее при помощи доводов [6, с. 21]. Все это требует не только отработанных навыков аргументирования, но и высокой риторической, философской, психологической и этической культуры.

Список литературы

1. *Каргин К.В.* Участники юридической аргументации // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 2. С. 164-169.
2. *Боруленков Ю.П.* Теория доказательств и доказывания: риторическая модель аргументации // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 5. С. 101-111.
3. *Prakken H., Sartor G. A* Dialectical Model of Assessing Conflicting Arguments in Legal Reasoning // Artif. Intell. Law.1996. № 4. P. 331-368.
4. *Поляков С.Б.* Функции юридической аргументации в юридической практике // Юридическая техника. 2013. № 7-1. С. 287-294.
5. *Пронина М.П.* Правовая аргументация и ее использование в процессе доказывания по гражданским делам // Юридическая техника. 2013. № 7-1.
6. *Лисанюк Е.Н.* Взаимоотношение аргументации и конфликта // Конфликтология. 2014. № 1. С. 20-31.

References

1. *Kargin K.V.* (2013) Uchastnikiyuridicheskojargumentacii // Aktual'nyeproblemyekonomiki i prava. № 2. S. 164-169.
2. *Borulenkov Yu.P.* (2017) Teoriyadokazatel'stv i dokazyvaniya: ritoricheskaya model' argumentacii // Yuridicheskayanauka: istoriya i sovremennost'. № 5. S. 101-111.
3. *Prakken H., Sartor G.* (1996) A Dialectical Model of Assessing Conflicting Arguments in Legal Reasoning // Artif. Intell. Law. № 4. P. 331-368.
4. *Polyakov S.B.* (2013) Funkcii yuridicheskoj argumentacii v yuridicheskoj praktike // Yuridicheskaya tekhnika. № 7-1. S. 287-294.
5. *Pronina M.P.* (2013) Pravovayaargumentaciya i eeispol'zovanie v processe dokazyvaniya po grazhdanskim delam // Yuridicheskaya tekhnika. № 7-1.
6. *Lisanyuk E.N.* (2014) Vzaimootnoshenie argumentacii i konflikta // Konfliktologiya. № 1. S. 20-31.

УДК 343.2

DOI 10.47629/2074-9201_2021_4_67_73

Штефан Алена Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры Уголовного права и криминологии,
Челябинский государственный университет, город Челябинск,
Al.schtefan2011@yandex.ru

К ВОПРОСУ ОБ УГОЛОВНО-ПРАВОВОМ АНАЛИЗЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ ДОЛЖНОСТНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ СЛУЖАЩЕГО ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Аннотация. *Статья посвящена уголовно-правовой характеристике преступлений, совершаемых при исполнении должностных полномочий служащего органов внутренних дел. Автором научной статьи анализируется уголовное законодательство о привлечении к уголовной ответственности должностных лиц (сотрудников органов внутренних дел) по проблемным вопросам, возникающим при квалификации данных деяний. В статье подводятся итоги об объективных и субъективных признаках преступлений, совершаемых при исполнении должностных полномочий служащего органов внутренних дел на основе обнаруженных пробелов законотворчества и анализа деятельности правоохранительных органов, что свидетельствует о наличии неоднозначно решаемых на практике и в теории вопросов незаконных преступных действий сотрудников полиции.*

Ключевые слова: должностные лица, совершение преступлений при исполнении служебных полномочий, сотрудники органов внутренних дел, объективные и субъективные признаки преступлений, совершаемых при исполнении должностных полномочий, специальный субъект.

Alyona V. Stefan,
Ph.D. of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Criminal Law and Criminology,
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk,
Al.schtefan2011@yandex.ru

ON THE ISSUE OF CRIMINAL LAW ANALYSIS OF CRIMES COMMITTED IN THE PERFORMANCE OF OFFICIAL POWERS OF AN EMPLOYEE OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES

Abstract. *The article is devoted to the criminal-legal characteristics of crimes committed in the performance of official duties by employees of internal affairs bodies. The author of the scientific article analyzes the criminal legislation on the involvement of officials, that is, employees of the internal affairs bodies on emerging problematic issues of the qualification of these acts. The article summarizes the objective and subjective signs of crimes committed in the performance of official duties of an employee of the internal affairs bodies on the basis of the revealed gaps in lawmaking and analysis of the activities of law enforcement agencies, which indicates the presence of ambiguously solved in practice and in theory issues of illegal criminal actions of police officers.*

Keywords: officials, commission of crimes in the performance of official powers, employees of internal affairs bodies, objective and subjective signs of crimes committed in the performance of official powers, a special subject.

Уголовно-правовое значение всех элементов состава любого преступления, прежде всего, состоит в том, что они в наибольшей степени «раскрывают сущность преступления, его материальные признаки (социальную опасность) и в конечном итоге социальную природу самого преступления, поскольку показывают его гнусную направленность» [1].

Давая характеристику объекту преступления следует отметить, что само понятие объекта преступления было введено в отечественную науку достаточно давно, однако споры о содержании данного понятия не утихают и в настоящее время. Следовательно, перед тем как охарактеризовать объект, например, служебного подлога, необходимо кратко остановиться на дискутируемом вопросе о содержании данной категории в науке уголовного права.

Доктрина выделила несколько подходов относительно понятия «объект преступления». Среди наи-

более распространенных те, в которых под объектом преступления понимают общественные отношения [2], благо и интерес [3], а также человека [4].

А.В. Наумов считает, что «объектом преступления должны быть признаны те выгоды (интересы), которые узурпированы преступным деянием и которые охраняются уголовным законом» [5]. Он развивает идею, которую еще до революции высказывал Н.С. Таганцев, писавший: «Охраняемые объекты могут быть реальными по своей природе – жизнь, здоровье, неприкосновенность собственности или идеал – честь, религиозные чувства, порядочность и др. Эти интересы могут быть индивидуальными, физическим или юридическим сообществом, или разделением государственных сообществ, или совокупностью социальных факторов. Общество или в конечном итоге государство как юридически организованное целое» [6].

Правовое, социальное благо действительно очень важно при исследовании понятия объекта преступления. Именно поэтому, думается, что концепция «объект преступления – общественные отношения» является более правильной, так как указанные выше представления об объекте являются элементами общественного отношения и вне его системы не существуют.

Проблема объекта преступлений, совершенных сотрудниками органов внутренних дел, не может рассматриваться в отрыве от объекта должностной преступности в целом. В связи с этим существует необходимость проследить развитие взглядов по данному вопросу в различные периоды времени.

Так, в уголовно-правовой литературе начала XX века преобладало понимание объекта должностной преступности, как нарушение служебного долга. Эта обязанность выражена как совокупность тех особых обязанностей, которые возложены только на субъектов власти. Н.И. Лазаревский написал: «Под уголовной ответственностью должностных лиц разумеют ответственность, которой они подлежат в случае совершения ими преступления должности, то есть деяния, воспрещённого под страхом наказания и составляющего нарушение служебного долга» [7].

Однако не все авторы были согласны с таким определением объекта преступлений, совершенных сотрудниками органов внутренних дел. В.Н. Ширяев писал, что «концепция служебного долга характеризуется крайней неопределенностью и разнообразием содержания, поэтому не представляется возможным определить раз и навсегда содержание обращения для различных операторов связи» [8]. Автор приводил в пример различный служебный долг должностных лиц: сотрудников внутренних дел, военнослужащих (субординация и повиновение) и судебных органов (стойкость и независимость). И предлагал вместо этого понимать начала безвозмездности служебных действий, служебную тайну и долг подчиненности [8].

В первые годы советской власти некоторые авторы по-прежнему придерживались понимания объекта должностных преступлений, как служебного долга. Так, по мнению С.В. Познышева, под ним необходимо понимать «идеальное общественное благо, состоящее из нерушимого образца и достаточной энергии действий чиновников» [9]. В свою очередь, А.А. Жижиленко под служебными деяниями понимал как неисполнение, так и ненадлежащее исполнение служащим полиции должностных обязанностей [10].

Несколько позднее понимание объекта преступлений, совершенных сотрудниками органов внутренних дел изменилось. Например, А. Сахаров, анализируя приведенные позиции, писал, что «служебная обязанность», а также «начало регулярности в управлении службой» являются общепринятыми представлениями об объекте преступлений, совершаемых сотрудниками внутренних органов, а также об объекте совершения преступления [11].

Основным же в советской доктрине стало понимание объекта должностной преступности, в том числе, предложенное А.Н. Трайниным. По его мнению, эта группа преступлений через своих служащих нарушает нормальную работу (деятельность) государства и общественного аппарата, отвечающего интересам социалистического строительства [12].

В.Ф. Кириченко считал, что объектом данных преступлений выступают общественные отношения, которые составляют содержание нормальной, то есть соответствующей интересам коммунистического строительства, работы государственного аппарата по управлению Советским государством и социалистическим хозяйством [13]. Управление государством и народным хозяйством представляет собой деятельность его органов, имеющую целью осуществление стоящих перед государством на определенной фазе его развития задач. Эта деятельность охватывает различные сферы общественной жизни: осуществление мероприятий в области народного хозяйства, развития культуры, подготовки кадров, и так далее. Схожие определения объекта рассматриваемого преступного посягательства давали и другие авторы [14].

Таким образом, несмотря на незначительные расхождения, большинством авторов советского периода объект должностной преступности (родовой объект в том числе) определялся как деятельность государственного и общественного аппарата, отвечающая интересам коммунистического строительства.

Например, при рассмотрении такого преступления как служебный подлог необходимо также указать, что в настоящее время общепринята четырехуровневая система объектов преступлений, в отличие от действующей ранее концепции о трехуровневой системе. Таким образом, понимание родового объекта в рабо-

тах советских ученых соответствует пониманию видового объекта преступлений в настоящее время.

Название главы 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах внутренних дел» не в полной мере отражает видовой объект, находящийся под защитой составов, содержащихся в ней. В доктрине предлагается использование названия, содержащееся в Модельном уголовном кодексе для Содружества Независимых Государств – «Преступления против интересов публичной службы» [15].

Б.В. Волженкин, в свою очередь, определял видовой объект должностных преступлений в целом, и преступлений, совершенных сотрудниками органов внутренних дел, в том числе, как государственная власть, интересы государственной службы и обслуживание местных сообществ [15]. Данная точка зрения является превалирующей в настоящее время.

В свете изменений, внесенных Федеральным законом от 13 июля 2015 года № 265-ФЗ в ст. 285 Уголовного кодекса РФ в понятие должностного лица [16], указанное определение расширено указанием на деятельность государственных компаний, государственных и муниципальных унитарных предприятий, акционерных обществ, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации.

Думается, что недостатком указанных предложений является недостаточное заострение внимания на законных правах и интересах граждан, организаций и общества; ведь права и свободы человека и гражданина – это высшая ценность. Это закреплено в положениях Конституции РФ (ст. 2, 17) и определяет смысл и содержание деятельности органов государственной власти – деятельности органов внутренних дел (ст. 18) [17].

Любой из указанных элементов может представлять собой непосредственный объект, исходя из сферы, в которой осуществлено преступное деяние.

Научный интерес вызывает словосочетание «нормальная деятельность». Представляется, что использование данного слова в большей степени является «традицией» уголовного права, поскольку еще авторы, находившиеся у истоков определения объекта должностных преступлений, в том числе и преступлений, совершенных сотрудниками органов внутренних дел в советское время, представляли его подобным образом (с использованием понятий «правильная» и «нормальная» деятельность государственного аппарата [18]).

Как считает А.И. Рарог, «под непосредственным объектом рассматриваемой группы преступных деяний логично понимать нормальное функционирование органов государственной власти и местного самоуправления или управления, интересы службы в государственных органах и службы в органах местного самоуправления. В качестве дополнительного объекта в некоторых преступлениях, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел, действуют общественные отношения, не входящие в круг родового объекта» [19]. Так, дополнительный объект может заключаться в собственности, личных интересах, жизни, здоровье личности и др.

Например, в период с 18 ч. до 8 ч. ДД.ММ.ГГГГ сотрудник полиции Фаркин И.В., находящийся на территории отдела полиции №№…, в помещении, предназначенном для задержанных, в форме сотрудника полиции с опознавательными знаками провел личный обыск задержанного … и поместил его в камеру предварительного заключения. Затем Фаркин И.В. в нарушение требований приказа и официальных правил незаконно отказал задержанному в предоставлении права на проведение одного телефонного разговора с женой, при этом самостоятельно не предпринимая меры по уведомлению родственников данного лица о его местонахождении. Также, явно превышая служебные полномочия, применил спецсредство – электрошокер, который несколько раз нацелил на задержанного, затем нажал кнопку и привел его в рабочее состояние. Затем он незаконно использовал наручники, а именно вывел из камеры и приковал задержанного к стеллажу в унизительном положении, где задержанный, сидя на полу, испытывал сильную физическую боль более получаса. Затем через некоторое время Фаркин И.В. неоднократно использовал электрошокер против задержанного, превышая свои официальные полномочия и причиняя ему физическую боль [20].

Помимо этого, у некоторых преступлений должен присутствовать такой обязательный признак как предмет преступления, например: взятка – это предмет дачи или получения взятки, а документы являются предметом при подлоге [21].

При определении предмета отношений, которые охраняются соответствующими нормами УК РФ, нужно знать, что предмет преступления не является тождественным предмету общественных отношений.

Как отмечается А.И. Рарогом, нужно отличать предмет в смысле структурного элемента общественных отношений от предмета преступления в смысле самостоятельного факультативного признака состава преступления [22].

Здесь нужно отметить, что в научной литературе, как правило, предмет преступления рассматривается в качестве «овеществленного элемента материального мира» [5].

Общественные отношения, на которые совершаются посягательства со стороны должностных лиц государственных органов – сотрудников органов внутренних дел, проявляются по отношению к реализации заданий, которые перед ними поставлены.

Ввиду этого можно согласиться с мнением Р.Н. Горбатого, А.Е. Абидаровой, что предмет защищаемых общественных отношений в рассматриваемых преступлениях обладает нематериальным характером и заключается в определенных заданиях, которые поставлены перед государством в общем и отдельно перед правоохранительными органами. Субъекты по реализации данных заданий представляют собой должностные лица; другими словами, те задания, которые поставлены перед определенными структурами, прямо поставлены и перед их соответствующими должностными лицами [24].

Специфика заданий у должностных лиц – сотрудников органов внутренних дел заключается в обеспечении нормальной жизнедеятельности общества в целом, в охране жизни, здоровья личности, охране собственности, всех материальных и не материальных благ, находящихся в интересах их собственника [25]. С объективной стороны сотрудники полиции чаще совершают деяния в виде действия, но также не исключено и их бездействие. При преступном бездействии внешне должностное лицо может вести себя весьма активно, совершать какие-либо действия, но не те, которые от него требуются.

Рассматривая субъект преступлений, Д.А. Дорогин отмечает, что особое внимание в уголовном праве вызывает конкретно должностное лицо – сотрудник органов внутренних дел, совершающее преступное деяние. Такие лица представляют собой объект пристального интереса со стороны государства [26].

Так как преступления, совершенные должностными лицами, обладают такими чертами как злоупотребление властью либо должностным положением, а также имеют корыстную цель либо иную личную заинтересованность, то представляется необходимым заострить внимание на формировании понятийного аппарата для облегчения квалификации деяний в процессе правоприменительной деятельности в данной сфере.

По мнению ученых, «особый» (специальный) субъект преступления – вменяемое лицо, совершившее преступление и достигшее возраста уголовной ответственности. Также у него есть некоторые особенности, ограничивающие круг лиц, которые могут быть привлечены к ответственности по данной статье» [24]. В науке уголовного права вопрос о понятии должностного лица, его признаках, является наиболее дискуссионным. Официальная дефиниция дана в примечании к ст. 285 УК РФ. Представляется, что данное определение не совсем корректно, так как совершается логическая ошибка «замкнутого круга» [25].

Согласно части 1 статьи 10 Федерального закона от 30 ноября 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» сотрудником органов внутренних дел является гражданин, который взял на себя обязательства по прохождению федеральной государственной службы в органах внутренних дел в должности рядового или начальствующего состава и которому в установленном данным федеральным законом порядке присвоено специальное звание рядового или начальствующего состава [26].

Соответственно субъектом преступлений будет являться должностное лицо, то есть сотрудник органов внутренних дел, осуществляющий свои функции постоянно или по специальному полномочию, согласно утвержденной должностной инструкции и другим нормативным актам органов внутренних дел.

Рассматривая субъективную сторону изучаемых преступлений, в научной среде достаточно прочно устоялось мнение о том, что, практически весь круг преступлений, совершенных сотрудниками органов внутренних дел, может быть совершен только с прямым умыслом [27]. В данном случае можно привести пример таких преступлений, предусмотренных ст. 285, 286, 286.1, 290, 291, 291.1, ч. 1 ст. 292, 292.1, 293, 301, 302 УК РФ и др. Например, при служебном подлоге, совершенном сотрудником полиции, подтверждается это конструированием данного состава по типу формального, а также указанием в законе на «заведомость» совершенного действия. Данным способом законодатель акцентирует внимание на осознании субъектом ложности информации включаемой в документ. При отсутствии же умысла (например, внесение сведений по небрежности) содеянное может быть квалифицировано, при наличии к тому оснований, как халатность [28]. Таким образом, совершая служебный подлог, виновный осознает, что он фальсифицирует официальный документ и желает этого.

Определенную поддержку среди ученых получило положение о том, что преступления, совершенные сотрудниками органов внутренних дел с материальным составом, считаются преступлениями, деяния в которых совершаются умышленно, а последствия наступают по неосторожности. Так, например, Б.В. Здравомыслов отмечал, что «отнесение злоупотреблений, злоупотребления властью и пренебрежения к преступлениям с двойной формой вины не противоречит и не разрушает единую концепцию вины. Кроме того, законодатель говорит только об умышленном характере действий, а значит, отношение к произошедшим последствиям может быть умышленным и неосторожным» [29]. Например, ч. 2 ст. 292, ст. 293 УК РФ и др.

Таким образом, материальный состав служебного мошенничества нельзя отнести к двойной (смешанной) форме преступления вины. И это относится к действиям, которые считаются преступными, только если они совершены умышленно. Кроме того, думается, что в рассматриваемом составе помимо прямо-

го умысла допустим и косвенный. Определение типа умысла зависит от психологического отношения человека к наступившим преступным последствиям.

Подобные рассуждения подтверждаются и практикой. Так, к примеру, Советский районный суд города Орла в приговоре указал, что обвиняемый Семенов В.И. осознавал, что вносит заведомо недостоверные сведения в документы, являющиеся официальными, предвидел наступление общественно-опасных последствий в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан, а также охраняемых законом интересов общества и государства, но относился к этому безразлично [30]. То есть действовал с косвенным умыслом.

Наибольшие же трудности возникают при определении мотива иной личной заинтересованности и его соотношении с мотивом ложно понятых интересов службы. Данный вопрос является предметом дискуссии в науке уголовного права уже несколько десятилетий. Некоторые авторы говорили об их тождественности Смолицкий Г.Р. писал: «Когда в законе говорится о личной заинтересованности, следует иметь в виду не только имущественную или иную личную выгоду или сугубо личные интересы, но и те случаи, когда чиновник привносит в работу государственного аппарата чужие интересы «своего» учреждения или предприятия, чтобы учитывались общие государственные интересы в целом». В.А. Канунников считает, что такие преступления, совершенные сотрудниками внутренних дел, считаются как преступления, совершенные на службе [31]. Б.С. Волков отмечает, «личные мотивы – это мотивы, выражающие сугубо индивидуальные интересы и стремления человека. Интерес – это понятие с более широким значением, чем мотивы поведения. Эта концепция охватывает все мотивации, в том числе не связанные с конкретным поведением» [32]. Подобной позиции придерживаются и другие авторы. Так, к примеру, как отмечает Т.Б. Басова «ложно понятые интересы службы не могут быть отнесены к иной личной заинтересованности» [33]. Что подтверждается примером из судебной практики. Так, Свердловский областной суд в приговоре указал, что в случае, когда лицо действует из ложно понятых интересов службы и не стремится получить в результате личные блага, состав преступления отсутствует [34]. Таким образом, уголовная ответственность при установлении мотива ложно понятых интересов службы должна исключаться.

Итак, изучив составы преступлений, совершенных сотрудниками органов внутренних дел, сделаем вывод, что объективные и субъективные признаки данных составов выражены в следующем:

1. Объектом данных деяний являются общественные отношения, на которые совершаются посягательства со стороны должностных лиц государственных органов – сотрудников органов внутренних дел, появляются по отношению к реализации заданий, которые перед ними поставлены.

2. Сотрудник органов внутренних дел, то есть виновное лицо, осознает общественно опасный характер в большинстве совершаемых деяний и желает их совершения. Осознает характер своих действий и желает наступления предполагаемых последствий.

3. Отсутствие у субъекта преступления мотива корыстной или иной личной заинтересованности исключает возможность привлечения его к ответственности по исследуемым нормам. Иная личная заинтересованность подразумевает любую некорыстную мотивацию, которая противоречит целям, задачам деятельности органов внутренних дел. Ложно понятые интересы службы не могут быть отнесены к иной личной заинтересованности. Следовательно, уголовная ответственность при установлении такой мотивации должна исключаться.

6. Субъектом преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних, дел является должностное лицо – представитель органа власти, то есть сам сотрудник полиции. Категория, подчиненность и понятие данного лица установлены в нормативно-правовых актах, что не влечет за собой потребности правоприменителю идти на какие-либо ухищрения для определения статуса конкретного виновного лица.

Список литературы

1. Уголовное право. Общая часть : учеб. пособие / под общ. ред. В.А Уткина, А.В. Шеслера. – Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2016. – 600 с.
2. *Винокуров В.Н.* Объект преступления: теория, законодательство, практика: монография. / В.Н. Винокуров – М.: Юрлитинформ , 2010. – 224 с.
3. Курс уголовного права. Общая часть: в 5 т. Том 1: Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. – М.: Зерцало, 2002. – 624 с.
4. *Новоселов Г.П.* Учение об объекте преступления. Методологические аспекты. / Г.П. Новоселов – М., 2001. – 208 с.
5. *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. / А.В. Наумов – М.: БЕК, 1996. – 496 с.
6. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право: Лекции. Часть общ.: в 2 т. / сост. и отв. ред. Загородников Н.И. – М.: Наука, 1994. – 380 с.
7. *Лазаревский Н.И.* Лекции по русскому государственному праву. Т. 2. Административное право. Ч. 1. Органы управления / Н.И. Лазаревский. – СПб. : тип. АО «Слово», 1910. – [6], 276 с.

8. *Ширяев В.Н.* Взяточничество и лиходательство в связи с общим учением о должностных преступлениях. Уголовно-юридическое исследование / В.Н. Ширяев – Ярославль: Тип. Губ. правл., 1916. – 577 с..
9. *Познышев С.В.* Очерк основных начал науки уголовного права. / С.В. Познышев – М.: Юрид. изд-во Наркомюста, 1923. – 300 с.
10. *Жижиленко А.А.* Должностные (служебные) преступления: Практический комментарий. 3-е изд. / А.А. Жижиленко – М., 1927. – 100 с.
11. *Сахаров А.Б.* Ответственность за должностные злоупотребления по советскому уголовному праву. / А.Б. Сахаров – М., 1956. – 211 с.
12. *Трайнин А.Н.* Должностные и хозяйственные преступления. / А.Н. Трайнин – М., 1938. – 136 с.
13. *Кириченко В.Ф.* Ответственность за должностные преступления по советскому уголовному праву (общие вопросы) / отв. ред.: Никифоров Б.С. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – 132 с.
14. *Стручков Н.А.* Борьба со взяточничеством по советскому уголовному праву: автореф. дис. … канд. юр. наук. / Н.А. Стручков – М., 1954. – 23 с.
15. *Волженкин Б.В.* Служебные преступления. / Б.В. Волженкин – М.: Юристь, 2000. – 368 с.
16. Федеральный закон РФ от 13.07.2015 № 265-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. – № 154. – 2015. – 16 июля.
17. Конституция Российской Федерации // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.
18. *Меньшагин В.Д.* Должностные преступления: курс советского уголовного права. Особенная часть. / В.Д. Меньшагин – М.: Госюриздат, 1969. – 812 с.
19. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. / С.И. Ожегов – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
20. Приговор суда по ч. 3 ст. 286 УК РФ № 1-211/2017 – URL : https://advocate-service.ru/sud-praktika/ugolovnye-dela/prigovory-sudov-po-st.-286-uk-rf-prevyshenie-dolzhnostnyh-polnomochij/prigovor-suda-po-ch.-3-st.-286-uk-rf--1-2112017--prevyshenie-dolzhnostnyh-polnomochij.html (дата обращения 12.11.2021).
21. *Рарог А.И.,* Уголовное право России. Части Общая и Особенная. / А.И. Рарог – М.: Проспект, 2017. – 896 с.
22. *Шевченко В.Ю.* Объект и предмет преступления. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obekt-i-predmet-prestupleniya (дата обращения 12.11.2021).
23. *Гаухман Л.Д.* Квалификация преступлений: закон, теория, практика. / Л.Д. Гаухман – М.: Центр ЮрИнфоР, 2010. – 650 с.
24. *Дорогин Д.А.* Указ соч. – URL: http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=2147 (дата обращения: 12.11.2021).
25. *Челпанов, В.Г.* Учебник логики. / В.Г. Челпанов – М.: Научная Библиотека, 2010. – 128 с.
26. Федеральный закон РФ от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 31.07.2020) // Российская газета. – 2011. – 3 дек.
27. *Динека В.И.* Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы органов местного самоуправления. Монография. / В.И. Динека– М.: Юридический институт МВД России, 2000. – 187 с.
28. Комментарий к Уголовному кодексу РФ / отв. ред. В. М. Лебедев. 13-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2013. – 1077 с.
29. *Здравомыслов Б.В.* Должностные преступления. Понятие и квалификация. / Б.В. Здравомыслов– М.: Юридическая литература, 1975. – 168 с.
30. Приговор Советского районного суда города Орла от 20.01.2018 года по делу № 1-16/2018 – URL: https://sudrf.ru (дата обращения: 13.11.2021).
31. *Канунников В.А.* Уголовная ответственность за служебный подлог : дис. ... канд. юрид. наук. / В.А. Канунников – Ростов-на-Дону, 1998. – 219 с.
32. *Волков Б.С.* Мотивы преступлений. / Б.С. Волков– Казань: Издательство Казанского университета, 1982. – 152 с.
33. *Басова Т.Б.* Мотив как обязательный признак субъективной стороны должностных преступлений / Т.Б. Басова // Российский судья. – 2004. – № 11. С. 30-33.
34. Мотивированный апелляционный приговор Свердловского областного суда от 5 августа 2016 года по делу № 22-6188/2016 – URL: https://sudrf.ru (дата обращения: 13.11.2021).

References

1. Criminal law. General part : studies. manual / under the general editorship of V.A. Utkin, A.V. Shesler. – Tomsk : Publishing House of Tomsk State University, 2016. – 600 p.
2. *Vinokurov V.N.* The object of the crime: theory, legislation, practice: monograph. / V.N. Vinokurov – M.: Yurlitinform, 2010. – 224 p.
3. The course of criminal law. General part: in 5t. Volume 1: The Doctrine of crime / edited by N.F. Kuznetsova and I.M. Tyazhkova. – M.: Zertsalo, 2002 – 624 p.
4. *Novoselov G.P.* The doctrine of the object of the crime. Methodological aspects. / G.P. Novoselov – M., 2001. – 208 p.
5. *Naumov A.V.* Russian criminal law. General part: a course of lectures. / A.V. Naumov – M.: BEK, 1996. – 496 p.

6. *Tagantsev N.S.* Russian criminal law: Lectures. Part of the total: in 2 t. / comp. and ed. Zagorodnikov N.I. – M.: Nauka, 1994 – 380 p.
7. *Lazarevsky N.I.* Lectures on Russian State law. Vol. 2. Administrative law. Part 1. Governing bodies / N.I. Lazarevsky. – St. Petersburg : type. JSC "Slovo", 1910. – [6], 276 S.
8. *Shiryaev V.N.* Bribery and fraud in connection with the general doctrine of official crimes. Criminal and legal research / V.N. Shiryaev – Yaroslavl: Type. Gubernatorial, 1916. – 577 c.
9. *Poznyshev S.V.* An outline of the basic principles of the science of criminal law. / S.V. Poznyshev – M.: Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice, 1923. – 300 p.
10. *Zhizhilenko A.A.* Official (official) crimes: A practical commentary. 3rd ed. / A.A. Zhizhilenko – M., 1927. – 100 p.
11. *Sakharov A.B.* Responsibility for official abuses under Soviet criminal law. / A.B. Sakharov – M., 1956– – 211 p.
12. *Trainin A.N.* Official and economic crimes. / A.N. Trainin – M., 1938– – 136 p.
13. *Kirichenko V.F.* Responsibility for official crimes under Soviet criminal law (general issues) / ed.: Nikiforov B.S. – M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1956. – 132 p.
14. *Struchkov N.A.* The fight against bribery in Soviet criminal law: abstract. dis. ... Ph.D. of Juridical Sciences. / N.A. Struchkov – M., 1954. – 23 p.
15. *Volzhenkin, B.V.* Official crimes. / B.V. Volzhenkin – M.: Yurist, 2000. – 368 p.
16. Federal Law of the Russian Federation № 265-FZ of 13.07.2015 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta. – № 154. – 2015. – July 16.
17. The Constitution of the Russian Federation // Rossiyskaya Gazeta. – 1993. – December 25.
18. *Menshagin V.D.* Official crimes: the course of Soviet criminal law. A special part. / V.D. Menshagin – M.: Gosyurizdat, 1969 – 812 p.
19. *Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu.* Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions. 4th ed., supplement / S.I. Ozhegov – M.: OOO "A TEMP", 2006– – 944 p.
20. The verdict of the court under Part 3 of Article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation № 1-211/2017 – URL: https://advocate-service.ru/sud-praktika/ugolovnye-dela/prigovory-sudov-po-st.-286-uk-rf-prevyshenie-dolzhnostnyh-polnomochij/prigovor-suda-po-ch.-3-st.-286-uk-rf--1-2112017--prevyshenie-dolzhnostnyh-polnomochij.html (accessed 12.11.2021).
21. *Rarog A.I.,* Criminal Law of Russia. Parts General and Special. / A.I. Rarog – M.: Prospect, 2017– – 896 p.
22. *Shevchenko V.Yu.* The object and subject of the crime. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obekt-i-predmet-prestupleniya (date of appeal 12.11.2021).
23. *Gaukhman L.D.* Qualification of crimes: law, theory, practice. / L.D. Gaukhman – M.: Center of Yurinfor, 2010. – 650 p.
24. *Dorogin D.A.* Decree op. – URL: http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=2147 (date of application: 12.11.2021).
25. *Chelpanov V.G.* Textbook of logic. / V.G. Chelpanov – M.: Scientific Library, 2010. – 128 p.
26. Federal Law of the Russian Federation № 342-FZ of 30.11.2011 "On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (ed. of 31.07.2020) // Rossiyskaya Gazeta. – 2011. – 3 Dec.
27. *Dineka V.I.* Crimes against state power, interests of the state service and the service of local self-government bodies. Monograph. / V.I. Dineka – M.: Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2000. – 187 p.
28. Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation / ed. V.M. Lebedev. 13th ed., reprint. and additional. – M.: Yurayt Publishing House, 2013. – 1077 p.
29. *Zdravomyslov B.V.* Official crimes. Concept and qualification. / B.V. Zdravomyslov – M.: Legal literature, 1975. – 168 p.
30. *The verdict* of the Soviet District Court of the city of Orel dated 20.01.2018 in case № 1-16/2018 – URL: https://sudrf.ru (date of appeal: 13.11.2021).
31. *Kanunnikov V.A.* Criminal liability for official forgery : dis. ... cand. jurid. Sciences. / V.A. Kanunnikov – Rostov-on-Don, 1998. – 219 p.
32. *Volkov B.S.* Motives of crimes. / B.S. Volkov – Kazan: Kazan University Press, 1982. – 152 p.
33. *Basova T.B.* Motive as a mandatory sign of the subjective side of official crimes / T.B. Basova // Russian judge. – 2004. – № 11. pp. 30-33.
34. Reasoned appeal verdict of the Sverdlovsk Regional Court of August 5, 2016 in case № 22-6188/2016 – URL: https://sudrf.ru (accessed: 13.11.2021).

УДК 342.92

DOI 10.47629/2074-9201_2021_4_74_82

Щукина Татьяна Владимировна,
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры Правового обеспечения государственного управления и национальной безопасности, Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург,
shchukina-tv@ranepa.ru

Мазеин Артем Владимирович,
аспирант кафедры Правового обеспечения государственного управления и национальной безопасности, Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург,
artemmazein@mail.ru

ФОРМЫ УПРАВЛЕНЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: НОВЫЕ ФОРМАТЫ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

Аннотация. *Статья посвящена анализу развития подходов к определению форм управленческой деятельности. Авторы отмечают, что в настоящее время под воздействием развития информационно-коммуникационных технологий модернизируются формы управленческой деятельности. Однако авторы отмечают и многообразие подходов к данному институту. С целью определения существующих подходов проанализирована история развития вопроса; рассмотрены современные подходы. Из числа известных обозначений форм деятельности авторы называют наиболее уместным обозначение «форма управленческой деятельности». Этот выбор обусловлен тем, что подобный подход охватывает содержание «узких» концепций, а также складывающуюся правотворческую практику. Отдельно авторы подчеркивают, что развитие информационно-коммуникационных технологий определяет появление особенностей реализации той или иной формы управленческой деятельности. Именно эти особенности определяют «формат» формы управленческой деятельности. Отмечается, что термин «формат» подразумевает специфический набор атрибутов, отражающих способ внешнего выражения содержания управленческой деятельности. В зависимости от характера использования информационно-коммуникационных технологий предлагается выделить три формата: с полным использованием таких технологий, с частичным применением и без их использования.*

Ключевые слова: управленческая деятельность, форма управленческой деятельности, форма, формат деятельности, информационно-коммуникационные технологии, исполнительная власть, дистанционное взаимодействие.

Tatyana V. Shchukina,
Doctor of Juridical Sciences, Docent, Professor at the Department of Legal Support of Public Administration and National Security, Ural Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ekaterinburg,
shchukina-tv@ranepa.ru

Artem V. Mazein,
Postgraduate at the Department of Legal Support of Public Administration and National Security, Ural Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ekaterinburg,
artemmazein@mail.ru

FORMS OF ADMINISTRATIVE ACTIVITY IN THE MODERN SYSTEM OF PUBLIC ADMINISTRATION: NEW FORMATS AND LEGAL REGULATION

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the development of approaches to the definition of forms of management activity. The authors note that currently, under the influence of the development of information and communication technologies, the forms of managerial activity are being modernized. However, the authors also note the variety of approaches to this institution. In order to determine the existing approaches, the history of the development of the issue is analyzed; modern approaches are considered. Among the well-known designations of forms of activity, the authors call the most appropriate*

designation "form of managerial activity". This choice is due to the fact that such an approach covers the content of "narrow" concepts, as well as developing law-making practice. Separately, the authors emphasize that the development of information and communication technologies determines the appearance of features of the implementation of a particular form of managerial activity. It is these features that determine the "format" of the form of management activity. It is noted that the term "format" implies a specific set of attributes reflecting the way of external expression of the content of management activities. Depending on the nature of the use of information and communication technologies, it is proposed to distinguish three formats: with the full use of such technologies, with partial use and without their use.

Keywords: administrative activity, form of administrative activity, form, activity format, information and communication technologies, executive power, remote interaction.

Появляющиеся информационно-коммуникационные технологии стремительно распространяются во многих сферах общественных отношений [1], изменяется характер взаимодействия между людьми, организациями, органами власти. При этом эффективность использования информационно-коммуникационных технологий важна для государства, вследствие чего Президентом России поставлена задача по достижению «цифровой зрелости» различных сфер, в том числе государственного управления [2].

В настоящее время некоторые новые технологии уже нашли применение в управленческой деятельности исполнительных органов государственной власти. При этом использование таких технологий получает положительную оценку в обществе, что подтверждается, например, увеличением числа пользователей личного кабинета налогоплательщика на сайте Федеральной налоговой службы [3]. Отдельные технологии в ускоренном режиме внедрялись в управленческую практику в 2020 году во время введения ограничительных мероприятий, направленных на предупреждение распространения COVID-19.

Имеющийся опыт использования информационно-коммуникационных технологий в управленческой деятельности исполнительных органов государственной власти показывает их удобство для многих граждан и организаций. В целом использование новых технологий выводит выполнение государственных функций, оказание государственных услуг на качественно новый уровень [4]. Достижение «цифровой зрелости» государственного управления возможно благодаря эффективной и своевременной модернизации форм управленческой деятельности.

Говоря о форме управленческой деятельности, нужно отметить, что в науке административного права и в смежных юридических науках длительное время отсутствует единство в определении терминов, позволяющих раскрыть ее сущность. Профессор Ю.Н. Старилов указывает на многообразие подходов, отмечая, что для обозначения данного института в литературе используются и другие термины (например, «формы деятельности государственной администрации», «административно-правовые формы деятельности органов исполнительной власти») [5].

Одним из современных подходов к пониманию соответствующего института является представление о форме государственного управления как о совокупности установленных правом средств «внешнего выражения действий субъектов государственного управления, используемых для реализации задач, функций и методов управления» [6]. При этом определение формы деятельности как способа внешнего выражения однородных действий, совершаемых аппаратом органа управления, было известно науке и ранее [7].

Принимая во внимание сложность лексемы «форма» и многогранный характер управленческой деятельности, в настоящей работе остановимся на рассмотрении развития подходов к пониманию формы управленческой деятельности [8]. Используя исторический, аналитический методы, предлагаем рассмотреть развитие известных подходов и определить сегодняшние позиции исследователей и законодателей в аспекте распространения информационно-коммуникационных технологий.

Полагаем, что развитие форм управленческой деятельности и представлений о них неразрывно связано с развитием производственных, информационных технологий. Так, советский экономист, профессор И.М. Бурдянский еще в 1929 году отмечал появление новых форм управленческой деятельности в связи со стремительным развитием промышленного производства на рубеже XIX-XX веков [9].

В целом отражение представлений о формах деятельности государства в отечественной правовой науке имеет многолетнюю историю. На начальном этапе само понятие формы деятельности не выдвигалось, перечислялись только конкретные ее виды. Так, профессор Н.М. Коркунов в 1893 году говорил о существовании форм административной деятельности [10]. Он различал две формы: положительное содействие осуществлению задач государства и направление к осуществлению государственной деятельности частных лиц. Первая форма предполагала создание материальных благ, вторая – создание прав и обязанностей. По мнению профессора Н.М. Коркунова дея-

тельность в этих двух формах обеспечивала достижение задач государственной жизни.

В 1910 году представление о формах административной деятельности отразилось в лекциях профессора Н.И. Лазаревского. Он отметил, что на континенте под формой административной деятельности понимаются «чисто административные» дела, осуществляемые администрациями (устройство сооружений, бань и др.). При этом он указывал также на выделение такой формы административной деятельности как принятие «законов местного значения». Подобное представление о формах деятельности в целом продолжило идею профессора Н.М. Коркунова [11].

В советской науке административного права первое всестороннее исследование рассматриваемого института провел профессор И.И. Евтихиев. Выработанный им подход отличался более широким представлением данного вопроса. Он предложил классифицировать формы деятельности исполнительно-распорядительных органов исходя из юридических свойств и характера соответствующих действий на 4 вида:

• «совершение материально технических операций»;

• «заключение гражданско-правовых сделок, касающихся имущественных интересов данного учреждения»;

• «издание актов управления, в том числе административных актов»;

• «проведение непосредственных действий (то есть без одновременного издания акта), имеющих обязательное значение (административное принуждение)» [12].

Профессор И.И. Евтихиев особо подчеркивал, что «деятельность исполнительно-распорядительных органов в форме издания актов управления и применения мер принуждения можно назвать административной деятельностью» [12]. При этом он отмечал, что советское административное право на тот момент оставляло вне сферы изучения «организационно-технические и материально-технические операции органов управления и их агентов».

С тех пор в работах советских ученых рассмотрение организационных и материально-технических операций нашло большее отражение. При этом сам термин «исполнительная и распорядительная деятельность» стал в научной и учебной литературе более популярным, что отметил профессор Н.А. Волков [14].

В этот же период развивались представления об управленческих отношениях в государственном управлении, об управленческих связях [15]. На этом фоне получило распространение использование термина «управленческая деятельность», который также отражает содержание управленческих правоотношений, участниками которых являются органы власти и наделенные управленческими полномочиями организации.

Говоря об управленческой деятельности, профессор Ю.М. Козлов подчеркивал, что осуществление основных ее форм (в том числе, «планирования и регулирования, подбора и расстановки кадров, контроля и проверки исполнения») отражает организационное содержание государственного управления [16]. При этом, по мнению Н.В. Силуяновой многообразие форм деятельности кроме внешнего выражения содержания управления отражает также поставленные перед государством задачи [17].

В 1973 году масштабную работу по исследованию форм управленческой деятельности провела Е.А. Агеева. Она выделила четыре вида, которые в целом соотносятся с формами исполнительно-распорядительной деятельности, ранее выделенными профессором И.И. Евтихиевым [18]. В качестве форм управленческой деятельности она выделила следующие виды:

• «издание нормативных актов управления»;

• «применение норм права»;

• «организационная работа»;

• «материально-технические действия».

Выделение таких форм получило одобрение в научном сообществе, указание на такие формы деятельности встречается в других исследованиях. Так, профессор В.А. Юсупов указывает, что «посредством издания юридических актов, проведения организационных мероприятий, либо осуществления материально-технических операций» (то есть путем реализации форм управленческой деятельности) осуществляется обмен идеями об изменении состояния субъектов и объектов управления [19].

Б.Г. Радченков отмечает, что такое многообразие форм управленческой деятельности в целом соответствует многогранности государственного управления [20].

Современные подходы к определению формы деятельности. В настоящее время в научной литературе по-прежнему можно встретить различные подходы к обозначению термина «форма» применительно к деятельности исполнительных органов государственной власти.

В современной литературе встречаются следующие обозначения данного института:

1) формы управленческой деятельности [21];

2) формы административной деятельности [22];

3) формы исполнительно-распорядительной деятельности [23];

4) формы организационно-управленческой деятельности [24];

5) формы государственно-управленческой деятельности [25];

6) административно-правовые формы деятельности органов исполнительной власти, формы деятельности органов исполнительной власти [26];

7) формы деятельности государственной администрации [27];

8) формы реализации административно-правовых функций органов исполнительной власти [28].

Полагаем, что такое многообразие обозначений рассматриваемого института связано с различием подходов к пониманию содержания собственно управления. Как отмечает Е.В. Вязова, существующее многообразие подходов к определению сущности самого управления связано «во-первых, с социокультурными условиями, в которых разрабатывалась та или иная концепция, во-вторых, сферой его применения в целях достижения максимальной эффективности» [29].

В этой связи наиболее удачным, на наш взгляд, сегодня является использование термина «форма управленческой деятельности», поскольку такой наиболее общий термин охватывает различные узкие подходы (например, формы реализации административно-правовых функций), которые по своему существу также отражают процесс управления и позволяют различать его среди других видов деятельности.

Кроме того, указанный выбор основан на анализе действующего законодательства. В качестве примеров приведем следующие три положения:

1. Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ заложены основы для совершенствования публичной власти, в том числе определены новые способы ее осуществления [30]. Например, с учетом внесенных изменений часть 1 статьи 67 Конституции России определяет возможность создания федеральных территорий, организация публичной власти на которых устанавливается федеральным законом [31].

С целью реализации данного положения принят Федеральный закон от 22 декабря 2020 года № 437-ФЗ «О федеральной территории «Сириус» [32]. В соответствии с частью 1 статьи 8 данного закона органы публичной власти (Совет федеральной территории «Сириус», администрация и иные органы публичной власти) осуществляют отдельные полномочия Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Поскольку такие органы не отнесены к числу исполнительных органов государственной власти, указывать на формы их деятельности как на формы деятельности органов исполнительной власти или формы реализации административно-правовых функций органов исполнительной власти будет некорректно.

2. В рамках существующих правоотношений в системе государственного управления появляются новые участники, являющиеся коммерческими или некоммерческими организациями, реализующие те или иные функции государственного управления, например [33]:

• в соответствии со статьей 12 Федерального закона от 29 июля 2017 года № 216-ФЗ управляющая компания инновационного научно-технологического центра осуществляет выдачу разрешений на строительство (при этом по общему правилу в соответствии со статьей 51 Градостроительного кодекса Российской Федерации такие разрешения выдаются органами государственной власти или органами местного самоуправления) [34];

• в соответствии с частью 6 статьи 67 Федерального закона от 12 апреля 2010 года № 61-ФЗ оператором системы мониторинга движения лекарственных препаратов для медицинского применения может выступать организация, уполномоченная Правительством Российской Федерации [35]. Такой организацией по решению Правительства является ООО «Оператор-ЦРПТ» [36].

Подобная реализация государственных функций коммерческими или некоммерческими организациями также не позволяет говорить только о формах деятельности государственной администрации или только о формах деятельности исполнительно-распорядительных органов.

3. Сам термин «управленческая деятельность» используется в различных нормативных правовых актах, например:

• государственной программой Оренбургской области «Реализация региональной политики в Оренбургской области» определено, что «управленческая деятельность аппарата Губернатора и Правительства Оренбургской области … включает в себя разнообразный спектр исполняемых полномочий, направленных на создание наиболее благоприятных условий для социально-экономического развития области и лучшей организации деятельности органов исполнительной власти» [37];

• Правительством Сахалинской области принято распоряжение «О совершенствовании управленческой деятельности в областных органах исполнительной власти Сахалинской области» [38];

• в Стратегии социально-экономического развития Воронежской области отмечается высокий рейтинг эффективности управленческой деятельности органов государственной власти Воронежской области [39].

Подобные примеры подтверждают признание использования терминов «управленческая деятельность» и «форма управленческой деятельности» применительно к описанию деятельности исполнительных органов государственной власти и организаций, осуществляющих отдельные государственные функции.

Нужно отметить, что вне зависимости от используемых терминов, ученые по-прежнему сходятся во мнении, что форма деятельности представляет способ внешнего выражения ее содержания [40].

И в этой связи, с учетом развития информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ) необходимо сделать следующее замечание относительно внешнего выражения управленческой деятельности.

Сегодня управленческая практика показывает, что одна и та же форма управленческой деятельности может быть реализована по-разному, например:

• совещание может быть проведено очно, в режиме видеоконференции или в комбинированном формате;

• согласование документа может осуществляться в бумажном варианте, в системе электронного документооборота или с применением обоих форматов на разных этапах согласования;

• выездная проверка может проводиться с очным посещением объекта проверки или в дистанционном формате (дистанционный формат активно использовался в 2020 году после объявления пандемии COVID-19 [41]).

Приведенные примеры позволяют говорить о том, что в зависимости от характера использования информационно-коммуникационных технологий появляются особенности осуществления управленческой деятельности. Полагаем, что такие особенности определяют формат деятельности.

Выбор термина «формат» применительно к определению особенностей управленческой деятельности не является случайным.

Само понятие «формат» имеет широкое распространение в журналистике, телевидении, педагогике, маркетинге и в других областях знаний и отражает специфические особенности внешнего выражения деятельности.

В частности, формат в телевизионных сериалах, шоу-программах определяет набор устойчивых связей неотъемлемых атрибутов соответствующих аудиовизуальных произведений. В специальном курсе «Защита авторских прав Форматов на Едином Европейском рынке» Ганноверского университета определение формата трактуется как «медиаконтент, элементы которого (музыка, фотография, видео, текст и графика, персонажи, роли, а также действия участников) упорядочиваются и представляются линейным или нелинейным способом так, что аудитория/пользователь воспринимает их как единое целое» [42]. Так, можно обнаружить аналогичные программы одного формата на отечественном и зарубежном телевидении, в которых различаются только сами исполнители, а внешние атрибуты идентичны.

В педагогике в зависимости от атрибутов образовательной деятельности выделяются, например, формат освоения программы в группе сверстников (gLiFE) или дистанционный формат изучения программы дома (LiFE) [43]. Деятельность по изучению учебной литературы может осуществляться в формате работы с электронными документами или в формате работы с бумажными источниками [44].

В маркетинге выделяются различные форматы деятельности магазинов. Например, организация деятельности магазина может быть осуществлена в формате классического супермаркета, гипермаркета, супермаркета деликатесов, экономмаркета, баумаркета и в иных форматах [45].

При этом термин «формат» уже сейчас находит отражение и в действующих нормативных правовых актах, например:

• в качестве одного из результатов реализации государственной программы Саратовской области «Информационное общество» определено увеличение числа пользователей электронного формата взаимодействия с органами власти [46];

• во время введения режима повышенной готовности на территории Калининградской области Правительством области была установлена обязанность по использованию дистанционного формата взаимодействия с населением [47];

• государственная программа Мурманской области «Информационное общество» включает подпрограмму «Цифровая трансформация форматов взаимодействия населения Мурманской области и исполнительных органов государственной власти и органов местного самоуправления Мурманской области» [48].

Приведенные примеры подтверждают, что обсуждение различных форматов связано с развитием технологических условий деятельности. Так, А.В. Горчаков отмечает, что в сфере интеллектуальных прав появление термина «формат» предопределено экономическими и технологическими факторами развития деятельности [49]. Поскольку в настоящее время технологические изменения определяют также трансформацию управленческой деятельности, уместно использовать данный термин для понимания многообразия форм управленческой деятельности.

Под форматом формы управленческой деятельности предлагаем понимать специфический набор атрибутов, отражающих способ внешнего выражения содержания управленческой деятельности. При этом к числу таких атрибутов можно отнести используемые технологии, программные продукты, устойчивые связи между различными управленческими действиями, участниками управленческой деятельности и др.

В этой связи предлагаем в зависимости от характера использования ИКТ в управленческой деятельности выделить следующие форматы форм управленческой деятельности:

• с полным использованием ИКТ;

• с частичным применением ИКТ;

• без применения ИКТ.

Дифференциация форматов, на наш взгляд, позволит наиболее корректно подготавливать правовые акты, определяющие содержание форм управленческой деятельности. Это позволит наиболее четко определять используемые инструменты и технологии, способы и последовательность их использования, связи между различными инструментами и технологиями, возможности перехода из одного формата в другой.

Особо отметим, что получатели государственных услуг должны иметь равный доступ к различным форматам предоставления той или иной услуги, поскольку некоторые социальные группы не в полной мере владеют информационно-коммуникационными технологиями. Проведенный анализ подтверждает, что процесс модернизации форм управленческой деятельности необратим, поскольку способность адаптироваться к изменяющимся условиям является свойством управленческой деятельности [50]. Поэтому в настоящее время продолжаем наблюдать соответствующие трансформации, которые определяют структуру и особенности управленческой деятельности, что требует своевременного отражения в правовом регулировании.

Список литературы

1. *Мау В.А.* Экономика и политика 2019-2020 годы: глобальные вызовы и национальные ответы // Вопросы экономики. 2020. № 3. С. 6.
2. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года № 474. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Число пользователей Личного кабинета налогоплательщика для физических лиц за год выросло на 3,5 миллиона [электронный ресурс]. URL: https://www.nalog.ru/rn77/news/activities_fts/8957068/ (дата обращения 18.01.2021).
4. *Кулдыбаева И.У.* Правовое регулирование предоставления электронных государственных услуг: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014. С. 104.
5. *Старилов Ю.Н.* Административное право. Ч. 2. Воронеж, 2001. С. 13.
6. Формы и методы государственного управления в современных условиях развития: Монография / под общей редакцией профессора, заслуженного юриста РФ Запольского С.В..; руководитель авторского коллектива Синичкина Ю.Л. М.: Прометей, 2017. С. 110.
7. *Силуянова Н.В.* Организационно-правовые формы деятельности машиностроительных министерств СССР: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1973. С.54.
8. *Лихачев С.В.* Основные формы деятельности органов местного самоуправления // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2016. № 1(18). С.35.
9. *Бурдянский И.М.* Рационализация и техника // Проблемы экономики. 1929. № 7. С. 193.
10. *Коркунов Н.М.* Русское государственное право. Т.2: Особенная часть / Коркунов Н.М. Спб.: Кн. магазин А. Ф. Цинзерлинга, бывший Мелье и К, 1893. С.165.
11. *Лазаревский Н.И.* Лекции по русскому государственному праву. Т.1. Конституционное право / Н.И. Лазаревский. 2-е изд. СПб.: Тип. акционер. о-ва Слово, 1910. С.472.
12. *Евтихиев И.И.* Виды и формы административной деятельности: дис. ... докт. юрид. наук. М., 1948. С. 173-174.
13. *Волков Н.А.* Органы советского государственного управления в современный период: дис. ... докт. юрид. наук. Казань, 1970. С. 30.
14. *Юсупов В.А.* Теоретические проблемы административно-правового регулирования управленческих отношений в развитом социалистическом обществе: дис. ... докт. юрид. наук. М., 1979. С. 29.
15. Административное право / под ред. Ю. М. Козлова. М.: Юридическая литература, 1968. С. 10.
16. *Силуянова Н.В.* Организационно-правовые формы деятельности машиностроительных министерств СССР: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1973. С.53. Агеева Е.А. Формы управленческой деятельности исполкомов местных Советов. М.: Юридическая литература, 1973. С. 8
17. *Юсупов В.А.* Теоретические проблемы административно-правового регулирования управленческих отношений в развитом социалистическом обществе: дис. ... докт. юрид. наук. М., 1979. С. 30.
18. *Радченков Б.Г.* Информация как элемент государственного управления (Административно-правовой аспект) дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1982. С. 117.
19. *Галицкая Н.В.* Административно-правовые аспекты обеспечения экологической безопасности жизнедеятельности граждан в России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2017. № 3 (30). С. 101-107.
20. *Ракша Н.С.* Формы и методы административной деятельности полиции // Известия Юго-Западного государственного университета. 2016. № 5 (68). С. 165-173.
21. *Храпинский Б.Л.* Административный договор как форма исполнительно-распорядительной деятельности // Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки. 2019. № 11. С. 151-160.
22. *Шабайкин А.Ю.* Социально-философский анализ организационно – управленческой деятельности и ее оптимизации в современных условиях: дис. ... канд. филос. наук. М., 2014. С. 23-60.

23. *Мицкевич Л.А.* Функции, методы и формы государственно-управленческой деятельности / Обеспечение прав и свобод человека в современном мире: материалы конференции: в 4 ч. Ч. 4. Москва: Проспект, 2017. С. 38-42.
24. *Попова Н.Ф.* К вопросу об административно-правовых формах и методах деятельности органов исполнительной власти // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2011. № 8 (70). С. 47-55
25. *Чермянинов Д.В.* К вопросу о формах и методах деятельности государственной администрации // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2019. Т. 5. № 1. С. 121-130.
26. *Рычкова И.Н.* Предоставление государственных услуг как административно-правовая функция органов исполнительной власти: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С.34; Туманов С.Н. Формы, методы и способы осуществления внешних функций Российского государства: проблема понятия и соотношения // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 1. С.25-28.
27. *Вязова Е.В.* Управление в информационном обществе: философский аспект: дис. ... канд. филос. наук. М., 2009. С. 42.
28. О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти: Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
29. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
30. О федеральной территории «Сириус»: Федеральный закон от 22 декабря 2020 года № 437-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
31. *Щукина Т.В.* Обновление форм, методов и инструментов управленческой деятельности в системе публичного управления: особенности и направления правового регулирования // Вопросы экономики и права. 2020. № 141. С. 37.
32. Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29 июля 2017 года № 216-ФЗ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Градостроительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 2004 года № 190-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
33. Об обращении лекарственных средств: Федеральный закон от 12 апреля 2010 года № 61-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
34. Об определении ООО «Оператор-ЦРПТ» уполномоченным на осуществление функций оператора системы мониторинга движения лекарственных препаратов для медицинского применения: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 18.12.2018 № 2828-р // СПС КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/ (дата обращения: 20.01.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
35. Об утверждении государственной программы «Реализация региональной политики в Оренбургской области»: постановление Правительства Оренбургской области от 25.12.2018 № 889-пп. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
36. О совершенствовании управленческой деятельности в областных органах исполнительной власти Сахалинской области: распоряжение Правительства Сахалинской области от 21.06.2016 № 301-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
37. О Стратегии социально-экономического развития Воронежской области на период до 2035 года: Закон Воронежской области от 20 декабря 2018 года № 168-ОЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
38. *Конин Н.М.* Административное право: учебник / Н.М. Конин, Е.И. Маторина. М., 2019. С.117.
39. Правительство поддержало дистанционный формат проверок бизнеса [электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/pravitelstvo_ podderzhalo_distancionnyy_format_proverok_biznesa.html (дата обращения 28.02.2021).
40. *M. von Grafenstein.* Copyright Protection of Formats in the European Single Market [электронный ресурс]. URL: http://copyrightblog.kluweriplaw.com/wp-content/uploads/sites/49/2014/05/Format-protection-in-Europe_CC-BY-SA.pdf (дата обращения 21.02.2021).
41. *Reicherzer L., Kramer-Gmeiner F., Labudek S., Jansen C., Nerz, C., Nystrand M.J., ... Schwenk M.* Group or individual lifestyle-integrated functional exercise (LiFE)? A qualitative analysis of acceptability // BMC Geriatrics. 2021. 21(1) doi:10.1186/s12877-020-01991-0.
42. *Goertzen M.* Longitudinal analysis of undergraduate E-book use finds that knowledge of local communities drives format selection and collection development activities. Evidence Based Library and Information Practice. 2017. 12(1). 112-115. doi:10.18438/b8bw5q
43. *Захарова Ж.Ж.* Современные форматы магазинов. // Сибирский торгово-экономический журнал. Омский институт (филиал) Российского государственного торгово-экономического университета. 2015. № 2 (21). С. 17-21.
44. О государственной программе Саратовской области «Информационное общество»: постановление Правительства Саратовской области от 26.12.2018 № 735-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

45. О введении на территории Калининградской области режима повышенной готовности для органов управления и сил территориальной подсистемы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций Калининградской области и некоторых мерах по предотвращению распространения в Калининградской области новой коронавирусной инфекции : постановление Правительства Калининградской области от 16.03.2020 № 134. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
46. Об утверждении государственной программы Мурманской области «Информационное общество»: постановление Правительства Мурманской области от 11.11.2020 № 785-ПП. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
47. *Горчаков А.В.* Правовая природа формата аудиовизуального произведения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 119.
48. *Новиков Д.А.* Методология управления. Изд. стереотип. М.: Книжный дом «Либроком», 2016. С. 60.

References

1. *Mau V.A.* Ekonomika i politika 2019-2020 gody: global'nye vyzovy i nacional'nye otvety // Voprosy ekonomiki. 2020. № 3. S. 6.
2. O nacional'nyh celyah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda : Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 21 iyulya 2020 goda № 474. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
3. Chislo pol'zovatelej Lichnogo kabineta nalogoplatel'shchika dlya fiziche-skih lic za god vyroslo na 3,5 milliona [elektronnyj resurs]. URL: https://www.nalog.ru/rn77/news/activities_fts/8957068/ (data obrashcheniya 18.01.2021).
4. *Kuldybaeva I.U.* Pravovoe regulirovanie predostavleniya elektronnyh gosudarstvennyh uslug: dis. ... kand. yurid. nauk. CHelyabinsk, 2014. S. 104.
5. *Starilov Yu.N.* Administrativnoe pravo. CH. 2. Voronezh, 2001. S. 13.
6. Formy i metody gosudarstvennogo upravleniya v sovremennyh usloviyah razvitiya: Monografiya / pod obshchej redakciej professora, zasluzhennogo yurista RF Zapol'skogo S.V..; rukovoditel' avtorskogo kollektiva Sinichkina Yu.L. M.: Prometej, 2017. S. 110.
7. *Siluyanova N.V.* Organizacionno-pravovye formy deyatel'nosti mashinostroitel'nyh ministerstv SSSR: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1973. S.54.
8. *Lihachev S.V.* Osnovnye formy deyatel'nosti organov mestnogo samo-upravleniya // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo. 2016. № 1(18). S.35.
9. *Burdyanskij I.M.* Racionalizaciya i tekhnika // Problemy ekonomiki. 1929. № 7. S. 193.
10. *Korkunov N.M.* Russkoe gosudarstvennoe pravo. T.2: Osobennaya chast' / Korkunov N.M. Spb.: Kn. magazin A. F. Cinzerlinga, byvshij Mel'e i K, 1893. S.165.
11. *Lazarevskij N.I.* Lekcii po russkomu gosudarstvennomu pravu. T.1. Konstitucionnoe pravo / N.I. Lazarevskij. 2-e izd. SPb.: Tip. akcioner. o-va Slovo, 1910. S.472.
12. *Evtihiev I.I.* Vidy i formy administrativnoj deyatel'nosti: dis. ... dokt. yurid. nauk. M., 1948. S. 173-174.
13. *Volkov N.A.* Organy sovetskogo gosudarstvennogo upravleniya v sovre-mennyj period: dis. ... dokt. yurid. nauk. Kazan', 1970. S. 30.
14. *Yusupov V.A.* Teoreticheskie problemy administrativno-pravovogo regulirovaniya upravlencheskih otnoshenij v razvitom socialisticheskom obshchestve: dis. ... dokt. yurid. nauk. M., 1979. S. 29.
15. Administrativnoe pravo / pod red. Yu.M. Kozlova. M.: Yuridicheskaya literatura, 1968. S. 10.
16. *Siluyanova N.V.* Organizacionno-pravovye formy deyatel'nosti mashinostroitel'nyh ministerstv SSSR: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1973. S.53. Ageeva E.A. Formy upravlencheskoj deyatel'nosti ispolkomov mestnyh Sovetov. M.: Yuridicheskaya literatura, 1973. S. 8.
17. *Yusupov V.A.* Teoreticheskie problemy administrativno-pravovogo regulirovaniya upravlencheskih otnoshenij v razvitom socialisticheskom obshchestve: dis. ... dokt. yurid. nauk. M., 1979. S. 30.
18. *Radchenkov B.G.* Informaciya kak element gosudarstvennogo upravleniya (Administrativno-pravovoj aspekt) dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov, 1982. S. 117.
19. *Galickaya N.V.* Administrativno-pravovye aspekty obespecheniya ekolo-gicheskoj bezopasnosti zhiznedeyatel'nosti grazhdan v Rossii // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. 2017. № 3 (30). S. 101-107.
20. *Raksha N.S.* Formy i metody administrativnoj deyatel'nosti policii // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. 2016. № 5 (68). S. 165-173.
21. *Hrapinskij B.L.* Administrativnyj dogovor kak forma ispolnitel'no-rasporyaditel'noj deyatel'nosti // Vestnik Donbasskoj yuridicheskoj akademii. Yuridicheskie nauki. 2019. № 11. S. 151-160.
22. *Shabajkin A.Yu.* Social'no-filosofskij analiz organizacionno-upravlencheskoj deyatel'nosti i ee optimizacii v sovremennyh usloviyah: dis. ... kand. filos. nauk. M., 2014. S. 23-60.
23. *Mickevich L.A.* Funkcii, metody i formy gosudarstvenno-upravlencheskoj deyatel'nosti / Obespechenie prav i svobod cheloveka v sovremennom mire: materialy konferencii: v 4 ch. tomah. Ch. 4. Moskva: Prospekt, 2017. S. 38-42.
24. *Popova N.F.* K voprosu ob administrativno-pravovyh formah i metodah deyatel'nosti organov ispolnitel'noj vlasti // Vestnik RGGU. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo. 2011. № 8 (70). S. 47-55
25. *Chermyaninov D.V.* K voprosu o formah i metodah deyatel'nosti gosudarstvennoj administracii // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Social'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya. 2019. T. 5. № 1. S. 121-130.

26. *Rychkova I.N.* Predostavlenie gosudarstvennyh uslug kak administrativno-pravovaya funkciya organov ispolnitel'noj vlasti: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2017. S.34; Tumanov S.N. Formy, metody i sposoby osushchestvleniya vneshnih funkcij Rossijskogo gosudarstva: problema ponyatiya i sootnosheniya // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2013. № 1. S.25-28.
27. *Vyazova E.V.* Upravlenie v informacionnom obshchestve: filosofskij aspekt: dis. ... kand. filos. nauk. M., 2009. S. 42.
28. O sovershenstvovanii regulirovaniya otdel'nyh voprosov organizacii i funkcionirovaniya publichnoj vlasti: Zakon Rossijskoj Federacii o popravke k Konstitucii Rossijskoj Federacii ot 14 marta 2020 goda № 1-FKZ. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
29. Konstituciya Rossijskoj Federacii : prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 goda s izmeneniyami, odobrennymi v hode obshcherossijskogo golosovaniya 01.07.2020 Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
30. O federal'noj territorii «Sirius»: Federal'nyj zakon ot 22 dekabrya 2020 goda № 437-FZ. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantP-lyus».
31. *Shchukina T.V.* Obnovlenie form, metodov i instrumentov upravlencheskoj deyatel'nosti v sisteme publichnogo upravleniya: osobennosti i napravleniya pravovogo regulirovaniya // Voprosy ekonomiki i prava. 2020. № 141. S. 37.
32. Ob innovacionnyh nauchno-tekhnologicheskih centrah i o vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 29 iyulya 2017 goda № 216-FZ Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus» ; Gradostroitel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 29 dekabrya 2004 goda № 190-FZ. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
33. Ob obrashchenii lekarstvennyh sredstv: Federal'nyj zakon ot 12 aprelya 2010 goda № 61-FZ. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
34. Ob opredelenii OOO «Operator-CRPT» upolnomochennym na osushchestvlenie funkcij operatora sistemy monitoringa dvizheniya lekarstvennyh preparatov dlya medicinskogo primeneniya: Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 18.12.2018 № 2828-r // SPS Konsul'tantPlyus. URL: http://www.consultant.ru/ (data obrashcheniya: 20.01.2021). Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
35. Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy «Realizaciya regional'noj politiki v Orenburgskoj oblasti»: postanovlenie Pravitel'stva Orenburgskoj oblasti ot 25.12.2018 № 889-pp. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
36. O sovershenstvovanii upravlencheskoj deyatel'nosti v oblastnyh organah ispolnitel'noj vlasti Sahalinskoj oblasti: rasporyazhenie Pravitel'stva Sahalinskoj oblasti ot 21.06.2016 № 301-r. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
37. O Strategii social'no-ekonomicheskogo razvitiya Voronezhskoj oblasti na period do 2035 goda: Zakon Voronezhskoj oblasti ot 20 dekabrya 2018 goda № 168-OZ. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
38. *Konin N.M.* Administrativnoe pravo: uchebnik / N.M. Konin, E.I. Matorina. M., 2019. S.117.
39. Pravitel'stvo podderzhalo distancionnyj format proverok biznesa [elektronnyj resurs]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/pravitelstvo_ podderzhalo_distancionnyy_format_proverok_biznesa.html (data obrashcheniya 28.02.2021).
40. *M. von Grafenstein.* Copyright Protection of Formats in the European Single Market [elektronnyj resurs]. URL: http://copyrightblog.kluweriplaw.com/wp-content/uploads/sites/49/2014/05/Format-protection-in-Europe_CC-BY-SA.pdf (data obrashcheniya 21.02.2021).
41. *Reicherzer L., Kramer-Gmeiner F., Labudek S., Jansen C., Nerz, C., Nystrand M.J., ... Schwenk M.* Group or individual lifestyle-integrated functional exercise (LiFE)? A qualitative analysis of acceptability // BMC Geriatrics. 2021. 21(1) doi:10.1186/s12877-020-01991-0.
42. *Goertzen M.* Longitudinal analysis of undergraduate E-book use finds that knowledge of local communities drives format selection and collection develop-ment activities. Evidence Based Library and Information Practice. 2017. 12(1). 112-115. doi:10.18438/b8bw5q.
43. *Zaharova Zh.Zh.* Sovremennye formaty magazinov. // Sibirskij torgovo-ekonomicheskij zhurnal. Omskij institut (filial) Rossijskogo gosudarstvennogo torgovo-ekonomicheskogo universiteta. 2015. № 2 (21). S. 17-21.
44. O gosudarstvennoj programme Saratovskoj oblasti «Informacionnoe obshchestvo»: postanovlenie Pravitel'stva Saratovskoj oblasti ot 26.12.2018 № 735-P. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
45. O vvedenii na territorii Kaliningradskoj oblasti rezhima povyshennoj gotovnosti dlya organov upravleniya i sil territorial'noj podsistemy preduprezhdeniya i likvidacii chrezvychajnyh situacij Kaliningradskoj oblasti i nekotoryh merah po predotvrashcheniyu rasprostraneniya v Kaliningradskoj oblasti novoj koronavirusnoj infekcii : postanovlenie Pravitel'stva Kaliningradskoj oblasti ot 16.03.2020 № 134. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
46. Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy Murmanskoj oblasti «Informacionnoe obshchestvo»: postanovlenie Pravitel'stva Murmanskoj oblasti ot 11.11.2020 № 785-PP. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».
47. *Gorchakov A.V.* Pravovaya priroda formata audiovizual'nogo proizvedeniya: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2013. S. 119.
48. *Novikov D.A.* Metodologiya upravleniya. Izd. stereotip. M.: Knizhnyj dom «Librokom», 2016. S. 60.

УДК 338

DOI 10.47629/2074-9201_2021_4_83_90

Акбашев Ильшат Ильфатович,
аспирант, Высшая школа бизнеса, Казанский (Приволжский) федеральный университет, город Казань,
ilshataka@yandex.ru

ВЫЗОВЫ ЗЕЛЕНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. *Статья посвящена анализу преимуществ и вызовов зеленой энергетики. Проблема зависимости мирового сообщества от традиционного сырья и экологическая проблема, связанная с глобальным потеплением и урегулированием уровня углекислого газа в атмосфере Земли, предопределили актуальность данного исследования. В статье уделяется внимание показателям, имеющим положительную тенденцию для зеленой энергетики: нормированной стоимости электроэнергии и коэффициенту использования установленной мощности. На основе анализа первого показателя был сделан вывод, что расчет нормированной стоимости электроэнергии по стандартной математической формуле имеет субъективный, прогностический характер. Поэтому автором было предложен метод расчета, отличающихся от других – вычисление скорректированной нормированной стоимости электроэнергии. На основании сравнения статистических показателей коэффициента использования установленной мощности для зеленой энергетики были установлены основные ограничивающие факторы, что говорит о неопределенности движения данного показателя. Особое внимание автор уделяет такому ограничивающему фактору, как природный, который является явным вызовом для зеленой энергетики. Исходя из вышесказанного, в статье предложены конкретные действия по снижению зависимости зеленой энергетики от погодных условий: создание надежной интеграции энергосетей, инновационных технологий по накоплению и хранению; использование специализированных моделей для прогнозирования изменения будущего спроса на электроэнергию.*

Ключевые слова: зеленая энергетика, нормированная стоимость электроэнергии (LCOE), ставка дисконтирования, скорректированная нормированная стоимость электроэнергии (VALCOE), коэффициент использования установленной мощности (КИУМ), природный фактор.

Ilshat I. Akbashev,
Postgraduate, Higher school of business, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan,
ilshataka@yandex.ru

GREEN ENERGY CHALLENGES IN MODERN CONDITIONS

Abstract. *The article is devoted to the analysis of benefits and challenges of green energy. The relevance of the article is predetermined by the problem of the world community's dependence on traditional raw materials and the environmental problem associated with global warming and the regulation of the level of carbon dioxide in the Earth's atmosphere. The article focuses on indicators that have a positive trend for green energy: the levelized cost of energy and the installed capacity utilization factor. Based on the analysis of the first indicator, it was concluded that the calculation of the normalized cost of electricity according to the standard mathematical formula has a subjective, predictive nature. Therefore, the author proposed a calculation method that differs from others – the calculation of the levelized cost of value-adjusted energy. Based on a comparison of statistical indicators of the installed capacity utilization factor for green energy, the main limiting factors were established, which indicates the uncertainty of the movement of this indicator. The author pays special attention to such a limiting factor as natural, which is a clear challenge for green energy. Based on the foregoing, the article proposes specific actions to reduce the dependence of green energy on weather conditions: creating a reliable integration of energy grids, innovative technologies for the accumulation and storage; the use of specialized models to predict the changes of future electricity demand.*

Keywords: green energy, levelized cost of electricity (LCOE), discount rate, levelized cost of value-adjusted electricity (VALCOE), installed capacity utilization rate (ICUF), natural factor.

Зеленая энергетика – это совокупность способов получения, использования и передачи энергии, источники которой являются возобновляемыми, или неисчерпаемыми. Среди них наиболее распространены энергии солнца и ветра. В настоящее время необходимость развития зеленой энергетики обусловлена угрозой глобального потепления, а также сильной волатильностью цен на нефтяном рынке.

За последние годы, а именно с 2015 года, доля «зеленой» энергии (выработка солнечными и ветряными станциями) выросла в 2 раза, а в 2020 году в Европе впервые доля зеленой энергетики превысила долю ископаемого топлива: 38 % против 37 % соответственно. Именно данный факт говорит о том, что развитие зеленой энергетики является актуальной научно-практической задачей всего мирового сообщества.

Это связано, прежде всего, с регулированием уровня углекислого газа в атмосфере нашей планеты. Как было отмечено, основной предпосылкой для развития зеленой энергетики является глобальное потепление – многие эксперты связывают результаты человеческой деятельности в области традиционной энергетики с данной проблемой.

Определенная часть мирового сообщества утверждает, что переход к новой энергетической экономике является неизбежным и необходимым будущим на основании вышеуказанной экологической проблемы на фоне экспоненциального роста технологических изменений, снижений стоимости возобновляемых источников энергии [9, с. 16].

Конечно, мировая история показывает, что глобальные энергетические переходы возможны. Однако важным вопросом в настоящее время является: готов ли мир сейчас перейти на новый энергетический уровень? Ответ на данный вопрос также предопределяет актуальность данного исследования, при этом необходимо также учитывать не только преимущества, но и вызовы зеленой энергетики.

Объектом исследования данной научной статьи выступает зеленая энергетика.

Предмет исследования – вызовы зеленой энергетики, препятствующие на данный момент переходу на новый энергетический этап.

Цель исследования – на основе теоретического и практического опыта провести анализ преимуществ и вызовов зеленой энергетики.

Задачи:

• определить основные преимущества и недостатки зеленой энергетики;

• выявить особенности основных показателей эффективности работы «зеленых» предприятий;

• определить перспективы развития зеленой энергетики с учетом природного фактора.

Основная часть. ***Анализ тенденций снижения показателя LCOE для зеленой энергетики.*** Основные преимущества зеленой энергетики исходят из минусов традиционной: экологическая «чистота», широкое распространение, возобновляемость, положительная тенденция снижения себестоимости производства электроэнергии. Основным и явным вызовом является зависимость от погодных условий. Однако существуют скрытые особенности себестоимости производства электроэнергии, а также особенности природного фактора.

Одним из положительных компонентов зеленой энергетики можно назвать устоявшуюся и стремительную тенденцию к снижению такого показателя, как LCOE (levelized cost of energy) – нормированная стоимость электроэнергии, который показывает средний доход на единицу произведенной электроэнергии на протяжении всего жизненного цикла предприятия (электростанции). Формула LCOE выглядит следующим образом:

$$LCOE = \frac{\Sigma_{t=1}^{n} \frac{I_t + M_t + F_t}{(1+r)^t}}{\Sigma_{t=1}^{n} \frac{F_t}{(1+r)^t}}$$

где:

I_t – это инвестиционные затраты в год t;

M_t – это операционные затраты и затраты на содержание в год t;

F_t – это затраты на топливо в год t;

E_t – это производство электроэнергии в год t;

r – это ставка дисконтирования;

n – это жизненный цикл системы.

Как было отмечено выше, с 2015 года доля выработанной солнечными и ветровыми электростанциями возросла в 2 раза, что стало причиной их успешной конкуренции с традиционными источниками энергии. В таких странах, как Китай, Индия, США был достигнут паритет цены и практически был достигнут паритет производительности, что связано с вышеуказанным показателем LCOE [15, 11 с. 22]. К примеру, показатель LCOE для солнечной энергии составляет примерно 35 долл. (диапазон от 31 долл. до 42 долл. за 1 мегаватт в час), для ветровой – примерно 40 долл. (26-54 долл. за 1 мегаватт в час). Стоит отметить, что данный показатель для данных двух видов энергии снизился в 3 и в 9 раз соответственно за последние 10 лет (см. Рисунок 1).

В это время показатель LCOE для самого дешевого ископаемого топлива (природного газа) составляет примерно 60 долл. (диапазон от 44 долл. до 73 долл. за мегаватт в час), не говоря уже о более высоких показателях угля и атомной энергии (см. Рисунок 2).

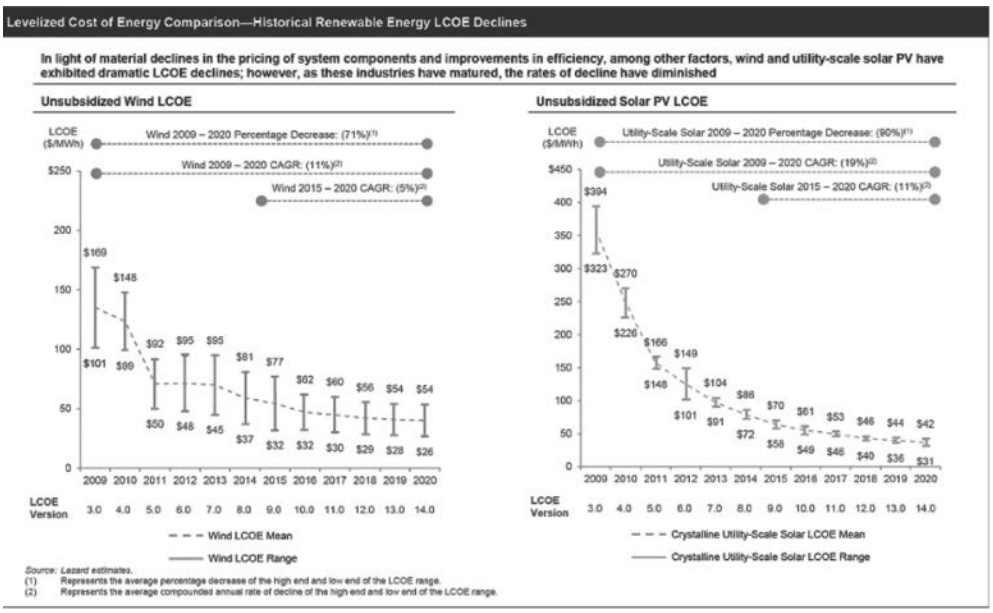

Рисунок 1. Показатель несубсидированной нормированной стоимости (LCOE) для ветровой и солнечной энергии с 2009 по 2020 год [14]

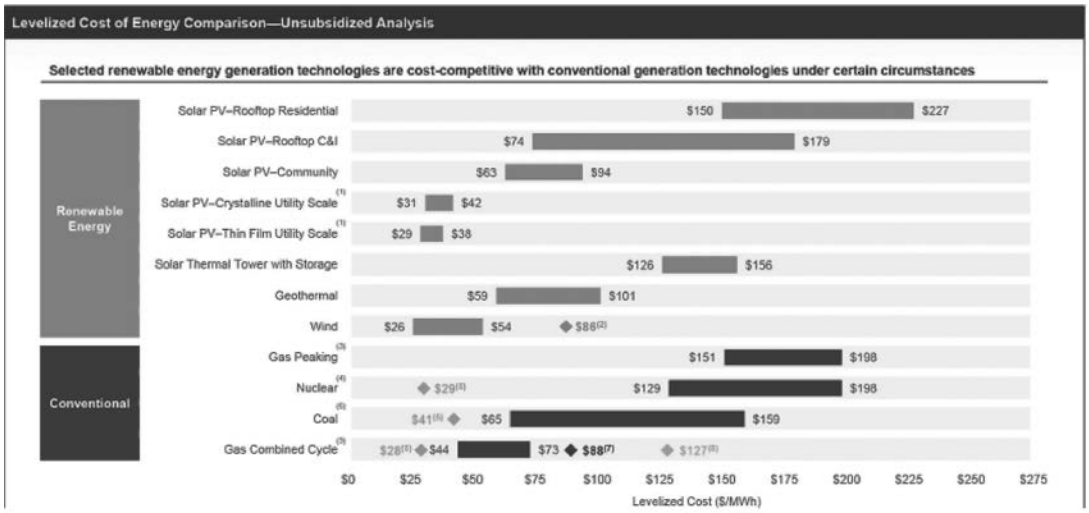

Рисунок 2. Показатель LCOE для возобновляемых и традиционных источников энергии на 2020 год [14]

Однако необходимо учитывать тот факт, что снижение показателя LCOE связано с колоссальными инвестиционными затратами. К примеру, в Японии, несмотря на то что она является одним из лидеров по выработке энергии из солнечных установок, ценовой паритет так и не был достигнут [11, с. 22]. По прогнозам, ценовой паритет в Японии будет достигнут в теории в 2030-х годах по мере перехода страны к практике конкурсных энергетических аукционов.

Стоит отметить, что в некоторых других источниках, к примеру в агентстве энергетической информации США (EIA) сообщается о практически идентичных показателях LCOE для природного газа и возобновляемых типов энергетических технологий [5]. Однако в том же EIA упоминается, что данный паритет не является полностью объективным по причине отсутствия учета скрытых затрат, необходимых для эксплуатации надежной, работающей круглосуточно системы [13].

Параметр «ставка дисконтирования» имеет субъективный характер, которая представляет собой пересчет будущих потоков доходов или же способ сравнения настоящей и будущей стоимостей. Низкая ставка дисконтирования влияет на результат, делая более привлекательным капиталовложения в настоящий момент времени для решения теоретической проблемы, в чем можно найти предположение о перспективе медленного экономического роста [6]. Высокая ставка дисконтирования также несет в себе

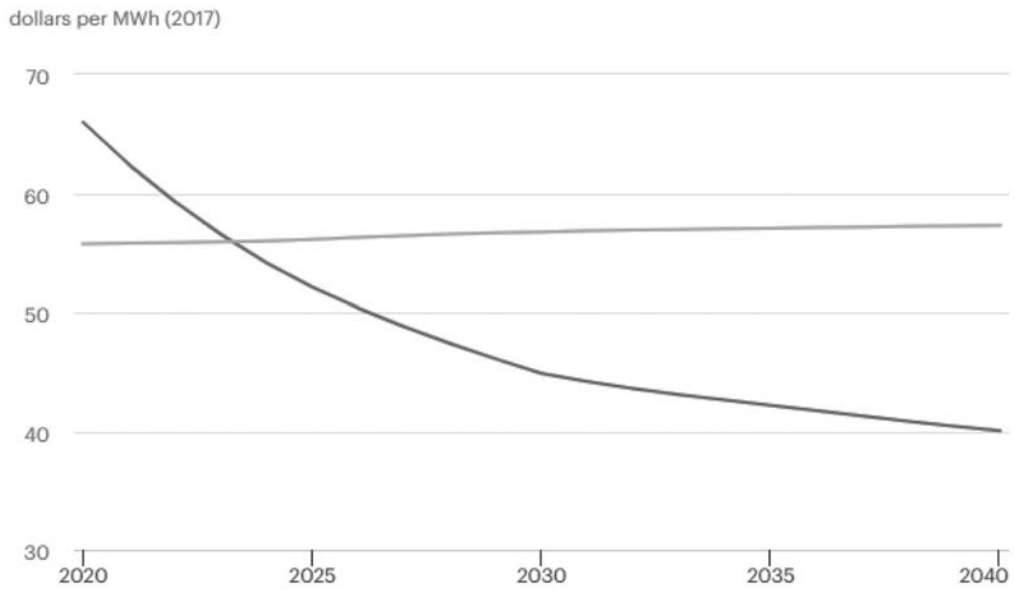

Рисунок 3. Приведенная стоимость электроэнергии LCOE для солнечных (темная серая линия) и угольных (светлая серая линия) электростанций в Индии

предположение о многократном финансовом преимуществе будущего общества с более развитыми технологиями. Проблема же заключается в практической невозможности определить жизненный цикл всей системы, что также входит в список параметров показателя нормированной стоимости [8, с. 12-13].

LCOE включает в себя еще такие расходы как налоги, стоимость заимствований и техническое обслуживание, но, несмотря на объективность расчетов по формуле, здесь также скрываются некоторые прогнозные предположения. Например, предположения о затратах на техническое обслуживание и эксплуатацию ветровых и солнечных станций в долгосрочной перспективе могут быть либо оптимистичными, либо пессимистичными, что сказывается на результатах фактических расчетов в режиме реального времени.

Решением некоторых (но не всех) проблем является идея расчета LCOE с поправкой на стоимость, или VALCOE, чтобы включить элементы гибкости и экономические последствия диспетчеризации. Расчеты при таких новых параметрах могут изменить сравнительную характеристику между показателями VALCOE ветровой/солнечной генерации и традиционных источников энергии [10]. К примеру, в IEA в соответствии с прогнозами Международного энергетического агентства (далее – МЭА) прогнозируется, что к 2025 году LCOE новых солнечных фотоэлектрических станций в Индии упадет ниже, чем у угольных (см. Рисунок 3)[1].

Однако при расчетах с учетом показателей VALCOE к 2030 году ценность дневного производства снизится, а ценность гибкости возрастет с превышением в 10 % доли солнечной генерации. После 2030 года с дальнейшим снижением затрат на инфраструктуру, солнечная энергия станет по прогнозам менее конкурентоспособной (см. Рисунок 4)[2].

Оценка КИУМ для зеленой энергетики. Говоря о показателе LCOE, не стоит забывать и о коэффициенте использования установленной мощности (далее – КИУМ), который является важнейшей характеристикой оценки эффективности работы энергетического предприятия, высчитываемой посредством отношения средней мощности к установленной за определенный период времени (не меньше, чем за год работы предприятия).

Показатель КИУМ для солнечных установок и ветровых станций имеет прямую зависимость с показателем LCOE (и обратную с КИУМ) для традиционных источников энергии: в настоящее время, как уже было сказано неоднократно, увеличиваются объемы «зеленых» энергомощностей за счет модернизации и технического перевооружения ветровых и солнечных станций в развитых странах. Данные события приводят к снижению показателя LCOE для «зеленых» энергоносителей.

[1] IEA, Levelised cost of electricity LCOE for solar PV and coal-fired power plants in India in the New Policies Scenario 2020-2040. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.iea.org/data-and-statistics/charts/levelised-cost-of-electricity-lcoe-for-solar-pv-and-coal-fired-power-plants-in-india-in-the-new-policies-scenario-2020-2040 (01.05.2021)

[2] IEA, Levelised cost of value-adjusted LCOE (VALCOE) for solar PV and coal-fired power plants in India in the New Policies Scenario 2020-2040. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.iea.org/data-and-statistics/charts/levelised-cost-of-value-adjusted-lcoe-valcoe-for-solar-pv-and-coal-fired-power-plants-in-india-in-the-new-policies-scenario-2020-2040 (01.05.2021).

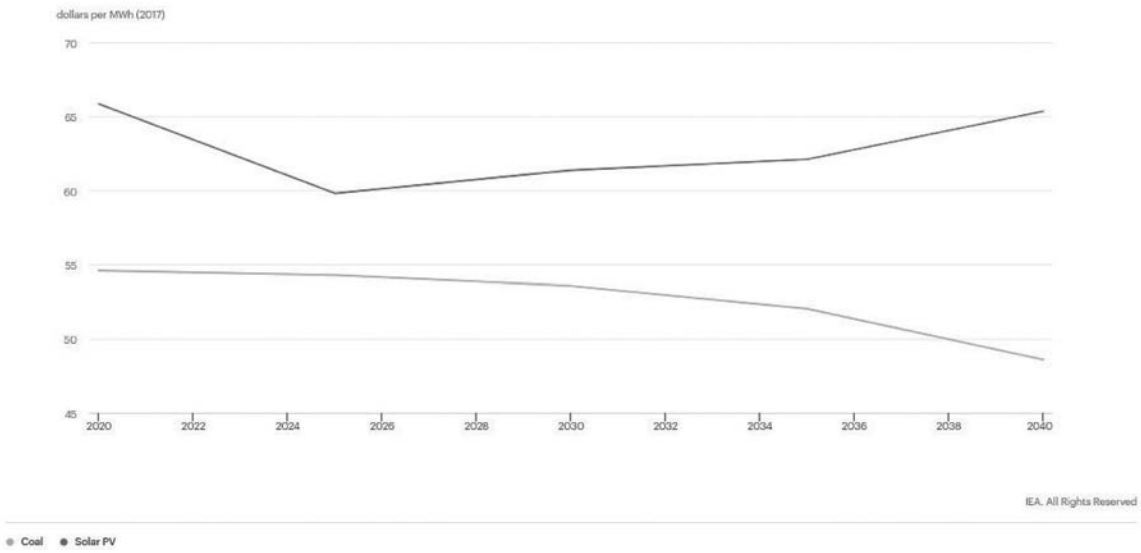

Рисунок 4. Приведенная скорректированная стоимость VALCOE для солнечных и угольных электростанций в Индии

Однако для показателя КИУМ также существует неопределенность, исходящая из воздействия некоторых факторов. Прежде всего необходимо рассмотреть динамику изменения данного показателя до настоящего времени (см. Рисунок 5).

Из рисунка мы видим, что показатель КИУМ для зеленой энергетики является относительно низким: чуть больше 20 % для солнечной энергии (для фотовольтаики – почти 25 %), примерно 35 % для ветровой. В это же время, данный показатель для атомной энергетики составляет более 90 %, для тепловых электростанций на природном газе – более 66 %. Данный разрыв связан как с воздействием некоторых факторов на показатель КИУМ в целом, так и с особенностями зеленой энергетики, в частности.

Коэффициент использования установленной мощности имеет сложнопрогнозируемый в техническом и административном плане характер. Административная сторона вопроса заключается в особенностях диспетчерских служб на предприятиях по контролю и учету предварительных показателей выработки мощности на короткие периоды времени: при несоответствии (больших отклонениях) предварительных и фактических показателей на электростанции накладываются штрафные санкции по причине рисков поломки всей системы на фоне понижения/повышения напряжения, снижения коэффициента полезного действия и ресурса всей энергосистемы.

Положительным моментом для электростанций на возобновляемых источниках энергии является возможность более гибкого маневрирования в плане динамического изменения мощности относительно степени маневрирования традиционных предприятий. Однако высокая маневренность для большин-

Nuclear		Other Biomass		Other Gas		Solar				Wind	
						Photovoltaic		Thermal			
Time Adjusted Capacity	Capacity Factor	Time Adjusted Capacity	Capacity Factor	Time Adjusted Capacity	Capacity Factor	Time Adjusted Capacity	Capacity Factor	Time Adjusted Capacity	Capacity Factor	Time Adjusted Capacity	Capacity Factor
101,265.1	89.1%	4,469.8	64.2%	1,902.7	54.1%	537.0	19.0%	485.3	23.9%	42,019.2	32.1%
101,166.0	86.6%	4,639.7	63.3%	1,802.8	59.6%	1,527.1	20.4%	476.0	23.6%	49,458.0	31.8%
99,006.8	90.8%	4,949.7	62.3%	2,171.6	55.9%	3,525.2	24.5%	552.1	17.4%	59,175.6	32.4%
98,569.3	91.7%	5,114.6	62.7%	1,994.0	54.0%	6,555.6	25.6%	1,445.3	18.3%	60,587.8	34.0%
98,614.6	92.3%	5,104.5	62.6%	2,527.7	60.8%	9,521.6	25.5%	1,697.3	21.7%	67,106.2	32.2%
99,364.8	92.3%	5,099.5	62.7%	2,458.8	64.8%	14,161.4	25.0%	1,757.9	22.1%	74,162.7	34.5%
99,619.5	92.3%	5,125.6	61.8%	2,375.8	62.8%	21,940.9	25.6%	1,757.9	21.8%	83,355.6	34.6%
99,605.2	92.5%	5,059.0	61.8%	2,543.9	65.4%	27,143.3	25.1%	1,757.9	23.6%	89,228.5	34.6%
98,836.7	93.4%	4,786.5	62.5%	2,504.1	67.4%	31,840.8	24.3%	1,758.1	21.2%	97,564.8	34.4%
97,126.3	92.5%	4,689.8	63.2%	2,507.2	66.1%	39,442.7	24.9%	1,758.1	20.5%	107,070.6	35.4%

Рисунок 5. Коэффициент использования установленной мощности (Capacity factor) для разных видов энергии с 2011 по 2020 год [12]

ства станций «зеленой» энергетики нивелируется неравномерностью использования возобновляемых источников энергии в силу весомой зависимости от природного фактора, что как раз и сказывается на низких показателях КИУМ.

Перспективы воздействия природного фактора на зеленую энергетику. Природный фактор подразумевает за собой значительное воздействие погодных условий на выработку «зеленой» энергии. Сложность работы в суровых условиях, при катаклизмах заключается в невозможности в полной мере спрогнозировать их «процесс» и последствия.

Более того, в большинстве исследований не делается акцентов на изменение формы будущего спроса в зависимости от погодных условий в конкретный период времени. Поэтому критически важным вызовом для дальнейшего развития зеленой энергетики является противодействие погодным условиям посредством развития «зеленой» инфраструктуры, а также посредством использования уже существующих моделей прогнозирования изменения характера и формы будущего спроса и их оптимизации нейронными сетями для минимизации негативных последствий. Например, есть возможность использовать современные методы с применением экстраполяции тренда с полной декомпозицией спроса на репрезентативные группы внутри секторов для создания новых профилей совокупного спроса [1, с. 1317-1333].

Можно сказать, что природный фактор связан с нестабильностью выработки электроэнергии, и решение проблемы заключается в создании экономичной и надежной интеграции энергосетей, а также инновационных технологий по накоплению и хранению «зеленой» энергии [2]. К примеру, в Германии и Дании существует интеграции энергосетей, являющихся самыми надежными в мире. При этом в датской энергосистеме более 90 % энергии приходится на выработку ветровыми и солнечными станциями [4, с. 15]. В американских штатах реже всего происходят отключения электроэнергии [3]. В штате Техас за последние несколько лет выросли показатели выработки ветровой энергии на 645 %.

Существуют положительные тенденции по оптимизации работы электростанций на возобновляемых источниках, что может привести к привлечению интеллектуальных инвесторов и созданию средств расширенного контроля. Благодаря привлечению интеллектуальных инвесторов можно создать систему, которая будет реагировать на погодные условия с высокой скоростью, что позволит наращивать и сохранять выработку энергии солнечными и ветровыми установками. Солнечные электростанции уже в настоящее время реагируют на погодные условия быстрее и точнее, чем любой другой вид источника [7, с. 57].

Говоря о решении проблем, связанных с погодными условиями, нельзя забывать о распространении технологий автоматизаций, искусственного интеллекта и нейронных сетей, которые позволяют не только оптимизировать использование возобновляемых ресурсов и снизить финансовые затраты на эксплуатацию «зеленых» активов в совокупности со снижением временных рамок по восстановлению энергосистем, но и повысить точность прогнозирования.

Заключение. Зеленая энергетика уже сейчас имеет весомое влияния на мировое сообщество. В настоящее время появилась основная, экологическая причина для развития зеленой энергетики – угроза глобального потепления, вызванная процессом человеческой деятельности. Данное обстоятельство способствует ускоренному развитию зеленой энергетики с явными положительными тенденциями. Однако мир на данный момент по-прежнему не готов перейти на новый энергетический этап в силу наличия явных и скрытых вызовов, о которых шла речь в данной статье.

Автором показано, что положительные тенденции к снижению показателя LCOE, а также к повышению показателя КИУМ являются лишь отображением картины в целом, но при этом имеется и много скрытых, отрицательно влияющих особенностей. Так, снижение показателя LCOE на данный момент времени связано с большими капитальными затратами на создание и работу «зеленой» инфраструктуры. При этом автором отмечается, что в самом показателе LCOE есть определенные субъективные параметры, которые являются прогнозом на будущее, и не коррелируются с фактическими данными.

Поэтому предлагается одно из решений проблемы субъективного характера параметра LCOE: идея расчета LCOE с поправкой на стоимость или VALCOE, чтобы включить элементы гибкости и экономические последствия диспетчеризации. Подобные расчеты при новых параметрах отличаются от расчетов показателей LCOE для возобновляемой энергии относительно результатов LCOE для традиционного сырья, что было показано на примере с прогнозированием данных параметров в Индии.

Для показателя КИУМ зеленой энергетики при наличии положительных тенденций к повышению также существует неопределенность. На данный момент КИУМ зеленой энергии не может в полной мере «конкурировать» с КИУМ для традиционного сырья, что связано с наличием ограничивающих факторов для всех отраслей энергетики, а также с особенностями зеленой энергетики, что вкупе и сказывается на подобных результатах.

При наличии фактических данных о серьезных последствиях для зеленой энергетики от суровых погодных условий существуют конкретные действия по снижению данной зависимости, которые

были предложены автором статьи. Таковыми решениями являются: создание экономичной и надежной интеграции энергосетей, инновационных технологий по накоплению и хранению «зеленой» энергии; прогнозирование изменения характера и формы будущего спроса на электроэнергию с оптимизацией нейронными сетями – это позволит повысить точность прогноза.

Таким образом, автором была достигнута цель работы, все задачи были выполнены, однако на данном этапе существует вектор развития исследования посредством изучения и анализа иных параметров энергоэффективности и экономической целесообразности вместе с уже изученными, моделей прогнозирования тенденций развития зеленой энергетики в рамках отдельной страны.

Список литературы

1. *Босманн Т., Стаффелл И.* Форма будущего спроса на электроэнергию: исследование кривых нагрузки в 2050-х годах: Германия и Великобритания / Т. Босманн, И. Стаффелл // Энергетика. – 2016 – № 90. – С. 1317-1333.
2. *Платашин В.С.* Перспективы развития возобновляемых источников энергии. / В.С. Платашин // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». – 2019. – № 2.
3. *Darling D., Hoff S.* Average frequency and duration of electric distribution outages vary by state. / D. Darling, S. Hoff // EIA. – 2018.
4. *Dupont S., Pallesen A.J.* Security of electricity supply report 2017. / S. Dupont, A.J. Pallesen // Energinet. – 2017. – P. 15.
5. *Gattie D.* 100 percent renewable energy isn't a response to climate change – it's a retreat. // The Hill. – 2019.
6. *Hickel J.* The Nobel Prize for Climate Catastrophe. // Foreign Policy. – 2018.
7. International Energy Agency (IEA). Status of Power System Transformation 2018: Advanced Power Plant Transformation. // IEA. – 2018. – P. 57.
8. *Tanton T.* Levelized Cost of Energy: Expanding the Menu to Include Direct Use of Natural Gas. // T2 and Associates. – 2017. – PP. 12-13.
9. *Turner A., Mathur A.* Mission Possible. / A. Turner, A. Mathur // Energy Transitions Commission. – 2018. – P. 16.
10. *Wanner B.* Commentary: Is Exponential Growth of Solar PV the Obvious Conclusion? // IEA. – 2019.
11. *Wiser R., Bolinger M.* Renewables 2018 Global Status Report. / R. Wiser, M. Bolinger // Department of Energy. – 2018. – P. 22.
12. Energy Information Administration. Electric Power Monthly. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.eia.gov/electricity/monthly/epm_table_grapher.php?t=epmt_6_07_b (18.04.2021).
13. Energy Information Administration. Levelized Costs of New Generation Resources in the Annual Energy Outlook 2021. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.eia.gov/outlooks/aeo/pdf/electricity_generation (21.04.2021).
14. Infographic of Lazard Co. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.lazard.com/perspective/levelized-cost-of-energy-and-levelized-cost-of-storage-2020/ (17.04.2021).
15. IRENA. Renewable Capacity Statistics 2018. [Электронный ресурс]. – URL: http:// irena.org/publications/2018/Mar/Renewable-Capacity-Statistics-2018 (27.04.2021).

References

1. *Bosmann T., Staffell I.* Forma budushchego sprosa na elektroenergiyu: issledovanie krivyh nagruzki v 2050-h godah: Germaniya i Velikobritaniya / T. Bosmann, I. Staffell // Energetika. – 2016 – № 90. – S. 1317-1333.
2. *Platashin V.S.* Perspektivy razvitiya vozobnovlyaemyh istochnikov energii. / V.S. Platashin // Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh nauk i tekhnologij «Integral». – 2019. – № 2.
3. *Darling D., Hoff S.* Average frequency and duration of electric distribution outages vary by state. / D. Darling, S. Hoff // EIA. – 2018.
4. *Dupont S., Pallesen A.J.* Security of electricity supply report 2017. / S. Dupont, A. J. Pallesen // Energinet. – 2017. – P. 15.
5. *Gattie D.* 100 percent renewable energy isn't a response to climate change – it's a retreat. // The Hill. – 2019.
6. *Hickel J.* The Nobel Prize for Climate Catastrophe. // Foreign Policy. – 2018.
7. International Energy Agency (IEA). Status of Power System Transformation 2018: Advanced Power Plant Transformation. // IEA. – 2018. – P. 57.
8. *Tanton T.* Levelized Cost of Energy: Expanding the Menu to Include Direct Use of Natural Gas. // T2 and Associates. – 2017. – PP. 12-13.
9. *Turner A., Mathur A.* Mission Possible. / A. Turner, A. Mathur // Energy Transitions Commission. – 2018. – P. 16.
10. *Wanner B.* Commentary: Is Exponential Growth of Solar PV the Obvious Conclusion? // IEA. – 2019.
11. *Wiser R.,* Bolinger M. Renewables 2018 Global Status Report. / R. Wiser, M. Bolinger // Department of Energy. – 2018. – P. 22.
12. Energy Information Administration. Electric Power Monthly. [Elektronnyj resurs]. – URL: https://www.eia.gov/electricity/monthly/epm_table_grapher.php?t=epmt_6_07_b (18.04.2021).
13. Energy Information Administration. Levelized Costs of New Generation Resources in the Annual Energy Outlook 2021. [Elektronnyj resurs]. – URL: https://www.eia.gov/outlooks/aeo/pdf/electricity_generation (21.04.2021).

14. Infographic of Lazard Co. [Elektronnyj resurs]. – URL: https://www.lazard.com/perspective/levelized-cost-of-energy-and-levelized-cost-of-storage-2020/ (17.04.2021).
15. IRENA. Renewable Capacity Statistics 2018. [Elektronnyj resurs]. – URL: http:// irena.org/publications/2018/Mar/Renewable-Capacity-Statistics-2018 (27.04.2021).

УДК 336.7

DOI 10.47629/2074-9201_2021_4_91_96

Варфоломеева Вера Александровна,
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры Социально-экономических наук и внешнеэкономической деятельности, Ивангородский гуманитарно-технический институт (филиал), Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, город Ивангород,
varfvera@yandex.ru

Иванова Наталия Александровна,
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры Социально-экономических наук и внешнеэкономической деятельности, Ивангородский гуманитарно-технический институт (филиал), Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, город Ивангород,
ivanovanat207301@mail.ru

ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНАЯ ПОЛИТИКА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Аннотация. *Мониторинг проведения денежно-кредитной политики в эпоху цифровизации играет важную роль как на внутригосударственном, так и на мировом уровне экономики. Целью исследования является проведение системного подхода в области денежно-кредитного регулирования экономики страны. Авторы статьи уделяют особое внимание ключевой ставке, поскольку она характеризует направленность денежно-кредитной политики. В статье подчеркивается, что изменения ключевой ставки зависят от устойчивых тенденций в экономике страны и направлены на сглаживание экономического цикла. Исследование денежно-кредитной политики подтверждается приведенными статистическими данными. Авторы указывают, что в среднесрочной перспективе на денежно-кредитную политику будут влиять следующие изменения: планируемый запуск цифрового рубля, дальнейшее развитие Системы быстрых платежей. В статье детально анализируется введение цифрового рубля, а именно указываются положительные и отрицательные стороны. Роль Банка России в регулировании оборота цифровых активов будет усиливаться. Авторы приходят к выводу, что проведение дальнейшей денежно-кредитной политики зависит от развития российской и мировой экономики; от ситуации с короновирусной инфекцией; от грамотного внедрения цифрового рубля. Достичь устойчивого развития экономики возможно при ориентировании на режим таргетирования уровня номинальных цен валового внутреннего продукта, а также проведении валютных интервенций регулятором. Введение цифрового рубля не должно увеличить денежную массу и единолично не уберет с рынка все платежные инструменты, а станет еще одним инструментом для проведения платежа. Деньги, в любом формате должны обеспечивать обмен их на товары и услуги.*

Ключевые слова: денежно-кредитная политика, Центральный банк, ценовая стабильность, ключевая ставка, цифровизация, цифровой рубль, макроэкономическое регулирование, инфляция, система быстрых платежей, кибератака.

Vera A. Varfolomeeva,
Ph.D. of Economic Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Social and Economic Sciences and Foreign Economic Activity (Ivangorods branch), Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Ivangorod,
varfvera@yandex.ru

Natalia A. Ivanova,
Ph.D. of Economic Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Social and Economic Sciences and Foreign Economic Activity (Ivangorods branch), Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Ivangorod,
ivanovanat207301@mail.ru

MONETARY POLICY IN THE DIGITAL AGE

Abstract. *Monitoring the conduct of monetary policy in the era of digitalization plays an important role both at the domestic and global levels of the economy. The aim of the study is to carry out a systematic approach in the field of monetary regulation of the country's economy. The authors of the article pay special attention to the key rate, since it characterizes the direction of monetary policy. The article emphasizes that changes in the key rate depend on stable trends in the country's economy and are aimed at smoothing the economic cycle. The study of monetary policy is supported by the above statistics. The authors*

point out that in the medium term, the following changes will affect the monetary policy: the planned launch of the digital ruble, the further development of the Rapid Payments System. The article analyzes in detail the introduction of the digital ruble, namely, indicate the positive and negative sides. The role of the Bank of Russia in regulating the turnover of digital assets will increase. The authors come to the conclusion that the implementation of further monetary policy depends on the development of the Russian and world economies; from the situation with coronavirus infection; from the competent implementation of the digital ruble. Achieving sustainable development of the economy is possible by focusing on the targeting regime for the level of nominal prices of gross domestic product, as well as conducting foreign exchange interventions by the regulator. The introduction of the digital ruble should not increase the money supply and will not single-handedly remove all payment instruments from the market, but will become another instrument for making payments. Money, in any format, must ensure their exchange for goods and services.

Keywords: monetary policy, Central Bank, price stability, key rate, digitalization, digital ruble, macroeconomic regulation, inflation, fast payment system, cyberattack.

Центральный банк, проводя денежно-кредитную политику, является регулятором экономических процессов. Под его контроль попадают коммерческие банки, инвестиционные фонды, страховые компании и микрофинансовые организации, фондовые рынки. Банковская система под руководством Центрального банка РФ стремительно развивается, и, конечно, на это развитие непосредственно влияет процесс цифровизации. Все, что происходило за последние два года, а именно пандемия, увеличение безналичных расчетов, привело к тому, что цифровая экономика вышла на более высокий уровень.

Как и ранее, проводя денежно-кредитную политику, Банк России, прежде всего, ставит главной задачей повышение благосостояния граждан. В зависимости от экономической ситуации Центральный банк использует различные комбинации инструментов денежно-кредитной политики для стабилизации экономики. Ее приоритетным пунктом является обеспечение ценовой стабильности, что, в свою очередь, означает неизменно низкую инфляцию в стране.

Ценовая стабильность важна как для успешного функционирования предприятий, так и для благополучной жизни граждан. Для граждан, особенно с маленькими доходами, ценовая стабильность выражается в защите сбережений. Ценовая стабильность повышает финансовую и инвестиционную политику предприятий, поскольку процентные ставки по кредитам снижаются из-за снижения инфляционной премии закладываемой в ставки коммерческими банками. При ценовой стабильности увеличивается доверие к национальной валюте. Обеспечение ценовой стабильности, устойчивости рубля представляет собой главную функцию деятельности Банка России. Тем самым с помощью грамотно проведенной денежно-кредитной политики происходит ускорение экономического роста с сохранением стабильности экономики на макроуровне.

Проводя денежно-кредитную политику, Банк России следует свободно плавающему валютному курсу – курс иностранной валюты к рублю формируется рыночными силами спроса и предложения без вмешательства Банка России, если это не связано с бюджетными правилами и противодействием финансовой нестабильности. Такой режим дает возможность экономике сглаживать влияние на нее изменений внешних условий [1].

Центральный банк главным инструментом использует ключевую ставку, которая представляет собой ставку по операциям в целях регулирования банковского сектора. С самого начала введения ставка считается неотъемлемой частью реализации денежно-кредитной политики. Через последовательность экономических взаимосвязей она воздействует на широкий круг процессов, непосредственно связанных с темпом прироста потребительских цен. Действия с ключевой ставкой обязательно сопровождаются объяснением причин и необходимости их совершения, а также рассматриваются возможные дальнейшие шаги по денежно-кредитной политике. Уровень инфляции и размер ключевой ставки взаимозависимы. Изменяя размер ключевой ставки, Банк России либо смягчает, либо усиливает денежно-кредитную политику.

Центральный банк имеет право проводить политику процентных ставок, не устанавливая процентную ставку и не устанавливая одну или несколько ставок дисконтирования для различных типов операций. Изменение ключевой ставки влечет за собой изменение на сопоставимую величину однодневных ставок по кредитованию банков друг друга в целях поддержания их текущей ликвидности. Они, в свою очередь, ведут к переменам ставок денежного рынка более длительных сроков, что в том числе связано с ожиданиями участников рынка относительно перспективной динамики. Быстрее всего изменения межбанковских кредитных ставок находят отражение в доходности облигаций, а затем и в банковских кредитах и депозитах.

Итак, одной из составляющей денежно-кредитной политики является составление макроэконо-

мического прогноза с учетом анализа данных. Для анализа текущей ситуации и краткосрочного прогнозирования используются эконометрические модели и экспертные суждения. Для проведения таких прогнозов используют информацию о текущей и ожидаемой динамике внутренних экономических условий, о состоянии финансовых рынков, а также мировой экономики. Исходя из результатов краткосрочного прогнозирования составляется модель среднесрочного прогнозирования. Для процесса среднесрочного прогнозирования Банком России используются такие современные макроэкономические модели, как квартальная прогнозная модель (далее – КПМ), динамические стохастические модели общего равновесия (далее – DSGE), являющиеся различными версиями новокейнсианской модели динамического общего равновесия. Кроме того, обращается внимание на сформировавшиеся тенденции в экономике, динамику цен на рынках, меры экономической политики, реализуемые в крупнейших зарубежных странах, а также оцениваются риски, замеченные на текущем этапе работы [2].

Необходимо отметить и то, что для повышения доверия к проводимой денежно-кредитной политике, а также для ее понимания Банк России соблюдает информационную открытость. Ведется работа над повышением ее адресности, расширением охватов коммуникации.

В 2020 году мир настигла пандемия коронавирусной инфекции, что оказало значительное влияние на состояние как национальной, так и мировой экономики в целом. Условия проведения денежно-кредитной политики России в 2020 и 2021 годах также были скорректированы с учетом особенностей эпидемиологической обстановки в стране.

До пандемии направленность денежно-кредитной политики носила преимущественно дезинфляционный характер, однако он был кардинально изменен на проинфляционный. Был совершен переход сначала, в первой половине 2020 года к нейтральной, а затем и вовсе к мягкой денежно-кредитной политике на временной основе со второй половины 2020 года для минимизации рисков. Были приняты антикризисные меры по поддержанию устойчивого состояния кредитования реального экономического сектора, по защите интересов граждан, по сохранению потенциала финансового сектора.

Отметим, что с февраля по июнь 2020 года ключевая ставка была снижена с 6,25 % до 4,25 % годовых, что является мерой мягкой денежно-кредитной политики, и такой ставка сохранялась до начала 2021 года. Благодаря поддержке, спрос в экономике начал восстанавливаться, однако прогнозы предполагали усиление дезинфляционных факторов по причине повторного ухудшения эпидемиологической ситуации. На конец октября 2021 года уровень ключевой ставки находится на уровне 7,5 % годовых, хотя на фоне инфляции не исключено дальнейшее ее повышение [3; 4].

Что касается годовой инфляции, то она стремительно росла быстрее ожиданий, составив в феврале 2021 года 5,2 %. Население, бизнес и органы управления адаптировались к ситуации, связанной с короновирусной инфекцией, шел процесс активного создания вакцин и начала процесса вакцинации населения, что позволило начать движение к восстановлению экономики. Кроме того, восстанавливался и потребительский спрос, благодаря расширению и совершенствованию сервисов онлайн-покупок. Но присутствовала сложность следованию взятого направления из-за возникновения отсутствия баланса в динамике спроса и предложения на отдельных рынках, инфляционных ожиданий населения и бизнеса.

В марте 2021 года началось сворачивание мягкой денежно-кредитной политики. По оценке Банка России, более существенное и продолжительное смягчение могло бы привести к росту проинфляционных рисков. Была повышена ключевая ставка под давлением повышения скорости роста спроса при запаздывающем восстановлении предложения. А к середине нынешнего года большинство послаблений банковского сектора, введенные в период пандемии – льготные программы Правительства Российской Федерации, регуляторные послабления Банка России для кредитных организаций – были прекращены.

Что касается ускорения инфляции в первое полугодие 2021 года, то в нем находит свое отражение устойчивое восстановление внутреннего спроса, проходящее быстрее ожидаемого. Исходит это в том числе из-за ограничений зарубежных поездок: средства домашних хозяйств, которые могли бы быть направлены на эти цели, были перераспределены на потребление товаров и услуг, предоставляемых внутри государства. Отметим, что в конце октября 2021 года Министерство экономического развития спрогнозировало уровень инфляции на конец года на отметке 7,4 %. На сложившуюся ситуацию влияют низкие темпы уборки урожая, нехватка рабочей силы из-за ограничений по короновирусной инфекции [5].

Неравномерность восстановления баланса спроса и предложения также связано с изменением в структуре потребительского спроса при адаптации жизни и быта людей к принятым противоэпидемическим мерам. Например, в условиях удаленной работы и учебы возросла потребность в электронных устройствах, что увеличило спрос на их комплектующие, что позволяло компаниям, специализировавшимся на производстве данной продукции, увеличивать цены.

Для воздействия на инфляционные процессы, а именно на снижение инфляции к концу 2022 года, Банк России планирует поддерживать ключевую ставку на уровне 6-7 %. Данные изменения влияют

на экономические аспекты всех уровней бюджетной системы. Согласно базовому сценарию цены на нефть постепенно будут снижаться. Инвестиционная активность постепенно будет увеличиться вследствие стабилизации мировой и российской экономики. Центральный банк, разрабатывая базовый сценарий, предполагает, что ситуация с короновирусом будет контролируема.

Помимо базового сценария Центральный банк разрабатывает альтернативные сценарии. В них заложены более негативные факторы, влияющие на экономику, а именно: короновирусная инфекция приведет к появлению новых опасных штампов; замедление темпов восстановления мирового спроса на экспорт; увеличение темпов инфляции.

В среднесрочной перспективе на денежно-кредитную политику будут влиять следующие изменения: планируемый запуск цифрового рубля, дальнейшее развитие Системы быстрых платежей. Центральный банк вынужден запустить свою цифровую единицу, поскольку стал активно развиваться новый класс финансовых инструментов – криптоактивы. Регулятор опасается, что увеличение использования криптовалют приведет к снижению спроса на наличные денежные средства и средства, находящиеся на счетах в коммерческих банках. Криптовалюта представляет механизм обезличенных платежей, а именно платеж без посредников и необратим, даже если произошел ошибочно. Также не возможно контролировать источник образования средств. Поэтому можно предположить, что с полным переходом на безналичные расчёты будут активнее внедряться параллельные институты. Годом принятия криптовалют институциональными инвесторами стал 2021 год. Если раньше биткойн был уделом маленькой группы крипто-энтузиастов, которая постепенно разрослась в многомиллионное криптосообщество, то с 2020 года к криптовалютам стали подключаться крупные инвесторы. С 1 января 2021 года в России действует Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ – закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Его приняли как основу правового регулирования в сфере отношений, связанных с цифровыми активами и цифровой валютой. То есть согласно этому закону в России криптовалюта не отнесена к деньгам, а представляет собой некую систему электронных данных. Однако закон строго запрещает использовать ее как средство платежа за товары, работы и услуги.

Введение цифрового рубля нацелено на повышение скорости, удобства и безопасности платежей, увеличение доступности финансовых услуг и снижение издержек в финансовой сфере. В отличие от криптовалют, использование которых сопряжено с высокими рисками для пользователей, устойчивость функционирования цифрового рубля обеспечивается государством в лице Центрального банка. Масштаб влияния цифрового рубля на финансовую систему, экономику в целом и денежно-кредитную политику будет зависеть от изменения спроса экономических агентов на существующие формы денег (наличные деньги в обращении, безналичные деньги банков) в пользу цифрового рубля [6].

Особенности работы цифрового рубля были определены еще весной 2021 года. Отметим, что эмиссия цифрового рубля и эмиссия наличных денег похожи между собой. Согласно политике Центрального банка РФ пользоваться цифровым рублем могут и физические и юридические лица через свои коммерческие банки. При этом коммерческие банки будут выступать в качестве посредников, поскольку сами цифровые рубли планируется хранить на специальном кошельке Банка России. Главная задача для коммерческого банка состоит в привлечении клиентов с целью открытия и пополнения таких кошельков. Цифровой рубль является только платежным средством с мгновенной ликвидностью. В результате введения цифрового рубля можно будет распределять свои денежные средства между наличными, счетами в коммерческих банках и электронными кошельками. Привлекательность цифрового рубля с точки зрения потребителя состоит в том, что: имеется возможность офлайн-расчетов; физические лица смогут переводить любые суммы друг другу без комиссий; клиенты могут спокойно хранить свои сбережения в электронном кошельке Центрального банка, не опасаясь, что они пропадут. Самые главные недостатки с точки зрения клиентов состоят в том, что: Центральный банк пока не планирует начислять проценты на остаток с цифровым рублем, как это происходит в отношении безналичных рублей; цифровым рублем нельзя рассчитываться за границей; произойдёт удорожание кредитов. Следует не забывать и о кибератаках, которые с каждым годом увеличиваются. Например, в общей сумме, потери банков оцениваются в 60 млн рублей за 2020 год. У коммерческих банков после внедрения цифрового рубля возникнет необходимость резко повышать ставки по вкладам для привлечения клиентов.

В 2021 году было увеличено количество денежных переводов с помощью Системы быстрых платежей на 20 %. В обозримом будущем планируется предоставлять доступ к Системе быстрых платежей не только банкам, но и небанковским поставщикам платежных услуг. Центральный банк планирует выпустить для Системы быстрых платежей отдельное приложение, которое должно полноценно заработать до 2023 года. Данную систему планируют развивать, чтобы ей пользовалось бóльшая часть населения нашей страны.

Применение новых технологий позволяют увеличить доступность финансовых услуг, объемы и скорость транзакций, при этом снижая издержки и адаптируя все под удобство клиентов, а также упростить сам банковский процесс. Регулятор осознает, что появление финансовых технологий оказывает давление на уже работающие бизнес-модели финансовых институтов. Внедрение новых технологий в платёжной системе усиливает позиции компаний, которые их изобрели, но, зачастую, эти компании не поднадзорны финансовым регуляторам. Для регулирования института небанковских поставщиков платежных услуг в ближайшем будущем планируется формирование правовой базы, на основе которой небанковские организации будут функционировать [7].

Центральный банк планирует запустить две новых технологии, а именно: технологию SupTech, которая отвечает за оперативность получения информации для оценки бесперебойности платёжной системы; технологию RegTech, которая будет обеспечивать соблюдение нормативных требований для снижения нагрузки для участников рынка.

Обобщая приведенную выше информацию, можно сказать, что в период сложной эпидемиологической обстановки своевременное воздействие на ее направления позволило преодолеть кризисную ситуацию. Стоит отметить, что экономика нашего государства пострадала как от пандемии, так и от падения спроса на нефть. Из-за пандемии и падения спроса нефть Центральный банк в проведении денежно-кредитной политики стал более зависим от Правительства РФ.

Определенно, возвращение к допандемическому состоянию требует дальнейших вспомогательных мер, так как на сегодняшний день процесс восстановления неравномерен. Дальнейшие действия по проведению денежно-кредитной политики будут зависеть от развития российской и мировой экономики. Изменения ключевой ставки зависят от устойчивых тенденций в экономике страны и направлены на сглаживание экономического цикла. Банк России стремится к минимизированию уровня инфляции, поддержанию курсовых соотношений валютного курса, обеспечению устойчивого экономического роста. Достичь устойчивого развития экономики возможно при ориентировании на режим таргетирования уровня номинальных цен валового внутреннего продукта, а также проведении валютных интервенций регулятором.

Делать какие-либо выводы по внедрению цифрового рубля пока рано, поскольку все будет зависеть от сложившейся экономической ситуации в стране. Следует отметить, что деньги, в любом формате должны обеспечивать обмен их на товары и услуги [8]. По нашему мнению, введение цифрового рубля не должно увеличить денежную массу, поскольку будет происходить плавное замещение доли наличных денег, и при этом не будет оказано большого влияния на инфляцию. Скорее всего, нет оснований полагать, что цифровой рубль единолично уберет с рынка все платежные инструменты. Скорее всего, он станет еще одним инструментом для проведения платежа. Внедрение цифрового рубля даст возможность повысить инновационный, конкурентный потенциал российского рынка платежей.

Список литературы

1. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2022 год и период 2023 и 2024 годов (Проект от 30 сентября 2021 года) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.cbr.ru/about_br/publ/ondkp/ (дата обращения 12.10.2021).
2. Банк России [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.cbr.ru/dkp/ (дата обращения 15.10.2021).
3. Информационное сообщение Банка России от 10.09.2021 «Банк России принял решение повысить ключевую ставку на 25 б.п., до 6,75 % годовых» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_395112/ (дата обращения 14.10.2021).
4. Справочная информация: «Ключевая ставка и процентная ставка рефинансирования (учетная ставка), установленные Банком России» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12453/886577905315979b26c9032d79cb911cc8fa7e69/ (дата обращения 07.10.2021).
5. *Полякова В.* Инфляция в России ускорилась до максимума с февраля 2016 год [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.rbc.ru/economics/20/10/2021/6170526a9a794772f2b803 (дата обращения 21.10.2021).
6. Цифровой рубль: зачем он нужен России [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://journal.open-broker.ru/research/zachem-nuzhen-cifrovoy-rubl/ (дата обращения 19.10.2021).
7. *Варфоломеева В.А., Иванова Н.А.* Электронные денежные средства и платежные системы в Российской Федерации // Актуальные проблемы экономики и управления. 2020. № 1(25). С. 3–7.
8. *Варфоломеева В.А., Иванова Н.А., Бизина О.А.* Роль и значение денег в современной экономике // Актуальные проблемы экономики и управления. 2021 № 2(30). С. 3–7.

References

1. The main directions of the unified state monetary policy for 2022 and the period of 2023 and 2024 (Draft of September 30, 2021) [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.cbr.ru/about_br/publ/ondkp/ (data obrashcheniya 12.10.2021).

2. Bank of Russia [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa:: https://www.cbr.ru/dkp/ (data obrashcheniya 15.10.2021).
3. Informational message of the Bank of Russia dated 09/10/2021 "The Bank of Russia has decided to increase the key rate by 25 bp to 6.75 % per annum" [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_395112/ (data obrashcheniya 14.10.2021).
4. Reference information: "Key rate and refinancing interest rate (discount rate) established by the Bank of Russia" [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12453/88657790531597 9b26c9032d79cb911cc8fa7e69/ (data obrashcheniya 07.10.2021).
5. *Polyakova V.* Inflation in Russia has accelerated to a maximum since February 2016 [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: https://www.rbc.ru/economics/20/10/2021/6170526a9a794772f2b803 (data obrashcheniya 21.10.2021).
6. The digital ruble: why does Russia need it [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: https://journal.open-broker.ru/research/zachem-nuzhen-cifrovoy-rubl/ (data obrashcheniya 19.10.2021).
7. *Varfolomeeva V.A., Ivanova N.A.* Electronic money and payment systems in the Russian Federation // Actual problems of economics and management. 2020. № 1 (25). S. 3–7.
8. *Varfolomeeva V.A., Ivanova N.A., Bizina O.A.* The role and significance of money in the modern economy // Actual problems of economics and management. 2021. № 2 (30). S. 3–7.

УДК 336.025:347.736

DOI 10.47629/2074-9201_2021_4_97_100

Востокова Ольга Владимировна,
старший преподаватель кафедры Менеджмента, рекламы и связей с общественностью,
Институт деловой карьеры, Москва,
vostokova1545@yandex.ru

Милов Павел Олегович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры Гражданского права и процесса, Институт деловой карьеры, Москва, директор редакционно-издательского дома, Российский новый университет, Москва,
nauka@ideka.ru

Шовунова Наталья Юрьевна,
преподаватель кафедры Менеджмента, рекламы и связей с общественностью,
Институт деловой карьеры, Москва,
eva73@live.ru

АНТИКРИЗИСНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КОРПОРАТИВНЫМИ СТРУКТУРАМИ

Аннотация. *Статья посвящена проблемам организации антикризисного управления в масштабе корпорации и ее отдельных предприятий в условиях действия негативных макроэкономических факторов. Особое внимание уделено оценке ситуации банкротства отдельного предприятия и корпорации в целом. Сделан вывод, что главной составляющей эффективного развития корпорации и прогнозирования потенциальных рисков в меняющихся внешних условиях и при действии негативных макроэкономических факторов является рационально выработанная стратегия управления и выбор наиболее адекватных данной стратегии методов и инструментов антикризисного управления, направленных на поддержание платежеспособности и снижения рисков банкротства корпоративной структуры в целом и отдельных предприятий, в нее входящих. Разработанная на уровне корпорации модель управления рисками банкротства будет способствует возможности оставаться в рыночной нише и избежать несостоятельности в сложный период экономического развития в условиях действия негативных макроэкономических факторов.*

Ключевые слова: корпоративная структура, кризис, макроэкономические факторы, антикризисное управление, банкротство.

Olga V.Vostokova,
Senior Lecturer at the Department of Management, Advertising and Public Relations,
Institute of Business Career, Moscow,
vostokova1545@yandex.ru

Pavel O. Milov,
Ph.D. of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Civil Law and Procedure, Institute of Business Career, Moscow, Director of the editorial and publishing house, Russian New University, Moscow,
nauka@ideka.ru

Natalia Yu. Shovunova,
Lecturer at the Department of Management, Advertising and Public Relations,
Institute of Business Career, Moscow,
eva73@live.ru

ANTI-CRISIS MANAGEMENT OF CORPORATE STRUCTURES

Abstract. *The article is devoted to the problems of organizing anti-crisis management on the scale of a corporation and its individual enterprises under the conditions of the action of negative macroeconomic factors. Particular attention is paid to assessing the situation of bankruptcy of an individual enterprise and corporation as a whole. It is concluded that the main component of the effective development of a corporation and forecasting potential risks in a changing external environment and under the influence of negative macroeconomic factors is a rationally developed management strategy and the choice of the most adequate methods and tools of anti-crisis management aimed at maintaining the solvency and reducing the risks of bankruptcy of the corporate structure as a whole and individual*

enterprises included in it. The bankruptcy risk management model developed at the corporation level will contribute to the ability to stay in the market niche and avoid insolvency in a difficult period of economic development in the face of negative macroeconomic factors.

Keywords: corporate structure, crisis, macroeconomic factors, crisis management, bankruptcy.

Одна из причин, приводящих любую бизнес-структуру к разорению, являются ошибки управляющей структуры при принятии стратегических решений, касающихся альтернативы развития компании. Поэтому считаем, что главной составляющей эффективного развития предприятия и прогнозирования потенциальных рисков является рационально выработанная стратегия управления, в том числе и с учетом действия негативных макроэкономических факторов, а также в условиях масштабных экономических кризисных явлений.

На сегодняшний день с уверенностью можно сказать, что коронавирус COVID-19 оказал серьезное воздействие как на мировую экономику, так и на национальную экономику России. COVID-19 оказал негативное влияние на фондовые рынки, усугубил падение цен на нефть и другие энергоресурсы, замедлил, а в некоторых случаях даже остановил промышленные производство в разных странах и регионах мира. В условиях глобализации COVID-19 практически одновременно повлиял на экономику всех стран мира, независимо от того, в какой мере они пострадали от этой пандемии.

Воздействие глобального кризиса на мировую экономику приводит к сочетанию различных факторов, когда при проявлении одного негативного события или тенденции порождается другое явление, имеющее уже больший масштаб негативных последствий.

Такой вывод можно сделать, анализируя тенденцию падения производства и закрытия ряда крупных промышленных предприятий в Китае в 2020 году. Это, в свою очередь, вызвало снижение спроса на электроэнергию, как известно, снизило цены на нефть и другие углеводороды, что в итоге повлияло на экономику нефтедобывающих стран, таких, например, как Россия. В дальнейшем развитие негативной ситуации привело к девальвации национальной валюты, спаду экономической активности и торговли, что отразилось на экономике соседних стран и целых регионов.

Поэтому следует признать, что сегодня корпоративный бизнес столкнулся с серьезными макроэкономическими вызовами, что актуализирует рассмотрение вопросов антикризисного управления корпоративными структурами.

Актуализация необходимости принятия антикризисных мер корпоративными структурами в России обусловлена несколькими ключевыми факторами, которые условно можно разделить на макроэкономические (геополитические), структурные (отраслевые) и управленческие (локальные).

Негативный геополитический фон и секторальные санкции осложняют торгово-экономическое сотрудничество, влияют на торгово-логистические маршруты и ценовую политику лидирующих предприятий России. Последствиями являются недополученная прибыль, снижение оборота и ликвидности, усиление давления на бюджеты различных уровней и государство как основного субъекта экономики, особенно в кризисных условиях, который принимает на себя последствия реализации рисков.

Другим негативным аспектом является ограничение доступа к дешевому заемному капиталу, к которому рыночная и банковская системы в целом адаптировались за последние годы. Описанные выше факторы повлияли на поиск уязвимостей отечественной экономики, которые заключаются, в частности, в импортной зависимости некоторых отраслей, колебании валютного паритета, увеличивающего риски и затраты.

Внутренние экономические проблемы в регионах России связаны с низкими темпами модернизации отраслей, структурных убытков, которые могут накапливаться годами, моральный и технический износ основных фондов. Данные ограничения увеличивают риски, поскольку вынуждают осуществлять инвестиции в развитие производства в условиях высоких кредитных ставок, тенденции на стабилизацию цен, что негативно отражается на финансово-экономических результатах деятельности, повышая риск текущей неплатежеспособности.

Несостоятельность возникает вследствие сочетания внутренних и внешних факторов, среди которых политика и стиль руководства играют немаловажную роль. Нерациональные затраты, убыточные вложения в сомнительные проекты с высоким уровнем риска, несопоставимые темпы роста прибыли и задолженности, нарушения расчетно-платежной дисциплины могут существенно ухудшить экономическое положение рыночного субъекта.

Анализ научно-теоретической литературы по проблемам возникновения кризисных явлений позволяет выявить следующие макроэкономические причины их возникновения:

• неравномерность соотношения прибыли и риска в различных видах деятельности, способствующая привлечению большего количества субъектов бизнеса в наиболее рисковые отрасли (А. Смит);

• значительные инновационные затраты на производство новых видов товаров, услуг, которые впоследствии становятся значительно дешевле для новых производителей и потребителей (К. Маркс);

• цикличность экономики, чередование депрессии и подъема (Й. Шумпетер);

• изменения процентной ставки и повышенная зависимость от финансового капитала приводят при сокращении объемов деятельности к невозможности обслуживания обязательств (А. Фишер).

Различные исследователи приводят разнообразные определения антикризисного управления, но в чем же заключается суть антикризисного управления?

Считаем, что суть антикризисного управления определяется в следующих положениях и допущениях:

1) кризисы можно предугадать, дождаться и вызывать;

2) кризисы можно ускорять, предварять и отодвигать;

3) есть возможность быть готовым к кризису;

4) кризисы можно ослаблять;

5) для управления в условиях кризиса нужны особые подходы, специальные знания, навыки и искусство управления;

6) во многих случаях кризисными процессами можно управлять, что может привести к ускорению преодоления негативных процессов и уменьшить их последствия.

В ситуации всеобщего экономического кризиса корпоративные структуры вынуждены сталкиваться с ситуацией банкротства отдельных предприятий и угрозами банкротства для всей корпорации. При этом имеющиеся финансовые ресурсы помогают справиться с проблемной ситуацией, но иногда и этих ресурсов оказывается недостаточно для преодоления кризисных явлений. Кроме этого, может возникнуть ситуация, когда корпорации выгодней провести банкротство отдельного предприятия ради повышения устойчивости корпорации или изменения направлений развития трансформации или диверсификации бизнеса. Поэтому банкротство отдельных предприятий структуры выступает одним из инструментов реализации антикризисного менеджмента, когда происходит сохранение наиболее «жизнеспособных» частей общего корпоративного «организма».

Необходимо отметить, что эволюция экономических отношений, изменение режимов и условий ведения предпринимательской деятельности закономерно способствовали формированию института банкротства, обладающего экономическими и юридическими признаками и содержанием. Сегодня институт банкротства является механизмом регулирования макроэкономических и рыночных процессов государством, контролем стабильности финансово-хозяйственной деятельности в регионах страны независимо от уровня риска и отраслевой принадлежности субъектов бизнес-среды.

Банкротство предприятия – это экономическое состояние недостаточности ликвидных активов для покрытия срочных обязательств (субъективное банкротство), которое может быть зафиксировано в судебном порядке (объективное банкротство) [1].

Анализ различных работ позволил выделить следующие аспекты по проблеме исследования:

• риск банкротства от анализа в качестве финансового и инвестиционного риска стал оцениваться с позиции холического (комплексного) подхода, изучающего причины и последствия для различных функциональных направлений деятельности субъектов бизнес-среды; возникли стандарты управления рисками [4];

• формирование научной концепции управления риском банкротства на основе поведенческих и социальных характеристик деятельности ответственных лиц, детерминанты принятия индивидуальных и управленческих (групповых) решений в условиях неопределенности относительно влияния неприятия риска [3];

• управление рисками банкротства в контексте инноваций компании в области стратегического управления, оценки издержек и оптимизации капитала в условиях формирования цифровой экономики [2].

Управление рисками банкротства можно определить как:

1) сложный процесс по обеспечению стабильного развития и уровня конкурентоспособности предприятия в долгосрочном периоде;

2) процесс, обеспечивающий сохранение действующего бизнеса на основе поиска компромиссных решений с заинтересованными участниками.

Считаем, что сегодня на уровне корпоративной структуры необходима разработка системы превентивного управления с учетом отраслевых особенностей, которая будет оказывать существенное влияние на качество принимаемых управленческих решений и повысит их эффективность, позволит сформировать антикризисные резервы, в том числе на основе конкурентных преимуществ корпорации и ее отдельных компаний.

Основными направлениями будущих исследований в этом направлении должны стать следующие:

1) разработка методического подхода к оценке эффективности превентивного реагирования;

2) структура системы антикризисного управления для различных уровней управления корпорацией.

При этом необходимо исходить из того, что одной из причин, приводящих любую бизнес-структуру к разорению, являются ошибки управляющей структуры при принятии стратегических решений, касающихся альтернативы развития корпорации.

Таким образом, следует признать, что главной составляющей эффективного развития корпорации и прогнозирования потенциальных рисков в меняющихся внешних условиях и при действии негативных макроэкономических факторов является рационально выработанная стратегия управления и выбор наиболее адекватных данной стратегии методов и инструментов антикризисного управления, направленных на поддержание платежеспособности и снижения рисков банкротства корпоративной структуры в целом и отдельных предприятий, в нее входящих.

Представленные результаты исследования могут быть положены в основу модели превентивного и антикризисного управления риском банкротства корпорации, который сочетает традиционные этапы процесса анализа и компромиссные варианты взаимодействия заинтересованных сторон. Разработанная на уровне корпорации модель управления рисками банкротства будет способствует возможности оставаться в рыночной нише и избежать несостоятельности в сложный период экономического развития в условиях действия негативных макроэкономических факторов.

Список литературы

1. *Гарина Е.П., Медведева О.В., Шпилевская Е.В.* Антикризисное управление: учебник. Ростов н/Д: Феникс, 2017. 345 с.
2. *Кочетков Е.П.* Трансформация антикризисного управления в условиях цифровой экономики. Обеспечение финансово-экономической устойчивости высокотехнологичного бизнеса: монография. М.: Проспект, 2020. 328 с.
3. *Файншмидт Е.А.* Теория антикризисного управления. М.: Российская академия государственной службы при Президенте РФ, 2018. 166 с.
4. *Фирсова О.А.* Управление рисками организаций. М.: МАБИВ, 2018. 838 с.

References

1. *Garina E.P., Medvedeva O.V., Shpilevskaya E.V.* Anti-crisis management: textbook. Rostov-on-Don: Phoenix, 2017. 345 p.
2. *Kochetkov E.P.* Transformation of crisis management in the digital economy. Ensuring the financial and economic sustainability of high-tech business: monograph. Moscow: Prospect, 2020. 328 p.
3. *Fainshmidt E.A.* Crisis management theory. Moscow: Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation, 2018.166 p.
4. *Firsova O.A.* Organizational risk management. Moscow: MABIV, 2018. 838 p.

УДК 379.8

DOI 10.47629/2074-9201_2021_4_101_106

Галкина Галина Станиславовна,
старший преподаватель кафедры Гуманитарных наук, Московский государственный академический художественный институт им. В.И. Сурикова при Российской академии художеств, Москва,
galka-66@yandex.ru

Троицкая Нина Геннадьевна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры Туризма, Московский государственный университет спорта и туризма, Москва,
troitskayang@mail.ru

Цветков Евгений Иванович,
старший преподаватель кафедры Туризма, Московский государственный университет спорта и туризма, Москва,
chustov@yandex.ru

ТУРИЗМ КАК ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Аннотация. *Рассматриваются проблемы развития туризма как перспективной составляющей государственной культурной политики РФ. Определяется значение туризма для познания и сохранения великого культурного наследия, накопленного многими поколениями страны. Анализируется динамика туристических процессов в соответствии со стратегической идеей устойчивого развития РФ. Проводится первичный анализ ряда показателей российской туристической индустрии за последние годы на основе фактических данных Федеральной службы государственной статистики. Отмечается важность мониторинга туристического направления для последующей оценки эффективности реализации государственной культурной политики в рамках сферы туризма.*
Ключевые слова: государственная культурная политика, культурное наследие, устойчивое развитие, мониторинг сферы туризма, статистические показатели, эффективность деятельности.

Galina S. Galkina,
Senior Lecturer at the Department of Humanities, V.I. Surikov Moscow State Academic Art Institute at the Russian Academy of Arts, Moscow,
galka-66@yandex.ru

Nina G. Troitskaya,
Ph.D. of Pedagogical Sciences, Associate Professor at the Department of Tourism, Moscow State University of Sports and Tourism, Moscow,
troitskayang@mail.ru

Eugene I. Tsvetkov,
Senior Lecturer at the Department of Tourism, Moscow State University of Sports and Tourism, Moscow,
chustov@yandex.ru

TOURISM AS A PROMISING DIRECTION OF THE RUSSIAN STATE CULTURAL POLICY

Abstract. *The article deals with the tourism development problems as a promising component of the Russian Federation state cultural policy. The importance of tourism for the knowledge and preservation of the great cultural heritage accumulated by many country generations is determined. The tourism processes dynamics is analyzed in accordance with the strategic idea of the Russian Federation sustainable development. The Russian tourism industry indicators primary analysis in recent years is carried out on the basis of the Federal State Statistics Service reliable and publicly available factual data. The importance of tourist destination monitoring is noted for the subsequent assessment of the effectiveness implementation of the state cultural policy within the tourism sector.*
Keywords: State cultural policy, cultural heritage, sustainable development, tourism monitoring, statistical indicators, policy effectiveness

В соответствии с Конституцией РФ политика государства направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие каждого гражданина [1]. Поскольку достойная жизнь и свободное развитие человека невозможно без познания родной природы, обычаев, особенностей жизненного уклада народов России, культурного наследия, накопленного многими поколениями, туризм становится проводником большей части населения в мир культуры.

Развитие туризма, восстановление, сохранение, приумножение природных, историко-культурных и социальных туристических ресурсов в полной мере соответствует мировой стратегии устойчивого развития [5].

Российская Федерация поддержала данную идею, высоко оценив значение культурного и природного наследия на пути перехода к устойчивому социально-экономическому развитию страны [2].

В Указе Президента РФ, определяющем основы государственной культурной политики [3] на ближайшее время и в долгосрочном периоде, признается необходимым уделить особое внимание культурно-познавательному, рекреационному, экологическому туризму как возможности непосредственного взаимодействия людей с духовной и материальной культурой. Это согласуется с ведущими направлениями деятельности туристской индустрии и актуальными задачами государственной системы образования. Развитие образования в сфере науки и искусства, в свою очередь, будет способствовать возникновению у людей интереса к окружающему миру, географии страны, этнокультурным ценностям народов России [6].

Целью настоящего исследования стал первичный анализ состояния туристической индустрии в РФ за последние годы на основе общедоступных фактических данных. Эти годы характеризуются общественным осознанием социальной значимости деятельности, связанной с развитием науки, культуры, защитой окружающей среды, повышением качества жизни людей, чему способствует совершенствование туристических услуг. В это время произошли кризисные события в жизни людей всего мира, определенно связанные с катастрофической эпидемией.

Практическая значимость данного исследования состоит в выявлении и первичном анализе конкретных моментов и интервалов времени с позитивными и негативными явлениями в индустрии туризма, в области туристического предложения и потребительского спроса. Дальнейшее сопоставление динамики рассматриваемых ниже показателей с данными, характеризующими социально-экономическое состояние России, в том числе, в сфере науки, образования и культуры, позволит выявить ряд положительных и отрицательных факторов, влияющих на успешность политики государства в непростой период перехода к устойчивому развитию.

Авторам представляется актуальной и интересной задача предложить один из методов оценки реальной результативности туристической деятельности через наблюдение за ее динамикой. Объективным источником информации является издание Федеральной службы государственной статистики – Российский статистический ежегодник. Сборник в максимально возможной форме отражает экономические и социально-политические явления в жизни страны [4].

Специальные разделы издания характеризуют основные области туризма посредством количественных показателей. Исследуя динамику этих показателей, можно, в определенной мере, выявить степень успешности реализации той части государственной культурной политики, которая включает в себя туристическую сферу.

Предварительный мониторинг показателей, в известной мере отражающих эффективность туристических процессов, представляется целесообразным провести за период с 2015 по 2020 годы, который обеспечивается статистическими данными, является достаточно продолжительным для первичного анализа наблюдений в рамках изучаемой проблемы и отражает последние важные события в России.

Авторами выбраны следующие группы показателей состояния туризма:

- число организаций туристической индустрии (ед.);
- число туристических фирм (ед.);
- прибыль организаций туристической индустрии (млрд руб.);
- число реализованных населению турпакетов (тыс. шт.).

В Таблице 1 представлено количество организаций, занятых в туристской индустрии РФ в течение периода с 2015 по 2020 годы. На основании таблиц (данной и последующих) строятся приведенные ниже графики показателей.

Динамика показателя отмечает активный рост с 2015 по 2017 годы, постепенное снижение в 2018 году и последующий подъем в 2020 году (см. Рисунок 1).

В Таблице 2 приведена статистика числа российских туристических фирм в течение исследуемого периода.

На графике заметен рост числа туристических организаций в период с 2015 по 2018 годы, далее не менее показательный спад (см. Рисунок 2).

Данные из Таблицы 3 характеризуют прибыль фирм туристической индустрии в выбранные выше моменты наблюдений.

Таблица 1

Число организаций туриндустрии (ед.)

Годы	Число организаций
2015	85115
2016	86968
2017	114779
2018	113009
2019	111874
2020	113847

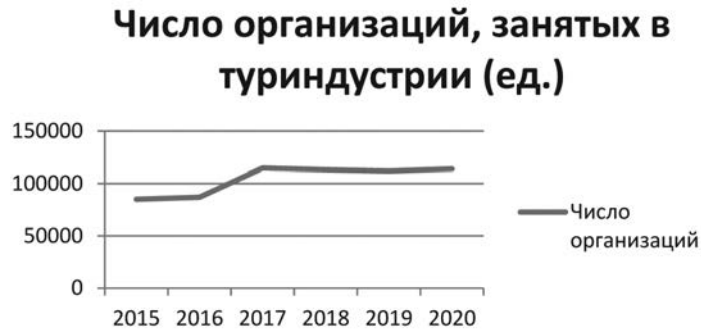

Рисунок 1. Число организаций в туристической индустрии

Таблица 2

Число туристических фирм (ед.)

Годы	Число фирм
2015	11893
2016	12395
2017	13579
2018	13674
2019	12690
2020	12463

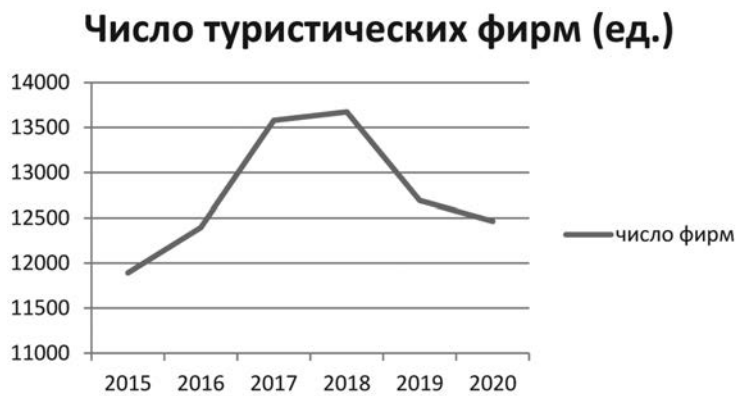

Рисунок 2. Число туристических фирм

Таблица 3

Прибыль организаций туристической индустрии (млрд руб.)

Годы	Значения прибыли
2015	155
2016	303
2017	380
2018	371
2019	354
2020	255

Прибыль организации является одним из доказательств успешности предпринимательской деятельности, в том числе в сфере туризма. На Рисунке 3 видна положительная динамика с 2015 по 2017 годы, затем снижение значений показателя.

В Таблице 4 показано количество реализованных населению туристических пакетов.

Активность туристического рынка, в значительной степени, характеризуется объемами реализации турпродукта (см. Рисунок 4). Тренд данного показателя определяется ростом в промежуток времени с 2016 по 2019 годы. Далее резкое сокращение.

С целью достижения большей объективности при оценке состояния туриндустрии, эффективности предпринимательской деятельности, интереса населения к историко-культурному и природному богатству страны мониторинг приведенных выше показателей проводится в сопоставлении с численностью населения (Таблица 5).

При анализе данных Таблицы 5 можно отметить рост численности населения страны с 2015 по 2018 год, затем с 2019 года ее сокращение.

Для уточнения данных целесообразно дополнить исследуемую группу показателем «число реализованных турпакетов в расчете на тысячу человек». Полученные результаты приведены на Таблице 6.

Количество приобретенных населением страны туристических продуктов постепенно возрастает в период с 2016 по 2019 годы. Далее следует ощутимый спад.

Проведенное авторами исследование завершилось следующими результатами.

Несмотря на гуманистическую, просветительскую, социальную и экономическую заинтересованность российского государства и гражданского обще-

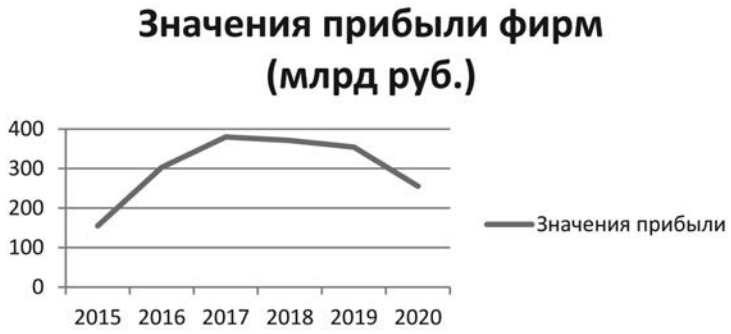

Рисунок 3. Прибыль организаций туристической индустрии

Таблица 4

Число реализованных населению турпакетов (тыс. шт.)

Годы	Число турпакетов
2015	4024
2016	3352
2017	4390
2018	4585
2019	5337
2020	3125

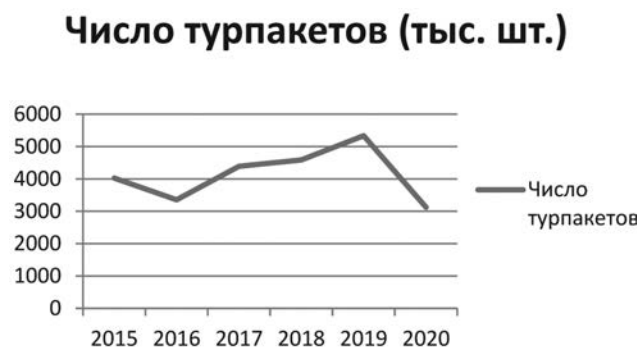

Рисунок 4. Число реализованных населению турпакетов

Таблица 5

Численность населения страны (млн. чел.)

Годы	Численность населения
2015	146.3
2016	146.5
2017	146.8
2018	146.9
2019	146.8
2020	146.7

Таблица 6

Число реализованных турпакетов в расчете на тысячу человек (ед.)

Годы	Число турпакетов в расчете на тысячу человек
2015	27
2016	23
2017	30
2018	31
2019	36
2020	21

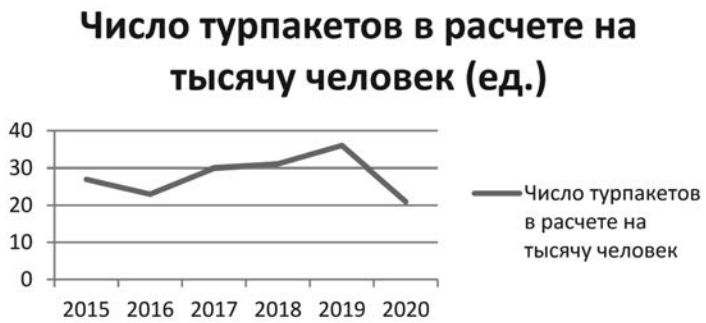

Рисунок 5. Число реализованных туристических пакетов в пересчете на 1000 человек

ства в эффективной реализации культурной политики и, в частности, ее туристической составляющей, в настоящее время за увеличением значений наступает снижение или весьма незначительный рост показателей и активности населения (как производителей, так и потребителей туристического продукта и услуг). Подтверждением тому является динамика показателей (число организаций туристической индустрии, число туристических фирм, число реализованных населению турпакетов) с 2018 по 2019 год.

Достаточно тревожным становится тренд экономически важного показателя «прибыль организаций туристической индустрии», который характеризуется стабильным спадом с 2017 года, когда об опасном вирусе еще ничего не было известно.

При рассмотрении показателя «число реализованных турпакетов в расчете на тысячу человек» выявляется резкое снижение реализованных товаров и услуг с 2019 года, что, в значительной степени, объясняется пандемией и снижением численности населения России. Но темпы спада настораживают и требуют принятия мер.

В заключение работы необходимо сделать следующие выводы.

Результаты исследования выявляют в последние моменты наблюдений отрицательную динамику туристических процессов, наступившую после стабильного роста, определяя проблемный период в реализации части государственной политики, относящейся к сфере культуры.

Для полного анализа тренда количественных показателей, отражающих особенности сложившейся ситуации в туризме, в том числе в настоящее время, для прогноза ее развития требуется увеличение ряда статистических данных. Необходимо сопоставление приведенного выше фактического материала с значительно более широким спектром актуальных социально-экономических и природных показателей с учетом катастрофических явлений (пандемия), происходящих в стране и мире.

В целях системного объективного анализа динамики туристического предложения и спроса на основе духовных и эстетических предпочтений населения России в дополнение к количественным критериям необходимо разработать ряд качественных критериев, что является, по мнению авторов, очень сложной задачей.

Комплексный проблемно ориентированный мониторинг туристской индустрии поможет оценить эффективность реализации государственной культурной политики в рамках сферы туризма и станет одним из инструментов совершенствования культурной жизни российского общества на пути достижения устойчивого развития.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации с комментарием Конституционного суда. Редакция 2021 года. Эксмо-Пресс. – М., 2021-128 с.
2. Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию. Указ Президента Российской Федерации от 01.04.96 № 440 // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 15. – Ст. 1572.
3. Об утверждении Основ государственной культурной политики. Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 года № 808. /Электронный ресурс/. Режим доступа: https://base.garant.ru/70828330/ Дата обращения – 16.11.2021.
4. Российский статистический ежегодник. 2020: Стат.сб./Росстат. – М., 2020 – 700 с.
5. *Брутланд Г.Х.* Наше общее будущее. Доклад комиссии ООН по окружающей среде и развитию. 1987. Прогресс – М., 1988 – 150 с.
6. *Галкина Г.С., Троицкая Н.Г.*, К вопросу о развитии столичного туристского ресурса для людей среднего и старшего возраста//Научный вестник МГИИТ. 2018 № 5 (55). С.31-38.

References

1. The Russian Federation Constitution with Constitutional Court comments. Revision 2021. Eksmo-Press.- M., 2021-128 p.
2. The concept of the Russian Federation transition to sustainable development. Decree of the President of the Russian Federation № 440 of 01.04.96 // Collection of Russian Federation Legislation. – 1996. – № 15. – Article 1572.
3. On the approval of the State Cultural Policy Foundations. Decree of the President of the Russian Federation of December 24, 2014 № 808. / Electronic resource/. Access mode: https://base .garant.ru/70828330 / Date of request – 16.11.2021.
4. Russian Statistical Yearbook. 2020: Stat.sat./Rosstat. – M., 2020 – 700 p.
5. *Brutland G.H.* Our common future. Report of the UN Commission on Environment and Development. 1987. Progress – M., 1988 – 150 p.
6. *Galkina G.S., Troitskaya N.G.,* On the development of the capital's tourist resource for middle-aged and older people// Scientific Bulletin of MGIIT. 2018 № 5 (55). PP. 31-38.

УДК 332.1

DOI 10.47629/2074-9201_2021_4_107_110

Гирина Татьяна Сергеевна,
старший преподаватель кафедры Гуманитарных дисциплин, Институт пищевых технологий и дизайна, Нижегородский государственный инженерно-экономический университет (филиал), Нижний Новгород,
gts2009@yandex.ru

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ (ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ)

Аннотация. *Обозначена общая характеристика цифровизации социальной инфраструктуры сельских территорий в России. Внесены предложения по направлениям реализации цифровизации социальной инфраструктуры на селе. Обозначены проблемы, возникшие в этой сфере, такие как: цифровое неравенство между городским и сельским населением, низкий уровень доходов сельского населения, дороговизна прокладки сети интернет, недостаточное количество инвестиций, и др. Результаты проведенного исследования могут быть использованы в развитии цифровизации на селе и разработке соответствующих концепций и проектов.*
Ключевые слова: отечественный опыт, сельские территории, социальная инфраструктура, сельское население, цифровизация.

Tatiana S. Girina,
Senior Lecturer at the Department of Humanities, Institute of Food Technologies and Design, Nizhny Novgorod State Engineering and Economic University, Nizhny Novgorod,
gts2009@yandex.ru

DIGITIZING THE SOCIAL INFRASTRUCTURE OF RURAL AREAS (DOMESTIC EXPERIENCE)

Abstract. *The article describes the general characteristics of the digitalization of the social infrastructure of rural areas in Russia. The author makes suggestions on the directions of implementing the digitalization of social infrastructure in rural areas. The problems that have arisen in this area are also identified, such as: digital inequality between the urban and rural population, low income of the rural population, the high cost of laying the Internet, insufficient investment, etc. The results of this study can be used in the development of digitalization in rural areas and the development of appropriate concepts and projects.*
Keywords: domestic experience, rural territories, social infrastructure, rural population, digitalization.

Доля цифровой экономики России в ВВП составляет 2,8 %. Этот показатель в 4,4 раза меньше, чем в Великобритании, 2,5 раза, чем в Китае и 2 раза меньше, чем в США [5].

Для того, чтобы рассмотреть и проанализировать отечественный опыт необходимо не только отразить место цифровой экономики России в ВВП среди других государств, но и ответить на ряд вопросов, а именно: как проходит процесс цифровизации сельских территорий, в том числе и социальной инфраструктуры в России? Какие цели и задачи поставлены государством, какие программы им разработаны? Какие проблемы возникают при реализации данных планов, обозначить факторы, влияющие на них? Какие сферы затронула цифровизация и др.?

Переход современного российского общества к цифровой модели развития осуществляется в соответствии со «Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы [1].

Необходимо отметить, что в научной литературе детально рассматриваются вопросы цифровизации сельских территорий, сельского хозяйства, аграрно-промышленного комплекса, цифрового неравенства. При этом недостаточное внимание уделено цифровизации социальной инфраструктуры сельских территорий, что, думается, неправильно, так как социальная инфраструктура – это фактор, условие развитие сельских территорий и сельского хозяйства, благополучной и комфортной жизни сельского населения [9-11].

В России процесс развития информатизации сопровождается существенными диспропорциями, определяемыми разным уровнем развития платформ Интернета и мобильных сетей. Сейчас реализуется «Программа по устранению цифрового неравенства между жителями городского и сельского населения». Наи-

менее охваченными услугами электросвязи являются сельские районы. В силу низкого уровня дохода сельчан операторы связи идут туда в последнюю очередь.

Реализация федеральных программ информатизации характеризуется существенными недостатками: предыдущая программа не реализована полностью, так как число населенных пунктов фактически занижено, единственным исполнителем государственного контракта назначено ПАО «Ростелеком». «Ростелеком» в связи с недофинансированием, в одностороннем порядке принял решение о применении привычной «медножильной линии связи», комбинируя ее с современными волоконно-оптическими линиями связи (далее – ВОЛС).

Отмечается, что в настоящее время отсутствует взаимосвязь между экономикой населенных пунктов и развитием информатизации, что обусловлено: существенной долей развития информатизации за счет населения и низким в настоящее время уровнем развития всех компонентов цифровой экономики на селе: инфраструктуры, электронного бизнеса и электронной коммерции [3; 6; 8].

По данным Минкомсвязи сотовой связи нет в 32 тыс. населенных пунктах России, а надежного высокоскоростного интернета – более чем в 25 тыс. небольших сел и поселков.

В закон «О связи» были внесены соответствующие поправки, которые вступили в силу весной 2020 года. Эти поправки включили мобильную связь в перечень гарантированных государством гражданам универсальных услуг.

Активисты Российского союза сельской молодежи (далее – РССМ) в 2019 году, посетив 400 цифровизованных населенных пунктов, не смогли подключиться через Wi-Fi к каждой четвертой такой точке доступа. Качество связи оказалось низким. В 23 % случаев вход в интернет оказался в неудобных местах [2; 7].

На основе вышеизложенного, можно утверждать, что цифровизация сельских территорий должна проходить параллельно в нескольких направлениях:

1) создание инфраструктуры (точек доступа сельского населения к интернету);

2) создание цифровой социальной инфраструктуры, в том числе разработка соответствующих программ и проектов такого развития, предлагающих конкретные решения;

3) устранение имеющихся и возникающих проблем.

К проблемам цифровизации сельских территорий можно отнести: цифровое неравенство между городским и сельским населением, низкий уровень доходов сельского населения, дороговизна прокладки сети интернет, недостаточное количество инвестиций, использование старого оборудования операторами и др.

Представляется интересным, какие отрасли социальной инфраструктуры сельских территорий на сегодняшний день переведены в цифровой формат, как функционируют? Какой наработан в связи с этим опыт? Рассмотрим и проанализируем имеющуюся информацию.

Предоставление государственных и муниципальных услуг гражданам и организациям в электронной форме с 2010 года стало одним из приоритетных направлений развития электронного правительства, а доля граждан, использующих механизм получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме, является одним из индикаторов развития информационного общества, представленным в Государственной программе «Информационное общество (2011-2020 годы)» РФ [4].

Современные цифровые технологии позволяют контролировать полный цикл растениеводства или животноводства. Данные с датчиков, дронов и другой техники анализируются специальными программами. Мобильные или онлайн приложения приходят на помощь фермерам и агрономам.

Минсельхоз РФ реализует проект «Цифровое сельское хозяйство». Первым этапом проекта стало создание национальной платформы «Цифровое сельское хозяйство» – на данном этапе идет создание личного кабинета для сельхозпроизводителя.

В переходе сельскохозяйственной отрасли страны на «цифру» принимает участие Госкорпорация Ростех. В составе Госкорпорации разработки ведут предприятия радиоэлектронного кластера, входящие в холдинги «Росэлектроника», «Швабе» и концерн «Автоматика».

В числе технологий Ростеха – программные комплексы для управления фермами, роботизированные системы, беспилотники для мониторинга объектов сельского хозяйства, технологии точного земледелия на базе интернета вещей. Отмечается, что для получения максимального эффекта важно внедрять не только отдельную «умную» технику, но и комплексные решения для автоматизации процессов в агропромышленном комплексе. Одно из таких решений недавно представила «Росэлектроника». О начале испытаний первой отечественной Интеллектуальной информационно-аналитической системы для «цифрового» растениеводства, разработанной АО «НИИИТ» (г. Тверь), холдинг заявил в июне этого 2021 года.

Еще одним примером цифровизации социальной инфраструктуры сельских территорий является дальневосточное село Мичуринское (сельское поселение Хабаровского края на Дальнем Востоке России), которое стало первым в России, получившее статус цифрового. Местным жителям предоставили доступ к высокоскоростному интернету, инте-

рактивному телевидению и автоматизированным услугам.

На основе вышеизложенного необходимо отметить, что одной из проблем в сельских территориях является проблема с обеспеченностью объектами социальной инфраструктуры, в том числе с ее недостаточной развитостью или отсутствием. Социальная инфраструктура является условием и фактором развития сельских территорий. Безусловно, в современных условиях цифровизация является способом решения ряда проблем, в том числе и с социальной инфраструктурой. В связи с наличием ряда экономических, технических и других проблем, возникающих в связи с цифровизацией, стоит задача не только их устранения, решения в комплексе, но и разработка ряда концепций по ее реализации. Проведение цифровизации должно осуществляться с учетом экономического неравенства регионов, потребностей населения, пространственного расположения. И если при всей сложности цифровизация в районных центрах проводится, то в более отдаленных и маленьких населенных пунктах этот вопрос стоит остро.

Становится понятно, что ряд задач, которые выполняет социальная инфраструктура сельских территорий, можно решать с применением информационных технологий. Однако, помимо проведения интернета и обеспечения доступа к нему, стоит вопрос обеспечения жизнедеятельности населенных пунктов, создания комфортной жизни, способности удовлетворять потребности местного населения. И здесь уже речь идет о том, какие объекты социальной инфраструктуры или их функции можно перевести в цифровой формат? Какие факторы и условия надо учитывать при этом? Данный вопрос требует более детальной проработки, научного подхода, концепции, которая, на наш взгляд, на сегодняшний день отсутствует. Концепция развития социальной инфраструктуры сельских территорий (районных центров, населенных пунктов) должна учитывать все характеристики и особенности развития объектов.

Список литературы

1. *Абдурахмонова Ф.Б* Цифровизация права// Развитие цифровой экономики: теоретическая и практическая значимость для АПК. – Саратов. 2019. С. 3-6.
2. *Ахмедов В.Я., Галикеев Р.Н.* Перспективы социально-экономического развития сельских территорий в условиях цифровизации экономики//Вестник Евразийской науки. 2019. № 6 (11). С.1-12.
3. *Блинова Т.В., Былина С.Г.* Развитие цифровых услуг для сельского населения России//Институт аграрных проблем. 2019. № 4. С.49-56.
4. *Былина С.Г.* Проблемы использования услуг электронного правительства городским и сельским населением РФ// Развитие цифровой экономики: теоретическая и практическая значимость для АПК: материалы Международной научно-практической конференции. – Саратов. – 2019. С.60-63.
5. *Гурфова С.А.* Цифровая трансформация сельского хозяйства// Развитие цифровой экономики: теоретическая и практическая значимость для АПК. – Саратов. – 2019. С. 78-81.
6. *Ициксон А.И.* Оценка целесообразности информатизации сельских территорий в условиях цифровой экономики//Вестник СибГУТИ. 2018. № 3 (43). С. 15-22.
7. *Магомедов А.М.* Цифровизация как ключевой фактор развития сельских территорий и сельского хозяйства// Современные технологии управления. 2020. № 2 (92). С.6-16.
8. *Сарьян В.К., Левашов В.К., Мещеряков Р.В., Русаков А.А., Саломатина Е.В., Гребняк О.В.* Умная деревня в стратегиях цифровых трансформаций//Вторые декабрьские социально-политические чтения «Как живешь Россия?»». Российское социальное государство и гражданское общество в 2020 году: реализация национальных проектов в условиях постпандемической реальности. – Москва. – 2020. С. 99-106.
9. *Шабунова А.А., Груздева М.А., Калачикова О.Н.* Поселенческий аспект цифрового неравенства в современной России//Проблемы развития территории. 2020-.№ 4 (108). С. 7-19.
10. *Шарипов С.А.* Устойчивое развитие аграрной экономики на основе цифровизации// Основные направления кардинального роста эффективности АПК в условиях цифровизации. – Казань. 2019 с. 42-52.

References

1. *Abdurakhmonova F.B* Digitalization of law // Development of the digital economy: theoretical and practical significance for the agro-industrial complex. – Saratov. 2019. P. 3-6.
2. *Akhmedov V.Ya., Galikeev R.N.* Prospects for the socio-economic development of rural areas in the context of the digitalization of the economy // Bulletin of Eurasian Science. 2019. № 6 (11). P. 1-12.
3. *Blinova T.V., Bylina S.G.* Development of digital services for the rural population of Russia // Institute of Agrarian Problems. 2019. № 4. P. 49-56.
4. *Bylina S.G.* Problems of using e-government services for the urban and rural population of the Russian Federation // Development of the digital economy: theoretical and practical significance for the agro-industrial complex: materials of the International Scientific and Practical Conference. – Saratov.-2019. P. 60-63.

5. *Gurfova S.A.* Digital transformation of agriculture // Development of the digital economy: theoretical and practical significance for the agro-industrial complex. – Saratov.-2019. P. 78-81.
6. *Itsikson A.I.* Assessment of the feasibility of informatization of rural areas in the digital economy // Bulletin of SibSUTI. 2018. № 3 (43). P. 15-22.
7. *Magomedov A.M.* Digitalization as a key factor in the development of rural areas and agriculture // Modern management technologies. 2020, № 2 (92). P. 6-16.
8. *Saryan V.K., Levashov V.K., Meshcheryakov R.V., Rusakov A.A., Salomatina E.V., Grebnyak O.V.* Smart village in digital transformation strategies // Second December socio-political readings "How are you living in Russia?" P. 99-106.
9. *Shabunova A.A., Gruzdeva M.A., Kalachikova O.N.* The settlement aspect of digital inequality in modern Russia // Problems of territory development. 2020-. № 4 (108). P. 7-19.
10. *Sharipov S.A.* Sustainable development of the agrarian economy based on digitalization // Main directions of a radical increase in the efficiency of the agro-industrial complex in the context of digitalization. – Kazan. 2019 P. 42-52.

УДК 658.56

DOI 10.47629/2074-9201_2021_4_111_115

Горин Денис Станиславович,
кандидат экономических наук, доцент кафедры Управления инновациями,
МИРЭА – Российский технологический университет, Москва,
gorinds@mail.ru

Акопян Артур Арсенович,
магистрант, МИРЭА – Российский технологический университет, Москва,
artur.akopyan.12@mail.ru

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ И МЕТОДИКА УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ НАУКОЕМКОГО СЕКТОРА В РОССИИ

Аннотация. *Проанализировано состояние предприятия наукоемкого сектора в России. Изучены методы инвестирования. Изучено понятие риска. Выявлены основные виды рисков. Предложены рекомендации по минимизации рисков.*
Ключевые слова: наукоемкость, Россия, инновационная деятельность, инновационная активность организаций, Национальная технологическая инициатива, венчурное инвестирование, риски, виды рисков, управление рисками.

Denis S. Gorin,
Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Innovation Management,
MIREA – Russian Technological University, Moscow,
gorinds@mail.ru

Artur A. Akopyan,
Master's student, MIREA – Russian Technological University, Moscow,
artur.akopyan.12@mail.ru

ANALYSIS OF THE STATE AND METHODOLOGY OF RISK MANAGEMENT AT SCIENCE INTENSITY ENTERPRISES IN RUSSIA

Abstract. *The state of the enterprise of the knowledge-intensive sector in Russia is analyzed. Investment methods have been studied. The concept of risk has been studied. The main types of risks are identified. Recommendations for minimizing risks are proposed.*
Keywords: science intensity, Russia, innovative activity, innovative activity of organizations, National Technological Initiative (NTI), venture investment, risks, types of risks, risk management.

Под «наукоемкостью отраслей экономики» следует понимать процесс опережающего роста затрат на науку и образование в составе материального производства [1].

Наукоемкий сектор играет ключевую роль в развитии экономики. Он является основным потребителем результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок, определяет спрос на достижения науки и обеспечивает основу предложения информационных инноваций почти во всех областях экономики. Так как рыночные отношения в мире стабильно развиваются, инновационная деятельность становиться единственным способом выживания предприятий [2].

Роль России в мировом сообществе во многом зависит от социально-экономического развития, в котором огромную роль играют инновации, способствующие непрерывному обновлению технологической и технической базы производства, разработке и выпуску новой конкурентоспособной продукции, проникновению на мировые рынки товаров и услуг. Таким образом, ключевая роль отводится наукоемким предприятиям, совокупное развитие которых и является основным фактором научно-технического развития государства.

В соответствии со статистическими наблюдениями, проводимыми Росстатом, в целом за последние 6 лет, затраты на инновационную деятельность организации, которые определяют затраты на НИОКР, постоянно увеличивались (см. Таблицу 1). В 2020 году затраты на технологические инновации по сравнению с 2019 годом уменьшились на 10 % из-за пандемии коронавируса [3].

Таблица 1

Динамика затрат на инновационную деятельность организации, млрд руб.

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021 (прогноз)
Затраты на технологические инновации	1,203.6	1,284.5	1,404.9	1,472.8	1,954.1	1,734	2,082

Количество организаций, которые выполняют научные исследования и разработки, в России в 2020 году составило 4060 шт., что показывает 2-х процентный спад по сравнению с 2015 годом, когда количество организаций составляло 4175 (см. Таблицу 2). Начиная с 2017 наблюдается рост организаций.

Уровень инновационной активности организаций в России в 2020 году составил 8,8 %, что показывает 40-ти процентный спад по сравнению с 2017 годом, когда уровень инновационной активности организаций составлял 14,6 % (см. Таблицу 3).

Количество исследователей в целом продолжает снижаться. В 2020 году количество исследователей составило 327 432 человек, что показывает 10-ти процентный спад по сравнению с 2016 годом, когда количество исследователей составило 370 379 человек (см. Таблицу 4).

Россия по основным показателям малого бизнеса и малого инновационного предпринимательства сильно отстаёт от развитых стран мира. По количеству малых и средних предприятий Россия уступает Соединенным Штатам Америки в 23 раза, странам Европейского союза в 18.6 раза, Японии в 7.7 раза, а Великобритании в 3 раза, что является весьма значительным. По количеству работников в малых и средних предприятиях Россия уступает Соединенным Штатам Америки в 8.4 раза, странам Европейского союза почти в 8.2 раза, Японии в 4.7 раза, а Великобритании в 1.6 раза.

Преодолеть отставание естественным путем невозможно, в связи с этим необходимо ускорить развитие всех уровней поддержки малых инновационных предприятий и, в том числе, создать институты, основной деятельностью которых будет инвестиционная поддержка.

Методы инвестирования – способы и механизмы привлечения инвестиций, а также источники привлечения средств для реализации различных инвестиционных, инновационных проектов.

Основные методы инвестирования (финансирования):

- венчурное инвестирование;
- самофинансирование;
- лизинг;
- кредитное финансирование;
- проектное финансирование;
- бюджетное финансирование;
- смешанное (комбинированное, комплексное) финансирование.

Венчурное инвестирование представляет собой рисковое вложение денежных средств в наукоемкий проект.

Таблица 2

Количество наукоемких организаций, шт.

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021 (прогноз)
Число организаций	4175	4032	3944	3950	4051	4060	4086

Таблица 3

Уровень инновационной активности организаций, %

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021 (прогноз)
Уровень инновационной активности организаций	9,3	8,4	14,6	12,8	9,1	8,8	8,7

Таблица 4

Количество исследователей

	2016	2017	2018	2019	2020	2021 (прогноз)
Количество исследователей	370 379	359 793	347 854	335 465	327 432	321 083

Главные особенности венчурного инвестирования – это крупные вложения денежных средств на начальном этапе, длительный период окупаемости и высокий риск, которые могут быть компенсированы огромной прибылью в случае успеха.

Самофинансирование – это финансирование полностью за счет собственных средств.

Лизинг — это метод инвестирования, при котором лизингодатель приобретает в собственность имущество и затем предоставляет данное имущество лизингополучателю за плату во временное пользование с последующим переходом права собственности к лизингополучателю, то есть своего рода товарный кредит.

Кредитное финансирование – это получение средств для инвестирования путем оформления кредита.

Проектное финансирование – метод финансирования проектов за счёт займов.

Бюджетное финансирование – это безвозвратное предоставление денежных средств предприятиям за счёт бюджета.

Смешанное (комбинированное, комплексное) финансирование представляет собой различную комбинацию рассмотренных выше методов финансирования.

В настоящее время многие предприятия наукоемкого сектора испытывают недостаток денежных средств. В связи с этим инвестирование в наукоемкий бизнес имеет большое значение для научно-технологического прорыва и инновационного пути развития государства. Венчурное инвестирование является наиболее адаптированным методом инвестирования инновационной деятельности.

Следует отметить, что наукоемкий сектор представляет собой высокорисковый сектор, так как у него нет гарантий успешного результата в наукоемком бизнесе.

Понятие «риск» (англ. risk) означает опасность и ориентировочно в своем происхождении имеет испано-португальские корни.

В значительной степени понятие «риск» связано с механизмом принятия управленческого решения. В этом смысле оно основано на методологической составляющей теории рисков и принятия в условиях неопределенности разнообразных решений [4].

Ситуация риска – это такое положение вещей, при котором нет однозначного решения, однако обязательно необходимо выбрать какой-то один вариант или несколько вариантов. В связи с чем в значительной степени экономический риск есть процесс принятия в условиях неопределенности решений на основе политических, экономических социальных, моральных и иных последствий, благоприятных или неблагоприятных.

Понимание и управление рисками позволяет контролировать и часто предотвращать финансовые, организационные, правовые и другие последствия, связанные с рисками.

Без выявления рисков трудно успешно определить свои цели и сформулировать стратегии их достижения.

Риск основан как на положительном, так и на отрицательном факторе отклонения результатов деятельности от ожидаемого сценария осуществления инвестиционного и наукоемкого проекта. Риск появляется тогда, когда требуется принять решение в условиях неопределенности. При этом, неопределенность носит объективный характер, а риск – субъективный.

Различают четыре вида риска:

1) стратегический риск – например, выход конкурента на рынок;

2) риск соблюдения и регулирования – например, введение новых правил или законодательства;

3) финансовый риск – например, повышение процентной ставки;

4) операционный риск – например, поломка или кража ключевого оборудования.

По мере того как предприятие пытается достичь стратегических целей, внутренние и внешние события могут сдерживать или препятствовать их достижению. Это называется стратегическим риском.

Стратегические риски можно определить следующим образом:

• потенциальное воздействие стратегических решений или несоответствующей стратегии;

• отсутствие реакции на изменения в отрасли;

• риски, связанные с будущими планами, например, выход на новые рынки, расширение существующих услуг и др.

Управление стратегическими рисками должно быть сосредоточено не только на проблемах, которые могут привести к провалу конкретной стратегии, но и на любых серьезных рисках, которые могут повлиять на долгосрочное позиционирование и эффективность предприятия.

Операционный риск – это вероятность возникновения убытков из-за негативных последствий процедур, систем или политик, которые существуют на предприятии. Общие источники включают технические сбои, мошенничество, ошибки сотрудников и др.

Существуют различные проявления рисковых ситуаций:

• результат не достигнут;

• результат оказался ниже ожиданий: технико-экономические характеристики нововведения оказались хуже ожиданий руководства предприятия;

• результат был достигнут позже: цель инновационной деятельности была достигнута, хотя и произошло это позже, чем ожидалось;

• результат оказался дороже, чем ожидалось: наукоемкий проект был реализован, хотя перерасход превысил первоначальные оценки [5].

Инновационная деятельность на всех стадиях жизненного цикла связана с различными неопределенностями, которые проявляются в недостатке или отсутствии информации о рынке и его участниках, затратах, финансово-экономических результатах проекта. Все это сказывается на качестве принятых решений наукоемкого проекта.

В инновационной деятельности наукоемкого предприятия выделяют следующие виды рисков:

• производственные риски. Они возникают, когда технический уровень производства малого наукоемкого предприятия не соответствует техническому уровню наукоемкого проекта;

• управленческие риски. Они возникают из-за недостатков выстроенной системы управления ресурсами на предприятии;

• организационные риски. Они связаны с отсутствием качественной внутренней организации на предприятии;

• риск оригинальности. Данный вид рисков предполагает, что оригинальные идеи и научно-технические разработки могут к моменту их внедрения оказаться невостребованными;

• риск юридической неадекватности. Данный вид рисков предполагает, например, отказ автора разработки раскрыть информацию о продукте;

• риск финансовой неадекватности. Данный вид рисков определяет, что финансовых ресурсов недостаточно для реализации наукоемкого проекта.

Производство любого наукоемкого продукта всегда сопряжено с рисками. Невозможно на длительную перспективу определить будет ли данное новшество пользоваться спросом. Поскольку избежать риска не предвидится возможности, то необходимо как можно быстро предвидеть его и постараться минимизировать.

Поэтому наукоемким предприятиям следует тщательно анализировать наукоемкие проекты, чтобы избежать возможных ошибок на самом раннем этапе – этапе отбора проектов.

Следует отметить, что в наукоемком секторе основывается на высоком уровне неопределенности, с учетом динамики основных факторов, которые влияют на ее результаты. В отличие от стабильных процессов, инновации могут привести к полной неудаче.

В связи с этим, сегодня все большее число компаний, реализуя инновации, стараются просчитать свои риски и шансы, а также разглядеть узкие места в проекте, чтобы избежать по максимуму всех возможных негативных явлений. Такие задачи решаются посредством создания системы управления рисками [6].

На предприятиях наукоемкого сектора рекомендуется применить следующие способы минимизации рисков:

1. Применение метода активизации.

Активизация в общем смысле – это применение комплекса мер, направленных на умножение или ускорение деятельности целевого объекта.

Метод активизации представляет собой участие наукоемкого предприятия в программах по формированию новых технологических рынков.

В частности, для российского предприятия предлагается принять участие в проекте Национальная технологическая инициатива (далее – НТИ) – программы мер по созданию условий для глобального технологического лидерства и формированию принципиально новых рынков России к 2035 году. Такое участие в проектах НТИ не только позволит осуществить более качественную координацию действий, но и поможет реализовать основную задачу НТИ, – поиск и создание условий для работы компаний, специализирующихся на сотрудничестве с высокотехнологичными рынками и привлечение венчурных инвесторов.

2. Креативный метод.

Этот метод позволит до 20% рабочего времени научных сотрудников посвящать разработке наукоемких проектов на свой риск и под свою ответственность. Безусловно, для достижения высоких результатов научным сотрудникам должны быть предоставлены соответствующие ресурсы для ведения работ на свой риск, а также дано право на ошибку. Таким образом, данный метод способствует формированию творческой атмосферы на наукоемком предприятии, так как боязнь ошибок и неудач негативно оказывает воздействие на эффективность инновационной деятельности.

3. Страхование риска.

Страхование является наиболее часто применяемым методом управления рисками.

В наукоемкой сфере с помощью страхования предприятие может минимизировать практически все имущественные, а также многие политические, коммерческие и другие риски. Тем не менее не все риски подлежат страхованию (например, риски, которые связаны с недобросовестностью сотрудников). Данный метод имеет ограничения:

• высокие страховые взносы;

• некоторые риски могут не приниматься к страхованию.

4. Факторинг.

Факторинг – это финансирование под уступку денежного требования. Говоря простыми словами, факторинг можно объяснить как продажу долгов другой организации, то есть факторной компании.

Факторинговая операция в отличие от стандартных активных операций растянута во времени,

и ход ее исполнения корреспондирован с ходом исполнения сделки.

5. Маркетинговый анализ.

Проведение маркетингового анализа наукоемких проектов позволит выделить приоритеты экономического развития предприятия. Например, сегментация рынка, оценка его емкости; организация рекламной кампании и др.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что предложенные рекомендации по минимизации рисков позволяют выявлять, оценивать, отслеживать и устранять риски до или во время их превращения в проблемы. Задача руководителя наукоемкого проекта – выбрать такие действия, которые позволят уменьшить вероятность появления неблагоприятного события.

Очевидно, что использование системы управления рисками предоставляет возможность любому предприятию использовать новые эффективные инструменты для ликвидации потенциальных убытков и получения значительной прибыли от реализации инвестиционного проекта.

Список литературы

1. *Варшавский А.Е.* Наукоемкие отрасли и высокие технологии: определение, показатели, техническая политика, удельный вес в структуре экономики России / Экономическая наука современной России, – № 2, – 2018. – 81 с.
2. *Лаптев А.А.* Понятие «высокотехнологичной компании» в современной микроэкономической теории // Качество. Инновации. Образование, № 1, 2018. – 41 с.
3. https://www.gks.ru
4. *Найт Ф.Х.* Риск, неопределенность и прибыль / пер. с англ. М. Каждана и В. Гребенникова. М.: Дело, 2016. – 359 с.
5. *Хохлов Н.В.* Управление риском: Учеб. Пособие для вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 239 с.
6. *Швандар В.А.* Риски в экономике: Учеб. пособие для вузов / Под ред. проф. В.А. Швандара. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. – 380 с.

References

1. *Varshavskij A.E.* Naukoemkie otrasli i vysokie tekhnologii: opredele-nie, pokazateli, tekhnicheskaya politika, udel'nyj ves v strukture ekonomi-ki Rossii / Ekonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii, – № 2, – 2018. – 81 s.
2. *Laptev A.A.* Ponyatie «vysokotekhnologichnoj kompanii» v sovremennoj mikroekonomicheskoj teorii // Kachestvo. Innovacii. Obrazovanie, № 1, 2018. – 41 s.
3. https://www.gks.ru
4. *Najt F.X.* Risk, neopredelennost' i pribyl' / per. s angl. M. Kazhdana i V. Grebennikova. M.: Delo, 2016. – 359 s.
5. *Hohlov N.V.* Upravlenie riskom: Ucheb. Posobie dlya vuzov. – M.: YUNI-TI-DANA, 2017. – 239 s.
6. *Shvandar V.A.* Riski v ekonomike: Ucheb. posobie dlya vuzov / Pod red. prof. V.A. Shvandara. – M.: YUNITI-DANA, 2015. – 380 s.

УДК 338.48

DOI 10.47629/2074-9201_2021_4_116_121

Делия Виктор Павлович,
доктор экономических наук, профессор кафедры Туризма, Московский государственный университет спорта и туризма, Москва,
deliav52@icloud.com

Кульгачев Иван Петрович,
кандидат философских наук, доцент кафедры Индустрии гостеприимства, туризма и спорта, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва,
kulg-ivan@yandex.ru

РАЗВИТИЕ ВНУТРЕННЕГО ТУРИЗМА – ДРАЙВЕР СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА СТРАНЫ И РЕГИОНОВ

Аннотация. *Выявлено состояние внутреннего туризма его социально-экономические проблемы и определены подходы в их разрешении. Внутренний туризм рассматривается как драйвер экономики регионов и страны, создающий мультипликационный эффект в экономическом росте. Осуществлена попытка с разных сторон посмотреть на состояние роста внутреннего туризма, вступая в спор и предлагая свой подход к оценке роста потоков внутреннего туризма, его положение во время пандемии коронавируса. Авторы считают важнейшими направлениями роста внутреннего туризма изменение сознания субъектов организации всей сферы туризма, видя туриста не только как ключевую экономическую единицу, а как главный объект существования и функционирования всей туристической сферы. В статье рассматривается положение, при каких условиях возможно остановить выездные пляжные потоки из страны, а также каким образом направить туристов в туристические рекреационные центры внутри страны. Это комплексная задача, и от всех субъектов, организующих туристическую деятельность, требуется инновационный экономический подход, как условие получения высокого экономического эффекта и качества услуг для отдыхающих. Представлена точка зрения на причину сокращения туристических агентств и туроператоров.*
Ключевые слова: драйвер экономики, мультипликационный эффект, внутренний туризм, социально-экономический эффект, инновационная экономическая деятельность, инновационный продукт, экономический рост, туристические дестинации.

Viktor P. Delia,
Doctor of Economic Sciences, Professor at the Department of Tourism,
Moscow State University of Sports and Tourism, Moscow,
deliav52@icloud.com

Ivan P. Kulgachev,
Ph.D. of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of Hospitality, Tourism and Sports,
Plekhanov Russian University of Economics, Moscow,
kulg-ivan@yandex.ru

DEVELOPMENT OF DOMESTIC TOURISM IS A DRIVER OF SOCIO-ECONOMIC GROWTH OF THE COUNTRY AND REGIONS

Abstract. *The development of domestic tourism is a driver of socio-economic growth of the country and regions Annotation. The article identifies the state of domestic tourism and its socio-economic problems and identifies approaches to their resolution. Domestic tourism is considered as a driver of the economy of the regions and the country, creating a multiplier effect in economic growth. An attempt has been made to look at the state of domestic tourism growth from different sides, entering into a dispute and offering its own approach to assessing the growth of domestic tourism flows, its situation after the pandemic. The authors suggest that the most important areas of growth of domestic tourism are changes in the consciousness of the subjects of the organization of the entire tourism sector, seeing not only the tourist as a key economic unit, but as the main object of existence and functioning. The article discusses the situation under which conditions it is possible to stop outbound beach flows from the country, as well as how to direct them to the tourist recreational centers of the country.*
Keywords: economic driver, multiplier effect, domestic tourism, socio-economic effect, innovative economic activity, innovative product, economic growth, tourist destinations.

Актуальность написания статьи обусловлена поиском направлений развития внутреннего туризма, выступающего одним из драйверов точек роста социально-экономического развития и обеспечения безопасности государства.

Во-первых, понимание роли потенциала внутреннего туризма у всех его организаторов и самого государства в социально-экономическом росте регионов и страны наступило.

Во-вторых, вопросы состояния сознания и его изменения у субъектов в сфере отношений в туризме к потребителю туристских услуг, остаются на уровне социалистического менталитета, когда за сезон нужно по максимуму получить прибыль за счет отдыхающих, не думая о перспективе развития отдыха, релаксации здоровья туристов и совершенствования туристической базы.

В-третьих, существующая ситуативная точка зрения на динамику решения проблемы развития внутреннего туризма как успешная, при условии принимаемых стимулирующих мер государством и при локдауне, закрытых границах из-за пандемии, отмечается увеличение туристского потока на 20 процентов в туристские дестинации страны [1]. Данный успех не стоит абсолютизировать с развитием внутреннего туризма. Кривая роста может резко изменится с уходом пандемии и вновь возрастет движение туристов за пределы страны.

В-четвертых, продолжает оставаться отсутствие организации недорогих и комфортных условий внутри страны для массового отдыха в уникальных рекреационных туристских дестинациях.

В-пятых, следует учитывать, что наши туристы вывозят огромные денежные средства из страны и тем самым развивают экономику других стран.

В-шестых, не формируется внутреннее и внешнее социальное и экономическое партнерство между туристическим бизнесом и производством, строительством, сельским хозяйством, системой подготовки специалистов в интересах качественного недорого обеспечения, создания и функционирования доступных условий отдыха, туристских продуктов.

Цель исследования. Определить не только «болевые точки» состояния внутреннего туризма, но и предложить некоторые тренды его развития в интересах социально-экономического развития страны и регионов, трансформации сознания предпринимателей в сфере туризма, направленного на создание качественного производства туристских продуктов и услуг, совершенствования и улучшения основ духовного, нравственного, профессионального и образовательного состояния граждан, как совокупности факторов роста безопасности страны.

Методы исследования. В рамках написания статьи были использованы методы включенного наблюдения, простого наблюдения, изучение документальных источников, средств массовой информации, Интернета, опрос, экономико-статистического, факторного и ретроспективного анализа, экспертных оценок, анализа официальной статистической информации и научных источников по состоянию внутреннего туризма в России.

Результаты исследования и их обсуждение. В современных условиях развитие внутреннего туризма является стратегической задачей социально-экономического и политического развития страны, роста культуры, духовности и нравственности, решения проблем демографического порядка. Главной его характеристикой выступает удовлетворение потребностей граждан страны в наличии и функционировании туристических рекреационных условий на уровне мировых стандартов. Понимание этого состояния туристических дестинаций пришло ко всем участником их организационного характера, вместе с тем мы отстаем масштабно от мирового уровня по многим критериям. Среди них: низкое качество сервиса, не эффективная деятельность отельеров и рестораторов, туристических операторов и туристических агентств, экскурсионных бюро, установленная неоправданно высокая цена на билеты железнодорожного и авиационного транспорта, отсутствие для такой огромной страны мобильности передвижения, как это было развито в советское время, при наличии развитой системы малой авиации.

Кроме того, организация отдыха имеет свою особенность, например, наличие «серых фирм, гидов», деятельность которых небезопасна, а порой приводит к гибели туристов (восхождение на Эльбрус, гибель пяти человек, походы по тайге и встреча с дикими животными, приводящие к смерти (Сибирь), не контролируемые сплавы по горным рекам и др.).

Слабым звеном остается деятельность по изменению сознания у чиновников и организаторов всех уровней, бизнеса и предпринимателей сферы туризма и отдыха. Ассоциация оздоровительного туризма и корпоративного здоровья ежегодно подводит итоги рейтинга инвестиционной привлекательности «ТОП100 российских здравниц» в итоговом документе отмечается, что профессиональное сообщество, эксперты отрасли, лидеры мнений активно формируют новое отношение в обществе, особенно на уровне государственного и корпоративного управления, обращая особое внимание на возрастающую ценность не только лечения заболеваний и реабилитации, но и профилактики, регулярного оздоровления для сохранения качества жизни [2]. В методике расчета определения ТОП100 российских здравниц среди экономических и профессиональных показателей отсутствует социальный показатель, связанный с оценкой удовлетворенностью туристами имеющейся благоприятной средой для отдыха и лечения.

Если проанализировать рост цен на отдых при локдауне в наших южных регионах, то мы обнаружим, что цена выросла. Исходя из исследований Ассоциации отельеров Сочи Анны Нетягиной, в среднем отдых в курортном городе подорожал на 50 процентов. Эксперт также отметила, что некоторые гостиницы подняли цены на 20 процентов, а другие – сразу на 100 % [3].

Чиновники эти процессы объясняют уменьшением количества мест для отдыха [2]. Они считают, что рынок сам все урегулирует, все сбалансирует и обеспечит, главное – государству ни во что не вмешиваться. Такая позиция не приводит к качеству обеспечения создаваемых услуг, а самое важное, формирует негативное отношение к внутреннему туризму, поэтому основная масса людей предпочитает отдых за границей, который гибко подстраивается под российского клиента.

Проведенный нами опрос среди студентов направления подготовки «сервис» на вопрос: «Как бы Вы поступили, если бы были руководителями отелей в Сочи и Крыму? Оставили бы цены на уровне, который был до начала локдауна или повысили бы цены до 100 процентов?» продемонстрировал результаты: более 90 процентов обучаемых ответили, что поступили бы точно так же, как поступили руководители отелей. Такой менталитет, формируемый в современной индустрии туризма и в целом в отношениях производства услуг, является стратегически недальновидным, лишая себя перспективы в развитии. Это во-первых. Во-вторых, он тормозит развитие внутреннего туризма. В-третьих, жесткая трансформация отношений в экономике не создает условий гармонизации в обществе, не вырабатывает ответственное поведение бизнеса. В-четвертых, следует ответить какого человека созидает государство, формируя его с единственной монетаристской ценностью ради получения прибыли, с экономическим технократическим мышлением? Или все усилия государства нацелены на создания условий для труда и отдыха личности, впитавшей ценности нашей культуры и способной быть патриотом и здоровым тружеником на благо Отечества? Только при постановке вопроса развития внутреннего туризма в интересах человека-труженика, а не доминирования в этой проблеме заботой о бизнесе, о преференциях экономического роста, изменится парадигма развития внутреннего туризма. Организатор, как субъект системы внутреннего отдыха, вторичен, а первичен человек-отдыхающий. При таком осознании роли развития внутреннего туризма мы можем вывести его в первый ряд мировой индустрии. И какие бы Национальные проекты государство не реализовывало, чиновник от туризма и предприниматель должны осознать, что средства и поддержка государства идут не на получение прибыли бизнесом от туризма, и выполнение планов и освоение ресурсов для чиновников, а на укрепление качества здоровья, совершенствование культуры, воспитания, создание благоприятных условий отдыхающего и туристов. Такая трансформация сознания – главная проблема в возрождении внутреннего туризма.

Развитие внутреннего туризма требует наращивания усилий и поддержки туроператоров и турагентов, но и от них ожидается проявление инновационности в деятельности по созданию продуктов. Данный подход связан с исследованием деятельности туристских предприятий в ходе пандемии.

Проведенный Ассоциацией туроператоров России во время пандемии анализ показал динамику сокращения на 30 процентов туристических агентств, это 5-6 тысяч юридических лиц и 150 туроператорских компаний, что составляет 20 процентов от общего количества специалистов, занятых в туризме, а также выявил несколько десятков тысяч людей, сменивших сферу деятельности. Меры, предпринятые государством по поддержке туристических компаний, оказались недостаточно эффективными. С таким выводом неэффективности мер поддержки мы не в полной мере согласны. В силу сложившейся десятилетиями модели выездного туризма, деятельность отдельных туроператоров и турагентов была построена как функционирование магазина готовых турпродуктов, поэтому они не сумели перейти в условиях локдауна на инновационный процесс при отсутствии спроса туристов на поездки за рубеж. В состоянии пандемии в обществе возникла проблема быстрого переключения на внутренний туристский рынок, использования потенциала инновационной экономической деятельности. В этой связи организации, которые не сумели оперативно и творчески перестроиться, прекратили свое существование, а фирмы, перешедшие на новые модели деятельности, выжили и развиваются. Например, в некоторых туристических фирмах из обязанностей обычного менеджера произошла трансформация в профессию **«режиссер уникальных путешествий»**, которую практики определили как «профессию будущего» [4].

В настоящее время востребованы специалисты, способные составить интересный, безопасный, отвечающий желаниям туристов маршрут, обладающие высоким эмоциональным интеллектом. Стремительно расширяется диапазон требований к профессиональным компетенциям как к руководителям, так и к менеджерам. Важно в данной ситуации обладать инновационным мышлением с целью генерации валовой прибыли в компании.

Для этого необходимо:

• уметь управлять и работать на удаленной работе, вести работу с таск-менеджерами, «asana/trello» или подобными;

• проектировать CJM;

• проводить болевые интервью и в целом понимать custdev технологии;

• понимать функционирование устройства сервисов: getcourse, tilda, roistat, leeloo/salebot/bothelp, amocrm или bitrix24;

• разрабатывать KPI и системы мотивации для команды маркетинга;

• анализировать цифры, собирать аналитические данные, делать выводы и строить гипотезы роста;

• руководить процессом разработки воронок/автоворонок разного типа для продуктовой матрицы компании.

Деятельность туроператоров и туристических агентств на рынке туриндустрии носит творческий характер, они выполняют основную подготовительную работу по созданию туристических продуктов, обеспечивая качественные услуги и отдых туристов. После возвращения к постковидному периоду организации внутреннего туризма без сомнения будет чувствоваться нехватка закрытых турфирм, ушедших с рынка туристских услуг, но инновационные подходы оставшихся займут образовавшуюся нишу на рынке.

Можно сделать вывод, что сложившаяся ситуация на рынке деятельности туроператоров и турагентов во время пандемии продемонстрировала, что уметь продавать путевки недостаточно, в этих условиях потребовалось проявление инновационного мышления, генерирующего инновационные подходы в получении доходов компании, развитый эмоциональный интеллект руководства и сотрудников.

У рестораторов и отельеров сложилась иная ситуация. Исходя из анализа спроса на отдых в гостиницах курортов России в 2020-2021 годах было выявлено, что наибольший дефицит наблюдался в сегменте отелей 4-5 звезд, сообщает Ассоциация туроператоров России (АТОР). Руководители таких гостиниц смогли значительно повысить цены, оставаясь практически полностью загруженными. На втором месте – отели, имеющие 3 звезды. Они провели прошлый сезон не так выгодно, но всё же с небольшим ростом цен (на уровне от 15 до 20 %).

Для туристов принципиально важным остаётся условие расположения отеля на первой, максимум второй линии или в непосредственной близости от моря, наличие ресторана, хорошая транспортная доступность, комфортные оборудованные номера с чайной станцией, а также наличие в инфраструктуре отельного комплекса ресторанов, бассейна, SPA-центра, детской анимации.

В летнем сезоне 2021 года в Анапе, Геленджике, Сочи и Крыму появились как новые отели популярной категории 3 звезды, так и самые востребованные сейчас 4-5 звезд, в том числе с системой «все включено».

Таким образом в России постепенно появляется культура строительства новых отелей, а, следовательно, и новой инфраструктуры [5].

В этой связи, пока не будет создана современная туристская инфраструктура, отвечающая стандартам мирового уровня, наши туристы будут увеличивать количество посещений в другие страны, тем самым вывозя валюту, развивая экономику, бизнес, военное дело и повышая уровень жизни местных граждан.

Самой популярной страной у российского туриста, в которой отдых соответствует соотношению цены и качества, является Турция. Динамику числа выездных туристических поездок российских граждан в Турцию можно проследить на Рисунке 1. Она для Турции осуществляется с завидным ростом.

Президент России В.В. Путин в сентябре 2021 года при встрече с президентом Турции Реджепом Тайип Эрдоганом отметил, что в 2019 году Турцию посетило 6,8 миллиона российских туристов. А в 2020 только 1,5 миллиона. Сейчас ситуация постепенно исправляется, и за 9 месяцев текущего года страну посетило уже 2,5 миллиона российских туристов [6].

Возникает вопрос, почему граждане Российской Федерации, не смотря на последние заявления турецких политиков, продолжают с ускорением инвестировать денежные средства в экономику Турции?

Ответ лежит на поверхности проблемы. Государство не выработало мотивацию у российского туриста на познание наших уникальных туристских дестинаций, туристских неповторимых рекреационных ресурсов страны. Поэтому государству необходимо вести целенаправленную информационно-разъяснительную и воспитательную работу по формированию познавательных потребностей у туристов своей страны.

Комплексное развитие внутреннего туризма может выступить драйвером совершенствования сельского хозяйства и переработки его продукции. В принятом национальном проекте «Туризм и индустрия гостеприимства» планируется выделить до 2030 года из федерального бюджета 529 млрд рублей, еще 72 млрд – из региональных средств. Также предусмотрено привлечение внебюджетных частных инвестиций на строительство инфраструктуры [7]. При этом очень важно развивать в санаторно-курортной системе социальное партнерство, связанное с заключением договоров с предприятиями и фермерскими хозяйствами по обеспечению качественной продукцией и кредитованию предприятий, производящих и поставляющих продукцию в санаторные сети. При этом должен быть отказ от импортной продукции. А государству требуется освободить предприятия этой сферы от всех налогов и обеспечить льготами на поставку сельскохозяйственной и животноводческой продукции. Развитие сельского хозяйства даст тол-

Рисунок 1. Диаграмма динамики посещаемости российскими туристами Турции (составлено авторами)

чок к развитию аграрного туризма, развитию внутри региональных экономических выгод, увеличению занятости и самозанятости. Таким образом, санатории и здравницы откажутся от иностранной сельскохозяйственной продукции, тем самым осуществится принцип импортозамещения.

Выводы исследования:

1. Понимание важности развития внутреннего туризма наступило во властных структурах и бизнесе, и рассматривается данная сфера экономики как драйвер, создающий мультипликационный эффект социального-экономического развития страны и регионов, определяющий направления вырабатывания в туристских дестинациях востребованных видов туризма, инновационных рекреационных ресурсов, способствующих восстановлению и развитию духовных и физических сил человека, его трудоспособности, а также обеспечивающий занятость населения, его профессиональное обучение и улучшение качества жизни граждан. При этих условиях возможно выполнение упомянутого выше Национального проекта до 2030 года, увеличение туристического потока с 65 до 140 млн поездок по стране в год, увеличение в два раза (до 4,7 млн) количества рабочих мест в отрасли и экспорт туристических услуг на сумму до 22,5 млрд долларов [7].

2. Наряду с внедряемыми механизмами роста стимулирования внутреннего туризма, например кэшбек, национальный проект «Туризм и индустрия гостеприимства», важно развитие у федеральных и муниципальных служащих, представителей бизнеса таких качеств как духовность, нравственность, социальная ответственность за организацию отдыха и обеспечение высокого уровня туристских услуг, которые принесут большую маржинальную прибыль и приведут к росту авторитета страны. В центре всей системы туристической индустрии должен стоять человек-отдыхающий, ради него должно быть изменено сознание всех субъектов организованного отдыха.

3. В сочетании экономических стимулов и целенаправленной воспитательной и информационно-разъяснительной работы с молодежью и другими категориями граждан, возможно изменить состояние роста динамики внутреннего туризма. Либеральная парадигма, утверждающая, что рука рынка все отрегулирует, во внутреннем туризме не приемлема. Необходимы новые подходы и принципы, основанные на строительстве социального государства с заботой о детях. В национальном проекте отмечается: «Главная наша цель – обеспечить возможность качественного и доступного отдыха в России для всех граждан. И, прежде всего, для семей с детьми. В горизонте 10 лет каждый ребенок будет иметь возможность два раза в год путешествовать по России» [7].

4. Внутренний туризм выступит альтернативным, если его болевые точки будут устраняться комплексными решениями, основываясь на лучших западных технологиях создания сервиса. Если будет приемлемый «ценник» для туристов, что будет экономически создавать мультипликационный эффект региональным экономикам и экономике страны в целом. Внутренний и въездной туризм, заработав

на полную мощь, изменит не только российского туриста, но и зарубежного, изменяя его сознание и культуру.

5. В реализации радикального изменения модели функционирования внутреннего туризма возникает проблема инновационности в деятельности туроператоров, туристических агентств, экскурсионных бюро и всех туристических предприятий. Только через генерацию создания инновационных туристических продуктов, отвечающих требованиям туристов и совершенствованию бизнеса, видится экономический эффективный рост.

Список литературы

1. *Гейн М.* Исполнительный директор АТОР Ломидзе: турпоток в регионы России увеличиться на 20 процентов. – URL: https://lenta.ru/news/2021/10/07/record/ (дата обращения 10.10.2021).
2. Результаты ежегодного рейтинга инвестирования привлекательности Топ 100 российских здравниц. – URL: https://aotrf.ru/ (дата обращения 17.10. 2021).
3. В России объяснили резкий рост цен на отдых в Сочи: Россия: Путешествия. – URL: https://lenta.ru/news/2021/04/15/sochi (дата обращения 18.10.2021).
4. Эксперты оценили сокращения числа турагенств и туроператоров в пандемию. – URL: https://tass-ru.turbopaqes.orq (дата обращения 19.10.2021).
5. АТОР: кураторам РФ больше всего не хватает гостиниц в сегменте 4-5 звезд 18.02.21 – URL: https://realty.ria.ru/20210218/kurorty-1598018672.html (дата обращения 17.10.2021).
6. Путин назвал число посетивших Турцию с начала года россиян. – URL: https://n4k-ru turbopages.org 30 сентября 2021 года (дата обращения 19.10.2021).
7. В Москве состоялась презентация национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства». – URL: https://turism.qov.ru (дата обращения 03.10.2021).

References

1. *Geyn M.* Ispolnitel'nyy direktor ATOR Lomidze: turpotok v regiony Rossii uvelichit'sya na 20 protsentov. – URL: https://lenta.ru/news/2021/10/07/record/ (data obrashcheniya 10.10.2021).
2. Rezul'taty yezhegodnogo reytinga investirovaniya privlekatel'nosti Top 100 rossiyskikh zdravnits. – URL: https://aotrf.ru/ (data obrashcheniya 17.10.2021).
3. V Rossii ob"yasnili rezkiy rost tsen na otdykh v Sochi: Rossiya: Puteshestviya. – URL: https://lenta.ru/news/2021/04/15/sochi (data obrashcheniya 18.10.2021).
4. Eksperty otsenili sokrashcheniya chisla turagenstv i turoperatorov v pandemiyu. – URL: https://tass-ru.turbopaqes.orq (data obrashcheniya 19.10.2021).
5. ATOR: kuratoram RF bol'she vsego ne khvatayet gostinits v segmente 4-5 zvezd 18.02.21 – URL: https://realty.ria.ru/20210218/kurorty-1598018672.html (data obrashcheniya 17.10.2021).
6. Putin nazval chislo posetivshikh Turtsiyu s nachala goda rossiyan. – URL: https://n4k-ru turbopages.org 30 sentyabrya 2021 goda (data obrashcheniya 19.10.2021).
7. V Moskve sostoyalas' prezentatsiya natsional'nogo proyekta «Turizm i industriya gostepriimstva». – URL: https://turism.qov.ru (data obrashcheniya 03.10.2021).

УДК 338.48

DOI 10.47629/2074-9201_2021_4_122_126

Левченко Константин Константинович,
кандидат экономических наук, заместитель Специального представителя МИД России, город Сочи,
lekonst@mail.ru

ВЛИЯНИЕ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ НА РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ТУРИЗМА

Аннотация. *Отражено влияние технологических трансформаций на развитие международного туризма, который находится в настоящее время в условиях глубокого кризиса, связанного с пандемией и появлением новых штаммов COVID-19. В этой связи резко возрастает роль технологических трансформаций, которые являются главным инструментом и трендом развития мирового туристского пространства, позволяющим осуществлять взаимодействие в сфере туризма в различных странах, особенно при переходе в цифровой формат. В статье автором представлена сущностная характеристика дефиниции «технологическая трансформация», сформирован алгоритм технологических трансформаций исходя из периодов развития, а также показано ее влияние на развитие международного туризма.*
Ключевые слова: международный туризм, технологическая трансформация, новые технологии, цифровое пространство, информационные технологии, виды трансформаций.

Konstantin K. Levchenko,
Ph.D. of Economic Sciences, Deputy Special Representative of the Russian Foreign Ministry, Sochi,
lekonst@mail.ru

IMPACT OF TECHNOLOGICAL TRANSFORMATION ON THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL TOURISM

Abstract. *The article reflects the impact of technological transformations on the development of International Tourism, which is currently in a deep crisis associated with the pandemic and the emergence of new strains of COVID-19. In this regard, the role of technological transformations, which are the main tool and trend for the development of the world tourism space, is sharply increasing, allowing interaction in the field of tourism in different countries, especially when switching to digital format. The article presents the essential characteristic of the definition of "technological transformation," the algorithm of technological transformations is formed based on periods of development, and its impact on the development of international tourism is also shown.*
Keywords: international tourism, technological transformation, new technologies, digital space, information technologies, types of transformations.

Индустрия туризма, включая и ее важнейший сектор – международный туризм, входит в число наиболее пострадавших от коронавирусных ограничений секторов экономики. Зарубежные турпоездки сократились на 77,5 %, тогда как поездки по России – на 39 %. В этой связи важнейшее значение отводится технологическим трансформациям, которые являются одним из трендов развития мирового туристского пространства, позволяющим осуществлять взаимодействия в сфере туризма в различных странах, особенно в условиях цифровизации.

Для понимания влияния технологической трансформации на развитие международного туризма, прежде всего, раскроем сущность понятия технологической трансформации.

Вопросы технологической трансформации являются объектом исследования с начала XIX века, хотя гноссиалогические корни познания уходят и в более ранние периоды. При исследовании технологической трансформации была использована теория цикличности экономического развития, методологические основы которой изложены в научном наследии Н. Кондратьева, J. Kitchin, J. Schumpeter, И. Дьяконова [9].

По определению Ю.И. Яковца, технологическая трансформация представляет собой последовательный процесс замены друг друга различных поколений техники, технологий, управленческих и организационных методов. По схеме С.С. Кузнеца технологическая трансформация проходит в несколько этапов [3]:

• медленная трансформация структуры региональной экономики, характеризующаяся ростом новых последующих технологических процессов, основанных на ресурсах предшествующих, и доминированием инвестиций в производство;

• трансформация технологий с уже сформировавшимся ядром нового наступившего технологического процесса, характеризующегося доминированием инвестиций в сферу услуг;

• трансформация в сторону снижения эффективности новых технологий в силу насыщения спроса на товары и услуги, сопровождающееся оттоком свободных капиталов на финансовый рынок, ростом цен и дальнейшим снижением эффективности производства;

• начало нового витка технологического развития отраслей и сфер экономики.

Согласно подходу российского ученого С.Ю. Глазьева, технологическая структура – «целостное и устойчивое образование, в рамках которого осуществляется замкнутый цикл, начиная с добычи и производства первичных ресурсов и заканчивая выпуском набора конечных продуктов, подходящих для типа общественного потребления. Совокупность базовых агрегатов технологически связанных производств составляет ядро технологической структуры. Технологические инновации, определяющие формирование ядра технологической структуры, называют ключевым фактором» [4].

Украинский исследователь В. Василенко представил эволюцию технологических укладов до 2060 года в виде семи эпох или периодов (Таблица 1) [1].

Таблица отражает содержание каждой эпохи технологических трансформаций: новые технологии, ставшие драйвером нового технологического уклада.

По мнению K. Perez, технико-экономическая парадигма представляет собой сферу производственно-экономических связей, которой присущи такие явления как, технологии, распределение доходов, способы организации и управления. При этом ключевые факторы, определенные K. Perez, имеют то же значение, что и у С.Ю. Глазьева [4].

Общая закономерность смены эпох технологических трансформаций прослеживается в том, что в каждом цикле экономического развития наступает фаза «истощения» внутренних источников прибыли и экономика «впадает» в депрессивное состояние, порождая снижение уровня спроса, спад производства и рост безработицы. В этих условиях снижается производительность труда, падает эффективность деятельности в любой отрасли экономики.

Основными предпосылками, обусловливающими современный переход к очередному периоду технологической трансформации, являются следующие:

• ускорение роста и выравнивания уровней технологического обновления во всем мире. Глобализация, открывшая национальные и международные туристские рынки, ускорила перелив инноваций между странами с разным уровнем технологического развития;

• острая необходимость поиска альтернативных источников энергии из-за истощения их природных запасов и быстрого роста объемов потребитель-

Таблица 1

Алгоритм технологической трансформации

№	Периоды технологических трансформаций	Начало эпохи	Знаковые события
1	Период первой промышленной революции	1772	Строительство текстильной фабрики в Кромфорде
2	Эпоха пара	1825	Создание паровоз («Локомоушин № 1»), строительство железной дороги
3	Период второй промышленной революции	1875	Изобретение бессемерского процесса создание на базе конвертера Бессемера завода ETSW в Питсбурге
4	Период нефти	1908	Внедрение на предприятиях G. Ford ленточного конвейера
5	Период третьей промышленной революции – эпоха компьютеров и телекоммуникаций	1971	Развитие электроники, становление «Кремниевой долины», создание первого микропроцессора (Intel)
6	Период четвертой промышленной революции – эпоха цифровизации	2011	Ключевые технологии больших данных; интернет вещей; дополненной реальности; 3D-печать; печатной электроники; блокчейн.
7	Период метакогнитивных технологий,	2060	Искусственный интеллект

ского спроса населения и быстрого изменения его потребительских предпочтений;

• конкуренция знаний, быстрое обновление правил и непредсказуемость перспектив;

• необходимость повышения производительности труда из-за роста численности населения Земли, ускорения процесса его старения и соответствующего снижения доли трудоспособного населения;

• сокращение инвестиций в реальный сектор экономики из-за растущего оттока финансовых инвестиций на спекулятивный рынок;

• развитие информационных социальных сетей, позволяющих объединять социумы для решения противоречий в обществе;

• рост доли экономически активного населения с высоким уровнем образования и самосознания, требующей адекватного отношения со стороны государства и собственников капитала.

Таковы, на наш взгляд, основные предпосылки для создания новых технологий не только в производственной, но и в социальной сфере, включая важнейшую составляющую – сферу туризма. Однако, более глубокое исследование роли информационных технологий в технологической трансформации в экономических системах показало, что термин «информационные технологии» впервые появился в статье H.J. Leavitt и T.L. Whistler в журнале «Harvard Business Review» (1958 год), согласно которой в случае отсутствия единого установленного имени у новой технологии еще нет, она называлась ИТ. При этом определение данного термина состояло из трех категорий:

• применение методов обработки;

• применение для принятия решений статистических и математических методов;

• использование компьютерных программ для моделирования мышления более высокого порядка [8].

Вместе с появлением и развитием первых информационных систем (далее – ИС) с 1960-х годов начали активно развиваться ИТ. Например, в 1956 году в качестве компонента компьютерной системы 305 RAMAC компания IBM выпустила первый жёсткий диск.

Что касается страновой структуры технологической трансформации, то странами-лидерами в течение нескольких веков остаются западные государства. Причем в периоде 1770-1880 годов европейские страны сохраняют лидерство. Технологический прорыв в конце XIX – начале XX века совершают США и Германия, сохраняя монопольное положение до середины XX века. С середины прошлого века неизменным лидером остаются США. Этому способствовали благоприятные экономические условия для динамичного роста американской экономики, обеспечивавшей европейские страны военной и гражданской продукцией, а также в послевоенный период, когда разрушенные европейские страны могли восстановиться лишь за счет кредитов и товаров из США. Накопленный капитал позволяет этой стране выделять огромные средства, чтобы финансировать науку и образование. Здесь уместно отметить и такое условие у США, как возможность «скупать и эффективно использовать мозги» из других стран мира. Очевидно, в этой стране есть преимущества в организации науки в сфере туризма, помимо материальных, привлекательна и среда путешествий. Однако, следует отметить что в XXI веке продвинулись в технологическом прогрессе и азиатские страны.

Из Таблицы 2 видно, как расширился круг технологически наиболее развитых стран мира. Глобализация расширила возможности использования идей и проецирования новых социально-экономических отношений утвердившихся в технологически развитых странах на остальной мир. Лидерами в продвижении новых технологий являются страны с высоким научно-технологическим потенциалом, накопленным за счет новых идей, генератором которых является человек.

В последней четверти прошлого века в ряды лидеров технологического прогресса встраиваются скандинавские страны, Индия, Китай, Южная Корея. Большую роль в технологическом прорыве этих стран сыграли новые технологии в различных сферах, разработка цифровых и облачных платформ, которые, размещаясь в этих странах, создавали рабочие места для местного населения, привлекали квалифицированных работников из других стран. Профессионально-квалификационная структура трудового населения резко возросла, что способствовало росту

Таблица 2

Страны-лидеры в продвижении новых технологий [5]

№	Период	Страны -лидеры
1	1770-1830	Голландия, Великобритания, Франция, Бельгия
2	1830 – 1880	Голландия, Великобритания, Франция, Бельгия
3	1880 -1930	США и Германия, Голландия, Великобритания, Франция, Бельгия
4	1930 -1980	США и Германия, Канада, СССР, Япония, Австралия, Франция
5	1980 – по настоящее время	США, ЕС, Япония, скандинавские страны, Сингапур, Китай, Корея, Индия

конкуренции в жизненно важных сферах экономического развития.

Процесс практически любой технологической трансформации завершается переходом на новую качественную ступень экономического развития, которая, как правило, начинается с развитых стран (см. Рисунок 1).

В ходе глобальной экономической трансформации изменялись структура и масштабы всех рынков: рынка товаров, капитала и труда. Для современного этапа экономической трансформации характерно развитие под воздействием факторов научно-технологического содержания, которые, в первую очередь, влияют на содержание, структуру и масштабы рынка технологических изменений.

Следует отметить, что в XX-XXI вв. именно военно-промышленный комплекс дал толчок развитию новых технологий, стремительному росту вычислительной системы, которая удваивается каждые два года, а её стоимость снижается на 75 % каждые 3 года. Конверсия военных технологий дала импульс для развития и ускоренного распространения других технологий – это мобильный интернет и облачные технологии, рост вычислительной мощности и «большие данные», новые технологии и источники получения энергии, интернет вещей, экономика совместного пользования и краудсорсинг, робототехника и автономный транспорт, искусственный интеллект, Индустрия 4.0 и 3D-печать [6].

Ускоренное развитие технологических трансформаций государством способно обеспечить «цифровой скачок» в стране [7].

Опыт Сингапура представляется наиболее ярким примером подхода цифровой приватизации. В 2014 году государство инициировало разработку концепции «Smart Nation» с приглашением бизнеса и экспертного сообщества к сотрудничеству с целью её уточнения и дальнейшей реализации [8]. Например, государство Южной Кореи способствовало тому, чтобы опорные компании начали самостоятельно инвестировать в прорывные цифровые технологии. Так, «SK Telecom» – один из крупнейших телеком-операторов страны намерен инвестировать свыше 4 млрд долл. США в технологии AI и «интернета вещей», для чего им планируется налаживание партнерств для развития новых технологий и привлечение местных стартапов с целью разработки точечных решений [10].

Таким образом, технологическая трансформация представляет собой последовательный процесс замены различных поколений техники, технологий, управленческих и организационных методов ведения бизнеса в любой отрасли и сферах деятельности.

Основой трансформации являются информация, научные знания и технологии. Она происходит в несколько этапов, способствуя становлению и развитию новых технологических укладов.

Прогнозируется, что с 2060 года наступит эпоха метакогнитивных технологий, начало которой связано с информационной революцией и искусственным интеллектом. Проявляются предпосылки этой эпохи. Глобальная технологическая трансформация оказывает влияние не только на рынки товаров и услуг в индустрии туризма, но и на мировые туристские рынки в целом. Так, информатизация общества, основанная на внедрении цифровых трансформаций, способствовала изменению характера и содержания отношений в сфере международного туризма. В последнее годы наблюдается рост занятости, связанной с обработкой информации, появляются новые профессии, например специалист, который создает для туристов «информационные ландшафты» с учетом особенностей туристской дестинации, ожиданий туристов и популярных на текущий момент направлений в индустрии гостеприимства или каучсерферы (от англ. CouchSurfing одна из крупнейших сетей гостеприимства, существующей в виде он-лайн службы). Также осуществляется роботизированная автоматизация процессов в гостиничном бизнесе, внедряются технологии искусственного интеллекта, что способствует повышению производительности работников. Обновляемые способы и структура производства (3D-печать, блокчейн), развитие цифровой

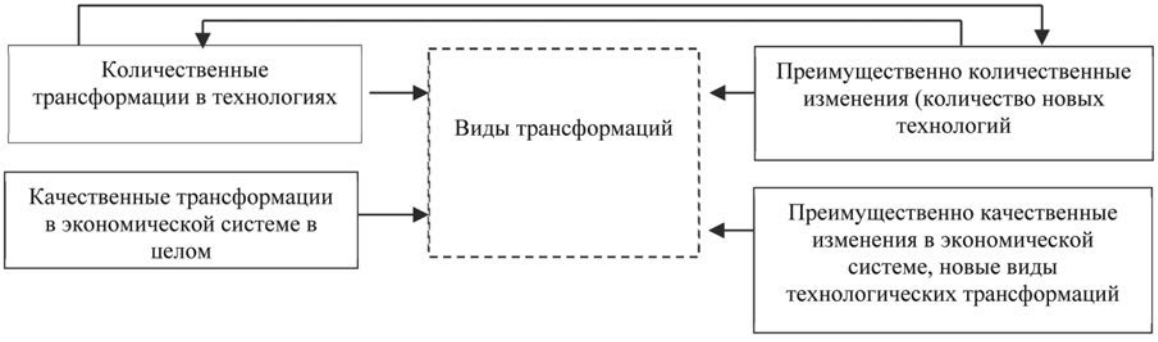

Рисунок 1. Виды трансформаций

экономики и экономики совместного потребления влияют и на новые требования к образованию специалистов, занятых в туристской деятельности. При этом одной из проблем туристского рынка в области распространения ИТ становится нехватка кадров высокой квалификации и компетенции.

Эти радикальные технологические трансформации характеризуются короткими сроками и ускоренными темпами, поскольку на сегодняшний день темпы изменений постоянно нарастают. Обозначенные выше изменения оказывают долгосрочные экономические и социальные воздействия. С развитием общества и новых технологий будет существенно и стремительно изменяться структура и форма туристского рынка, особенно международного уровня. И важную роль в этих процессах играет государство, которое берет на себя роль инвестора, которые определяет ключевые, приоритетные и наиболее перспективные направления финансирования, в том числе в сферу внутреннего и внешнего туризма.

Список литературы

1. *Василенко В.* Технологические расклады в контексте стремления экономических систем к идеальности // Социально-экономические проблемы и государство. – 2013. – Издание 8, № 1. – P. 65-70.
2. Сила стартапа. Инвесторы в поисках новых «единорогов» // https://www.kommersant.ru/doc/3883850. 27.09.2021.
3. *Гасанов М.А.* Влияние технологических изменений на структурные преобразования мировой и российской экономики // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 323. – С. 239-244.
4. *Глазьев С.Ю.* Современная теория длинных волн в развитии экономики // Экономическая наука современной России. – 2012. – № 2 (57). – С. 8-27.
5. *Озимек А.* Фрилансинг и экономика в 2021 году // https://www.upwork.com/press/economics/freelancing-and-the-economy-in-2021/. 29.09.2021.
6. Доклад ЮНВТО: Международный и внутренний туризм в 2021 году.
7. *Паршин В.Я., Паршина М.В.* Цифровые технологии как инструмент, влияющий на потребительский выбор в поле туризма // Образование и наука в России и за рубежом. 2019. -№ 2(50). – С. 495-500.
8. *Garden E.S.* Цифровая экономика и новая рыночная парадигма // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62, № 12. – С. 35-45.
9. *Филатов И.В.* Теоретическое наследие С. Кузнца и проблемы модернизации постсоциалистических стран в книге.: Социально-экономические преобразования в России / Под. ред. Киселева Е.А. – М.: МОНФ, 2001. – С. 77-98.
10. Цифровизация экономики: мировой опыт // https://aqparat.info/news/2018/02/24/8750773-cifrovizaciya_ekonomiki_mirovoi_opyt_i_p.html. 27.08.2021.

References

1. *Vasilenko V.* Technological layouts in the context of the desire of economic systems for ideality // Socio-economic problems and the state. – 2013. – Vol. 8, № 1. – R. 65-70.
2. The power of a startup. Investors in search of new “unicorns” // https://www.kommersant.ru/doc/3883850. 27.09.2021.
3. *Hasanov M.A.* The impact of technological changes on the structural transformations of the world and Russian economy // Bulletin of Tomsk State University. – 2009. – № 323. – C. 239-244.
4. *Glazyev S.Yu.* Modern theory of long waves in the development of economics//Economic science of modern Russia. – 2012. – № 2 (57). – S. 8-27.
5. *Ozimek A.* Freelancing and the Economy in 2021 // https://www.upwork.com/press/economics/freelancing-and-the-economy-in-2021/. 29.09.2021.
6. UNWTO Report: International and Domestic Tourism in 2021.
7. *Parshin V.Ya., Parshina M.V.* Digital technologies as a tool that affects consumer choice in the field of tourism// Education and science in Russia and abroad. 2019. -№2(50). – S. 495-500.
8. *Garden E.S.* Digital economy and the new market paradigm // World economy and international relations. – 2018. – T. 62, № 12. – C. 35-45
9. *Filatov I.V.* The theoretical heritage of S. Kuznets and the problems of modernization of post-socialist countries in the book.: Socio-economic transformation in Russia/Under. ed. Kiseleva E.A. – M.: MONF, 2001. – S. 77-98.
10. Digitalization of the economy: world experience// https://aqparat.info/news/2018/02/24/8750773-cifrovizaciya_ekonomiki_mirovoi_opyt_i_p.html. 27.08.2021.

УДК 330.33

DOI 10.47629/2074-9201_2021_4_127_130

Лунева Елена Андреевна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры Экономики и финансового права,
Институт деловой карьеры, Москва,
eavalue2008@mail.ru

НЕГАРМОНИЧЕСКИЕ КОЛЕБАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СО СВОЙСТВОМ ГОМЕОСТАЗА

Аннотация. *Рассматриваются особенности колебаний экономических систем как результата внешнего воздействия. Экономические системы характеризуются свойством гомеостатичности, обуславливающим их стремление к сбалансированности. Каждый элемент макроэкономической системы имеет свойство стремления сохранить своё первоначальное состояние. Изменение элементов в одном направлении вызовет их изменение в противоположном направлении, но с меньшей силой из-за эффекта энтропии и поглощения части энергии, связанной с изменением направления. В итоге делается вывод о необходимости расширения методики оценки влияния воздействия негармонических колебаний экономической системы со свойством гомеостаза.*

Ключевые слова: экономическая система, негармонические колебания, экономический гомеостаз, стохастические факторы, резонанс системы.

Elena A. Luneva,
Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Economics and Financial Law,
Institute of Business Career, Moscow,
eavalue2008@mail.ru

INHARMONIC FLUCTUATIONS OF THE ECONOMIC SYSTEM WITH THE PROPERTY OF HOMEOSTASIS

Abstract. *The article examines the features of fluctuations in economic systems as a result of external influences. Economic systems are characterized by the property of homeostaticity, which determines their striving for balance. Each element of the macroeconomic system tends to preserve its original state. Changing elements in one direction will cause them to change in the opposite direction, but with less force due to the effect of entropy and absorption of part of the energy associated with a change in direction. As a result, it is concluded that it is necessary to expand the methodology for assessing the effect of the impact of non-harmonic oscillations of the economic system with its own homeostasis.*

Keywords: economic system, inharmonic fluctuations, economic homeostasis, stochastic factors, system resonance.

Согласно устоявшейся трактовке Л. Берталанфи системой является совокупность элементов, находящихся в определенных взаимосвязях между собой и внешней средой [2, с.24]. Экономическая система характеризуется, соответственно экономическим же характером отношений между элементами. В зависимости от территориальных границ регионов или стран говорят о региональных или национальных экономических системах, используя словосочетания «региональная экономика», «национальная экономика» или «макроэкономика», «мировая экономика». Все эти виды систем характеризуются воспроизводственным, то есть повторяющимся, а также волнообразным характером ряда протекающих процессов и явлений – экономическими циклами.

В экономической теории принято отображать экономический цикл в виде части синусоиды, разделённой на фазы подъёма (оживления) и спада, точку максимума называю пиком (бумом), а минимума – депрессией (дном).

При построении цикла по статистическим данным, очевидно, что колебания не повторяют в точности одно другое и различаются по продолжительности и высоте подъёма. Стараясь увидеть цикл, можно различить черты правильности и некоторого однообразия, но более менее строгую закономерность, скорее всего, обнаружить не удастся. В качестве примера рассмотрим поквартальную динамику экономического роста, выраженную значениями ВВП с 2000 по второй квартал 2021 года в млрд долл. США (см. Рисунок 1).

Далее, следуя логике Е.Е. Слуцкого [4, с.102], преобразуем ряд данных простым скользящим суммированием по два (а), по три (б), повторному суммированию по три (в) и повторному суммированию трёх по три (г) при нахождении средних (Рисунок 2).

Как видно из рисунков, чем по большему количеству членов производилось простое скользящее суммирование, тем ближе полученная фигура к кривой Гаусса. Это объясняется ростом коррелированности смежных данных, поскольку они имеют общее количество членов.

Е.Е. Слуцкий приходит к выводу, что «сложение случайных причин может быть источником циклических, иначе говоря, волнообразных процессов» [4, с.106]. Практически любая кривая может быть представлена как сумма синусоид, при условии достаточно большого количества членов разложения. Таким образом, колебания экономики можно представить в виде циклов, но они не будут гармоническими, что делает их относительно сложно предсказуемыми.

Анализируя динамику последних лет, такие факторы как режим Covid-19 или продуктовое эмбарго

Рисунок 1. Поквартальные данные объёма ВВП России с первого квартала 2000 года по второй квартал 2021 года, млрд долл. США [Построено по данным Росстат]

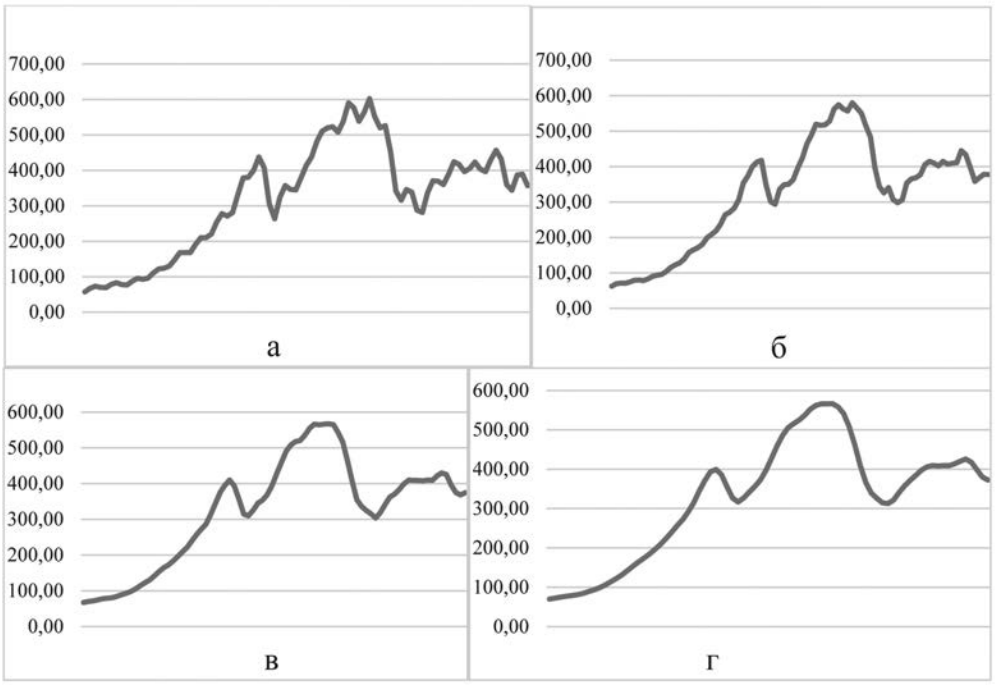

Рисунок 2. Преобразование ряда поквартальных данных ВВП простым скользящим суммированием при нахождении средних

нельзя отнести к ожидаемым или вызванным предыдущими тенденциями. Ряд факторов, влияющих на ВВП являются хаотичными, но при этом коррелированными с другими хаотичными воздействиями [2, с. 491].

Интерес представляет собой свойство системы к самосохранению, гомеостатичности. Словосочетание «экономический гомеостаз» означает устойчивое функционирование экономической системы в условиях воздействия внешней среды [3, с.522]. Экономический гомеостаз связан и в некотором понимании синонимичен устойчивости системы, способностью возвращаться в первоначальное состояние в результате внешнего воздействия. Экономические системы реагируют на внешнее воздействие качественными изменениями, затрагивающими в определённой степени все элементы. Благодаря нацеленности на сбалансированность и внутреннего сложившегося механизма взаимодействующих элементов, обеспечивается сохранность первоначальной организации. В результате резкое изменение системы приводит к колебаниям самой системы в противоположном (обратном) направлении, в результате чего система смещается в противоположную сторону, но в меньшей степени, чем первоначальное воздействие. После этого резкое изменение элементов снова приводит к изменениям системы в сторону первоначального внешнего воздействия, но с ещё меньшей силой, и так затухающими колебаниями система достигает нового временного равновесия в случае отсутствия в этот период новых внешних воздействий.

Это можно представить следующим образом. Пусть А – экономическая система, находящаяся в условно равновесном состоянии, представленная совокупностью элементов a1, a2, a3,...an, где каждый из элементов связан некоторой зависимостью со всеми другими элементами, определяющими целостность самой системы.

Предположим, что на экономическую систему (отдельный элемент или элементы макроэкономической системы) было оказано внешнее воздействие (например, посредством государственного целенаправленного воздействия) силы F, в результате, через взаимовлияние элементов системы, они меняются и система А становится качественно новой системой А'. Но равновесие не наступает, так как в силу инерции и заложенному свойству стремления к сбалансированности (диктуемому необходимостью выживаемости самой системы), элементы меняют направление движения (изменений) и на новую систему А' действует противоположная сила первоначальному воздействию -F, однако сила воздействия меньше, чем первоначальная, то есть $|F| > |-F|$. Далее, система снова пытается выровняться и изменения элементов приводят к новым изменениям, но в противоположную сторону (направление первоначального воздействия). В результате экономическая система будет характеризоваться затухающими колебаниями пока не достигнет нового равновесного состояния. Таким образом, результат воздействия, если он не увеличен уже имеющимися колебаниями, всегда будет меньше математически рассчитанного эффекта без учёта экономической гомеостатичности.

В случае, если способность системы к самосохранению не справляется с силой внешнего воздействия – она (система) разрушается: связи с элементами нарушаются и начинают образовываться новые связи, при этом могут появляться и новые элементы (с которыми устанавливаются связи), а с частью элементов, с которыми ранее была связь, то есть которые входили в систему, она не возобновляется. Подобное переформирование произошло с российской экономической системой начала 1990-х годов. Некоторые элементы и связи с ними стали навсегда утрачены, появились новые элементы, связи между которыми отражают рыночную форму отношений, а также сохранились и общие элементы с предыдущей системой.

Сами колебания могут быть классифицированы по ряду признаков. Вариант представлен в Таблице 1.

В отношении экономических систем преобладают смешанные колебания: внешние воздействия наслаиваются на другие, которые могут как усиливать, так и ослаблять их, в свою очередь, усиленные или ослабленные предыдущими волнами. Поэтому сложность выявления отзыва на конкретное воздействие связано с тем, что колебания наслаиваются друг на друга, а также трудно учитывать волнения системы, не связанное с шоками стохастических факторов, а детерминированные её внутренним строением. В отношении выбора инструмента целенаправленного воздействия (в рамках государственной политики) особый интерес представляет методика определения наибольшего резонанса.

Кейнсианская теория мультипликатора основана на результатах отклика системы, порождающего множественное стимулирование экономического роста. Можно предположить, что резонанс национальной экономики США начала 30-х годов прошлого столетия был гораздо сильнее, чем резонанс середины 1980-х, что обусловило в первом случае успех, а во втором – провал кейнсианской методики стимулирования экономики.

Таким образом, можно прийти к выводу, что именно резонанс как отклик системы на внешнее воздействие определяет успешность применяемых мер с учётом верно заданного курса. В экономической статистике одним из активно применяемых методов является расчёт корреляции и построение регрессионных моделей. Однако, достоверность полученных результатов осложняется коррелированностью стохастических данных между собой, сложностью выяв-

Таблица 1

Виды колебаний экономических систем

Критерий	Виды колебаний системы
Время затухания	короткие (до месяцев) средние (от 3 месяцев до года) годовые десятилетние вековые
Частотность	мелкочастотные (до десяти ощутимых колебаний) среднечастотные (10-60 ощутимых колебаний) высокочастотные (60-200 ощутимых колебаний) ультрачастотные (свыше 200 ощутимых колебаний)
Источник колебаний	целевое внешнее воздействие стохастическое внешнее воздействие
Наслоение на предыдущие колебания	чистые (наступившие в период динамического равновесия системы) смешанные (наступившие в период, когда предыдущие ощутимые колебания не затухли и произошло наслоение)

ления уже существующих колебаний. Это ставит научную задачу методической разработки оценки влияния воздействия негармонических колебаний экономической системы со свойством гомеостаза.

Список литературы

1. *Берталанфи Л.* Общая теория систем: критический обзор. В сборнике переводов «Исследования по общей теории систем». М.: – «Прогресс», 1969. –520 с.
2. *Лунева Е.А.* К вопросу регулирования отраслевых диспропорций в национальной экономике / Е.А. Лунева // Экономика и предпринимательство. – 2015. – №8 (ч.2). – С.491-494.
3. *Семененко А.И., Сергеев В.И.* Логистика. Издательство «Союз», 2003. —544 с.
4. *Слуцкий Е.Е.* Избранные труды. Издательство Академии наук СССР, М., 1960. – 292с.
5. Федеральная служба государственной статистики: национальные счета. https://rosstat.gov.ru/accounts

References

1. *Bertalanfi L.* Soviet Theory of Systems: Critical Review. In the collection of translations «Studies on the general theory of systems». M.: – «Progress», 1969. -520 p.
2. *Luneva E.A.* On the issue of regulating industry imbalances in the national economy / E.A. Luneva // Economy and Entrepreneurship. – 2015. – №8 (Part 2). – p.491-494.
3. *Semenhenko A.I., Sergeev V.I.* Logistics. Publishing House «Union», 2003. -544 p.
4. *Slutsky E.E.* Selected Works. Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, M., 1960. – 292c.
5. Federal State Statistics Service: National Accounts. https://rosstat.gov.ru/accounts.

УДК 339.138

DOI 10.47629/2074-9201_2021_4_131_137

Подкопаев Олег Александрович,
кандидат экономических наук, доцент кафедры Экономики и управления социально-культурной деятельностью, Самарский государственный институт культуры, город Самара,
samin-conf@list.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ МАРКЕТИНГОВЫМИ КОММУНИКАЦИЯМИ В УЧРЕЖДЕНИЯХ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. *Рассматриваются вопросы организации и управления маркетинговыми коммуникациями в учреждениях культуры. Данный вопрос исследуется с позиции теории, методологии, практики. Под управлением маркетинговыми коммуникациями в учреждениях культуры понимается функциональная деятельность организации по целенаправленному формированию устойчивости компании во внешней среде в условиях актуальных вызовов отечественной и мировой экономики, стоящих перед организацией социально-культурной сферы, посредством применения информационно-коммуникационных технологий, методов, инструментов, элементов, а также современных технологий продвижения культурных благ и услуг.*

Ключевые слова: маркетинговые коммуникации, маркетинг, учреждения культуры, социально-культурная сферы.

Oleg A. Podkopaev,
Ph.D. in Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Economics and Management of Socio-Cultural Activities, Samara state institute of culture, Samara,
samin-conf@list.ru

ORGANIZATION AND MANAGEMENT OF MARKETING COMMUNICATIONS IN CULTURAL INSTITUTIONS

Abstract. *The article deals with the organization and management of marketing communications in cultural institutions. This issue is investigated from the standpoint of theory, methodology, and practice. The management of marketing communications in cultural institutions is understood as the functional activity of the organization for the purposeful formation of the company's sustainability in the external environment in the context of the current challenges of the domestic and world economy facing the organization of the socio-cultural sphere, through the use of information and communication technologies, methods, tools, elements, as well as modern technologies for the promotion of cultural goods and services.*

Keywords: marketing communications, marketing, cultural institutions, socio-cultural spheres.

Под коммуникационной политикой организации понимается система разработанных мероприятий, направленных на прогнозирование и реализацию взаимодействия компании с внешней средой и всеми участниками маркетинговых коммуникаций на основе принятого стратегического плана управления комплексом маркетинговых коммуникаций с целью извлечения дохода и повышения имиджа организации.

Детерминантой политики в сфере коммуникаций выступает процесс формирования общественного мнения. Составные элементы и технологии комплекса маркетинговых коммуникаций компании содействуют, как привлечению новых реципиентов культурных благ и услуг, удержанию существующих потребителей социокультурных продуктов, так и формированию положительного отношения к учреждению культуры и его услугам.

К основным факторам эффективных маркетинговых коммуникаций относятся: соблюдение комплиментарности и преемственности между постановкой целей и процессом планирования; выработка научно-обоснованных управленческих решений в вопросах планирования коммуникационных каналов передачи информации реципиентам; применение организационно-управленческих механизмов взаимоотношений на основе обратной связи [1]. Производитель культурных благ и услуг как рекламодатель должен четко представлять свою целевую аудиторию, а также виды и типы ее откликов. Маркетинговые коммуникационные мероприятия будут иметь успех при условии выполнения всех запланированных целей: перманент-

ное повышение узнаваемости бренда и формирование позитивного имиджа организации; завоевание лояльности и позитивного отношения реципиентов культурных благ и социокультурных услуг; рост информационной открытости организации для целевой аудитории и потребителей услуг в сфере культуры.

Все каналы коммуникации можно разделить на три блока. «Digital» – реклама в сети и СМИ, «outdoor» – наружная реклама, «indoor» – внутренняя реклама. Самое простое – описать аудиторию по социально-демографическим признакам: пол, возраст, образование, доход, семейное положение. С такими данными легко работать, но характеристики групп людей на их основе будут поверхностными. Реалии таковы, что эти показатели уже не влияют на то, что и как выбирает человек. Чтобы отчетливее видеть свою аудиторию, изучите интересы людей: как и где они проводят свободное время, какие у них ценности, какое направление в искусстве любят, какой имеют кругозор и даже на кого подписаны в соцсетях. Для каждого сегмента аудитории нужно найти свой канал коммуникации. Например, сообщение для старшего поколения лучше размещать в «Одноклассники», на радиостанциях типа «Эхо Москвы», в утренних телепередачах, в печатных журналах и ежедневных газетах. Для школьников подойдут «TikTok», детские журналы и передачи. Большая часть пользователей «Фейсбук» и «Инстаграм» – активные люди 27-45 лет [2]. Они чаще всего слушают радио в утренние и вечерние часы, когда стоят в пробке. Учреждения социально-культурной сферы предлагают посетителям информационный продукт. Способы создавать, продвигать и представлять его аудитории быстро меняются. Дети и подростки привыкли к интерактивности, к движущейся картинке и уже с трудом воспринимают статичное изображение. Внимание привлекают видеоблоги, яркие визуальные эффекты, выразительные тексты.

Учреждению культуры можно провести анкетирование, сделав e-mail-рассылку. Несколько вопросов следует дать в виде теста с вариантами ответов. Например, «В выходные вы с большим интересом сходите: а) в кино; б) на выставку; в) в гости; г) останетесь дома»? В конце следует привести пару вопросов, на которые надо респондентам ответить развернуто. Например, «Вы приходите в музей, чтобы...» или «Почему вы приходите в музей?». Так руководство учреждения культуры сможет узнать, какая мотивация у их посетителей. Маркетологам учреждений культуры следует выходить в «поля», проводить интервью, общаться с посетителями, спрашивать – что им нравится, какие есть минусы, чего они ожидают от учреждения. Следует наладить коммуникации с общественностью любыми доступными способами. Только так маркетологи смогут отчетливее увидеть целевую аудиторию учреждения культуры.

Учреждения культуры, которые находятся на государственном обеспечении и исторически не привыкли бороться за посетителя, зачастую определяют суть маркетинга так: «Заставить людей хотеть то, что есть в учреждении». Такой подход вполне может сработать, если в учреждении, например музее, есть уникальная коллекция шедевров, и он является достопримечательностью города, как Музеи Кремля. Остальным приходится бороться и за свою аудиторию, и за дополнительные доходы. И без маркетинга здесь не обойтись. Другой вопрос, что не у всех учреждений культуры есть достаточное финансирование на то, чтобы открыть новые должности. Потому что отдел маркетинга – это как минимум несколько специалистов. Хотя успешный маркетинг делает имидж, а значит и кассу. То есть получается, что затраты на организацию отдела маркетинга многократно окупятся.

Затраты на оплату труда маркетингового специалиста – это уже некий бюджет. Чем более квалифицированный специалист, тем больше оплата его труда. Далеко не всегда количество потраченных денег свидетельствует об эффективности маркетинговых мероприятий [3]. Для успеха необходима выверенная стратегия и план действий. Учреждениям культуры целесообразно активно использовать информационное партнерство, которое дает возможность разместить рекламу без финансовых затрат. Продвижение в социальных сетях, рассылки – все это ресурсные инструменты, которые не требуют больших затрат. Следует также отметить, что партнерство учреждения культуры с крупным брендом позволит привлечь в учреждение культуры новых посетителей.

Есть много вопросов, на которые должен ответить маркетолог – как правильно позиционировать учреждение культуры и его социокультурные мероприятия, какие каналы коммуникации лучше выбрать? Если в учреждении культуры нет маркетолога, то институция работает вслепую, а резервы для развития могут быть огромны, но они скрыты. У руководителя отдела маркетинга обычно два вопроса. Первый: почему посетитель идет в учреждение культуры? И второй: почему не идет? Из первого вопроса маркетологи выявляют максимум полезных ресурсов и создают такие условия для посетителя, чтобы ему было комфортно, интересно, и чтобы захотелось вернуться вновь и привести друзей. Основная цель – увеличение дохода и посещаемости реципиентов культурных благ и услуг. Второй вопрос – это тема для конкретных действий: анализа и «перезагрузки» среды учреждения культуры в соответствии с запросами и ожиданиями посетителей. Маркетологам необходимо брать во внимание, как требования времени, так и запросы аудитории. Если их не учитывать, учреждение культуры перестанет быть интересным посетителям. Основной показатель успешной работы отдела

маркетинга – увеличение количества посетителей учреждения культуры. Рост подписчиков в социальных сетях также показывает, насколько людям интересна деятельность организации социально-культурной сферы. Это мотивирует маркетологов к постоянному самообразованию и улучшению качества публикуемых материалов.

При оценке эффективности работы отдела маркетинга следует ориентироваться на количественные и качественные показатели. Обязательно проводится анализ прибыльности и издержек, изучается размер среднего чека, показатели посещаемости, индекс цитируемости, положительные отзывы. Рост данных показателей говорит о том, что работа службы маркетинга проводится в правильном направлении.

В 2019 году был утвержден профессиональный стандарт для специалистов по интернет-маркетингу (приказ Минтруда от 19.02.2019 № 95н, зарегистрирован в Минюсте 16.05.2019). Так, согласно стандарту целью деятельности данных специалистов является повышение посещаемости веб-сайтов и частоты использования веб-сервисов среди целевой аудитории интернет-пользователей. В функции данных специалистов входит: проведение подготовительных работ для поискового продвижения и контекстно-медийного продвижения в интернете; проведение подготовительных работ для продвижения в социальных медиа; реализация стратегии поискового продвижения; проведение исследований в интернете; стратегическое планирование интернет-кампаний; управление персоналом в подразделении интернет-маркетинга. Стандартом устанавливаются требования к образованию и опыту работы, необходимые специалисту для выполнения этих функций. Во многом профессиональная эффективность маркетолога зависит от личных качеств. Главным качеством, которым должен обладать человек этой профессии, – умение работать с людьми. Нужно быть блестящим коммуникатором, гибким переговорщиком, иметь хорошую интуицию и креативное мышление.

Крупные федеральные учреждения в России обязательно имеют в своей структуре отдел развития и маркетинга. Но руководители домов культуры, музыкальных школ действуют в четких рамках правил, определенных государственным заданием и учредителем. Им также приходится исходить из тех обязательств, которые накладывает конкретная ситуация в городе или регионе. Каким может быть развитие в доме культуры, который формирует программу исходя из запроса посетителей? Или в музыкальной школе, которая работает по утвержденной программе? Например, 20 лет назад для школьника было «престижно» выучиться брать несколько аккордов на гитаре. Современная же музыка немыслима без работы с цифровыми технологиями, принципиально иного способа создания звука. Это можно использовать в работе музыкальной школы, чтобы привлечь молодых посетителей.

Под управлением маркетинговыми коммуникациями в социально-культурной сфере понимается функциональная деятельность организации по целенаправленному формированию устойчивости компании во внешней среде в условиях актуальных вызовов отечественной и мировой экономики, стоящих перед компанией, посредством применения информационно-коммуникационных технологий, методов, инструментов, элементов, а также современных технологий продвижения культурных благ и услуг.

К задачам управления маркетинговыми коммуникациями относится комплексная разработка и принятие управленческих решений по вопросам содержания коммуникаций, выбора функциональных стратегий и их экономическому обоснованию. К функциям управления маркетинговыми коммуникациями относятся: планирование; организация; контроль; учет и анализ; регулирование.

Планирование коммуникационной деятельности в социально-культурной сфере выступает императивной функцией управления, которая отвечает за вопросы разработки и реализации плана деятельности организации в области коммуникаций с внешней средой и реципиентами культурных благ и услуг [4]. На этапе разработки стратегии планирования менеджеры организации социально-культурной сферы разрабатывают программу маркетинговых коммуникаций, которая представляет собой совокупность мероприятий, осуществляемых согласно маркетинговому плану.

Контроль маркетинговых коммуникаций организации социокультурной сферы подразумевает проведение оценки их эффективности. К задачам анализа маркетинговых коммуникаций учреждений культуры относят: проведение оценки результативности влияния осуществленных маркетинговых коммуникаций на целевую аудиторию организации – реципиентов культурных благ и услуг; определение соответствия маркетинговых коммуникаций особенностям потребителей социокультурных продуктов и образу организации сферы культуры; проведение оценки экономической эффективности маркетинговых коммуникаций; проведение анализа маркетинговых коммуникаций с целью выявления недостатков и разработка мероприятий по их улучшению.

Процесс регулирования маркетинговых коммуникаций производится на трех уровнях:

• регулирование, осуществляемой руководством самой организации;

• регулирование, осуществляемое общественными организациями (общественные институты, рекламные ассоциации и союзы);

• регулирование, осуществляемой государственными органами, контролирующими деятельность организаций в сфере маркетинговых коммуникаций.

Под программой маркетинговых коммуникаций понимается регламентирующий в организации сферы культуры эту деятельность документ, включающий стратегические и тактические (оперативные) методы реализации маркетинговой деятельности компании.

На первоначальном этапе разработки программы маркетинговых коммуникаций организации социально-культурной сферы осуществляется диагностика потенциальных возможностей социально-культурных благ и услуг, а также инструментов и технологий позиционирования, продвижения и реализации социокультурных продуктов. Также осуществляется оценка потребностей реципиентов культурных благ и услуг с целью определения степени удовлетворенности актуального спроса на эти социально-культурные продукты и услуги.

К основным блокам программы маркетинговых коммуникаций организации социально-культурной сферы, реализуемой в условиях волатильно изменяющейся внешней среды и современных экономических, социальных и технологических вызовов, относится:

• стратегический блок, предусматривающий проведение оценки рынка социокультурных услуг посредством применения SWOT- и контент-анализов. SWOT-анализ позволит определить сильные и слабые стороны, возможности и угрозы, что позитивно отразится на систематизировании маркетинговой деятельности конкурирующих продуктов и организаций, и позволит выработать эффективную стратегию развития компании. В свою очередь, контент-анализ необходимо проводить с целью количественной и качественной оценки непосредственно реализуемых маркетинговых коммуникаций с внешней средой, выявления их содержания, а также принятия управленческих решений по их дальнейшей реализации;

• тактический блок включает в себя план тактический маркетинговых мероприятий, разработанный с учетом наличия, состояния и возможностей привлечения необходимых ресурсов для воплощения в жизнь организацией социокультурной сферы;

• результативный (оценочный) блок, предусматривающий осуществление контроля и декларирование итогов реализованной коммуникационной политики организации.

В связи с тем, что маркетинговые коммуникации представляют собой деятельность, обеспечивающую передачу информации о социокультурной продукции или организации-производителе культурных благ и услуг конечным реципиентам данной социокультурной продукции, в целях эффективного применения маркетинговых коммуникаций в условиях волатильно изменяющейся внешней среды хозяйствующие субъекты заблаговременно разрабатывают программы маркетинговых коммуникаций, которые отражают цели и задачи коммуникаций, целевую аудиторию и желаемую ее ответную реакцию; каналы маркетинговых коммуникаций; бюджет коммуникационных маркетинговых программ, оценку эффективности маркетинговых коммуникаций.

Отечественные ученые внесли весомый научно-практический вклад в формирование методологических основ коммуникативного микса, который представлен на Рисунке 1.

Представленная модель отражает систематизацию коммуникаций относительно социокультурного продукта, включая вопросы его разработки, создания, продвижения реципиентам культурных благ и услуг.

Однако ее следовало бы дополнить группой коммуникаций, отражающих краудфандинг как весьма востребованного в России в последние годы канала и способа коммуникаций, а также блоком «государственно-частное партнерство», «благотворительные фонды», которые отражают характер взаимодействия производителей культурных благ и услуг с властями, бизнесом, обществом.

Ряд авторов, которые публикуют результаты своих научных исследований по проблемам маркетинговых коммуникаций, подразделяют их на символические и товарные [5]. Данный методологический подход отражает процесс налаживания взаимоотношений организации сферы культуры с реципиентами культурных благ и услуг, с одной стороны, через ситуации, в которых социокультурные продукты и услуги, по существу, не предлагаются в своем реальном состоянии, а соответствующим образом рекламируются и рекомендуются к потреблению, а также разъясняются их качества, возможный результат при их потреблении и так далее. С другой стороны, в таком подходе отражены коммуникации, предопределяемые самим социокультурным продуктом и его потребительскими свойствами (см. Рисунок 2).

Такое обширное представление структуры маркетинговых коммуникаций говорит о множественности вариаций их типологизации, генезисе развития, возможностях отражения в различных сферах научного знания, в том числе вне экономики, перспективах применения междисциплинарного подхода к проведению маркетинговых коммуникаций [6]. В этой связи американский социолог У. Шрам отмечал, что именно наблюдаемый прогресс в системе коммуникаций выступает детерминантным фактором развития человеческой цивилизации. В основе развития цивилизации, считает он, лежит постоянное усиление влиятельности средств коммуникации, а по мере уси-

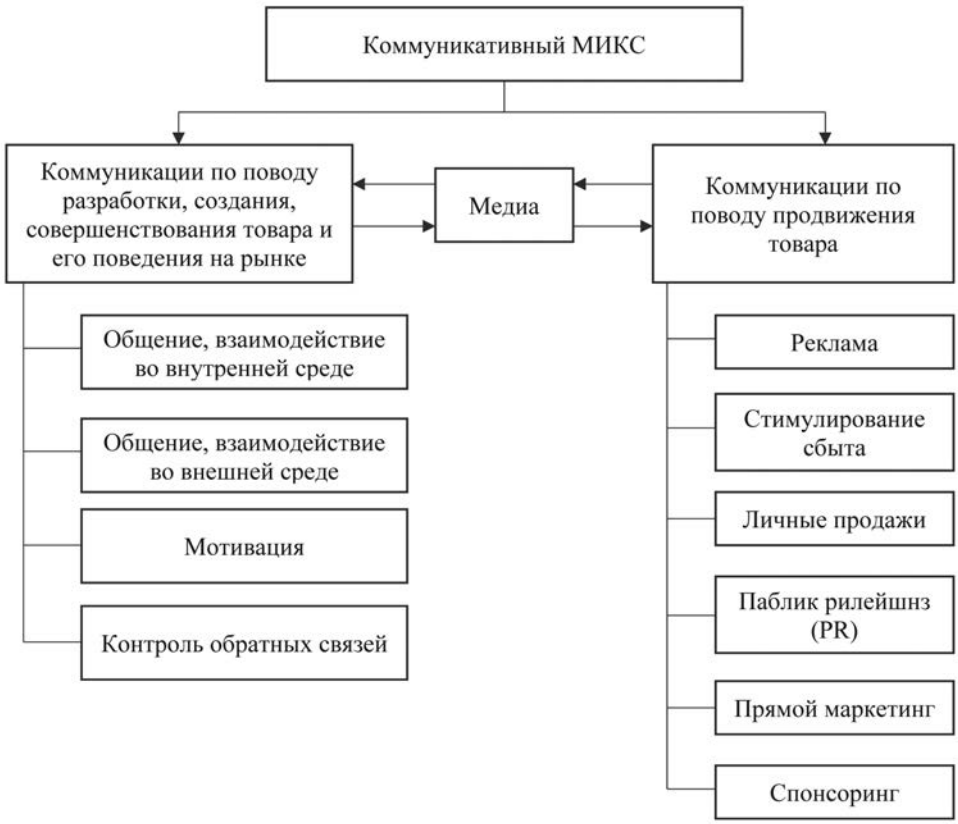

Рисунок 1. Структура комплекса маркетинговых коммуникаций

Рисунок 2. Многообразие маркетинговых коммуникаций в современной экономике

ления и генезиса этой мощности межличностная коммуникация переходит на социальный уровень.

Основными детерминантами современной коммуникативной политики организаций социально-культурной сферы в системе маркетинговых коммуникаций в условиях изменяющейся внешней среды должны стать:

1. Ценность для всех субъектов, в том числе для реципиентов культурных благ и услуг, генерируется в процессе реализации коммуникативной политики между поставщиками, партнерами, конкурирующими организациями, потребителями в результате совместных усилий, направленных на достижение общих целей.

2. Обмен – суть взаимодействий между участниками маркетингового процесса, и именно он является целью налаживания коммуникаций.

3. Обещания – важный элемент маркетинга. Обещания в виде обращений в системе коммуникативной политики способствуют организации в установлении взаимоотношений с новыми реципиентами культурных благ и услуг только лишь при условии их выполнения, что позволяет в дальнейшем поддерживать и развивать эти взаимоотношения.

4. Доверие – один из главных компонентов маркетинговых коммуникаций. Производителю культурных благ и услуг следует использовать свои ресурсы (персонал, технологии, финансовые ресурсы, информационные системы и др.) таким образом, чтобы усиливать лояльность и веру покупателей в то, что организация эффективно управляется.

Специфические условия функционирования организаций социально-культурной сферы в условиях волатильной внешней среды позволяют утверждать, что маркетинговые коммуникации, сформировавшись к настоящему времени как интегрированные, будут и далее развиваться в направлении объединения инструментов, методов и современных информационно-коммуникационных технологий. Маркетинговые коммуникации, с одной стороны, будут унифицироваться, а с другой, – развиваться с учетом особенностей рынков социокультурных услуг отдельных регионов, специфики поведения на них хозяйственных субъектов, культурных традиций. В этом, на наш взгляд, проявляется желание современного общества к сохранению плюрализма мира вещей и идей, реализации возможности самовыражаться не только посредством приобретения культурных благ и социокультурных услуг, но и способности к восприятию целевых рыночных сигналов, к соответствующей реакции на них, ответам на направленные коммуникационные обращения.

Таким образом, деятельность учреждений культуры связана с рядом особенностей рынка, к которым относятся наличие внешних эффектов, информационная асимметрия и локальная монополия. В настоящее время наблюдаются характерные сдвиги в маркетинге учреждений культуры, и это оказывает влияние на процесс продвижения культурного продукта. Быстро развивается и расширяется соответствующая инфраструктура, совершенствуются технические средства маркетинговой деятельности. Коммуникации между коммерческими партнерами и потребителями осуществляются посредством компьютеризированных диалоговых средств. Все большую роль начинают играть факторы переоценки ценностей, такие как приоритетность качественных характеристик потребления по отношению к его количеству и стоимости. Наблюдается тенденция формирования новых возрастных структур, из-за чего происходит пересмотр целевых групп маркетингового воздействия.

В условиях волатильно изменяющейся внешней среды учреждения социокультурной сферы используют маркетинг как детерминантный инструмент перманентного развития. В результате развиваются формы продажи продукции с помощью рекламных кампаний, а также используются специфические формы продажи. При этом важно понимать, что процесс продвижения культурного продукта должен протекать системно, с учетом взаимодействия всех элементов комплекса маркетинга.

Список литературы

1. Социально-экономические процессы в условиях модернизации экономики: современные вызовы, глобальные трансформации и стратегические ориентиры развития / Агумбаева А.Е., Амирова Э.Ф., Беляева С.В. Под ред. Подкопаева О.А. – Самара, 2021.
2. *Domnina S.V., Podkopaev O.A., Salynina S.U.* The digital economy: challenges and opportunities for economic development in Russia's regions / Lecture Notes in Networks and Systems. 2021. Т. 133. С. 149-157.
3. Педагогика и психология: традиции и креативность, поисковые исследования и инновации в образовании / Бирюкова Н.В., Киселёва Е.А., Котова Е.Г. Под ред. Тарасенко А.А., Подкопаева О.А. – Самара, 2021.
4. *Домнина С.В., Подкопаев О.А.* Привлечение общественной финансовой поддержки учреждениями культуры / Фундаментальные исследования. 2020. № 9. С. 20-24.
5. *Салынина С.Ю., Подкопаев О.А., Домнина С.В.* Особенности PR-продвижения благотворительных организаций / Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 11-3. – С. 512-516.
6. *Устойчивое развитие* экономики России: стратегии и тактики перехода к новому качеству экономического роста / Бабина Е.Н., Бондаренко Г.В., Брюханова Н.В. Монография. Под ред. Ермолаева К.Н., Подкопаева О.А. – Самара, 2021.

References

1. Social'no-ekonomicheskie processy v usloviyah modernizacii ekonomiki: sovremennye vyzovy, global'nye transformacii i strategicheskie orientiry razvitiya / Agumbaeva A.E., Amirova E.F., Belyaeva S.V. Pod red. Podkopaeva O.A. – Samara, 2021.

2. *Domnina S.V., Podkopaev O.A., Salynina S.U*. The digital economy: challenges and opportunities for economic development in Russia's regions / Lecture Notes in Networks and Systems. 2021. T. 133. S. 149-157.
3. Pedagogika i psihologiya: tradicii i kreativnost', poiskovye issledovaniya i innovacii v obrazovanii / Biryukova N.V., Kiselyova E.A., Kotova E.G. Pod red. Tarasenko A.A., Podkopaeva O.A. – Samara, 2021.
4. *Domnina S.V., Podkopaev O.A.* Privlechenie obshchestvennoj finansovoj podderzhki uchrezhdeniyami kul'tury / Fundamental'nye issledovaniya. 2020. № 9. S. 20-24.
5. *Salynina S.Yu., Podkopaev O.A., Domnina S.V.* Osobennosti PR-prodvizheniya blagotvoritel'nyh organizacij / Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij. – 2016. – № 11-3. – S. 512-516.
6. Ustojchivoe razvitie ekonomiki Rossii: strategii i taktiki perekhoda k novomu kachestvu ekonomicheskogo rosta / Babina E.N., Bondarenko G.V., Bryuhanova N.V. Monografiya. Pod red. Ermolaeva K.N., Podkopaeva O.A. – Samara, 2021.

УДК 338;332.1

DOI 10.47629/2074-9201_2021_4_138_148

Сухина Юлия Валериевна,
кандидат наук по государственному управлению, доцент кафедры Государственной, муниципальной службы и менеджмента, РАНХиГС, Липецкий филиал, город Липецк,
yuliya-sukhina@mail.ru

РОЛЬ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ В ПРАКТИКЕ РАЗВИТИЯ СИСТЕМ УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫМ РАЗВИТИЕМ РЕГИОНОВ

Аннотация. *Предметом настоящей статьи выступают исследования влияния уровня развития систем государственного управления инновационным развитием регионов и государств в целом, а также влияния практики применения управленческого консультирования на уровень развития регионов и обеспечение инновационного развития страны в целом. Результаты проведенного анализа подтверждаются примерами достижений стран, которые находятся на верхних позициях в рейтингах в сфере инновационного развития и управленского консультирования. Целью настоящей статьи является выявление особенностей и подходов к формированию влияния уровня развития систем государственного управления инновационным развитием регионов и стран в целом, а также применение управленческого консультирования и консультационных услуг и их влияние на уровень развития регионов и обеспечения инновационного развития страны в целом; определение основных условий формирования роли управленческого консультирования в обеспечении инновационного развития региона. Методология данного исследования включала аналитический и сравнительный походы, методы синтеза, индукции и дедукции, формально-логический, системный, комплексный и логистический подходы. Результатом работы явилось проведение автором анализа особенностей и подходов к определению роли управленческого консультирования на уровень развития регионов и обеспечения инновационного развития стран в целом; определение основных условий формирования практики применения управленческого консультирования в формировании системы государственного управления инновационным развитием регионов и государств в целом; предложение автором подхода к формированию системы государственного управления инновационным развитием региона и внедрение данного подхода на региональном уровне; формулирование выводов о последующих направлениях совершенствования и внедрения инструментов управленческого консультирования в контексте обеспечения инновационного развития регионов и стран в целом. Область применения результатов исследования включает в себя систему государственного управления. Выводы исследования могут быть применены для совершенствования управленческой, правовой регламентации и практики применения управленческого консультирования в контексте обеспечения инновационного развития региона, а также адаптации на уровень муниципалитетов.*

Ключевые слова: инновационное развитие региона, государственная инновационная политика, конкурентоспособность региона, государственное управление, инновации, управленческое консультирование, система государственного управления инновационным развитием региона, инновационный потенциал региона.

Yuliya V. Sukhina,
Ph.D. of Public Administration, Associate Professor at the Department of State, Municipal Service and Management, RANEPA, Lipetsk branch, Lipetsk,
yuliya-sukhina@mail.ru

THE ROLE OF MANAGEMENT CONSULTING IN THE PRACTICE OF DEVELOPMENT OF THE INNOVATIVE DEVELOPMENT MANAGEMENT SYSTEM OF THE REGION

Abstract. *The subject of this article is the study of the impact of the level of development of public administration systems on the innovative development of regions and states in general, as well as the practice of using management consulting, on the level of development of regions and ensuring the innovative development of the country as a whole. The results of the analysis are confirmed by examples of the achievements of countries that are in the top positions in the rankings in the field of innovative development and management consulting. The purpose of this article is to identify the features and approaches*

to the formation of the influence of the level of development of public administration systems on the innovative development of regions and countries in general, as well as the use of management consulting and consulting services, on the level of development of regions and ensuring the innovative development of the country as a whole; determination of the main conditions for the formation of the role of management consulting in ensuring the innovative development of the region. The methodology of this study included analytical and comparative approaches, methods of synthesis, induction and deduction, formal-logical, systemic, integrated and logistic approaches. The result of the work was the author's analysis of the features and approaches to determining the role of management consulting at the level of regional development and ensuring the innovative development of countries as a whole; determination of the main conditions for the formation of the practice of using management consulting in the formation of a system of public administration for the innovative development of regions and states in general; the proposal by the author of an approach to the formation of a system of state management of the innovative development of the region and the introduction of this approach at the regional level; formulation of conclusions on the subsequent directions of improvement and implementation of management consulting tools in the context of ensuring the innovative development of regions and countries in general. The field of application of the research results includes the public administration system. The findings of the study can be applied to improve management, legal regulation and the practice of using management consulting in the context of ensuring the innovative development of the region, as well as adaptation to the level of municipalities.

Keywords: innovative development of the region, state innovation policy, competitiveness of the region, public administration, innovation, management consulting, the system of state management of the innovative development of the region, the innovative potential of the region.

В условиях современных тенденций развития экономики, выхода из кризисных тенденций, связанных с COVID-19, особое значение приобретают вопросы, связанные с инновационным развитием. Опыт инновационно развитых стран мира, таких как Швеция, Швейцария, США, Япония и Германия свидетельствует, что инновационная составляющая является важнейшей частью социально-экономической и научно-технической политики, как на государственном уровне, так и на уровне регионов. В научной среде существует достаточно много подходов к определению понятия инноваций и их влиянию на экономические и управленческие процессы как государства, так и регионов.

Важность технологии знаний и информации на сегодняшний день определяет экономику общества не материальными, а информационными ресурсами. «Поскольку информационализм основывается на технологии знания и информации, – пишет М. Кастельс, – в информациональном способе развития имеет место тесная связь между культурой и производительными силами, между духом и материей. Отсюда следует, что мы можем получить возникновения исторически новых форм социального взаимодействия, социального контроля и социальных изменений» [1].

Современные тенденции развития общества предусматривают внедрение новейших достижений во все сферы жизни. Наблюдаются постоянные изменения в политических, экономических и социальных структурах мирового сообщества. Этот процесс можно охарактеризовать как инновационное развитие, который является объективной необходимостью формирования конкурентоспособного государства в международном экономическом пространстве.

Появление теории инновационного развития обусловлено историческим развитием производства, особенно в период индустриализации. Украинского ученого М.И. Туган-Барановского можно считать основоположником инновационной теории экономического развития. Он впервые исследовал закономерности и цикличность экономической динамики, связанной с периодичностью промышленных кризисов. Работа М.И. Туган-Барановского «Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияние на народную жизнь» (1894 год) [2] посвящена исследованию подходов к объяснению циклического характера экономического развития. Вывод этого исследования состоял из того, что величина спроса на капитал зависит от состояния технического прогресса. Таким образом, он показал закономерность возникновения и преодоления кризисов благодаря активизации инвестиционной и социальной политик, что стало первым в мире системным исследованием циклических закономерностей социально-экономического развития. Далее эта идея получила развитие в трудах русского ученого Н.Д. Кондратьева (1892–1938 годы), который разработал теорию «длинных волн» [3] в 20-х годах XX века. Й. Шумпетер завершил теорию М.И. Туган-Барановского, ввел в научный оборот категорию «инновация» и создал целостную инновационную теорию.

Очень большое значение научно-техническому прогрессу и инновациям придавали западные экономисты XX века, которые изучали проблемы экономического роста (Р. Солоу, И. Шумпетер, Д. Сахал, Р. Фостер, Б. Твисс, Э. Денисон и др.). Наряду с природными и трудовыми ресурсами основным производ-

ственным капиталом общества, важным источником экономического роста они считали научно-технический прогресс. В зарубежной и отечественной литературе он связывается с понятием инновационного процесса. Он состоит из получения новинок и продолжается от зарождения идеи до ее коммерческой реализации. Таким образом, инновационный процесс охватывает весь комплекс отношений: производство, обмен, потребление.

Что касается количественных оценок влияния инноваций на рост ВВП, то Р. Солоу, Э. Денисон, Л. Канторович и другие известные экономисты оценивали влияние этого фактора на уровне 88 %. Так, согласно утверждению Р. Солоу «в причинах прироста инвестиций необходимо видеть только 12 % увеличение выхода продукции в расчете на один человеко-час, а около 87,5 % – в технологических сдвигах» [4].

Как заметил известный американский футуролог Элвин Тоффлер «если быстротечность является одним ключом к пониманию нового общества, то «новизна» является вторым ключом» [5], поэтому понимание современной тенденции развития общества и государства невозможно без изучения понятия «инновации».

Попытка теоретического обоснования значимости внедрения нововведений была сделана англичанином Дж.А. Гобсоном, который утверждал, что «истинная сила предпринимателя связана со способностью отыскивать новые рынки, производить новые товары и открывать новые способы их изготовления, и акцентировал внимание на важных социальных функциях такого предпринимателя-новатора» [6].

Различные ученые характеризуют инновации в зависимости от объекта и предмета своего исследования. Анализ эволюции подходов к определению данного понятия позволил выделить основные (см. Таблицу 1).

Однако вопрос формирования системы управления инновационным развитием региона и роль в ней управленческого консультирования остается открытым и требует дальнейших исследований.

С учетом вышеизложенного, понятие «системы государственного управления инновационным развитием региона», в рамках данного исследования, целесообразно сформулировать как сложную систему (которая имеет определенную структуру, средства, политику, стратегию, а также основные составляющие реализации управленческого консультирования: механизмы, инструменты, методы, приемы, рычаги и другие составляющие), направленную на обеспечение эффективной реализации функций государственного управления инновационным развитием региона путем использования принципиально новых инновационных технологий, реализацию организационных и управленческих решений для достижения одной из стратегически важных целей государства – высокого уровня международной конкурентоспособности среди других стран инновационных лидеров. Этот подход позволяет обосновать суть государственного уровня управления

Таблица 1

Эволюция подходов к определению понятия «инновации» в различных исследованиях

Год	Автор	Определение
1982	Й. Шумпетер	Инновация – это новая научно-организационная комбинация производственных факторов, мотивированная предпринимательским духом [7].
1983	Х. Риггз	Инновация – это коммерческое освоение новой идеи [8].
1990	Б. Санто	Инновация – это такой общественный, технический или экономический процесс, который через практическое использование идей и изобретений приводит к созданию лучших по своим свойствам изделий, технологий и в случае, если она на рынке может принести дополнительный доход [9].
1994	П. Друкер	Инновация – это особое средство предпринимателей, с помощью которого они исследуют изменения, имеющие место в экономике и обществе, с целью использования их в бизнесе или в различных сферах обслуживания [10].
2001	М. Портер	Инновации – это возможность получить конкурентные преимущества. Нововведения характеризуется в широком смысле, включая как новые технологии, так и новые методы работы [11].
2006	Н. Волынкина	Инновация – вовлечение в экономический оборот результатов интеллектуальной деятельности, содержащих новые, в том числе научные, знания с целью удовлетворения общественных потребностей и (или) получения прибыли [12].
2008	В. Лапин	Инновация – способ организации деятельности по воплощению знаний в практические новшества для возможно полного удовлетворения существующих и новых потребностей индивидов и организаций, социальных групп и общностей, всего общества [13].
2015	А. Губернаторов	Инновация – это результат интеллектуального труда, представляющий собой новую идею, продукт, услугу, а также внедрение нового в производственную систему, в результате чего меняется технологическая структура, которая переходит в качественно новое состояние [14].

путем реализации его функций, показывает направленность на объект управления, наличие составляющих данной системы, а также целей управления.

Стоит также отметить, что в современных условиях развития экономических процессов становится очевидным, что результаты реализации деятельности органов государственной власти, успех компаний, зачастую, зависит не только от экономических показателей и инвестиционной составляющей, а связан с компетенциями руководителя в сфере менеджмента, эффективной организацией процессов, управленческой структурой и другими управленческими составляющими, а также с привлечением консультантов в сфере управления, которые обладают соответствующим опытом и владеют данными компетенциями. На уровне государства такие специалисты необходимы в целях эффективной организации процессов управления в соответствующих направлениях (экономическом, в том числе в разрезе отраслей, социальном, политическом и других).

В странах-лидерах в сфере инновационного развития, управленческое консультирование реализуется в государственном секторе и активно поддерживается (с акцентом на инновационное развитие) государством.

Одной из оценочных характеристик, показывающих высокое инновационное развитие стран мира, является отчет о глобальной конкурентоспособности, который представлен в виде ежегодного доклада Всемирного экономического форума. Итоговым обобщенным оценочным средством рейтинга конкурентоспособности стран является индекс глобальной конкурентоспособности (GCI) [15]. Все составляющие индекса объединены в 12 основных групп показателей, позволяющих максимально точно определить национальную конкурентоспособность. Одной из групп показателей является инновационный потенциал, с развитием которого тесно связаны и другие группы показателей, среди которых: уровень подготовки в рамках высшего образования и повышения квалификации, качество инфраструктуры, результативность рынка труда, развитие финансового рынка, качество институциональной составляющей, стабильность по макроэкономическим показателям, качество начального образования, здоровье, конкурентоспособность организаций, развитие рынка товаров и услуг, уровень технологий, размер внутреннего рынка.

По мнению экспертов высокие позиции в рейтинге свойственны странам с высокой поддержкой государства в развитии инноваций, а также с направлением инвестиций в инновационную сферу. При этом степень влияния данных составляющих на экономики стран является разной.

Анализ рейтинга глобальной конкурентоспособности за 2020 год [15] показал, что его лидерами являются страны-лидеры инновационного развития в соответствии с глобальным инновационным индексом за 2020 год, разработанным совместно экспертами Парижской школы INSED, Бостонской консалтинговой группы и Национальной ассоциацией производителей [16]. Так, по итогам 2020 года рейтинг глобальной конкурентоспособности возглавила Швейцария. Второе место занимает Швеция, Дания – на третьем месте, Нидерланды – на четвертом. Завершает пятерку лидеров Сингапур. Далее с пятого по десятое место занимают Норвегия, Гонконг (Китай), Тайвань (Китай), ОАЭ, США соответственно. Далее в десятке лидеров рейтинга: Финляндия (6 место), Люксембург (7), Ирландия (8), Канада (9) и Германия (10). Россия в данном рейтинге занимает 45 место (поднялась на 5 пунктов в рейтинге по сравнению с 2019 годом).

Лидерами по качеству институциональной составляющей являются Финляндия, Швейцария, Новая Зеландия, Дания, Нидерланды. Россия по данному показателю находится на 37 месте.

По качеству инфраструктуры лидерами остаются Эстония, Дания, Нидерланды, Финляндия, Швеция. Россия по данному показателю также занимает 37 место.

Артуро Брис, директор Всемирного центра конкурентоспособности IMD и профессор финансов, отметил, что «в последние годы Швейцария конкурирует с Сингапуром, но последний значительно пострадал на экономическом уровне во время пандемии, поскольку зависит от экспорта и импорта услуг и от мобильности людей» [17].

«Швейцария пользуется преимуществами того, что она является европейской страной, но находит гибкость в отсутствии членства в Европейском союзе. Другие европейские страны, возглавившие рейтинг, добились успеха, находясь за пределами ЕС или, по крайней мере, еврозоны» [17], отметил Брис. По его словам, важны независимость и доступ в Европу в период, когда глобальные цепочки поставок сталкиваются с серьезными рисками.

Артуро Брис подчеркнул, что «триумф Европы продолжает тенденцию, впервые отмеченную в прошлогоднем рейтинге» [17].

Ключевыми факторами экономических показателей по итогам 2020 года в рейтинге заняли инновации, социальные пособия, социальная сплоченность, цифровизация. Профессор Клаус Шваб, основатель и президент Всемирного экономического форума, международной организации в области государственно-частного партнерства, отмечает, что «кризис еще больше усилил действие Четвертой промышленной революция в торговле, навыках, оцифровке, конкуренции и занятости» [15], а также он подчеркнул «разрыв между экономическими системами и социальной устойчивостью» [5]. Поэтому странам, которые нахо-

дятся в нижней строчке рейтинга (Монголия, Ботсвана, Южная Африка, Аргентина, Венесуэла) и не пользуются в значительной степени услугами компаний в сфере управленческого консультирования, достаточно сложно преодолеть данный экономический разрыв. Причин этому достаточно много, среди которых стоит назвать низкое финансирование инноваций, недостаточный объем нововведений по сравнению со странами-лидерами данных рейтингов, низкий уровень инновационной и инвестиционной инфраструктуры, недостаточная государственная поддержка инновационной составляющей (в том числе финансовая, информационная, организаторская).

Кризис, связанный с пандемией COVID-19, позволил еще более ускорить процессы, связанные с цифровизацией в странах с развитой экономикой. При этом еще сложнее стало достичь лидирующих показателей инновационного развития странам, отставшим до кризиса. Решить данную проблему для стран с низким уровнем инновационного, в том числе и цифрового, развития достаточно сложно без привлечения консалтинговых компаний, обладающих значительным багажом опыта, знаний, профессиональных характеристик в данной отрасли, а также опытом формирования концептуальной основы поддержки инновационного развития на государственном уровне.

Странами-лидерами, занимающими ведущие позиции по внедрению информационно-коммуникационных технологий по итогам 2020 года в рамках рейтинга глобальной конкурентоспособности [15], являются Корея, Объединенные Арабские Эмираты, Гонконг, Швеция, Япония, Сингапур, Исландия, Норвегия, Катар, Литва (см. Рисунок 1).

Ведущие позиции по цифровым навыкам по итогам 2020 года в рамках рейтинга глобальной конкурентоспособности [15] занимают Финляндия, Швеция, Эстония, Исландия, Нидерланды, Сингапур, Израиль, Дания, Саудовская Аравия, Корея (см. Рисунок 2).

По итогам 2020 года в рамках рейтинга глобальной конкурентоспособности по цифровой правовой базе [15] странами-лидерами стали США, Люксембург, Сингапур, ОАЭ, Малайзия, Эстония, Швеция, Финляндия, Германия, Нидерланды (см. Рисунок 3).

В отчете «Глобальный индекс инноваций 2020» [16], сформированном экспертами Парижской школы INSED, Бостонской консалтинговой группой и Национальной ассоциацией производителей, представлены глобальные инновации, тенденции и инновационная деятельность 131 страны. По результатам исследований двенадцать из двадцати ведущих стран мира по инновациям находятся в Европе.

Лидером рейтинга стран-новаторов стала Швейцария, Швеция заняла второе место, на третьем месте оказались США. Вслед за ними в рейтинге находятся Великобритания. Нидерланды замыкают пятерку лидеров. Дания заняла шестую строчку рейтинга. Вслед за ней расположились Финляндия, Сингапур, Германия. Десятку замыкает Корея. Вторую десятку начинает Конконг (Китай). Вслед за ним в рейтинге

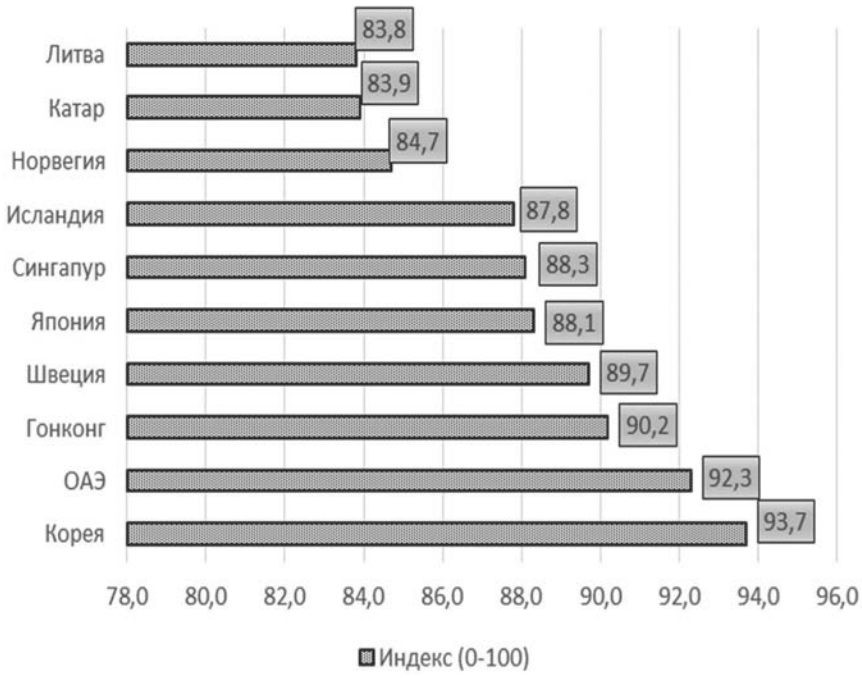

Рисунок 1. Страны-лидеры по ведущим позициям по внедрению информационно-коммуникационных технологий в рамках рейтинга глобальной конкурентоспособности, 2020 год

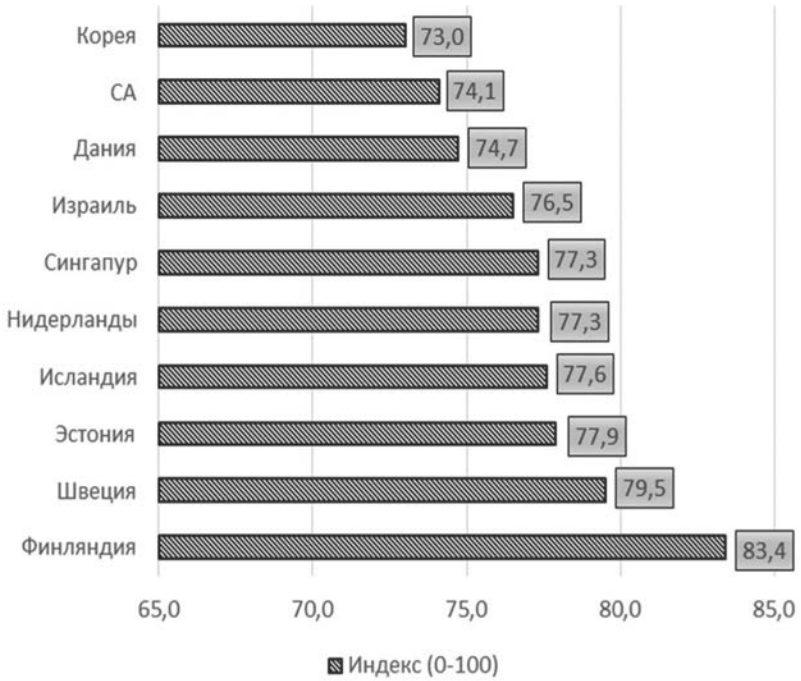

Рисунок 2. Страны-лидеры по цифровым навыкам по итогам 2020 года в рамках рейтинга глобальной конкурентоспособности, 2020 год

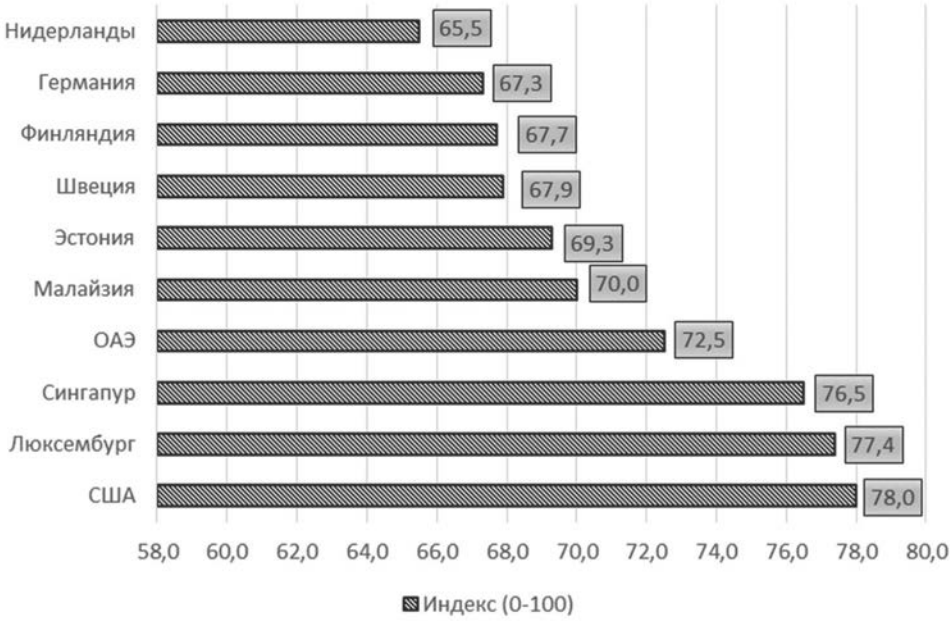

Рисунок 3. Страны-лидеры по цифровой правовой базе по итогам 2020 года в рамках рейтинга глобальной конкурентоспособности, 2020 год

расположились Франция, Израиль, Китай, Ирландия, Япония, Канада, Люксембург, Австрия. Замыкает вторую десятку Норвегия. Россия в этом рейтинге заняла сорок седьмое место (по итогам 2019 года занимала сорок шестое место), что является достаточно низким для страны, одной из стратегических целей которой заявлен инновационный путь развития.

Так, Россия, имеет научный и инновационный потенциал и в данном рейтинге опережает Белоруссию (64 место) и Казахстан (77 место). Однако занимает лишь 58 позицию согласно второму входному инновационному под-индексу. На сегодняшний день в России проблемными остаются сферы, связанные с государственной структурой, инфраструктурой и

креативными результатами, что оставляет Россию на достаточно низком уровне по первому входному инновационному под-индексу (42 место).

Анализ показал, что в пятерку лидеров компаний по выручке от консалтинговых услуг в России (по данным рейтингового агентства «РАЭКС Аналитика») входят международные компании EY, PwC, KPMG [18] со штаб-квартирами в странах-лидерах по инновационному развитию. Также стоит отметить, что спрос на консалтинговые услуги растет. Так, по сравнению с 2017 годом в 2018 году у пятерки лидеров (ЛАНИТ, EY, PwC, KPMG, КРОК) выручка выросла соответственно на 26,2 %, 5,8 %, 17,5 %, 39,6 % и 27,9 % [18].

Таким образом, опыт и экономические результаты зарубежных стран показывают необходимость и эффективность государственной поддержки инновационного развития предприятий, как оказывающих консультационные услуги, так и их получающие. А также в быстроменяющихся условиях реализации современных экономических процессов уровень принятия управленческих решений перемещается с общегосударственного на региональный.

Также, в качестве оценки результатов от эффективности реализации инвестиционной политики на уровне региона, показатель по инвестициям является одним из ключевых при формировании оценки эффективности власти. В настоящее время система их оценки постоянно совершенствуется. В выстраивании рейтингов регионов преодолевается формальный подход, в том числе к оценке уровня развития инвестиционной составляющей. На сегодняшний день она осуществляется с применением методик расчетов по 20-ти показателям, утвержденным Указом Президента РФ от 4 февраля 2021 года № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» [19]:

- количество работников в сфере малого и среднего предпринимательства;
- добровольческая активность населения;
- доверие к власти;
- уровень образования;
- спортивная активность населения;
- качество окружающей среды;
- численность населения;
- уровень бедности;
- продолжительность жизни населения;
- условия для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности;
- дороги, соответствующие нормативным требованиям;
- развитие способностей и талантов у детей и молодежи;
- семьи, улучшившие условия жилья;
- увеличение жилищного строительства;
- рост оплаты труда;
- благоприятная среда городов;
- рост инвестиций;
- посещения культурных мероприятий;
- уровень цифровизации;
- рост реальных доходов населения.

Следует отметить, что на наращивание объемов инвестиционных вложений в инновационное развитие и продукцию в инновационной сфере, а также результатов их применения, влияет уровень эффективности государственного управления за счет активного влияния на условия инвестиционной деятельности и факторы ее развития.

Однако анализ динамики инвестиций в объекты интеллектуальной собственности, в деятельность профессиональную, научную и техническую и объемов производства компьютеров, электронных и оптических изделий за 2017-2020 годы например по Липецкой области [20] показал как периоды роста, так и спада (см. Рисунок 4). Так, динамика объема инвестиций в объекты интеллектуальной собственности показывает устойчивую тенденцию роста с 318,2 млн рублей в 2017 году до 1749,5 млн рублей в 2020 году со средним темпом роста 181%. Объем инвестиций в деятельность профессиональную, научную и техническую показывает динамику роста в периоде 2017-2019 годов со средним темпом роста 221 %, а в 2020 году снижается практически в половину по сравнению с 2019 годом (до 540,3 млн рублей). Объем производства компьютеров, электронных и оптических изделий в 2018 году снижается по сравнению с 2017 годом на 74 %, а в 2019-2020 годах наблюдается динамика роста со средним темпом роста 124 %, но не достигает уровня 2017 года (2501,9 млн рублей).

Таким образом, с целью поддержания вектора инновационного развития страны на постоянной основе, существует объективная необходимость в формировании системы государственного управления инновационным развитием региона с учетом важной составляющей в данной системе – управленческого консультирования (см. Рисунок 5), которая позволит системно подойти к решению вопросов инновационного развития регионов и усилит концентрацию действий органов государственной власти на его ключевых составляющих, а также позволит их эффективно реализовать на основе предложенных направлений (создание условий для инновационного развития региона, развитие собственного инновационного потенциала региона, повышение конкурентоспособности региона).

Если управленческое консультирование позволяет дать квалифицированную оценку и рекомендации в рамках стратегического управления,

Рисунок 4. Динамика инвестиций в объекты интеллектуальной собственности, в деятельность профессиональную, научную и техническую и объемов производства компьютеров, электронных и оптических изделий за 2017-2020 годы по Липецкой области, млн рублей

Рисунок 5. Система государственного управления инновационным развитием региона

управления человеческим капиталом, маркетинга, создания эффективной системы управления, то основной задачей управленческого консультирования инновационным развитием региона должно стать повышение уровня качества бизнеса, обеспечение его инновационного развития и конкурентоспособности, в том числе, на мировом рынке посредством консультаций с применением управленческих инноваций.

Результаты реализации данной системы должны быть получены путем реализации управленческих функций – контроль и анализ. Реализация данных функций может быть осуществлена с помощью внедрения инструментов оценки эффективности управленческих решений, разработанной с учетом опыта зарубежных стран-лидеров в сфере инновационного развития и с применением методик, апробированных при формировании международных рейтингов и аналитических докладов.

Таким образом, роль управленческого консультирования в практике развития системы государственного управления инновационным развитием региона заключается в использовании современных механизмов, инструментов, методов, приемов, рычагов управленческого консультирования через создание и реализацию деятельности новой составляющей в современных системах государственного управления инновационным развитием каждого региона – Координационного Совета по управленческому консультированию инновационным развитием региона.

Определена необходимость и потребность в обеспечении реализации системы государственного управления инновационным развитием региона, которая в современных условиях усиливается и усложняется несистематичностью и фрагментарностью практики инновационной деятельности, нежеланием субъектов экономических отношений принимать участие в инновационном процессе в связи с недостатком информированности и квалификации в вопросах управления инновациями, а также высокими темпами изменений среды функционирования организаций. В рамках реализации системы государственного управления инновационным развитием региона видится потребность в создании Координационного Совета по управленческому консультированию инновационным развитием региона, основной целью деятельности которого будет решение проблемы в устранении дисбаланса между существующим и желаемым уровнем инновационного развития экономики региона, решение вопросов организации и управления инновационной деятельностью региона с применением инструментов управленческого консультирования и привлечением для этого специалистов соответствующего уровня квалификации.

Предложенный подход заключается в формировании комплексной системы государственного управления инновационным развитием региона. Основной структурной единицей государственной власти, отвечающей за результаты ее реализации и предлагаемой к созданию является Координационный Совет по управленческому консультированию инновационным развитием региона, способный к аккумулированию высококвалифицированных экспертов в области управления и инноваций, власти, бизнес-сообщества, ученых.

Результатом реализации данного подхода является повышение уровня инновационного развития регионов, их конкурентоспособности, а также сбалансированного развития инновационной деятельности региона и страны в целом.

Дальнейшие исследования предполагают формирование и реализацию системы государственного управления с акцентом на внедрение практики применения инструментов управленческого консультирования в контексте обеспечения развития инновационной деятельности регионов и стран в целом, для достижения стратегических целей государства, которые, в свою очередь, проектируются на уровень регионов и муниципальных образований.

Список литературы

1. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура / М. Кастельс; [пер. с англ., под науч. ред. О.И. Шкаратана]. Москва: Гос. Ун-т. Высш. шк. эномики, 2000. 606 с.
2. *Туган-Барановский М.И.* Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и влияние на народную жизнь: монография / М.И. Туган-Барановский. Санкт-Петербург, 1894. 370 с.
3. *Кондратьев Н.Д.* Проблемы экономической динамики / Н.Д. Кондратьев. Москва: Экономика, 1989. 523 с.
4. *Solow R.M.* A Contribution to the Theory of Economic Growth / R. M. Solow // The Quarterly Journal of Economics. Published by: The MIT Press. Vol. 70, № 1. February, 1956. pp. 65–94.
5. *Элвин Тоффлер.* Шок будущего / Элвин Тоффлер; [пер. с англ.]. Москва: ООО «Издательство АСТ», 2002. 557 с.
6. *Хотяшева О.М.* Инновационный менеджмент / О.М. Хотяшева. Санкт-Петербург: Питер, 2005. 318 с.
7. *Шумпетер Й.А.* Теория экономического развития / Й.А. Шумпетер. Москва: Прогресс, 1982. 456 с.
8. *Riggs H.E.* Managing high technology companies Belmont / H.E. Riggs. New York, 1983. 333 p.
9. *Санто Б.* Инновация как средство экономического развития; [пер. с венг. с изм. и доп. авт.] / Б. Санто; [ред. Б.В. Сазонов]. Москва: Прогресс, 1990. 296 с.
10. *Друкер П.* Як забезпечити успіх у бізнесі / П. Друкер. Київ: Україна, 1994. 314 с.
11. *Портер М.* Конкуренция / М. Портер [пер. с англ.]. Москва: Вильямс, 2001. 495 с.

12. *Волынкина Н.В.* Правовая сущность термина «инновация». Инновационная экономика. Инновации № 1 (89). 2006. С. 64–69.
13. *Лапин В.* Целенаправленное воплощение знаний в инновациях / В. Лапин // Проблемы теории и практики управления. 2008. № 6. С. 105–114.
14. *Губернаторов А.М.* Методология и организация управления инновационным развитием отрасли: дис. … д-ра эконом. наук: 08.00.05 / Алексей Михайлович Губернаторов. Москва. 2015. 342 с.
15. The Global Competitiveness Index: Report 2020 [Электронный ресурс] // Global Economic Forum. Режим доступа: https://www.imd.org/centers/world-competitiveness-center/rankings/world-competitiveness/ (дата обращения: 19.09.2021).
16. The Global Innovation Index: Report 2020 [Электронный ресурс] // ENSEAD. Режим доступа: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2020.pdf (дата обращения: 19.09.2021).
17. *Arturo Bris.* World Competitiveness Ranking 2021 [Электронный ресурс] // IMD Business School. Режим доступа: https://www.imd.org/news/updates/2021-world-competitiveness-ranking/(дата обращения: 19.09.2021).
18. Список крупнейших российских консалтинговых групп и компаний по итогам 2018 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт рейтингового агентства ООО «РАЭКС-Аналитика». Режим доступа: https://raex-a.ru/printtable/?path=/consult/2018/main (дата обращения: 19.09.2021).
19. Указ Президента Российской Федерации от 04.02.2021 № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Правительства РФ. Режим доступа: http://government.ru/docs/all/132641/ (дата обращения: 19.09.2021).
20. Динамика инвестиций в объекты интеллектуальной собственности, в деятельность профессиональную, научную и техническую и объемов производства компьютеров, электронных и оптических изделий за 2017-2020 годы по Липецкой области [Электронный ресурс] // Официальный сайт территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Липецкой области. Режим доступа: https://lipstat.gks.ru/official_publications (дата обращения: 19.09.2021).

References

1. *Kastel's M.* Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo, kul'tura / M. Kastel's; [per. s angl., pod nauch. red. O.I. Shkaratana]. Moskva: Gos. Un-t. Vyssh. shk. enomiki, 2000. 606 s.
2. *Tugan-Baranovskiy M.I.* Promyshlennyye krizisy v sovremennoy Anglii, ikh prichiny i vliyaniye na narodnuyu zhizn': monografiya / M.I. Tugan-Baranovskiy. Sankt-Peterburg, 1894. 370 s.
3. *Kondrat'yev N.D.* Problemy ekonomicheskoy dinamiki / N.D. Kondrat'yev. Moskva: Ekonomika, 1989. 523 s.
4. *Solow R.M.* A Contribution to the Theory of Economic Growth / R.M. Solow // The Quarterly Journal of Economics. Published by: The MIT Press. Vol. 70, № 1. February, 1956. pp. 65–94.
5. *Elvin Toffler.* Shok budushchego / Elvin Toffler; [per. s angl.]. Moskva: OOO «Izdatel'stvo ACT», 2002. 557 s.
6. *Khotyasheva O.M.* Innovatsionnyy menedzhment / O.M. Khotyasheva. Sankt-Peterburg: Piter, 2005. 318 s.
7. *Shumpeter Y.A.* Teoriya ekonomicheskogo razvitiya / Y.A. Shumpeter. Moskva: Progress, 1982. 456 s.
8. *Riggs H.E.* Managing high technology companies Belmont / H.E. Riggs. New York, 1983. 333 p.
9. *Santo B.* Innovatsiya kak sredstvo ekonomicheskogo razvitiya; [per. s veng. s izm. i dop. avt.] / B. Santo; [red. B.V. Sazonov]. Moskva: Progress, 1990. 296 s.
10. *Druker P.* Yak zabezpechiti uspíkh u bíznesí / P. Druker. Kiíív: Ukraíína, 1994. 314 s.
11. *Porter M.* Konkurentsiya / M. Porter [per. s angl.]. Moskva: Vil'yams, 2001. 495 s.
12. *Volynkina N.V.* Pravovaya sushchnost' termina «innovatsiya». Innovatsionnaya ekonomika. Innovatsii № 1 (89). 2006. S. 64–69.
13. *Lapin V.* Tselenapravlennoye voploshcheniye znaniy v innovatsiyakh / V. Lapin // Problemy teorii i praktiki upravleniya. 2008. № 6. S. 105–114.
14. *Gubernatorov A.M.* Metodologiya i organizatsiya upravleniya innovatsionnym razvitiyem otrasli: dis. … d-ra ekonom. nauk: 08.00.05 / Aleksey Mikhaylovich Gubernatorov. Moskva. 2015. 342 s.
15. The Global Competitiveness Index: Report 2020 [Elektronnyy resurs] // Global Economic Forum. Rezhim dostupa: https://www.imd.org/centers/world-competitiveness-center/rankings/world-competitiveness/ (data obrashcheniya: 19.09.2021).
16. The Global Innovation Index: Report 2020 [Elektronnyy resurs] // ENSEAD. Rezhim dostupa: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2020.pdf (data obrashcheniya: 19.09.2021).
17. *Arturo Bris.* World Competitiveness Ranking 2021 [Elektronnyy resurs] // IMD Business School. Rezhim dostupa: https://www.imd.org/news/updates/2021-world-competitiveness-ranking/(data obrashcheniya: 19.09.2021).
18. Spisok krupneyshikh rossiyskikh konsaltingovykh grupp i kompaniy po itogam 2018 goda [Elektronnyy resurs] // Ofitsial'nyy sayt reytingovogo agentstva OOO «RAEKS-Analitika». Rezhim dostupa: https://raex-a.ru/printtable/?path=/consult/2018/main (data obrashcheniya: 19.09.2021).

19. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 04.02.2021 № 68 «Ob otsenke effektivnosti deyatel'nosti vysshikh dolzhnostnykh lits (rukovoditeley vysshikh ispolnitel'nykh organov gosudarstvennoy vlasti) sub"yektov Rossiyskoy Federatsii i deyatel'nosti organov ispolnitel'noy vlasti sub"yektov Rossiyskoy Federatsii» [Elektronnyy resurs] // Ofitsial'nyy sayt Pravitel'stva RF. Rezhim dostupa: http://government.ru/docs/all/132641/ (data obrashcheniya: 19.09.2021).
20. Dinamika investitsiy v ob"yekty intellektual'noy sobstvennosti, v deyatel'nost' professional'nuyu, nauchnuyu i tekhnicheskuyu i ob"yemov proizvodstva komp'yuterov, elektronnykh i opticheskikh izdeliy za 2017-2020 gody po Lipetskoy oblasti [Elektronnyy resurs] // Ofitsial'nyy sayt territorial'nogo organa Federal'noy sluzhby gosudarstvennoy statistiki po Lipetskoy oblasti. Rezhim dostupa: https://lipstat.gks.ru/official_publications (data obrashcheniya: 19.09.2021).

УДК 331.108.2

DOI 10.47629/2074-9201_2021_4_149_153

Трофимова Наталья Николаевна,
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры Менеджмента наукоёмких производств,
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург,
Tnn04@mail.ru

Будагов Артур Суренович
доктор экономических наук, доцент, директор института Технологий предпринимательства,
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург,
dean8@aanet.ru

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ HR-ДЕПАРТАМЕНТОВ РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. *Рассмотрены ключевые области цифровой трансформации деятельности HR-департаментов. Показано, что сегодня методы цифрового управления и гибкая организационная структура стали центральными в бизнес-мышлении HR-службы. Обосновано, что в современных условиях цифровой формат работы HR-департаментов должен базироваться на инновациях. Выявлены популярные тенденции в сфере HR-технологий на базе цифровизации. В результате проведенного исследования предложены некоторые управленческие решения, направленные на повышение работы HR-департаментов в условиях цифровизации.*

Ключевые слова: цифровизация, цифровая трансформация, управление персоналом, HR-департамент, HR-служба, HR-технологии, бизнес-процессы, чат-боты, COVID-19.

Natalia N. Trofimova,
Ph.D. of Economic Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Management of High-Tech Industries,
St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg,
Tnn04@mail.ru

Artur S. Budagov,
Doctor of Economic Sciences, Docent, Director of the Institute of Entrepreneurship Technologies, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg,
dean8@aanet.ru

DIGITAL TRANSFORMATION OF HR DEPARTMENTS OF RUSSIAN ENTERPRISES IN MODERN CONDITIONS

Abstract. *The article discusses the key areas of digital transformation of HR departments. It is shown that today the methods of digital management and flexible organizational structure have become central in the business thinking of the HR service. It is proved that in modern conditions, the digital format of the work of HR departments should be based on innovations. Popular trends in the field of HR technologies based on digitalization have been identified. As a result of the conducted research, some management solutions aimed at improving the work of HR departments in the conditions of digitalization are proposed.*

Keywords: digitalization, digital transformation, personnel management, HR department, HR service, HR technologies, business processes, chatbots, COVID-19.

За последнее время деятельность службы управления персоналом (HR-служба, HR-департамент) претерпела стремительную эволюцию (автоматизация, перевод данных в облачные хранилища, замена устаревших систем интегрированными платформами и др.). Еще пару лет назад HR как функция управления персоналом, нуждалась в преобразовании, поскольку предприятия в основном уделяли внимание вопросам переподготовки кадровых специалистов и внедрении аналитических программных продуктов.

Сегодня, когда методы цифрового управления и гибкая организационная структура стали центральными в бизнес-мышлении, HR-служба снова меняется, сосредотачиваясь на людях, основных бизнес-процессах и цифровых платформах. Цифровая трансфор-

мация подталкивает HR-департаменты проводить достаточно быстрые и глубокие изменения в трех ключевых областях [9]:

1. Цифровая рабочая сила.

Здесь организации внедряют новые методы управления персоналом, культуру инноваций и обмена опытом, а также набор методов работы с талантами (управление талантами, талант-менеджмент), которые способствуют созданию новой сетевой (цифровой) организации.

2. Цифровое рабочее место.

По этому направлению предприятия занимаются вопросами вовлеченности персонала в процессы цифровой трансформации, а также проектированием рабочей среды, обеспечивающей производительность и эффективность, используя современные средства коммуникации.

3. Цифровая HR-функция.

Организации занимаются трансформацией самой функции управления персоналом, чтобы иметь возможность качественно работать в цифровом формате, использовать цифровые инструменты и приложения для предоставления различных решений, а также постоянно экспериментировать и внедрять инновации.

Этот сдвиг происходит быстро, поскольку HR-руководителей подталкивают к тому, чтобы брать на себя более активную роль, помогая организации перейти на цифровые технологии. Большинство компаний уже модифицируют свои кадровые программы, чтобы использовать цифровые и мобильные инструменты. При этом многие из них перестраивают свои организации в соответствии с цифровыми бизнес-моделями, а также используют те или иные технологии искусственного интеллекта (далее – ИИ) для предоставления кадровых решений [10].

Цифровой формат HR-службы основан на многолетних усилиях. Так еще в 1980-х годах HR-службы в развитых странах начали внедрять автоматизацию транзакций и поддержания надежной системы учета сотрудников [12]. В 1990-х годах HR-службы по всему миру начали управлять ключевыми методами работы с талантами, центры обслуживания обрабатывали индивидуальные потребности сотрудников (например, автоматизированные системы аттестации и переподготовки кадров).

В начале 2000-х годов система управления персоналом была снова переработана с учетом интегрированного управления талантами, что часто сопровождалось внедрением новых систем найма, обучения, управления производительностью и материальной компенсацией.

Сегодня фокус HR-функций сместился в сторону построения организации будущего. Компании нанимают молодых, разбирающихся в цифровых технологиях сотрудников, которым удобно делать все самостоятельно и прозрачно обмениваться информацией. Им нужен интегрированный цифровой опыт на работе, который ориентирован на команды, продуктивность и расширение прав и возможностей [6].

Хотя ни одна из предыдущих обязанностей HR-службы не ушла в прошлое, кадровые отделы сегодня вынуждены переписать правила, изменив методы работы с талантами, от набора персонала до руководства и управления эффективностью, экспериментируя с цифровыми приложениями и путем наработки убедительного опыта в области цифровизации. Все это должно быть сделано с упором на цифровую реорганизацию команд, внедрение аналитики и анализа организационной структуры, а также глобальное внимание к корпоративной культуре, обучению и карьере.

Таким образом, очевидно, что цифровой формат работы HR-департаментов основан на инновациях и экспериментах. По мере того как компании расширяются, а штат сотрудников меняется, почти во всех сферах управления персоналом требуются новые подходы. Компании теперь все чаще используют программные продукты для управления персоналом.

Цифровое управление персоналом требует опыта в цифровых технологиях. Хотя облачные системы управления персоналом принесли огромную пользу организациям, их уже недостаточно. Сегодня HR-команды переосмысливают свои решения в контексте приложений, встроенных в рабочие процессы. Рынок поставщиков обновляется и на рынок выходит новое поколение продуктов и решений для персонала, многие из которых построены на мобильных приложениях и искусственном интеллекте.

Эти инструменты позволяют HR-службам работать в режиме, близком к реальному, отслеживая показатели вовлеченности, набора персонала, текучести кадров и других показателей, чтобы помочь руководителям быстрее принимать решения.

По мере того как цифровзация управления персоналом набирает обороты, предприятиям следует:

1. Пересмотреть свою миссию.

HR-службы сегодня должны определить свою роль как команды, которая помогает руководству и сотрудникам быстро трансформироваться и адаптироваться к цифровому мышлению. Для этого в первую очередь необходимо ознакомиться с сетевыми организационными структурами, организационным сетевым анализом и моделями цифрового лидерства.

2. Обновить базовую технологию.

Для этого нужно заменить устаревшие системы интегрированной облачной платформой для надежной цифровой инфраструктуры, обновить старые инструменты для обучения, найма и управления производительностью, внедрить системы, которые легко использовать для сотрудников.

3. Разработать долгосрочную стратегию внедрения HR-технологий.

В сегодняшнем быстро меняющемся мире HR-технологий важно разработать стратегию, которая будет включать в себя платформы облачного планирования ресурсов предприятия (ERP), приложения, аналитику и ряд инструментов для искусственного интеллекта, управления бизнес-процессами и др.

4. Создать цифровую команду HR.

Здесь следует создать команды для изучения цифровых решений, а также рассмотреть возможные решения на основе искусственного интеллекта для улучшения предоставления услуг, набора персонала и обучения.

5. Организовать HR-сети экспертных знаний с сильными деловыми партнерами.

Для этого необходимо пересмотреть свою организационную модель HR-службы, чтобы сосредоточить усилия на опыте сотрудников, аналитике, культуре и обучении. При этом нужно убедиться, что все HR-команды хорошо эффективно общаются и делятся передовыми практиками в области цифровизации управления персоналом.

6. Сделать инновации основной стратегией в HR-менеджменте.

Необходимо вводить новшества в практику каждого сотрудника. Многие организации сейчас используют новые методы управления производительностью, основанные на кадровом проектировании. Следует внедрять инновации в подборе высокопроизводительных сотрудников.

Итак, управление персоналом стремительно развивается, с постоянным потоком новых цифровых инструментов и технологий. Самой масштабной трансформацией за последние годы стал полный переход от традиционных ручных кадровых процессов к цифровым к автоматизированным.

Эта цифровая трансформация HR-процессов затрагивает все предприятия, от крупнейших компаний до самых маленьких организаций. Данное преобразование включает перевод давно используемых ресурсов, инструментов и процессов, таких как картотеки и списки контактов, на цифровые носители.

В 2020 году произошла массовая трансформация, поскольку многие компании открыли для себя цифровые решения, которые помогли им работать удаленно из-за пандемии COVID-19 [1]. Проблемы управления удаленной рабочей силой во время глобальной пандемии подчеркнули необходимость внедрять цифровые процессы и передовые методы управления персоналом [4]. От найма до обучения и управления компаниям нужны правильные инструменты управления персоналом, чтобы совершить цифровой скачок.

Независимо от того полностью ли предприятие трансформировало HR-функции в цифровую бизнес-операцию или только начало делать первые шаги по необходимости из-за пандемии COVID-19 в 2020 году, необходимо знать, какие цифровые технологии существуют и какие из них лучше всего подойдут для предприятия.

Самыми популярными тенденциями в сфере HR-технологий на базе цифровизации в 2021 году стали [2; 3; 5]:

1. Улучшение адаптации сотрудников.

2. Повышение вовлеченности сотрудников.

3. Оптимизация обучения сотрудников.

С учетом этого основные технологические тенденции цифровой трансформации HR-департаментов выглядят следующим образом [7; 8; 11; 13]:

1. **Увеличиваются области применения искусственного интеллекта.**

Управление персоналом – это лишь одна сфера, в которой наблюдается рост полезных инструментов искусственного интеллекта. В процессе цифрового найма используется искусственный интеллект для предварительного отбора потенциальных кандидатов на работу.

Программное обеспечение для найма персонала использует ИИ во многих отношениях, таких как оценка каждого кандидата на работу, проверка посредством вопросов, ответов и видео-интервью, проверка социальных сетей, а также определение эффективности стратегий найма. Хотя кандидатам в конечном итоге потребуются личные собеседования, искусственный интеллект помогает в процессе приема на работу: сокращает объем работы, которую необходимо выполнить руководству для поиска новых сотрудников, и сокращает время, потраченное на неподходящих кандидатов.

2. **Облачные инструменты становятся необходимостью в работе** HR-департаментов.

В настоящее время облачные инструменты быстро становятся неотъемлемой частью бизнеса, поскольку они упрощают хранение и совместное использование деловых материалов. Компании воспользовались преимуществами облачных систем, когда большинство перешли на удаленную работу в 2020 году из-за пандемии COVID-19.

3. **Чат-боты используются в работе** HR-департаментов.

Чат-боты использовались в обслуживании клиентов в течение многих лет, но сегодня раскрыли свой потенциал и в других областях. У сотрудников есть ряд потребностей, которые традиционно удовлетворяются посредством общения с представителями отдела кадров. С помощью чат-ботов можно решать простые проблемы, отправлять информацию, предоставлять данные и собирать информацию о найме. Чат-боты оптимизируют процессы управления персоналом и сокращают время, которое сотрудники от-

дела кадров тратят на текущие бизнес-операции. Чатботы также полезны при работе с сотрудниками на удаленной работе, которые не могут прийти в отдел кадров, чтобы задать вопрос.

4. **Упрощение удаленной работы**

В 2020 году удаленная работа достигла уровня, которого до пандемии COVID-19 нельзя было даже ожидать. В 2021 году удаленные рабочие процессы также являются неотъемлемой частью HR-решений. Используя виртуальные решения для найма, обучения и общения, облачные сервисы предоставляют простой способ хранить информацию, программы видеоконференцсвязи упрощают виртуальные встречи. Цифровые инструменты упрощают удаленный прием на работу, обучение и сбор данных о потенциальных кандидатах на вакантные места.

Как видим, цифровая трансформация HR-процессов усиливается из года в год, поскольку все больше компаний начинают отказываться от ручных процессов и инструментов. При этом пандемия COVID-19 стала толчком для этого перехода для многих предприятий, которые уже и ранее стремились оцифровать рабочие бизнес-решения.

Сегодня можно ожидать новых тенденций в сфере HR-технологий, инструменты продолжают развиваться и становиться все более востребованными. Компании не только стремятся оптимизировать свою организацию и бизнес-процессы, но и наладить эффективную работу удаленных сотрудников на базе цифровых решений.

Таким образом, у HR-департаментов имеется критически важная возможность помочь осуществлению цифровой трансформации всего предприятия. В ближайшие несколько лет HR-команды, которые используют цифровые платформы для решения тройной задачи (преобразования HR-функций, преобразования рабочей силы и способа выполнения работы), изменят правила игры. Руководители отдела кадров, которые опираются в своей работе на новые цифровые технологии и платформы, а также изучают и вкладывают средства в обеспечение гибкости путем постоянного переосмысления цифровых возможностей, будут иметь большие перспективы в сфере влияния на опыт сотрудников и повышение эффективности работы всего предприятия.

Список литературы

1. *Апханова Е.Ю., Бирюкова Л.В.* Цифровизация бизнеса в России: возможности и проблемы // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2021. № 1 (105). С. 21-27.
2. *Дегтярева В.В.* Цифровые инструменты HR и их роль в процессе повышения конкурентоспособности компаний // Управление. 2021. № 2. С. 90-102.
3. *Козлачкова Ю.И.* Влияние пандемии и ее последствий на цифровизацию рекрутинга персонала // Финансовые рынки и банки. 2021. № 2. С. 8-13.
4. *Королев В.И.* Проблемы использования персонала в условиях цифровизации: зарубежная и отечественная практика // Российский внешнеэкономический вестник. 2021. № 9. С. 116-124.
5. *Липунова Л.Ф., Иремадзе Э.О.* Роль информационных технологий в системе управления персоналом // Скиф. 2021. № 4 (56). С. 282-286.
6. *Патрусова А.М.* Управление персоналом в условиях развития цифровой экономики // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2021. № 3. С. 71-83.
7. *Романов М.С.* Методологические аспекты управления персоналом в рамках цифровизации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки . 2021. № 2. С. 63-70.
8. *Семушкина С.Р.* Роль цифровизации в управлении изменениями современных компаний // Инновации и инвестиции. 2021. № 7. С. 72-76.
9. *Трофимова Н.Н.* Ключевые препятствия для инновационного развития российского высокотехнологичного производства // Проблемы современных интеграционных процессов и поиск инновационных решений: сборник статей международной научно-практической конференции. Уфа, 2020. С. 181–186.
10. *Трофимова Н.Н.* Эффективное внедрения принципов устойчивого развития в бизнес-модель наукоемких предприятий российской экономики // Инновационные технологии современной научной деятельности: стратегия, задачи, внедрение: сборник статей международной научно-практической конференции. Уфа, 2020. С. 89–93.
11. *Чупина И.П., Симачкова Н.Н., Зарубина Е.В., Журавлева Л. А., Фатеева Н.Б.* Проблемы цифровой трансформация в HR-деятельности // Московский экономический журнал. 2021. № 2. С. 307-314.
12. *Чэньси С.* Трансформация HR-функционала фирмы в условиях цифровизации экономики // Бизнес-образование в экономике знаний. 2021. № 1 (18). С. 73-76.
13. *Щербакова О.В.* Цифровизация трудовых отношений // Междисциплинарные исследования: опыт прошлого, возможности настоящего, стратегии будущего. 2021. № 1. С. 104-111.

References

1. *Apkhanova E.Y.,* Biryukova L.V. Digitalization of business in Russia: opportunities and problems // Bulletin of the Khabarovsk State University of Economics and Law. 2021. № 1 (105). pp. 21-27.

2. *Degtyareva V.V.* Digital HR tools and their role in the process of increasing the competitiveness of companies // Management. 2021. № 2. pp. 90-102.
3. *Kozlachkova Yu.I.* The impact of the pandemic and its consequences on the digitalization of personnel recruitment // Financial markets and banks. 2021. № 2. pp. 8-13.
4. *Korolev V.I.* Problems of personnel use in the conditions of digitalization: foreign and domestic practice // Russian Foreign Economic Bulletin. 2021. № 9. pp. 116-124.
5. *Lipunova L.F., Iremadze E.O.* The role of information technologies in the personnel management system // Skif. 2021. № 4 (56). pp. 282-286.
6. *Patrusova A.M.* Personnel management in the conditions of digital economy development // Scientific result. Business and service technologies. 2021. № 3. pp. 71-83.
7. *Romanov M.S.* Methodological aspects of personnel management in the framework of digitalization // State and municipal management. Scientific notes. 2021. № 2. pp. 63-70.
8. *Semushkina S.R.* The role of digitalization in change management of modern companies // Innovations and investments. 2021. № 7. pp. 72-76.
9. *Trofimova N.N.* Key obstacles to the innovative development of Russian high-tech production // Problems of modern integration processes and search for innovative solutions: collection of articles of the international scientific and practical conference. Ufa, 2020. pp. 181-186.
10. *Trofimova N.N.* Effective implementation of the principles of sustainable development in the business model of knowledge-intensive enterprises of the Russian economy // Innovative technologies of modern scientific activity: strategy, tasks, implementation: collection of articles of the international scientific and practical conference. Ufa, 2020. pp. 89-93.
11. *Chupina I.P., Simachkova N.N., Zarubina E.V., Zhuravleva L.A., Fateeva N.B.* Problems of digital transformation in HR activities // Moscow Economic Journal. 2021. № 2. pp. 307-314.
12. *Chenxi S.* Transformation of HR-functionality of a firm in the conditions of digitalization of the economy // Business education in the knowledge economy. 2021. № 1 (18). pp. 73-76.
13. *Shcherbakova O.V.* Digitalization of labor relations // Interdisciplinary research: the experience of the past, the possibilities of the present, the strategies of the future. 2021. № 1. pp. 104-111.

УДК 338.012

DOI 10.47629/2074-9201_2021_4_154_158

Туров Ростислав Сергеевич,
кандидат философских наук, доцент кафедры Философии и социально-гуманитарных наук,
Государственный аграрный университет Северного Зауралья, город Тюмень,
turov.rostislav@yandex.ru

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПОНИМАНИЯ СЕЛЬСКОГО ТУРИЗМА

Аннотация. *Статья постулирует аксиологический подход как одно из направлений исследования сельского туризма в аспекте его ценностной составляющей. В качестве цели исследования определена выработка аксиологических основ в понимании сельского туризма как социокультурного явления в условиях современной России. Научная новизна заключается в определении сущности сельского туризма как способа разрешения внутреннего конфликта ценностей: материальных и постматериальных. Предпосылкой интереса к такому способу разрешения конфликта выступает мифологический характер представления о сельской местности как о потерянном рае. В ходе исследования показана ценность аутентичности личностного опыта как образующая составляющая этики корпоративной социальной ответственности организаторов туров сельского туризма. Достоверность полученных результатов определяется соотнесением с реальной практикой осуществления туристской деятельности.*
Ключевые слова: сельский туризм, ценность, Пандемия COVID-19, миф.

Rostislav S. Turov,
Ph.D. of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities, State Agrarian University of Northern Trans-Urals, Tyumen,
turov.rostislav@yandex.ru

AXIOLOGICAL FOUNDATIONS OF UNDERSTANDING RURAL TOURISM

Abstract. *The article postulates an axiological approach as one of the areas of research in rural tourism in terms of its value component. The development of axiological foundations in the understanding of rural tourism as a socio-cultural phenomenon in the conditions of modern Russia is determined as the goal of the study. Scientific novelty lies in the definition of the essence of rural tourism as a way to resolve the internal conflict of values: material and post-material. The prerequisite for interest in this method of conflict resolution is the mythological nature of the idea of the countryside as a lost paradise. The study shows the value of the authenticity of personal experience as a constituent component of the ethics of corporate social responsibility of the organizers of rural tourism tours. The reliability of the results obtained is determined by correlation with the actual practice of carrying out tourist activities.*
Keywords: rural tourism, value, Pandemic COVID-19, myth.

Туризм как одно из направлений развития сельской территории в условиях постиндустриального общества представляет особенный интерес для всех участников такой деятельности, вовлекая представителей не только туриндустрии и потребителей туристского продукта, но и органы власти и местное сообщество. Принятие Стратегии развития туризма в Российской Федерации до 2035 года и упоминание в ней сельского туризма на самом высоком уровне подтвердило необходимость развития сельского туризма как одного из приоритетов развития агропромышленного комплекса. Хотя туристский продукт обладает широким экспортным потенциалом, сельский туризм традиционно принято рассматривать в аспекте развития внутреннего туризма. Пандемия COVID-19, нанесшая серьезный ущерб туристской отрасли, в очередной раз обозначила важность развития внутреннего туризма и таких его видов, которые не предполагают массовости. В свете этих обстоятельств философские исследования сельского туризма приобретают особенную актуальность, в частности, с использованием аксиологии как дисциплины, концентрирующейся на ценностях. Лучшее понимание ценностей, которые связаны с сельским туризмом как явлением, позволит точнее определить место сельского туризма в социокультурных практиках современного общества, формировать адекватные механизмы продвижения туристского продукта конкретной местно-

сти, выбирать рациональные стратегические альтернативы развития этой сферы экономики.

Целью исследования выступает выработка аксиологических основ в понимании сельского туризма как социокультурного явления в условиях современной России.

Задачи исследования:

• показать конфликтный характер взаимодействия ценностей выживания и самовыражения в сознании современного человека;

• определить значение мифа в контексте аксиологии туристской деятельности, его влияние на поведение туриста и формирование туристского продукта;

• выявить значение ценностной составляющей в процессе формирования туристского продукта.

Материалы и методы. В рамках проводимого исследования были задействованы методы и концептуальные подходы гуманитарных наук в аспекте изучения ими категории ценностей, а также явления туризма. Было задействовано концептуальное понимание туризма одновременно как объективно существующего социального института [1] и, в то же время, аксиологического субъекта, порождающего и реконструирующего ценностные системы [10]. Осмысление ценностей туризма обусловило обращение к педагогике туризма как научному направлению, в рамках которого ценностные аспекты туризма в аспекте его влияния на человека, его развитие и воспитание получило определенное развитие в рамках исследования ценностной составляющей туристской деятельности. Предложенное Рональдом Инглхартом разделение ценностей самовыражения и выживания (материальных и постматериальных [3]), их влияние на социально-экономические процессы определило исходное понимание классификации ценностей, присутствующих в сельском туризме. Авторское же понимание предполагает неоднозначность положения туризма как социального института, взаимодействующего в процессе своего становления и развития как в материалистическими, так и постматериалистическими ценностями. Анализ источников по теме исследования позволил заключить, что в настоящее время рассмотрение аксиологии сельского туризма в аспекте формирования ценностей довольно часто осуществляется в таком направлении исследований как педагогика туризма, что представляется оправданным отечественной педагогической традицией, воспринимающей практики внутреннего туризма как часть социализации личности, в ходе которых вырабатывается представление о месте человека в истории и культуре родного края [6].

Хозяйственный аспект понимания туризма как индустрии и разновидности экономической деятельности сферы услуг определяет необходимость применения концепта туристского продукта в целом и сельского туризма в частности. Предлагается использовать представление о туристском продукте сельского туризма как сложной, конструируемой услуге, направленной на удовлетворение определенных личностно детерменированных потребностей, связанных с досуговой деятельностью, реализуемой в условиях сельской местности и ориентированной на специфику сельской повседневности как основным туристическим аттрактором.

Результаты исследования. Аксиология туризма может рассматриваться с позиции межкультурного взаимодействия, столкновения цивилизаций, возникновения и решения в ходе данных взаимодействий различных культурных конфликтов, в основе которых лежат разные представления о ценностях, которые разделяет турист, местный житель, организатор туристической деятельности. Полагаем, что для внутреннего туризма определенная конфликтогенность на основе ценностей проявляется не так остро, как в случае с визитами туристов в иностранные государства, но также имеет место. Мы предлагаем сместить фокус поля конфликта с конфликтного взаимодействия между различными субъектами в сферу внутриличностного конфликта. Эта сторона столкновения ценностей отражает развитие человека, туризм здесь выступает как способ поиска этого обеспечивающего внутреннее развитие конфликта. Столкновение ценностей, происходящее в сознании индивида, подталкивает его к такому развитию за счет их переоценки, приведения в определенную обновленную иерархию, сопоставления с ценностями других. Внутриличностный ценностный конфликт присущ не только самим туристам как потребителям туристского продукта, но также организаторам туристской деятельности, наемным работникам сферы туризма, местным жителям. В полной мере это присуще сельскому туризму, поэтому важно раскрыть истоки этих конфликтов в аспекте столкновения различных ценностных систем.

В аспекте изучения ценностных систем определяющее значение имеет теория социолога и политолога Р. Инглхарта. Она заключается в том, что предполагает деление ценностей на материальные (связанные с выживанием) и постматериальные (связанные с самовыражением), и связывает степень разделения этих ценностей в обществе с влиянием её на социальные, экономические и политические процессы. В случае с туризмом проявления этих двух видов ценностей носят противоречивый характер. В пользу того, что туризм как культурно-досуговая практика будет распространяться в обществах, где распространены ценности самовыражения, говорит направленность этой практики, ориентация на саморазвитие и расширение границ личностного опыта, репрезентации себя среди других. С другой стороны, сам по себе туризм представляет собой прибыльный вид бизнеса, а

одним из ключевых аспектов его реализации выступает обеспечение безопасности, что в совокупности говорит о наличии определенного материалистического компонента в ценностях туризма. Это необходимо учитывать при характеристике аксиологических основ туризма, тем более, с учетом различных его разновидностей, удовлетворяющих различные потребности. Каков ценностный компонент процесса реализации потребностей в случае с реализацией туристского продукта в сельском туризме?

Туристская деятельность влияет на духовность, служит проводником неких традиционных ценностей, туризм выступает в качестве элемента просвещения и приобщения к культуре. Этот подход специфичен для такого исследовательского направления как педагогика сельского туризма. В рамках данного направления туризм иногда понимается как средство доставки личности к природному культурному наследию [2]. Признавая определенную метафоричность такого сравнения, отметим, что движущим средством участия человека в туристской деятельности выступает определенный мотив: этот мотив возникает у личности под воздействием социальных факторов, и его в обязательном порядке должен учитывать организатор туристской деятельности, будь она коммерческой или носит некоммерческий характер. Уточняя такой подход, можно отметить, что одним из мотивов участия в туристской деятельности может выступать миф, причем миф может пониматься предельно широко – от традиционного мифа-сказания до мифов современности и «городских легенд». Это, в свою очередь, формирует соответствующую туристскую мифологию – набор укоренившихся представлений о каких-либо местностях, обычаях проживающих там людей и потенциальном интересе для посещения (или не-посещения) данного места. Бытование этого мифа в туристской среде, как представляется, зависит от субъектов, организующих туристскую деятельность, которые могут заниматься как коммерческой эксплуатацией определенного мифа, так и строить свою деятельность на опровержении указанного мифа. Зачастую существование мифов способствует привлечению внимания туристов и может использоваться и поддерживаться властями региона. В качестве примера можно привести мифы о Лох-Несском чудовище (Шотландия), об исключительном значении города Аркаим (Челябинская обл.). В то же время, существование предвзятости относительно какой-либо страны или местности может существенно усложнить туристские поездки в эту местность и снизить реальный туристический поток. Так, за рубежом бытует мнение, что Россия за пределами Москвы и Санкт-Петербурга мало пригодна для туризма.

В случае с сельским туризмом последнему присущ миф «потерянного рая»: подлинной и настоящей жизни, которая была когда-то утрачена. Ранее нами была показана значимость аутентичности личностного опыта в сельском туризме, возможность понимания его не только как некоего описательного соответствия представлениям о традиции, но и способа формирования экзистенциального опыта и понимания себя [8]. Миф «потерянного рая» всегда личностно эмоционально окрашен, он тесно связан с пониманием аутентичности. Именно поиски такого рая, стремление реализовать эскапистское желание вырваться из обыденного городского мира в мир естественный, природный, «простого быта», могут выступать в качестве движущей силы туризма. В определенной степени, человек наделяет ценностью сельский быт, сельскую жизнь в широком её понимании как наиболее приближенную не только к природе, но и к некоему отношению между людьми, более «простому и искреннему». Отдельный вопрос представляет собой формирование именно такого представления о сельской жизни и её специфической ценности. Мы полагаем, что в данном случае механизмы формирования такой ценности в России связываются с аспектами травматичного социального опыта урбанизации, специфического для России, что порождает определенную мифологию, отражающую не только туризм, но и социальную историю в целом. Мы также полагаем, что сверхцентрализация власти, практики недобровольных выселений из сельской местности, волны голода в начале XX века, раскулачивания и репрессии в сельской местности в советские годы (подробнее об этом – см. в [5]) – все это наложило свой отпечаток на понимание роли села в культурном и историческом пространстве, способствовало формированию дихотомичного представления о деревне. С одной стороны, это территория провинциальности, отсталости и бесперспективности. С другой стороны, это своеобразный образ дома, утраченного убежища, пасторали и некоего морально-нравственного идеала сельского жителя и сельской жизни как идеала, к которому можно стремиться и в который хочется вернуться. Все этом может говорить о существовании «травмы урбанизации» (в терминах психолога Людмилы Петрановской [4]) как специфического постсоветского культурно-исторического опыта. Следует признать, что укоренённости в массовом сознании сельской жизни как природного и традиционного идеала не мешает даже объективно более низкий уровень жизни на селе в современной России.

Возвращение к истокам, «пасторальное», часто идеализированное представление о селе представляет собой проявление действия постматериальных ценностей. Иное бы доказывало, что такое возвращение непрагматично, жизнь в селе в таком представлении в целом с материальной точки зрения проигрывает жизни в городе. Уровень жизни горожанина по уровню бытового комфорта, объемам доходов, доступу к различной инженерной и социокультурной

инфраструктуре чаще выше, чем у жителя сельской местности. Осознание же «травмы урбанизации» – сама по себе постматериальная проблема, способ проработки этой травмы и стремление её проработать уже говорит о значении, которое имеют постматериальные ценности в жизни человека. Это отражает специфику российского социокультурного опыта, процессов урбанизации, что всецело оказывает влияние на понимание ценность сельской жизни, и, как следствие, формирует специфическую её ценность в аспекте туризма как способа проработки травмы. Это понимание позволяет не только лучше понять мотивы индивида, занимающегося туризмом, но и адекватно формировать сами туристские продукты.

Туристский продукт может быть основан на поддержании мифа, а может быть основан на разрушении, что в полной мере относится к мифологизации сельской жизни. Сложность состоит в индивидуальности опыта каждого конкретного индивида и своеобразии его ценностной системы: один и тот же туристский продукт может укрепить представление о мифологически идеальной сельской жизни, а может его разрушить. Вместе с тем, в данном процессе, тесно связанном с работой с ценностями, значительную роль играет организатор туристской деятельности, создатель туристского продукта.

Формируя авторское отношение, отметим, что сознательный выбор создателя туристского продукта неизбежно связывается с его этической составляющей и, в частности, корпоративной этикой. Как показали Ф. Пирс с соавторами, корпоративная этика хорошо работает там, где развиты постматериальные ценности, доверие и корпоративная социальная ответственность организатора туристской деятельности. Там же, где превалируют материальные ценности, уровень доверия и корпоративной социальной ответственности ниже, и это проявляется в специфике туристской деятельности (в качестве крайнего примера авторы приводят явление секс-туризма) [9]. Этическая составляющая деятельности организатора туров сельского туризма, как представляется, должна базироваться на представлении о таких ценностях как сохранение аутентичности повседневной сельской жизни, принятия интересов местного сообщества, обеспечение принципов устойчивого развития территории при осуществлении туристской деятельности в сельской местности. Это обстоятельство показывает взаимосвязь двух направлений философских исследований: аксиологии и этики применительно к такой деятельности как сельский туризм. Без развития аксиологической, ценностной составляющей любые заявления о какой-либо этике, корпоративной социальной ответственности субъектов, развивающих сельский туризм, будут оставаться не более чем декларативными заявлениями. Как представляется, основным должно стать продвижение практик доверия, призванных гармонизировать отношения между прибывающими туристами и местными жителями.

Выводы. Аксиологический подход к сельскому туризму позволил определить конфликтный характер этой деятельности в части внутренних конфликтов индивида и туризма как способа акцентуации и разрешения данного конфликта. Основой такого внутреннего ценностного конфликта в случае с сельским туризмом выступает сформировавшийся под влиянием социальной истории миф «потерянного рая», где сельская местность обретает ценность в качестве утраченного, лучшего места для жизни. Сельский туризм может выступать в качестве как способа подтверждения, так и опровержения этого мифа, что определяется личностным аспектом переживания аутентичности туристского продукта. Признание ценности аутентичности личного опыта как постматериального вида ценностей предполагает необходимость корпоративной этической ответственности организаторов тура сельского туризма, в качестве элемента которого выступают практики, способствующие повышению доверия между туристами и местными жителями.

Список литературы

1. *Аппакова-Шогина, Н.З.* Въездной и внутренний туризм в Республике Татарстан: опыт мультинаучного исследования: коллективная монография / Н.З.Аппакова-Шогина, А.В. Гут, Э.Н. Евстафьев и др.; Отв.ред. А.З. Хурамшина. Казань: ФГБОУ ВПО «Поволжская ГАФКСиТ», 2014. 252 с.

2. *Зорин И.В.* Аксиологическое пространство как предметная область педагогики туризма // Теория и практика физической культуры. 2000. № 8. С. 58-60.

3. *Инглхарт Р.* Модернизация, культурные изменения и демократия [Текст] : последовательность человеческого развития / Рональд Инглхарт, Кристиан Вельцель; [пер. с англ. М. Коробочкин]; Фонд Либеральная миссия. Москва: Новое изд-во, 2011. 462 с.

4. *Петрановская Л.* Чем родительство похоже на профессию врача и что делать с эмоциональным выгоранием из-за детей? // URL: https://paperpaper.ru/chem-roditelstvo-pohozhe-na-professiyu/.

5. *Пивоваров Ю.Л.* Урбанизация России в XX веке: представления и реальность // Общественные науки и современность. 2001. № 6. С. 101-113.

6. *Писаренко С.В., Фомин А.А.* Изучение аспектов разработки аксиологической модели маршрутизации в условиях туристско-рекреационного проектирования // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2017. № 4. С. 144-153.

7. *Прокопец Т.Н., Кондрашов К.А.* Туристский продукт как комплекс туристских услуг // Научное обозрение: теория и практика. 2020. Т. 10. № 8 (76). С. 1741-1752.
8. *Туров Р.С.* Особенности понимания аутентичности в сельском туризме // Вестник Академии права и управления. 2020. № 3 (60). С. 70-74.
9. *Pearce P.* Tourists, Tourism and the Good Life. Milton Park: Routledge, 2011. 242 p.
10. *Vafina AH.*. Theoretical and applied potential of tourism axiology and environmental subjectivities // Caspian Journal of Environmental Sciences. 2020. № 18(5). 525-531 pp.

References

1. *Appakova-Shogin, N.Z.* Inbound and domestic tourism in the Republic of Tatarstan: the experience of multiscientific research: a collective monograph / N.Z. Appakova-Shogina, A.V. Gut, E.N. Evstafiev and others; Editor-in-chief A.Z. Khuramshina. Kazan: FGBOU VPO «Povolzhskaya GAFKSiT», 2014. 252 p.
2. *Zorin I.V.* Axiological space as a subject area of tourism pedagogy // Theory and practice of physical culture. 2000. № 8. S. 58-60.
3. *Inglehart R.* Modernization, cultural change and democracy [Text]: the sequence of human development / Ronald Inglehart, Christian Welzel; [lane. from English M. Korobochkin]; Liberal Mission Foundation. Moscow: New Publishing House, 2011.462 p.
4. *Petranovskaya L.* How is parenting similar to the profession of a doctor and what to do with emotional burnout due to children? // URL: https://paperpaper.ru/chem-roditelstvo-pohozhe-na-professiyu/.
5. *Pivovarov Yu.L.* Urbanization of Russia in the XX century: perceptions and reality // Social sciences and modernity. 2001. № 6. S. 101-113.
6. *Pisarenko S.V., Fomin A.A.* Study of the aspects of the development of an axiological model of routing in the conditions of tourist and recreational design. Bulletin of the Leningrad State University. A.S. Pushkin. 2017. № 4. S. 144-153.
7. *Prokopets T.N., Kondrashov K.A.* Tourist product as a complex of tourist services // Scientific review: theory and practice. 2020.Vol. 10. № 8 (76). S. 1741-1752.
8. *Turov R.S.* Features of understanding authenticity in rural tourism // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2020. № 3 (60). S. 70-74.
9. *Pearce P.* Tourists, Tourism and the Good Life. Milton Park: Routledge, 2011.242 p.
10. *Vafina A.H.* Theoretical and applied potential of tourism axiology and environmental subjectivities // Caspian Journal of Environmental Sciences. 2020. № 18 (5). 525-531 pp.

УДК 332.1

DOI 10.47629/2074-9201_2021_4_159_164

Чжао Вэньфу,
аспирант кафедры Менеджмента, Институт экономики, управления и права,
Иркутский национальный исследовательский технический университет, город Иркутск,
malex1j@yandex.ru

ФОРМИРОВАНИЕ МОДЕЛИ ВЫБОРА ОПТИМАЛЬНОГО ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРОЕКТА ПО РАВНОВЕСИЮ НЭША В РАМКАХ МАШИНОСТРОИТЕЛЬНОГО КЛАСТЕРА

Аннотация. *По мере развития промышленности, во многих странах широкое распространение получили промышленные кластеры. Промышленный кластер представляет собой совокупность субъектов деятельности в сфере промышленности, связанных отношениями в указанной сфере вследствие территориальной близости и функциональной зависимости и размещенных на территории одного субъекта. В рамках статьи данный механизм межфирменной инновационной сети понимается, как типичное игровое поведение, когда фирмы инвестируют в своих партнеров по кластеру. Принимая во внимание возможность того, что предприятия могут быть ограничены в ресурсах, в этой статье анализируется координационная игра с использованием решения Нэша в качестве правила распределения между фирмами в машиностроительном кластере. В статье представлена расширенная межфирменная игра n игроков, основанная на неидеализированных условиях и описывающая 4 инвестиционные стратегии. Анализируя результаты проведенных исследований, доказано, что жадная стратегия является наиболее эффективной в большинстве ситуаций.*

Ключевые слова: инвестиционные проекты, равновесие Нэша, машиностроительный кластер, распределение, теория игр, теорема Брауэра.

Zhao Wenfu,
Postgraduate at the Department of Management, Institute of Economics, Management and Law,
Irkutsk national research technical university, Irkutsk,
malex1j@yandex.ru

FORMATION OF A MODEL FOR CHOOSING THE OPTIMAL NASH EQUILIBRIUM INVESTMENT PROJECT WITHIN THE MACHINE-BUILDING CLUSTER

Abstract. *With the development of industry, industrial clusters have become widespread in many countries. An industrial cluster implies a set of subjects of activity in the field of industry, connected by relations in this area due to territorial proximity and functional dependence and located on the territory of one subject. Within the framework of the article, this mechanism of the inter-firm innovation network is understood as a typical gaming behavior when firms invest in their cluster partners. Taking into account the possibility that enterprises may be limited in resources, this article analyzes the coordination game using the Nash solution as a distribution rule between firms in a machine-building cluster. The article presents an extended inter-company game of n players based on non-idealized conditions describing 4 investment strategies. Analyzing the results of our research, it is proved that the greedy strategy is the most effective in most situations.*

Keywords: investment projects, Nash equilibrium, engineering cluster, distribution, game theory, Brower's theorem.

Теория игр имеет важную роль в экономике, и многие экономические явления моделируются как игры [1]. Есть много разных типов игр, и они могут отличаться по двум основным параметрам: игры могут различаться по количеству участников – например, игры с двумя или n игроками, и по тому, могут ли участвующие игроки достоверно выполнять набор действий, более известных как кооперативные и некооперативные игры [2]. Одна из основных проблем любой игры – это вычислить равновесие Нэша.

В рамках данной статьи мы использовали равновесие Нэша с целью построения эффективной

инвестиционной стратегии в машиностроительном кластере [9]. Машиностроительный кластер представляет собой сеть из разных предприятий, которых объединяет одна общая цель – максимизация прибыли. Сформированная сеть между предприятиями, построенная с удовлетворением интересов предприятий, определяется целью развития инноваций и обмена знаниями [5]. В ряде примеров, предприятия, входящие в состав кластера, сокращают производственные издержки за счет кооперации, оптимизируют производственную цепочку поставок, снижают риски и повышают свой инновационный уровень [6].

В нашем случае игроки (предприятия) должны выбирать стратегии максимизации выигрыша в условиях сложной сети. В сетевой игре каждый агент рассматривается как участник некооперативной игры. Каждый игрок рационально выбирает стратегию, чтобы максимизировать функцию объекта (добиться максимального выигрыша). При этом все игроки могут достичь равновесия по Нэшу, при котором сеть достигает устойчивого состояния, и ни один игрок не может извлечь выгоду, отклонившись от своей оптимальной стратегии [13].

В этой статье мы представляем расширенную игру n игроков при неидеализированных условиях, а именно, когда игроки ограничены в ресурсах. В реальных социальных ситуациях фирмы не склонны инвестировать в своих союзников в соответствии с теоретическим решением неограниченного равновесия по Нэшу из-за финансовых, человеческих или других ограничений ресурсов [14]. Это означает, что фирмам необходимо изменить свои инвестиционные стратегии в зависимости от ресурсных ограничений, с которыми они сталкиваются.

Сотрудничество с другими фирмами может способствовать развитию инноваций в рамках кластера, но для формирования стратегических союзов требуются определенные инвестиции [15]. Требуемый уровень инвестиций зависит не только от самой фирмы, но также зависит от того, сколько предприятие-партнер планирует инвестировать – типичное игровое поведение. Нами расширена классическая игра делового партнерства для того, чтобы учесть различия в коэффициентах возврата их инвестиций.

Предположим, что два машиностроительных предприятия, №1 и №2, сотрудничают в совместном проекте. Предположим, что для того, чтобы этот проект был успешным, обе фирмы должны инвестировать, но сделав это, они делят любую прибыль поровну – своего рода беспроигрышные отношения. В классической партнерской игре коэффициент возврата инвестиций устанавливается равным 4. Устанавливаем этот параметр в своей партнерской игре. Мы устанавливаем этот параметр как переменную ã , дающую доход как уравнение (1)

$$I = \gamma\left(S_1 + S_2 + bS_1S_2\right) \quad (1)$$

S_1 и S_2 – это инвестиции обеих фирм соответственно. Пусть параметр b, известный как дополнительный коэффициент, не случайный и общеизвестный среди фирм. Кроме того, пусть дополнительный коэффициент будет ограничен значениями от 0 до 1/4, то есть пусть $b \in \left[0,1/4\right]$.

Из уравнения (1) мы видим, что общий выигрыш, полученный двумя фирмами, зависит от стратегии обеих фирм S_1 и S_2, а также от синергии, или кооперативного эффекта, определяемого bS_1S_2, который создается двумя работающими предприятиями вместе. В действительности фирмы имеют разные конкурентные преимущества и имеют опыт работы в разных проектах. Вот почему взаимные инвестиции и сотрудничество могут привести союзы к получению дополнительного дохода по сравнению с доходом, который они могли бы получить по отдельности. Предполагая, что доход I делится поровну между двумя фирмами и что инвестиционные затраты квадратичны по уровню инвестиций, выражения выигрыша P_1 и P_2, соответствующие предприятию № 1 и № 2, задаются системой уравнений в (2).

$$\begin{cases} P_1 = \frac{1}{2}\cdot\gamma\left(S_1 + S_2 + bS_1S_2\right) - {S_1}^2 \\ P_2 = \frac{1}{2}\cdot\gamma\left(S_1 + S_2 + bS_1S_2\right) - {S_2}^2 \end{cases} \quad (2)$$

Учитывая свои функции выплат, компаниям необходимо выбрать оптимальные стратегии. Таким образом, чтобы стратегия любой фирмы была лучшим ответом на стратегию другой фирмы. Первой фирме необходимо найти лучшую стратегию реагирования на основе стратегии S_2, которую выбирает вторая фирма. Точно так же вторая фирма должна найти лучшую стратегию реагирования на основе стратегии S_1 первой фирмы.

Чтобы найти наилучшие ответы для обеих фирм, давайте сначала вычислим частную производную первого порядка от P_i по S_i, получив

$$P_i^{'} = \frac{1}{2}\cdot\gamma\left(1 + bS_j\right) - 2S_i \quad (3)$$

Обнуляя производные в (3), $P_i^{'} = 0$ мы находим, что функция наилучшего отклика каждой фирмы определяется выражением $S_i^{'} = \frac{1}{4}\cdot\gamma\cdot\left(1 + bS_j\right) - 2S_i$. Пусть $BR_i\left(S_j\right)$ обозначает наилучший ответ, который i принимает, когда j принимает стратегию S_j, тогда функции наилучшего отклика для 1 и 2 задаются формулой (4).

$$\begin{cases} BR_1\left(S_2\right) = \widehat{S_1} = \frac{1}{4}\cdot\gamma\cdot\left(1 + bS_2\right) \\ BR_2\left(S_1\right) = \widehat{S_2} = \frac{1}{4}\cdot\gamma\cdot\left(1 + bS_1\right) \end{cases} \quad (4)$$

Как видно из (4), если, у фирмы i нет ресурсов для достижения максимальной теоретической выплаты. С другой стороны, если $S_i > \left(1 + bS_j\right)$, фирма j может оказаться не в состоянии не увеличить свой уровень инвестиций S_j, и ресурсы, которые инвестировала фирма i, будут потрачены впустую. Это означает, что только если может уплотнить я добиться максимального выигрыша. Позволять обозначим равновесное решение по Нэшу, то мы легко можем проверить равновесие по Нэшу, заданное формулой (5).

$$S_1^{'} = S_2^{'} = \frac{\gamma}{4 - \gamma b} \qquad (5)$$

В этом состоянии ни одна фирма не может получить выгоду, отклонившись от своей стратегии, учитывая стратегию другой фирмы и, следовательно, текущий набор стратегий. составляют равновесие по Нэшу.

Блок-схема расширенной игры для двух игроков показана на Рисунке 1.

Из этого результата мы видим, что, когда дополнительный коэффициент b уменьшается, что означает уменьшение отдачи от сотрудничества, выплаты будут уменьшаться для обеих сторон. Фирма, которая инвестирует больше, несет более высокие предельные издержки, но получает только половину предельной прибыли.

Увеличение коэффициента доходности ã имеет тот же эффект, что и увеличение коэффициента взаимодополняемости, поскольку увеличение доходности любой из фирм, участвующих в совместном проекте, увеличивает уровень, с которым фирмы инвестируют в партнерство.

Далее рассмотрим расширенную сетевую игру n игроков в идеализированных условиях. В игре с n игроками есть определенное количество игроков, и мы будем использовать сеть, чтобы представить отношения между этими игроками. Пусть $\mathrm{V} = \{1,2,\ldots,\mathrm{n}\}$ – множество узлов, а $\mathrm{E} = \left\{\mathrm{e_{ij}}\right\}\ (\mathrm{i, j} \in \mathrm{V})$ – множество ребер. Сеть можно рассматривать как неориентированный граф и представлять его как $\mathrm{G} = \{\mathrm{V, E}\}$. Множество V также является множеством игроков. Пусть $\mathrm{e_{ij}} = \{0,1\}$. Тогда $\mathrm{e_{ij}} = 1$ представляет собой ребро между узлами i и j. $\mathrm{V(i)} = \{\mathrm{j} \mid \mathrm{e_{ij}} = 1\}$ показывает всех соседей, связанных с i, а количество прямых соседей называется степенью i, $\mathrm{d_i} = \left|\mathrm{V(i)}\right|$. В этой модели каждый узел представляет фирму. Фирма i использует стратегию $\mathrm{X_i}$, где $\mathrm{x_i}$, обозначает реализацию $\mathrm{X_i}$, и является неотрицательным действительным числом. Прибыль фирмы i может быть представлена в виде вектора $\mathrm{m_i}\left(\mathrm{x_i, x\ V(i)}\right)$, где $\mathrm{x\ V(i)}$ – вектор действий партнеров фирмы i. Как и прежде, выигрыш фирмы i зависит от действий ее партнеров и от ее собственных действий. Полагая $\mathrm{d_i} = \mathrm{k},$, вектор выплат фирмы i и вектор ее действий $\mathrm{X_i}$, задаются уравнением (6).

$$\mathrm{m_i}\left(\mathrm{x_i}, \mathrm{x_1}, \ldots, \mathrm{x_k}\right) = f\left(\mathrm{x_i} + \mu \sum_{j=1}^{k} \mathrm{x_j}\right) - \mathrm{c(x_i)} \qquad (6)$$

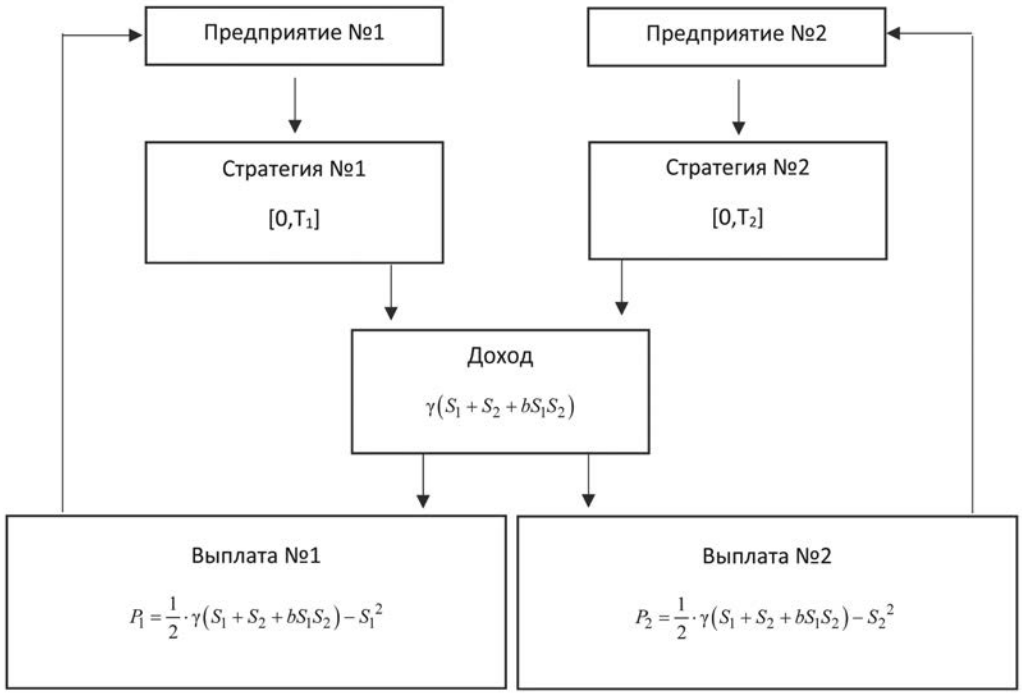

Рисунок 1. Блок-схема инвестиционного дохода двух фирм

В уравнении (6) пусть $f(\cdot)$ – неубывающая функция, а $c(\cdot)$ – функция затрат, связанная с инвестициями фирмы i. Параметр μ равен 1. Тогда сетевая игра полностью характеризуется (G, X, m_i).

Предположим, что в идеальных условиях каждая фирма имеет достаточно ресурсов и может полностью удовлетворить потребности своих партнеров. Эта сеть может достичь равновесия по Нэшу. Предположим, что фирма i и ее партнер $j \in V(i)$ могут достичь равновесия по Нэшу с неоднородными коэффициентами доходности $\tilde{a}_{ij}$ и дополнительными коэффициентами b_{ij}. Как прежде, $S_{ij}^* = \frac{\gamma_{ij}}{4 - \gamma_{ij} b_{ij}}$ лучшая инвестиционная стратегия в рамках каждого партнерства. Что касается фирмы F_i, обозначает равновесное решение по Нэшу между фирмой F_i и F_j. Следовательно, общий объем инвестиций R_i фирмы i определяется уравнением.

$$R_i = \sum_{j=1,\, j\neq i}^{degree(F_i)} S_{ij}^* = \sum_{j=1,\, j\neq i}^{degree(F_i)} \frac{\gamma_{ij}}{4 - \gamma_{ij} b_{ij}} \quad (7)$$

Кроме того, выражение P i выигрыша дается формулой (8).

$$P_i = \sum_{j=1,\, j\neq i}^{degree(R_i)} P_{ij} = \sum_{j=1,\, j\neq i}^{degree(R_i)} \left[\frac{1}{2} \cdot \gamma_{ij} \left(S_{ij} + S_{ji} + b_{ij} S_{ij} S_{ji} \right) - S_{ij}^2 \right] \quad (8)$$

Как показано на Рисунке 2, мы берем диаграмму сети инноваций. В качестве примера, и предприятия № 1-5 составляют полный граф из пяти элементов.

Давайте посмотрим на фирму № 1, степень d_1 которой равна 4. Предполагая, что коэффициенты доходности фирмы № 1 равны γ 12 ,…, γ 15, а коэффициенты дополнения равны b 12 ,…, b 15, мы можем рассчитать необходимые начальные вложения фирмы №1 $R_1 = S_{12}^* + S_{13}^* + S_{14}^* + S_{15}^*$ и выигрыш $P_1 = P_{12} + P_{13} + P_{14} + P_{15}$ при условии, что уровень начальных инвестиций является равновесным решением по Нэшу $S_{12}^* \ldots S_{15}^*$.

Расширенная сетевая игра n игроков в неидеализированных условиях

В идеализированных условиях общие инвестиции R_i, которые фирма хотела бы инвестировать, представляют собой просто теоретическое значение, заданное равновесным решением по Нэшу, приведенным в (7). В действительности запасы ресурсов некоторых фирм не могут полностью соответствовать теоретическому R_i по разным причинам. Когда ресурсы фирмы i T_i не могут удовлетворить потребности партнеров в ресурсах в состоянии равновесия по Нэшу ($T_i < R_i$), инвестиции фирмы в своих партнеров в соответствии с равновесием по Нэшу будут больше, чем ее собственные ресурсы. Такая ситуация называется нехваткой или ограничением ресурсов. Пусть степень нехватки ресурсов Δ_i определяется, как в (9), а средняя нехватка ресурсов на градус θ_i, как в (10).

$$\Delta_i = \left| T_i - R_i \right| \quad (9)$$

$$\theta_i = \Delta_i / d_i \quad (10)$$

В условиях нехватки ресурсов фирмы будут использовать разные стратегии, чтобы справиться с нехваткой ресурсов и контролировать общий уровень своих инвестиций. В процессе корректировки этих фирм их партнеры также будут корректировать свои стратегии, чтобы поддерживать наилучшие меры противодействия новому равновесию по Нэшу. Предположим, что две смежные фирмы i и j имеют начальные стратегии, заданные формулой $S_{ij}^* = S_{ji}^*$ и что

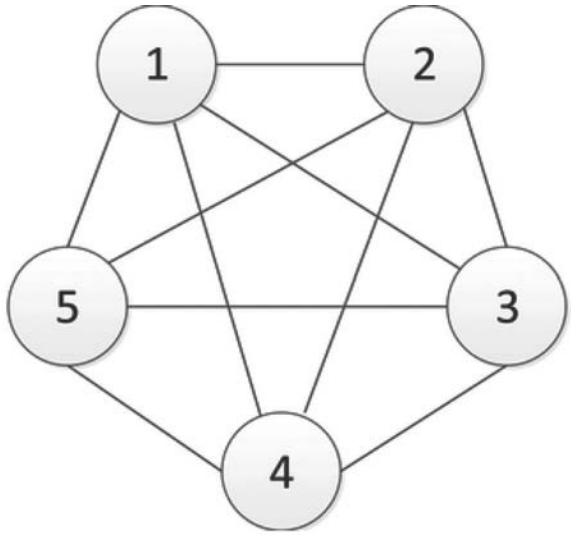

Рисунок 2. Сетевая диаграмма пяти предприятий

уровень ресурсов T каждой фирмы общеизвестен. Если фирма j меняет свою стратегию на новую инвестиционную стратегию S_{ji}' из-за нехватки ресурсов, то, согласно уравнению (4), наилучшим ответом фирмы i с учетом новой стратегии является $BR_i\left(S_{ji}'\right)$. Итак, для фирмы i требуемые общие инвестиции R_i' будут соответствующим образом скорректированы, как показано уравнением (11).

$$R_i' = \mathrm{R_i} - \mathrm{S_{ij}}^* - BR_i\left(S_{ji}'\right) \qquad (11)$$

В рамках статьи мы предлагаем четыре инвестиционные стратегии, когда фирмы сталкиваются с нехваткой ресурсов, и с помощью моделирования реального машиностроительного кластера мы оцениваем результаты четырех стратегий, анализируя общие инвестиции, общую выплату, средний коэффициент доходности, степень среднего коэффициент возврата и оценку их общих преимуществ и недостатков.

Основываясь на приведенном выше анализе, в этой экспериментальной среде, в которой мы рассматриваем машиностроительные кластеры, мы можем сделать следующие выводы:

1. Жадная стратегия – это наиболее подходящая стратегия распределения ресурсов для достижения максимальной отдачи для всего кластера. Это всегда приносит максимальную отдачу сети кластера. На втором месте – эффективность пропорциональной стратегии, которая также хорошо себя зарекомендовала. Эту стратегию также стоит учитывать при принятии решений о распределении. Хотя эффективность средней стратегии лучше, чем случайной стратегии, средняя стратегия все же хуже, чем первые две стратегии, и поэтому не рекомендуется.

2. Когда общие инвестиции кластера имеют фиксированное значение или, что более важно, общий доход альянса является фиксированным значением, нам необходимо выбрать подходящую стратегию в соответствии с нормой прибыли. Если общая сумма инвестиций кластера является фиксированной, тогда выбор жадной стратегии, которая имеет наивысшую норму прибыли, может принести кластеру более высокие выплаты. Если общий доход альянса является фиксированным значением, то выбор жадной стратегии, которая имеет наивысшую норму прибыли, может помочь свести общие инвестиции альянса к минимуму, чтобы у альянса было больше ресурсов, доступных для удовлетворения других потребностей.

3. Чем больше партнеров имеет фирма, тем более высокий статус получает фирма. Но тем больше она должна инвестировать в кластер. Независимо от того, какая стратегия выбрана, фирмы с более высоким статусом всегда могут получить более высокую прибыль.

4. Независимо от того, какая стратегия выбрана, фирмы с более высоким статусом всегда будут получать более низкую норму прибыли. Это связано с тем, что чем больше у фирмы партнерских отношений, тем выше затраты фирмы-инвестора, например, на поддержание партнерства. Следовательно, норма прибыли невысока. Однако для бизнеса достижение максимальной нормы прибыли, возможно, не обязательно, поскольку более важна более высокая отдача.

С точки зрения практического значения, средняя стратегия не так хороша, как пропорциональная стратегия или жадная стратегия. Последние два имеют более высокую тенденцию к максимизации выгоды, чем средняя стратегия. Жадная стратегия всегда направлена на выделение средств на проект с наивысшим коэффициентом доходности и соответственно сокращает инвестиции, чтобы получить наивысшую норму прибыли. Пропорциональная стратегия сохраняет те же отношения распределения, что и неограниченное равновесие по Нэшу, но она распределяет меньше партнерам с высокой доходностью, чем жадная стратегия. Таким образом, отдача от пропорциональной стратегии ниже, чем от жадной.

Для возможной будущей работы следует отметить, что хотя экспериментальная среда основана на примере машиностроительного кластера, некоторые параметры генерируются случайным образом. Таким образом, выводы, представленные в этой статье, могут быть применимы не для всех случаев. Кроме того, в партнерской игре между компаниями все еще есть много дополнительных факторов, которые необходимо учитывать, и эта модель дает только определенные экспериментальные выводы в нескольких теоретических экстремальных ситуациях, чтобы предложить теоретические основания для решений компаний о распределении.

Список литературы

1. *Алесина А., Родрик Д.* Распределительная политика и экономический рост // Ежеквартальный журнал экономики. 1994. № 109. С. 465-449.
2. *Гонзалез-Алькон С., Сицилиа Д., Альварес Д.А.* Равновесия Нэша в дифференциальной игре экономического роста // Журнал теории оптимизации и приложений. 1999. № 103(2). С. 337-357.
3. *Гуизо Л., Париджи Г.* Инвестиционная неопределенность и спрос // Q.J. Econ. 1999. № 114 (1). С. 185-227.
4. *Гуртуев А., Деркач Е., Махошева С., Иванов З.* Байесовский подход к инвестированию в инновационные проекты при наличии фейковых новаторов // Гелион. 2020. № 6 (11). С. 47-49.
5. *Гуртуев А., Иванов З., Деркач Э., Казанчева Х., Думанова А.* Модель взаимодействия инвестора и эксперта в инновационной инвестиционной системе с асимметрией знаний // Opción. 2018. № 34. С. 1549-1574.

6. *Дениз Д.* Новый взгляд на конкурирующие предматчевые инвестиции: характеристика монотонных равновесий Байеса-Нэша на крупных рынках // Монреальский университет. 2020. № 3. С. 70.
7. *Йоргенсен С., Заккур Г.* Развитие дифференциальной теории игр и численных методов: экономические и управленческие приложения // Computational Management Science. 2007. № 4(2). С. 159-181.
8. *Кайтала В., Матти П.* Экономическое развитие и приемлемое перераспределение в капитализме: эффективные игровые равновесия в двухклассовой неоклассической модели роста // International Economic Review. 1990. № 31 (2). С. 421-438.
9. *Клипин А.О., Берегова Г.М., Шуплецов А.Ф.* Методика оптимального распределения инвестиций в блоках промышленного кластера // В сборнике: Перспективы развития фундаментальных наук. Сборник научных трудов XVI Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Томск. 2019. С. 84-86.
10. *Линднер И., Х. Струлик* Распределительная политика и экономический рост: решение Маркова по Штакельбергу // Economic Theory. 2004. № 23. С. 439-444.
11. *Не П.Ю., Ван К., Чэнь Ю.Х., Ян Ю.С.* Влияние затрат на переключение на инновационные инвестиции // Technol. Экон. Dev. Экон.. 2018. № 24 (3). С. 933-949.
12. *Портер Р., Нудельман Э., Шохам Ю.* Простые методы поиска для нахождения равновесия по Нэшу // Игра. Экон. Behav. 2008. № 63. С. 642-662.
13. *Страус Р.* Теория краудфандинга: подход к проектированию механизмов с учетом неопределенности спроса и морального риска // Американский экономический обзор. 2017. № 107 (6). С. 1430-1476.
14. *Шарма А., Пал Р.* Равновесие по Нэшу в налоговой и государственной инвестиционной конкуренции // International Review of Economics and Finance. 2019. 44 с.
15. *Юнчао Люа, Шу-Юнг, Сунь Ян* Устойчивое к распределению равновесие для непрерывных игр: Нэш и модели Штакельберга // European Journal of Operational Research. 2018. № 265. С. 631-643.

References

1. *Alesina A., Rodrik D.* Distributive policy and economic growth // Quarterly Journal of Economics. 1994. № 109. pp. 465-449.
2. *Gonzalez-Alcon C., Sicilia D., Alvarez D.A.* Nash equilibria in the differential game of economic growth // Journal of the Theory of Optimization and Applications. 1999. № 103(2). pp. 337-357.
3. *Guizo L., Parigi G.* Investment uncertainty and demand // Q.J. Econ. 1999. № 114 (1). pp. 185-227.
4. *Gurtuev A., Derkach E., Makhosheva S., Ivanov Z.* Bayesian approach to investing in innovative projects in the presence of fake innovations // Helion. 2020. № 6 (11). S. 47-49.
5. *Gurtuev A., Ivanov, Z., Derkach E., Kazanceva H., A.* Tumanova model of the interaction between an investor and an expert in innovative investment system with asymmetry of knowledge / Opción. 2018. № 34. S. 1549-1574.
6. *Denise D.* a New look at the competing pre-match investment: characterization of monotone equilibria in Bayesian-Nash in major markets // University of Montreal. 2020. № 3. p. 70.
7. *Jorgensen S., Zakkur G.* Development of differential game theory and numerical methods: economic and managerial applications // Computational Management Science. 2007. № 4 (2). pp. 159-181.
8. *Kaitala V., Matti P.* Economic development and acceptable redistribution in capitalism: effective game equilibria in a two-class neoclassical growth model // International Economic Review. 1990. № 31 (2). pp. 421-438.
9. *Klipin A.O., Beregova G.M., Shupletsov A.F.* Methodology of optimal allocation of investments in industrial cluster blocks // In the collection: Prospects for the development of fundamental sciences. Collection of scientific papers of the XVI International Conference of Students, postgraduates and Young Scientists. Tomsk. 2019. pp. 84-86.
10. *Lindner I., H. Strulik* Distributional policy and economic growth: Markov's Stackelberg Solution // Economic Theory. 2004. № 23. pp. 439-444.
11. *Ne P.Yu., Wang K., Chen Yu.H., Yang Yu.S.* The impact of costs on switching to innovative investments // Technol. Econ. Dev. Econ.. 2018. № 24 (3). pp. 933-949.
12. *Porter R., Nudelman E., Shoham Yu.* Simple search methods for finding Nash equilibrium // Game. Econ. Behav. 2008. № 63. pp. 642-662.
13. *Straus R.* The theory of crowdfunding: an approach to the design of mechanisms taking into account the uncertainty of demand and moral risk // American economic review. 2017. № 107 (6). pp. 1430-1476.
14. *Sharma A., Pal R.* Nash equilibrium in tax and state investment competition // International Review of Economics and Finance. 2019. 44 p.
15. *Yunchao Lua, Shu-Jung, Sun Yang* Distribution-resistant equality for continuous games: Nash and Stackelberg models // European Journal of Operational Research. 2018. № 265. pp. 631-643.

УДК 338.47.656

DOI 10.47629/2074-9201_2021_4_165_169

Шкодинский Сергей Всеволодович,
доктор экономических наук, профессор заведующий лабораторией Промышленной политики и экономической безопасности, Институт проблем рынка (ИПР РАН), заведующий кафедрой Экономического и финансового образования, Московский государственный областной университет, Москва,
sh-serg@bk.ru

Кушнир Андрей Михайлович,
доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории Промышленной политики и экономической безопасности, Институт проблем рынка (ИПР РАН), профессор кафедры Экономики и менеджмента, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Москва,
ku7@bk.ru

ОТ РЫНКА ИЛИ К РЫНКУ: ДИНАМИКА ОСНОВНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОАО «РОССИЙСКИЕ ЖЕЛЕЗНЫЕ ДОРОГИ»[1]

Аннотация. *Целью работы являлось проведение анализа динамики основных показателей финансово-хозяйственной деятельности ОАО «Российские железные дороги» за последние пять лет. Проведенное исследование показало, что за последние годы функционирование предприятия не претерпело существенных изменений. С одной стороны, работа организации обеспечивает национальную экономику транспортными услугами. С другой, она отражает те процессы и противоречия, которые наблюдаются в ней. Установлено, что государственное регулирование в меньшей степени затрагивает грузовые перевозки, которые функционируют в рыночных условиях и в большей степени – пассажирские, которые дотируются за счет средств бюджетов различных уровней. Выявлено, что распространение COVID-19 оказало крайне негативное влияние на пассажирские перевозки и умеренно негативное на грузовые.*
Ключевые слова: экономика транспорта, железнодорожный транспорт, государственное регулирование экономики, естественные монополии, социально-экономическая эффективность бизнеса.

Sergey V. Shkodinsky,
Doctor of Economic Sciences, Full Professor, Head of the Laboratory of Industrial Policy and Economic Security, Market Economy Institute Russian Academy of Science, Head of the Department of Economic and Financial Education, Moscow State Regional University, Moscow,
sh-serg@bk.ru

Andrei M. Kushnir,
Doctor of Economic Sciences, Full Professor, Chief Researcher at the Laboratory of Industrial Policy and Economic Security, Market Economy Institute Russian Academy of Science, Professor at the Department of Economics and Management, A.N. Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art), Moscow,
ku7@bk.ru

FROM THE MARKET OR TO THE MARKET: DYNAMICS OF THE MAIN INDICATORS OF JSC RUSSIAN RAILWAYS

Abstract. *The aim of the work was to analyze the dynamics of the main indicators of the financial and economic activities of JSC Russian Railways. The issue showed that in recent years the functioning of the enterprise has not undergone significant changes. On the one hand, the work of the organization provides the national economy with transport services. On the other hand, it reflects the processes and contradictions that are observed by it. It has been established that government regulation affects freight transportation to a lesser extent, which operates in market conditions and, to a greater extent, passenger transportation, which is subsidized from budgets of various levels. It was revealed that the spread of COVID-19 had an extremely negative impact on passenger traffic and a moderately negative impact on freight traffic.*
Keywords: transport economics, railway transport, state regulation of the economy, natural monopolies, social and economic efficiency of business.

[1] Статья подготовлена в рамках государственного задания ИПР РАН, тема НИР «Институциональная трансформация экономической безопасности при решении социально-экономических проблем устойчивого развития национального хозяйства России».

Как известно, ОАО «Российские железные дороги» (далее – РЖД) является одним из крупнейших транспортных предприятий в мире, входит в число ведущих отечественных компаний. С одной стороны, его бесперебойное функционирование обеспечивает поступательное развитие национальной экономики. С другой, в нем как в зеркале отражаются все проблемы и противоречия современного этапа экономического развития.

Компания выступает оператором третьей по размерам железнодорожной сети в мире (после США и Китая), занимает лидирующие позиции на рынке грузовых перевозок в стране, а по их энергетической эффективности – в мире. При этом, только стоимость основных средств компании составляет 4,8 трлн рублей, а совокупный объем активов превышает 7 трлн рублей, что составляет чуть менее 100 млрд долл. США. Кроме того, РЖД выступает одним из крупных работодателей нашей страны: с учетом всех организаций, входящих в холдинг, в ней трудится более 800 тыс. человек [1].

Размеры территории Российской Федерации, значительные запасы полезных ископаемых и других видов ресурсов, большая часть которых находится в удаленных и труднодоступных районах, приводят к необходимости содержания и развития систем железнодорожного транспорта. Именно он обеспечивает около 61 % всего грузооборота транспортной системы России [1]. Практически все регионы страны имеют железные дороги, которые обслуживают их развитие и оказывают непосредственное влияние на динамику основных экономических показателей, инициируют кооперационные, инвестиционно-инновационные и интеграционные процессы.

В этой связи представляет существенный интерес динамика основных показателей ОАО «Российские железные дороги». Исходя из сложившейся еще в советский период практики среднесрочного планирования, представляется целесообразным ее рассмотрение за пятилетнюю ретроспективу.

Обращает на себя внимание то, что объем грузооборота РЖД принципиально не отличается от показателей тридцатилетней давности (см. Рисунок 1), что свидетельствует об окончании трансформационного кризиса и об отсутствии существенных прорывов в реальном секторе экономики. Справедливости ради необходимо признать, что в указанный период наилучшую динамику показывала сфера услуг, в то время как материальное производство развивалось в меньшей степени. Стабильные темпы прироста в 2016-2018 годах свидетельствовали о восстановительном росте отечественной экономики после событий 2014 года и коррелировали с динамикой мировых цен на углеводородные ресурсы.

Стабилизация показателей 2019 года на уровне 2018 года в значительной мере отражала те же процессы, в то время как незначительное снижение объема грузоперевозок в 2020 году было обеспечено распространением COVID-19 и есть все основания полагать, что показатели 2021 года будут отличаться в лучшую сторону от предшествующего года.

Несколько иная динамика наблюдается в области пассажирских перевозок (см. Рисунок 2).

Во-первых, их показатели до сих пор на 30-40 % ниже, чем те, что были в конце советского периода [1]. Бурное распространение личного автотранспорта (более чем пятикратное увеличение числа автомобилей, находящихся в личном пользовании граждан) с одной стороны, и переход на рыночные механизмы управления в железнодорожной сфере с другой, обусловили подобный результат. Как известно, пассажирские перевозки традиционно являются дотационными и в значительной мере компенсируются высокой рентабельностью грузовых перевозок либо

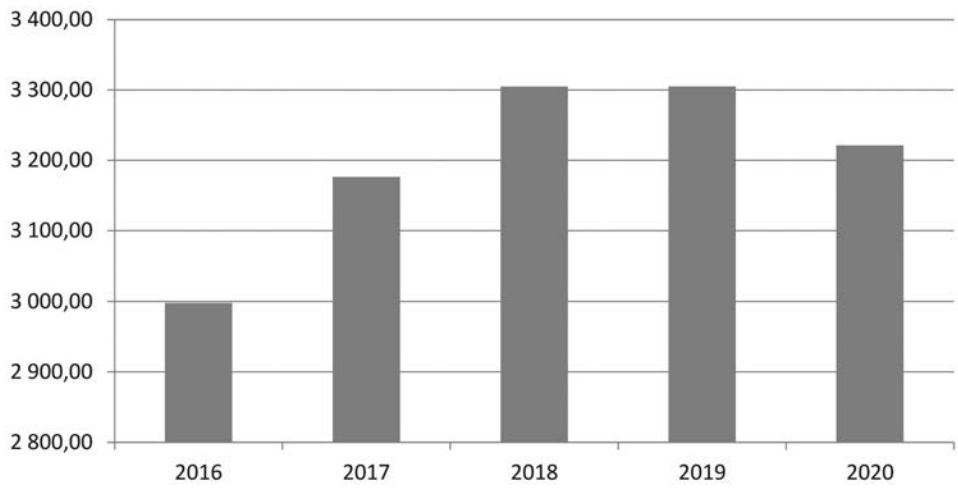

Рисунок1. Грузооборот РЖД за 2016-2020 годы., млрд тонн

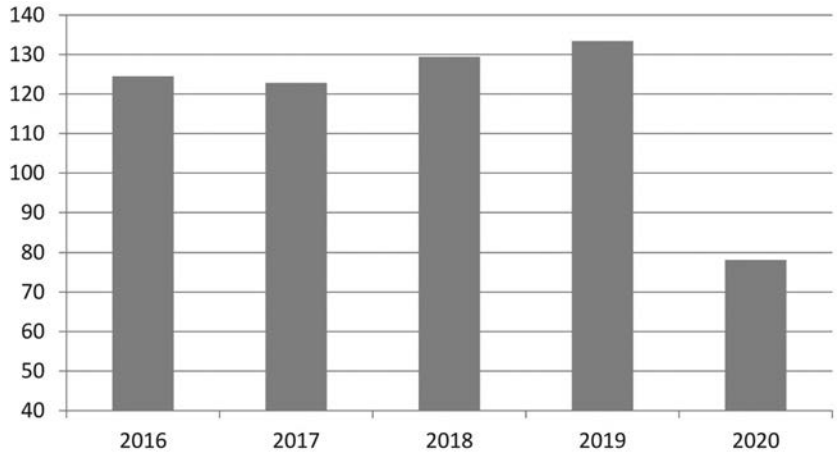

Рисунок 2. Пассажирооборот РЖД за 2016-2020 годы, млрд пасс.-км

за счет соответствующих перечислений из бюджетов различных уровней.

Во-вторых, распространение COVID-19 отразилось на пассажирских перевозках в значительно большей мере, чем на грузовых по объективным причинам. Повсеместное введение карантинных ограничений, разрешительного порядка въезда/выезда в регионы, необходимость социального дистанцирования, дополнительные затраты на соблюдение санитарных мер – все это не могло не сказаться на пассажиропотоке.

Финансовые показатели РЖД в целом отражают динамику развития компании (см. Рисунок 3).

При этом следует отметить, что они представлены в абсолютных значениях без поправки на индекс роста потребительских цен или изменение тарифов, которые в указанный период не опускались ниже 3,5 %.

С учетом вышеназванных факторов доходы РЖД оставались фактически на одном и том же уровне. Структура доходов в анализируемый период также оставалась практически неизменной (см. Рисунок 4). Более 80 % приходилось на грузовые перевозки, а на все остальные статьи доходов – менее 20 %. Идентичную структуру имеют и расходы государственного монополиста. Несущественные отличия связаны с несколько меньшей долей, приходящейся на грузовые перевозки и большей – на пассажирские. В разрезе операционных расходов большая часть приходится на заработную плату и отчисления в социальные фонды – 39 %, на закупки материалов, а также ремонт и обслуживание – более 13 %, пополнение амортизационного фонда – 12 %, приобретение необходимых услуг сторонних организаций – 11 %, закупку электроэнергии – более 8 %, приобретение топлива – 5 %.

При анализе показателей чистой прибыли (см. Рисунок 5) следует учитывать ряд моментов.

Во-первых, по уточненным данным аудиторской проверки E&Y, опубликованным в апреле 2021 года, за предшествующий год компания получила более 52 млрд рублей чистого убытка [3].

Во-вторых, поддержание работоспособного состояния железнодорожной инфраструктуры требует значительных затрат, которые существенно превышают аналогичные в других отраслях сферы услуг.

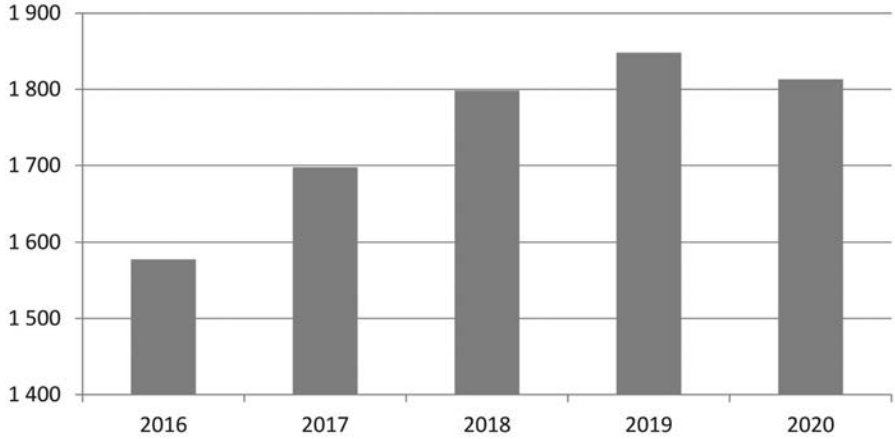

Рисунок 3. Доходы РЖД за 2016-2020 годы, млрд руб.

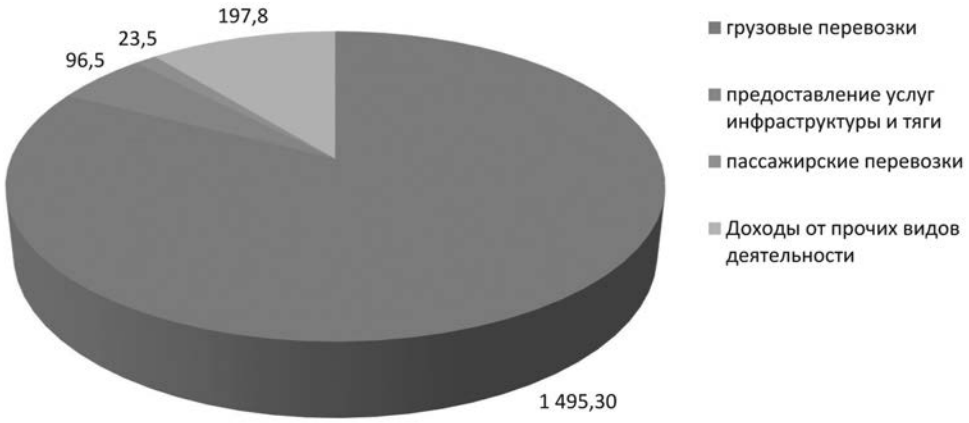

Рисунок 4. Структура доходов РЖД, млрд руб. в 2020 году

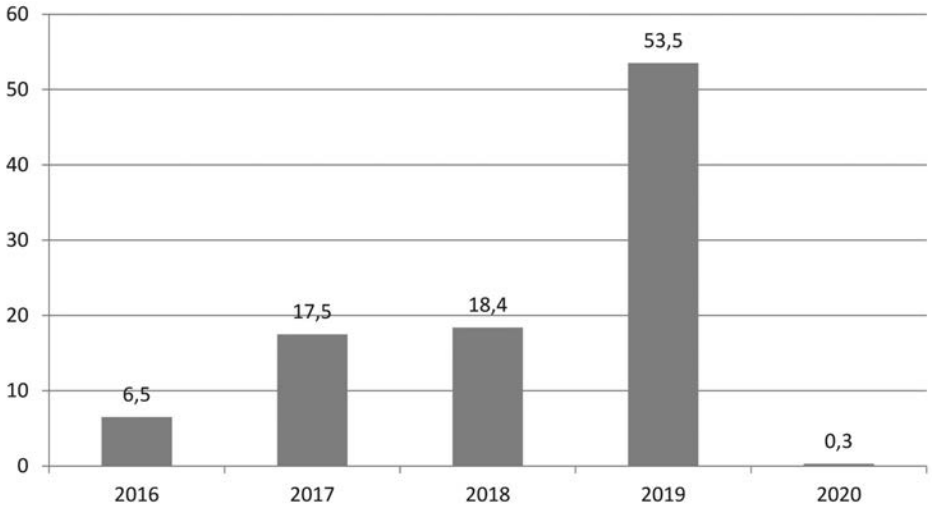

Рисунок 5. Динамика чистой прибыли РЖД за 2016-2020 годы, млрд руб.

В-третьих, ОАО «Российские железные дороги» не совсем обычная компания и ключевая цель, связанная с получением прибыли, у нее накладывается на множественные социальные функции, по обеспечению единого экономического пространства страны, развитию отдельных регионов и территорий (как правило, удаленных), повышению мобильности граждан и др. Мультипликативный эффект от подобной деятельности сказывается в течение длительного периода времени и отражается практически во всех сферах экономики. Кроме того, как уже отмечалось ранее, существенная доля доходов обеспечивается за счет субсидий. Так, в 2020 году за их счет РЖД получило свыше 60 млрд руб. [3].

Такая ситуация является неслучайной. Как показали многочисленные исследования, государственные органы могут по-разному выстраивать взаимодействие с операторами железных дорог [4]. Весьма интересно, что даже в рамках одной страны они могут существенно варьироваться на разных территориях (например, в США, Австралии). Тем не менее, практически во всем мире, государство не просто уделяет внимание развитию железнодорожного транспорта, но и активно участвует в координации представления соответствующих услуг, осуществляет антимонопольное регулирование, диктует правила и порядок ценообразования для отдельных групп конечных потребителей, прежде всего, в области пассажирских перевозок [5].

При этом, российский опыт не является уникальным, так как на рыночные принципы работы переведены все сферы, которые не требуют государственного вмешательства, а те, что не обеспечивают должной рентабельности и выступают социально значимыми, попадают под соответствующую протекцию.

Таким образом, ОАО «Российские железные дороги» стабильно функционирует, обеспечивая необходимыми услугами общество и экономику. Динамика основных показателей деятельности компании свидетельствует, что она довольно успешно адапти-

руется к кризисным потрясениям, однако в плане развития, наблюдается определенный застой: процессы технологического перевооружения подвижного состава (замена значительной части пассажирских и грузовых вагонов, средств тяги), развитие высокоскоростных перевозок по отдельным, наиболее востребованным направлениям благополучно завершены, в то время как общая протяженность дорог остается практически неизменной. Следовательно, железнодорожная сфера перестала выступать своеобразным локомотивом национальной экономики. Об этом трудно говорить в XXI веке., однако, с учетом географического положения и территориальных размеров нашей страны, это было бы крайне желательным.

Список литературы

1. Показатели основной деятельности РЖД [Электронный ресурс]. Режим доступа:https://company.rzd.ru/ru/9394/page/103290?id=17206#main-header – приводится по состоянию на 01.06.2021.
2. Российский статистический ежегодник. 2020: Стат.сб./Росстат. М., 2020 С. 464.
3. Аудиторское заключение независимого аудитора о консолидированной финансовой отчетности ОАО «Российские железные дороги» и его дочерних компаний за 2020 год.
4. *Агафонов Д.В.* Государственное регулирование услуг железнодорожной инфраструктуры в условиях структурного преобразования отрасли (российский и мировой опыт) // Интернет-журнал «Науковедение». Том 9 № 2. С. 1-16. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://naukovedenie.ru/PDF/16EVN217.pdf (дата обращения: 03.01.2020).
5. *Рышков А.В., Постников С.Б.* ОАО «РЖД» – потребности в изменениях в эпоху перемен // Экономика железных дорог. 2020. № 1. С. 11-29.

References

1. Pokazateli osnovnoj deyatel'nosti RZHD [Elektronnyi resurs] https://company.rzd.ru/ru/9394/page/103290?id=17206#main-header – privoditsya po sostoyaniyu na 01.06.2021.
2. Rossijskij statisticheskij ezhegodnik. 2020: Stat.sb./Rosstat. M., 2020 S. 464.
3. Auditorskoe zaklyuchenie nezavisimogo auditora o konsolidirovannoj finansovoj otchetnosti OAO «Rossijskie zheleznye dorogi» i ego dochernih kompanij za 2020 god.
4. *Agafonov D.V.* Gosudarstvennoe regulirovanie uslug zheleznodorozhnoj infrastruktury v usloviyah strukturnogo preobrazovaniya otrasli (ros-sijskij i mirovoj opyt) // Internet-zhurnal «Naukovedenie». Tom 9 № 2. S. 1-16. – [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa:https://naukovedenie.ru/PDF/16EVN217.pdf (data obrashcheniya: 03.01.2020).
5. *Ryshkov A.V., Postnikov S.B.* OAO «RZHD» – potrebnosti v izmeneniyah v epohu peremen // Ekonomika zheleznyh dorog. 2020. № 1. S. 11-29.

УДК 332.1

DOI 10.47629/2074-9201_2021_4_170_174

Щурилов Алексей Вадимович,
кандидат экономических наук, доцент кафедры Экономики и гуманитарных наук,
Ковровская государственная технологическая академия им. В.А. Дегтярева, город Ковров,
shurilow@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЭФФЕКТИВНОГО КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА (НА ПРИМЕРЕ АДМИНИСТРАЦИИ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОД КОВРОВ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. *Говорится о существующих проблемах формирования эффективного кадрового потенциала в сфере муниципального управления на примере администрации города Коврова. Анализируется текущее состояние кадров по возрастному цензу, стажу, уровню образования. Дается оценка выполнению планируемых показателей обучения и повышения квалификации муниципальных служащих. Представлены результаты проведенного опроса муниципальных служащих четырех структурных подразделений (управлений) на предмет сложившейся в администрации муниципального образования города Ковров системы развития кадрового потенциала. По результатам проведенного исследования сделаны соответствующие обоснованные выводы.*

Ключевые слова: органы местного самоуправления, муниципальные служащие, реестр должностей муниципальной службы, кадровый потенциал, респонденты, повышение квалификации, профессиональная подготовка.

Alexey V. Shchurilov,
Ph.D. of Economic Sciences, Associate professor at the Department of Economics and Humanities, V.A. Degtyarev
Kovrov State Technological Academy, Kovrov,
shurilow@yandex.ru

ROBLEMS OF FORMATION OF EFFECTIVE PERSONNEL POTENTIAL (USING THE EXAMPLE OF THE MUNICIPAL ADMINISTRATION THE CITY OF KOVROV, VLADIMIR REGION)

Abstract. *The article deals with the existing problems of forming an effective human resource potential in the field of municipal management on the example of the administration of the city of Kovrov. The author analyzes the current state of personnel by age qualification, experience, level of education. The assessment of the implementation of the planned indicators of training and advanced training of municipal employees is given. The results of the conducted survey of municipal employees of four structural divisions (departments) on the subject of the system of personnel potential development that has developed in the administration of the municipality of Kovrov are presented. According to the results of the study, the corresponding conclusions were made.*

Keywords: local governments, municipal employees, register of municipal service positions, human resources potential, respondents, professional development, professional training.

Статья 17 Федерального закона №131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации указывает, что в полномочия органов местного самоуправления (далее – органы МСУ) по решению вопросов местного значения входит «принятие и организация выполнения планов и программ комплексного социально-экономического развития муниципального образования [3]. Решение вышеуказанных задач, а также эффективное решение вопросов местного значения требует определенной квалификации специалистов, обладающих необходимыми профессиональными компетенциями в сфере муниципального управления. Это подтверждает наличие необходимости грамотной системы подготовки и обучения кадров на уровне муниципального образования. Как указывают С.А. Зуденкова и Е.И. Клычкова «…решение сложных задач, возникающих перед органами местной власти, должно осуществляться профессионально подготовленными специалистами – менеджерами нового типа,

обладающими системностью мышления и методологией целенаправленного анализа возникающих проблем с использованием современных информационных технологий [1, с.48].

В структуре администрации города Коврова на Управление делами и кадрами возлагается решение следующих задач [5]:

• организационное, аналитическое, информационное, методическое, консультационное обеспечение в сфере трудовых отношений и муниципальной службы;

• формирование и реализация основных направлений кадровой политики, организационное и кадровое обеспечение деятельности администрации города Коврова;

• организация учебы, повышение квалификации и переподготовки муниципальных служащих.

Следует отметить, что до настоящего времени в администрации муниципального образования отсутствует Положение о переподготовке и повышении квалификации муниципальных служащих и иных работников органов МСУ.

Приведем несколько цифр о состоянии кадрового потенциала муниципальных служащих администрации города Коврова на начало 2020 года:

1. Состоят на должностях муниципальной службы: 186 человек (15% мужчины, 85% – женщины).

2. Возрастной ценз:

• служащие до 30 лет – 18 %;

• от 30 до 40 лет – 30,5 %;

• от 41 до 50 лет – 26,5 %;

• от 51 до 60 лет – 22 %;

• старше 60 лет – 3 %.

3. Стаж муниципальной службы:

• до 1 года – 10 %;

• от 1 года до 5 лет – 36 %;

• от 5 до 10 лет – 29 %;

• от 10 до 15 лет – 8,5 %;

• от 15 до 25 лет – 14,5 %;

• более 25 лет – 2 %.

Уровень образования муниципальных служащих администрации города Коврова:

• высшее образование – 88 %;

• среднее специальное образование – 10 %;

• среднее общее образование – 2 %.

Действует «Положение о порядке заключения договора о целевом обучении с обязательством последующего прохождения муниципальной службы в администрации города Коврова Владимирской области», утвержденное Постановлением Главы города № 986 от 07.04.2016, согласно которому устанавливается порядок заключения договора о целевом обучении между органом МСУ и отобранным на конкурсной основе гражданином Российской Федерации, впервые получающим высшее или среднее профессиональное образование по очной форме обучения в образовательных организациях [7]. Договор о целевом обучении заключается на конкурсной основе. Конкурс объявляется по решению Главы города и проводится конкурсной комиссией, образуемой в администрации города. За последние 3 года конкурсы по отбору кандидатов не проводились и договоры не заключались.

В качестве дальнейшего анализа были выбраны 4 структурных подразделения администрации города Коврова:

• Управление городского хозяйства;

• Управление имущественных и земельных отношений;

• Управление благоустройства и строительно-разрешительной документации;

• Управление муниципального заказа.

Сведения о численности и кадровом составе вышеуказанных подразделений представлены в Таблице 1 [4].

Данные таблицы показывают, что по состоянию на 01 июня 2021 года персонал структурных подразделений состоял из 77 специалистов, из которых к категории муниципальных служащих относилось 49 чел. или 63,6 %. В соответствии с Реестром должностей муниципальной службы сотрудники занимают следующие должности [8]:

• высшая должность – 4 чел.;

• главная должность – 12 чел.;

• ведущая должность – 12 чел.;

• старшая должность – 21 чел.;

• младшая должность (специалист 1-ой категории) – отсутствует.

Подпрограмма «Развитие муниципальной службы в муниципальном образовании город Ковров Владимирской области на 2015-2020 годы», которая действовала в рамках общей муниципальной программы «Организация муниципального управления в муниципальном образовании город Ковров Владимирской области на 2015-2020 годы» [4], должна была способствовать решению задач по совершенствованию нормативной правовой базы по вопросам муниципальной службы, формированию эффективной системы управления муниципальной службой, дальнейшему развитию системы обучения муниципальных служащих, совершенствованию правовой и организационной работы по формированию, ведению и использованию резерва управленческих кадров. При этом, на весь период с 2015 по 2020 годы было запланировано:

• ежегодное обучение муниципальных служащих на семинарах: 5 чел.;

• ежегодное повышение квалификации муниципальных служащих: 30 чел.;

• доля управленческих должностей, замещенных из муниципального резерва управленческих кадров, в общем объеме замещенных управленческих

Таблица 1

Показатели численности и кадрового состава структурных подразделений (на 01 июня 2021 года)

Показатели	Управление городского хозяйства	Управление имущественных и земельных отношений	Управление благоустройства и строительно-разрешительной документации	Управление муниципального заказа
Количество сотрудников, **всего**, чел., из них:	24	22	18	13
Муниципальные служащие, **всего**, чел., в том числе:	10	20	10	9
начальник управления (заместитель начальника управления)	1	1	1	1
начальник отдела	3	4	3	2
консультант	1	7	3	1
главный специалист	5	2	2	-
ведущий специалист	-	6	1	5
специалист 1-ой категории	-	-	-	-

должностей: 2015 год – 10 %, 2016 год – 12 %, 2017 год – 16 %, 2018 год – 18 %, 2019 год – 20 %, 2020 год – 22 %.

Таким образом, за период с 2015 по 2020 год планировалось обучение и повышение квалификации практически всего состава муниципальных служащих. Вместе с тем, за указанный период количество муниципальных служащих, прошедших обучение и профессиональную переподготовку, составило:

• по программам профессиональной переподготовки: 12 чел.;

• по программам повышения квалификации: 22 чел.

Профессиональную переподготовку и повышение квалификации прошли 34 специалиста (18,3 % от общего количества). Планируемые показатели не были выполнены в основном по причине отсутствия необходимого финансирования из средств местного бюджета.

Был проведен опрос муниципальных служащих вышеуказанных управлений в количестве 28 чел. (57,1 % от общего числа муниципальных служащих) на предмет сложившейся в администрации муниципального образования города Ковров системы развития кадрового потенциала.

Общее сложившееся мнение муниципальных служащих следующее: *прохождение обучения по программам профессионального образования на практике мало способствует карьерному росту, улучшению условий оплаты труда, других мотивационных факторов выполняемой работы*.

Опрошенные респонденты назвали следующие основные причины:

• отсутствие действующего механизма управления карьерой в органах власти – 39,5 %;

• отсутствие вакантных должностей в структуре органов МСУ – 72,2 %;

• отсутствие у самих муниципальных служащих стремления к карьерному росту – 24 %.

Респонденты так оценили результаты своего последнего обучения по программам повышения квалификации:

• возможности практического применения полученных в ходе обучения знаний – 59,5 %;

• проведение собеседования с непосредственными руководителями по результатам своего обучения – 15 % респондентов;

• проведение семинара с коллегами по содержанию обучающей программы с целью поделиться знаниями – 24 %;

• разработка муниципальными служащими конкретных предложений по совершенствованию служебной деятельности – 11,8 %.

Проведенный опрос указывает на наличие серьезных препятствий для использования на практике результатов обучения. Кроме того, сами руководители структурных подразделений органов МСУ не стремятся использовать кадровый потенциал с учетом полученных в ходе обучения знаний и профессиональных компетенций.

Почти 80 % опрошенных респондентов указали, что при выборе обучающей организации и программы обучения их мнение и пожелания не учитывались. А это влияет на эффективность обучения.

В настоящее время в администрации города Коврова действует «Положение о наставничестве в администрации города Коврова Владимирской области». Целью наставничества выступает оказание помощи муниципальным служащим, впервые назначен-

ным на должности муниципальной службы. Основными задачами его выступают [6]:

• обучение муниципальных служащих эффективным формам и методам работы, развитие способности самостоятельно, качественно и ответственно выполнять должностные обязанности;

• оказание помощи в адаптации к условиям осуществления служебной деятельности;

• развитие у муниципальных служащих профессионально значимых качеств личности и поддержание интереса к профессиональной служебной деятельности;

• формирование сплоченного и квалифицированного кадрового состава.

По информации, полученной от четырех сотрудников структурных подразделений, поступивших на работу в период 2018-2019 годы на должности ведущих специалистов, наставник к ним не назначался. Не был доведен до сотрудников и предусмотренный Положением *индивидуальный план* мероприятий по осуществлению наставничества. Работники получали консультационную помощь по своим обращениям непосредственно от руководителя и от коллег, уже имеющих опыт выполнения аналогичных функций.

74 % опрошенных респондентов указали на неясные перспективы продвижения по служебной лестнице, а одной из основных причин демотивации их деятельности (по мнению 68 % опрошенных) является невысокий уровень заработной платы. Кроме того, отсутствие возможности повышения квалификации и переподготовки отметили 32,5 % опрошенных респондентов.

Комплекс выявленных проблем стал причиной достаточной высокой текучести кадров. За период 2019-2020 годы из структурных подразделений уволились по собственному желанию [9]:

• Управление городского хозяйства: 3 чел. (2 ведущих специалиста, 1 главный специалист);

• Управление имущественных и земельных отношений: 3 чел. (ведущие специалисты);

• Управление благоустройства и строительно-разрешительной документации: 1 чел. (главный специалист);

• Управление муниципального заказа: 2 чел. (ведущие специалисты).

Увольнялись специалисты, занимавшие старшую муниципальную должность.

Следует констатировать, что за последние 2 года персонал муниципальных служащих в этих подразделениях обновился на 18,4 %.

Таким образом, формированию эффективного кадрового потенциала муниципальной службы в администрации города Коврова в настоящее время присущи следующие проблемы:

• недостаточный для работы в современных условиях уровень трудовой мотивации и организационной обеспеченности профессиональной подготовки муниципальных служащих;

• нерешенность правовых, организационных и материальных вопросов привлечения и закрепления молодых специалистов на муниципальной службе.

Проведенный анализ кадрового потенциала и системы подготовки и обучения муниципальных служащих администрации города Коврова позволяет сделать следующие выводы:

1. Деятельность администрации города Коврова в сфере формирования эффективного кадрового потенциала не носит системный характер.

2. Необходимо создание условий для развития муниципальной службы в целом и профессионального развития муниципальных служащих.

3. Необходимо повышение уровня профессиональной компетенции, мотивации и стимулирования профессиональной служебной деятельности муниципальных служащих.

Список литературы

1. *Зуденкова, С.А., Клычкова, Е.И.* Совершенствование кадрового обеспечения администрации муниципального образования / С.А. Зуденкова, Е.И. Клычкова // Муниципальная академия. – 2016. – № 3.
2. Муниципальная программа «Организация муниципального управления в муниципальном образовании город Ковров Владимирской области на 2015-2020 годы»: постановление Администрации города Коврова от 10.10.2014 № 2483 // URL: https://www.sovet.kovrov-gorod.ru (дата обращения: 11.08.2021).
3. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (в ред. Федерального закона от 27.05.2014 № 136-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс». Ст.17.
4. Официальный сайт администрации города Коврова: структура // URL: https://kovrov-gorod.ru/st_full (дата обращения: 01.08.2021).
5. Положение об Управлении делами и кадрами администрации города Коврова: постановление Администрации города Коврова от 17.01.2020 № 55 // URL: https://www.kovrov-gorod.ru/st_full.php. раздел III (дата обращения: 18.08.2021).
6. Положение о наставничестве в администрации города Коврова Владимирской области: Постановление Главы города от 23.05.2017 № 1250 // URL: https://sovet.kovrov-gorod.ru. раздел. 1, п. 1.3 (дата обращения: 28.07.2021).
7. Положение о порядке заключения договора целевом обучении с обязательством последующего прохождения муниципальной службы в администрации города Коврова Владимирской области: постановление Главы города от 07.04.2016 № 986 // URL: https://www.sovet.kovrov-gorod.ru п.1 (дата обращения: 22.08.2021).

8. Реестр должностей муниципальной службы во Владимирской области: приложение к Закону от 30.05.2007 № 58-ОЗ // URL: https://vlad-gov.ru/doc/14190 (дата обращения: 01.08.2021).
9. Справочные материалы Управления делами и кадрами администрации муниципального образования города Ковров.

References

1. *Zudenkova, S.A., Klychkova, E.I.* Sovershenstvovanie kadrovogo obespecheniya administracii municipal'nogo obrazovaniya / S.A. Zudenkova, E.I. Klychkova // Municipal'naya akademiya. – 2016. – № 3.
2. Municipalnaya programma organizaciya municipalnogo upravleniya v municipalnom obrazovanii gorod Kovrov Vladimirskoj oblasti na 2015-2020 gody. Postanovlenie administracii goroda Kovrova ot 10.10.2014 – 2483 // URL: https://www.sovet.kovrov-gorod.ru (data obrashcheniya: 11.08.2021).
3. Ob obshchih principah organizacii mestnogo samoupravleniya v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon ot 06.10.2003 № 131-FZ (v red. Federal'nogo zakona ot 27.05.2014 № 136-FZ) // SPS «Konsul'tantPlyus». St.17.
4. Oficial'nyj sajt administracii goroda Kovrova: struktura // URL: https://kovrov-gorod.ru/st_full (data obrashcheniya: 01.08.2021).
5. Polozhenie ob Upravlenii delami i kadrami administracii gororda Kovrova: postanovlenie Administracii goroda Kovrova ot 17.01.2020 № 55 // URL: https://www.kovrov-gorod.ru/st_full.php. razdel III (data obrashcheniya: 18.06.2021).
6. Polozhenie o nastavnichestve v administracii goroda Kovrova Vladimirskoj oblasti: Postanovlenie Glavy goroda ot 23.05.2017 № 1250 // URL: https://sovet.kovrov-gorod.ru. razdel 1, p.1.3 (data obrashcheniya: 28.07.2021).
7. Polozhenie o poryadke zaklyucheniya dogovora celevom obuchenii s obyazatelstvom posleduyushchego prohozhdeniya municipalnoj sluzhby v administracii goroda kovrova vladimirskoj oblasti postanovlenie glavy goroda ot 07.04.2016 № 986 // URL: https://www.sovet.kovrov-gorod.ru P.1 (data obrashcheniya: 22.08.2021).
8. Reestr dolzhnostej municipal'noj sluzhby vo Vladimirskoj oblasti: prilozhenie k Zakonu ot 30.05.2007 № 58-OZ // URL: https://vlad-gov.ru/doc/14190 (data obrashcheniya: 01.08.2021).
9. Spravochnye materialy Upravleniya delami i kadrami administracii municipal'nogo obrazovaniya goroda Kovrov.

УДК 343.618

DOI 10.47629/2074-9201_2021_4_175_178

Дмитриева Анна Владимировна,
магистрант, инспектор отдельной роты дорожно-патрульной службы, ДПС ГИБДД отдела МВД России, город Новый Уренгой,
dann89@rambler.ru

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИЧИНЕНИЕ СМЕРТИ ПО НЕОСТОРОЖНОСТИ

Аннотация. *Статья посвящена вопросам совершенствования правового регулирования привлечения к уголовной ответственности за причинение смерти по неосторожности. Рассмотрены проблемные аспекты, возникающие при проведении следственных действий и в ходе судебных разбирательств по подобным преступлениям с неосторожной формой вины. Сделан вывод, что для совершенствования механизма применения норм уголовного закона в отношении преступлений, связанных с причинением смерти по неосторожности, необходимо: повысить объективность оценки действий обвиняемого по ч. 2 ст. 109 УК РФ, прежде всего, в отношении медицинских работников; разработать рекомендации и ведомственные инструкции для следственных и судебных органов по оценке действий обвиняемых в «неосторожных» преступлениях с учетом установления причинно-следственных связей между профессиональными действиями субъекта преступления по ч. 2 ст. 109 УК РФ и смертью человека, вины, мотива и психической оценки преступного поведения; необходима коррекция действующих нормативных документов первичного учета по расследуемым уголовным делам.*

Ключевые слова: правовое регулирование, следственные действия, практика применения уголовных наказаний, причинение смерти по неосторожности, судебные органы.

Anna V. Dmitrieva,
Master's student, Inspector of a separate company of the road patrol service, Traffic police Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Novy Urengoy,
dann89@rambler.ru

IMPROVING LEGAL REGULATION WHEN INVOLVED TO CRIMINAL LIABILITY FOR CAUSING DEATH BY NEGLIGENCE

Abstract. *The article is devoted to the issues of improving the legal regulation of criminal prosecution for causing death by negligence. The author examines the problematic aspects during investigative actions and in the course of trials for similar crimes with a reckless form of guilt. It is concluded that in order to improve the mechanism for applying the norms of the criminal law in relation to crimes related to causing death by negligence, it is necessary: to increase the objectivity of the assessment of the actions of the accused under part 2 of p. 109 of the Criminal Code of the Russian Federation, primarily in relation to medical workers; to develop recommendations and departmental instructions for investigative and judicial authorities to assess the actions of those accused of "careless" crimes, taking into account the establishment of cause-and-effect relationships between the professional actions of the subject of the crime under Part 2 of Art. 109 of the Criminal Code of the Russian Federation and death of a person, guilt, motive and mental assessment of criminal behavior; it is necessary to correct the current normative documents of primary accounting for investigated criminal cases.*

Keywords: legal regulation, investigative actions, the practice of applying criminal penalties, causing death by negligence, judicial authorities.

Причинение смерти по неосторожности является результатом грубой недисциплинированности, невнимательности, неосмотрительности виновного. И хотя в данном случае степень общественной опасности преступлений ниже по сравнению, например, с умышленными убийствами, их последствия являются такими же тяжкими. Поэтому опасность неосторожных преступлений нельзя недооценивать, тем более, если это связано с причинением смерти человеку.

Сегодня необходим поиск таких механизмов оценки действий обвиняемых в подобных преступлениях, которые позволили бы максимально повысить объективность, обеспечить учет различных факторов осуществления профессиональной деятельности и до минимума снизить субъективность экспертной оценки. Это связано с тем, что на практике бывает крайне сложно определить настоящие причины гибели пациента, а также правомерность и обоснованность отдельных действий врача, что приводит к росту негативного настроя в обществе, увеличению количества обращений граждан в следственные органы по фактам смерти родственников предположительно ввиду неправильных или неквалифицированных действий медицинских специалистов.

В последнее время данная проблема стала крайне актуальной и активно обсуждаемой не только в обществе, но и среди практикующих медицинских специалистов, правоведов, представителей следственных и судебных органов. Проблема заключается в том, что доказать вину или привлечь к уголовной ответственности таких врачей очень сложно, так как эта общность является закрытой «кастой», в которой, распространена профессиональная солидарность, сложность медицинских терминов, а узконаправленная деятельность не дает возможности правоохранительным органам провести детальное и качественное расследование [1].

Сегодня отмечается сложность и противоречивость различных экспертных оценок и действий специалистов при оценке правильности выполнения ими медицинских манипуляций, имеющих большую степень риска для жизни человека. Поэтому необходим поиск объективных критериев, которые позволяли бы с высокой долей эффективности устанавливать вину субъекта профессиональной деятельности, действия которого могли привести к смерти человека.

При этом мы исходим из того, что работники следственных органов не обладают необходимыми знаниями для оценки правильности действий врачей, поэтому вынуждены привлекать экспертов и руководствоваться исключительно их субъективной оценкой.

Важно отметить, что вопросы судебно-медицинской оценки случаев причинения тяжкого вреда здоровью или смерти при выполнении медицинскими работниками своих профессиональных обязанностей относятся к разряду наиболее сложных видов экспертной деятельности. В качестве объектов судебно-медицинской экспертизы могут выступать живые люди, трупы, медицинская документация, иные вещественные доказательства (контейнеры для переливания крови и ее компонентов, лекарственные препараты и др.).

Но даже среди экспертов не существует единых подходов для оценки действий медицинского персонала по различным врачебным процедурам, кроме этого, сильным влиянием может обладать корпоративная порука и «честь профессии», что оказывает несомненное влияние на экспертную оценку. Также эксперты (зачастую сами действующие лечащие врачи) могут исходить из того, сами могут оказаться в подобной ситуации, когда их деятельность будет рассматриваться как противоправная и приведшая к гибели пациента по неосторожности. Поэтому экспертная оценка в данном случае может быть также крайне субъективной и сглаживающей вину медицинского специалиста, обвиняемого в причинении смерти пациента по неосторожности [2].

Привлечение же в качестве экспертов в делах о преступлениях с неосторожной формой вины «недействующих» врачей, то есть не имеющих на протяжении определенного периода времени реальной врачебной практики, выглядит непрофессиональным с позиции проведения объективного расследования преступления и эффективных следственных мероприятий. Поэтому экспертные оценки могут иметь высокую степень субъективности, а мера наказания эксперта при неправильной оценке действий субъекта преступлений несравнима с тем уголовным наказанием, которое может получить осужденный по ч. 2 с. 109 УК РФ.

Все это ведет к необъективности предпринимаемых действий, но конкретные решения со стороны государственных структур и властных институтов до сих пор так и не приняты.

Считаем необходимым Минздраву России провести совместно со Следственным комитетом РФ систематизацию медицинских действий, которые часто выступают составом преступления по ч. 2 ст. 109 УК РФ, разработать типовую форму (справочник) по оценке действий медицинских работников, где были бы изложены алгоритмы работы следственных органов и основные правила лечения (медицинские манипуляции) по наиболее известным медицинским диагнозам и часто встречающимся заболеваниям. Это позволит сократить субъективность оценок при разбирательстве и проведении следственных действий по преступлениям, совершенным медицинскими работниками по неосторожности.

В дальнейшем выглядит целесообразным рассмотреть возможность разработки подобных спра-

вочников с участием ведомств и экспертного сообщества и по другим профессиям и специальностям.

Считаем, что для решения проблемы установления причинно-следственных связей между профессиональными действиями субъекта преступления по ч. 2 ст. 109 УК РФ и смертью человека от них необходимо проводить психическую оценку преступного поведения.

Состав преступления по ч. 2 ст. 109 УК РФ может включать неправильные, необоснованные, необдуманные действия субъекта или его бездействие. При этом бездействие может выражаться в отказе от исполнения своих должностных (профессиональных) обязанностей или в их недобросовестном выполнении, например, в частичном выполнении цикла работ, что не позволило в итоге получить требуемый (нормативный) результат и привело к смерти человека [3].

Считаем, что только выявление мотива неосторожного преступления фактически позволяет установить отношение лица к наступившим преступным последствиям. Если лицо нарушало нормативные требования профессиональной деятельности ввиду необходимости самовыражения или самоутверждения (то есть четко понимало, что данные действия ведут к риску для жизни и здоровья других людей), то имеются все необходимые основания говорить о признаках косвенного умысла в отношении наступивших преступных последствий и поэтому данные действия уже должны быть квалифицированы следственными или судебными органами по специальным составам, связанным с умышленными действиями субъекта, а не по ч. 2 ст. 109 УК РФ.

Данные задачи можно реализовать в форме издания ведомственных приказов Следственного комитета РФ на основе уточнения действий следственных органов в ходе проведения расследования преступлений по ст. 109 УК РФ и указания на необходимость обязательной психической оценки преступного поведения и наличия или отсутствия мотива при совершении преступных действий. Это выглядит важным, так как на сегодняшний день, согласно экспертных оценок, подобные действия проводятся работниками следственных органов только в половине случаев, что ведет к широкой трактовке объективной и субъективной стороны противоправных деяний.

Значительное число российских судей не сталкивается с делами в отношении определения вины медицинского персонала на протяжении практически всей своей карьеры. Если рассматривать данную ситуацию в контексте общей чрезмерной загруженности судов, а также преобладания в общем количестве рассматриваемых дел имущественных преступлений, то можно предположить, что судьи лишены какой-либо мотивации изучать специфику судопроизводства по делам в отношении медицинских работников, что осложняет формирование единой позиции в судейском сообществе в целом. Кроме этого, следует признать, что мотивация поведения субъекта противоправных действий часто игнорируется судами в ходе рассмотрения уголовных дел по ст. 109 УК РФ [4].

Такая ситуация неизбежно ведет к различным подходам в судебной практике, особенно в отношении установления причинно-следственных связей при причинении смерти по неосторожности из-за ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей со стороны специалистов врачебной профессии.

Поэтому со стороны Верховного Суда РФ необходимо обобщение практики рассмотрения дел с неосторожной формой вины и разработка рекомендаций для судебных органов по оценке мотива при совершении преступных действий или его отсутствии, психической оценке преступного поведения.

Сложившаяся ситуация неверной квалификации деяний по ст. 109 УК РФ связана и с несовершенством нормативных требований в документах первичного учета по совершенным преступлениям [5]. Исходя из действующей практики, необходимо систематизировать и расширить виды мотивы (цели) преступления в справочнике № 12.2 «Мотив (цель) преступления» для заполнения документов первичного учета по расследуемым уголовным делам, которые на сегодняшний день не в полной мере возможно применить к преступлениям по ст. 109 УК РФ и другим «неосторожным» преступлениям.

Таким образом, сегодня необходима разработка специальных рекомендаций для следственных органов по проведению следственных мероприятий по преступлениям с неосторожной формой вины, прежде всего, где рассматриваются действия медицинских специалистов. Минздраву России совместно со Следственным комитетом РФ необходимо провести систематизацию медицинских действий, которые часто выступают составом преступления по ч. 2 ст. 109 УК РФ, разработать типовую форму (справочник) по оценке действий медицинских работников в ситуации привлечения к уголовной ответственности медицинских работников за причинение смерти пациентам в ходе оказания им медицинской помощи, где были бы изложены алгоритмы работы следственных органов и основные правила лечения (медицинские манипуляции) по наиболее известным медицинским диагнозам и часто встречающимся заболеваниям.

Это позволит сократить субъективность оценок при разбирательстве и проведении следственных действий по преступлениям, совершенным медицинскими работниками по неосторожности. В дальнейшем выглядит целесообразным рассмотреть возможность разработки подобных справочников с участием ведомств и экспертного сообщества и по другим профессиям и специальностям.

Также не менее важно решение проблемы установления причинно-следственных связей между профессиональными действиями субъекта преступления по ч. 2 ст. 109 УК РФ и смертью человека, установление умысла и мотива при совершении преступных действий. Это можно реализовать в форме издания ведомственных приказов Следственного комитета РФ на основе уточнения действий следственных органов в ходе проведения расследования преступлений по ст. 109 УК РФ и указания на необходимость обязательной психической оценки преступного поведения и наличия или отсутствия мотива при совершении преступных действий. Это выглядит важным, так как на сегодняшний день, согласно экспертных оценок, подобные действия проводятся работниками следственных органов только в половине случаев, что ведет к широкой трактовке объективной и субъективной стороны противоправных деяний.

Со стороны Верховного Суда РФ также необходимо проведение обобщения практики рассмотрения дел с неосторожной формой вины и разработка рекомендаций для судебных органов по оценке мотива при совершении преступных действий или его отсутствии, психической оценке преступного поведения.

Сложившаяся ситуация неверноой квалификации деяний по ст. 109 УК РФ связана и с несовершенством нормативных требований в документах первичного учета по совершенным преступлениям. Поэтому, исходя из действующей практики, необходимо систематизировать и расширить виды мотивы (цели) преступления в справочнике № 12.2 «Мотив (цель) преступления» для заполнения документов первичного учета по расследуемым уголовным делам, которые на сегодняшний день не в полной мере возможно применить к преступлениям по ст. 109 УК РФ и другим «неосторожным» преступлениям.

Список литературы

1. *Амиров Р.Г.* Общая характеристика тяжких преступлений, совершенных медицинскими работниками // Закон и право. 2021. № 2. С. 142-145.
2. *Голубева К.С., Дядькин О.Н.* Проблемы доказывания легкомыслия на досудебных стадиях уголовного процесса // в сб.: Лучшая студенческая статья 2020. Сборник статей II Международного научно-исследовательского конкурса. В 5-ти частях. 2020. С. 189-196.
3. *Ильгамова Э.Р.* Ятрогенные преступления в уголовном праве России // в сб.: Пермский период. Сборник материалов научно-практической конференции в рамках VII Международного научно-спортивного фестиваля курсантов и студентов. В 2-х томах. Сост. В.А. Овченков. ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России, 2020. С. 257-259.
4. *Макаров С.Д.* Множественность преступлений против жизни: вопросы квалификации и справедливость наказания // Законность. 2021. № 2 (1036). С. 47-51.
5. *Ословская Д.А.* Актуальные проблемы квалификации преступлений против жизни // NovaUm.Ru. 2021. № 29. С. 36-39.

References

1. *Amirov R.G.* General characteristics of serious crimes committed by medical workers // Law and Law. 2021. № 2. P. 142-145.
2. *Golubeva K.S., Dyadkin O.N.* Problems of proving frivolity at the pre-trial stages of the criminal process // in collection: The best student article 2020. Collection of articles of the II International research competition. In 5 parts. 2020. P. 189-196.
3. *Ilgamova E.R.* Iatrogenic crimes in the criminal law of Russia // in collection: Perm period. Collection of materials of the scientific and practical conference-tion in the framework of the VII International Scientific and Sports Festival of cadets and students. In 2 volumes. Compiled by V.A. Ovchenkov. FKOU VO Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2020. P. 257-259.
4. *Makarov S.D.* The plurality of crimes against life: issues of qualification and justice of punishment // Legality. 2021. № 2 (1036). P. 47-51.
5. *Oslovskaya D.A.* Actual problems of qualification of crimes against life // NovaUm.Ru. 2021. № 29. P. 36-39.

УДК 338.24

DOI 10.47629/2074-9201_2021_4_179_183

Туманян Гарник Вагинакович,
аспирант Философского факультета, Национальный исследовательский
Томский государственный университет, город Томск,
tumangar@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ И МЕССЕНДЖЕРЫ КАК НОВОЕ ПРОСТРАНСТВО ДЛЯ РЕАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Аннотация. *Рассматривается влияние социальных сетей на формирование «новой социальности» и активное внедрение социальных сетей в общественную жизнь. С течением времени, всё большее количество социальных процессов переходит в онлайн плоскость, а акторы проводят больше времени в социальных сетях. Данные тенденции говорят о необходимости активной экспансии институтов власти и политиков в электронное пространство, ведь социальные сети, как каналы коммуникации являются наиболее репрезентативными и мобильными по отношению к традиционным коммуникативным механизмам. А отсутствие государственного присутствия и слабая имиджевая политика наносят несомненный урон образу государства и способствуют формированию негативного образа. В рамках статьи проведено социологическое исследование, которое подтвердило существующие опасения. Но несмотря на это, граждане готовы к партисипации и рассматривают электронное взаимодействие, как новый этап во взаимоотношениях «гражданин-государство».*

Ключевые *слова: граждане, акторы, государственное управление, политика, социальные сети, мессенджеры, партисипативность, управление, социальные трансформации.*

Garnik V. Tumanyan,
Postgraduate at the Faculty of Philosophy, National Research Tomsk State University, Tomsk,
tumangar@mail.ru

SOCIAL MEDIA AND MESSENGERS AS A NEW SPACE FOR THE IMPLEMENTATION OF MODERN PUBLIC GOVERNANCE

Abstract. *This article examines the influence of social networks on the formation of a "new sociality" and the active introduction of social networks into public life. Over time, more and more social processes are moving online, and actors spend more time on social networks. These trends indicate the need for active expansion of government institutions and politicians into the electronic space, because social networks, as communication channels, are the most representative and mobile in relation to traditional communication mechanisms. And the absence of a state presence and a weak image policy inflict undoubted damage on the image of the state and contribute to the formation of a negative image. Within the framework of the article, a sociological study was carried out, which confirmed the existing fears. But despite this, citizens are ready for participation and consider electronic interaction as a new stage in the relationship "citizen-state".*

Keywords: citizens, actors, government, politics, social networks, messengers, participation, governance, social transformations.

Активное развитие и распространение социальных сетей и мессенджеров актуализирует переход различных общественных процессов в офлайн формат [1]. Онлайн пространство становится новым местом «обитания» общества [2] и каналом массовой и личной коммуникации [3]. Логично, что возрастает необходимость государственного присутствия в электронном пространстве [4] и тем более использование социальных сетей, как канала коммуникации [5]. В первую очередь, подобное присутствие должно быть направлено на налаживание «связей» с акторами, которые в понимании «новых медиа» перестали быть просто аудиторией и перешли в категории «союзников» или «врагов» [6]. Социальные сети и мессенджеры являются довольно дешёвым и быстрым способом коммуникации, нарастает уровень партисипации [7], облегчается создание отношений «государство-гражданин» [8] благодаря возможности формировать политику через анализ социальных сетей [9]. Кроме того, благодаря активному использованию

социальных сетей, государство может минимизировать использование дорогостоящих социологических исследований для выявления отношения граждан к тому или иному факту. А непрерывное присутствие институтов управления и отдельных политиков в социальных сетях и мессенджерах, их динамичное вовлечение граждан в управленческие процессы и активное информирование, способны формировать положительную повестку и отношение граждан к институтам власти [10].

С целью выявления отношения граждан к социальным сетям и мессенджерам как к новому этапу развития взаимодействия с публичными органами власти и отдельными политиками, было проведено социологическое исследование в форме опроса. Исследование проводилось в период с 29.09.2021 по 30.10.2021 Была определена следующая выборка: опрошено 300 человек, из которых, мужчин – 130 человек, женщин – 170 человек. Возрастной состав участников исследования был таков: молодёжь (18-35 лет) – 110 респондентов, акторы среднего возраста (35-60 лет) – 165 респондентов, акторы старшего возраста (60-80 лет) – 25 респондентов.

Реализуемое исследование было поделено на несколько блоков, которые были призваны глубже изучить отношение акторов к электронным формам взаимодействия с институтами публичного управления и отдельными политиками. Мы можем выделить следующие задачи проводимого исследования:

• выявление уровня использования акторами социальных сетей и мессенджеров;

• формирование облика социальных сетей и мессенджеров в восприятии акторов;

• выявление уровня информированности акторов о возможности использования социальных сетей и мессенджеров для реализации взаимодействия с институтами публичного управления и отдельными политиками;

• выявление уровня вовлеченности акторов в процессы использования социальных сетей и мессенджеров для партисипации;

• выявление ожиданий и потребностей акторов от использования механизмов и практик электронной партисипации;

• выявление комплекса опасений со стороны акторов от использования механизмов и практик электронной партисипации.

Ниже, были раскрыты и проанализированы результаты социологического исследования. Из Рисунка 1, становится видно, что большинство акторов является активными пользователями социальных сетей и мессенджеров, причём, данная позиция наблюдается во всех возрастных группах опрошенных. Исключением являются акторы 60-80 лет, которые в меньшей степени пользуются данными коммуникативными механизмами, но всё же, 48% граждан из данной категории ежедневно коммуницируют при помощи различных электронных приложений. Большая часть опрошенных (97 %) предпочитает ежедневно использовать социальные сети и мессенджеры, причём, 56 % опрошенных делают это в течении 3-5 часов в течении суток. 7 % опрошенных не пользуются социальными сетями, но являются пользователями мессенджеров. Полученные результаты подтверждают гипотезу о сильной общественной роли социальных сетей [11].

Удостоверившись, что акторы являются активными пользователями социальных сетей и мессенджеров, важно выявить их отношение к последним и сформировать облик социальных сетей в восприятии акторов. Отвечая на вопрос: Как Вы относитесь к социальным сетям и мессенджерам? Акторы дали следующие ответы:

• положительно – 62 %;

• скорее положительно, чем отрицательно – 30 %;

• скорее негативно, чем положительно – 3 %;

• негативно – 5 %.

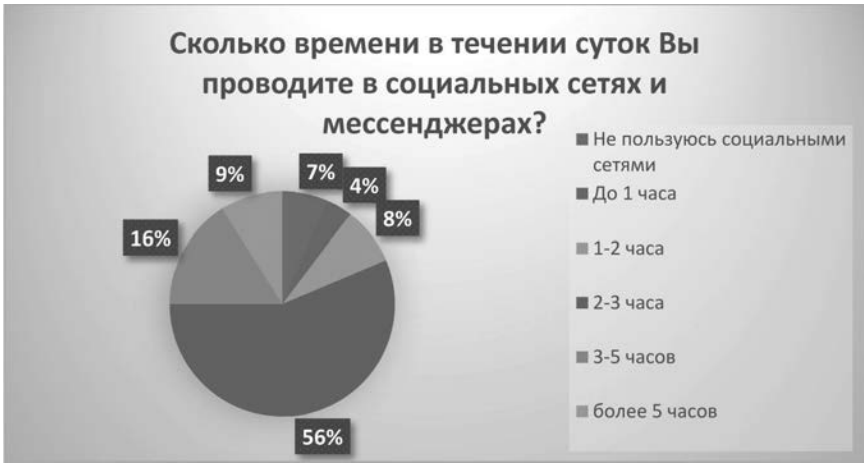

Рисунок 1. Сколько времени в течении суток Вы проводите в социальных сетях и мессенджерах?

Исходя из ответов акторов, можно с уверенностью говорить о формировании положительного имиджа социальных сетей в обществе, лишь 8% опрошенных, в той или иной степени, негативно воспринимают социальные сети, что скорее всего, связано с их возрастной категорией.

По Рисунку 2 видно, что большинство акторов использует социальные сети для общения (37 %) и получения новостной информации (26 %). Примечательно, что лишь 5% акторов относит социальные сети к инструменту нахождения в «тренде». Это говорит о сильных сдвигах в новой социальности, где социальные сети становятся из модного явления в жизненно необходимый феномен. Ответ на данный вопрос предполагал только один вариант ответа, с целью выявления основной предпосылки использования социальных сетей, что приводило к затруднению многих акторов, которые рассматривают их как комплексный механизм обеспечения современной жизнедеятельности человека. Двум категориям акторов, которые выбрали варианты ответа: «с целью сохранения контактов» (7 %) и «для решения бытовых и рабочих вопросов» (12 %) был задан дополнительный вопрос (Можете ли Вы мотивировать ответ на предыдущий вопрос необходимостью коммуникации с органами власти и политиками в социальных сетях?). Здесь, акторы поделились на две категории: 64 % опрошенный дали положительный ответ, в то время как 36 % опрошенных связали свой выбор с иными факторами.

Сформировав общую картину отношения акторов к социальным сетям, было важно выявить общий уровень информированности акторов о возможности использования социальных сетей и мессенджеров для реализации взаимодействия с институтами публичного управления и отдельными политиками. Результаты опроса, представленные на Рисунке 3 говорят о довольно высоком уровне информированности акторов, лишь 11 % опрошенных не слышали о возможности партисипации через социальные сети. Также, следует отметить, что результаты опроса говорят о слабой государственной информационной политике, всего 4 % опрошенных узнали о наличии описываемых возможностей благодаря рекламе. Кроме того, примечателен тот факт, что 34 % опрошенных были информированы о наличии возможностей электронной партисипации благодаря различным информационным и новостным сообществам в социальных сетях. А учитывая тот факт, что в большинстве случаев, данные новости носят критикующий или негативных характер по отношению к органам власти или отдельным политикам, мы можем говорить ещё об одном упущении со стороны институтов власти. В данном случае, высокий уровень информированности может нести в себе негативный подтекст.

Высокий уровень информированности граждан о наличии возможностей использования социальных сетей для взаимодействия с органами власти и политиками не всегда означает готовность участия в подобной партисипации. На Рисунке 4 показано, что лишь 29 % опрошенных участвовали в партисипации через социальные сети и мессенджеры, причем, доля принимающих систематическое участие всего 7%. Всем респондентам, кто дал положительный ответ на данный вопрос, было предложено мотивировать свой ответ, полученные результаты были классифицированы по нескольким группам:

- онлайн формат удобен;
- через социальные сети легче попасть на приём и решить проблему;
- через социальные сети можно быстрее решить проблему;
- это требует меньших трудозатрат;
- не требуется оформления официальной документации.

Полученные результаты говорят о том, что акторы в первую очередь предпочитают партисипацию

Рисунок 2. С какой целью Вы используете социальные сети?

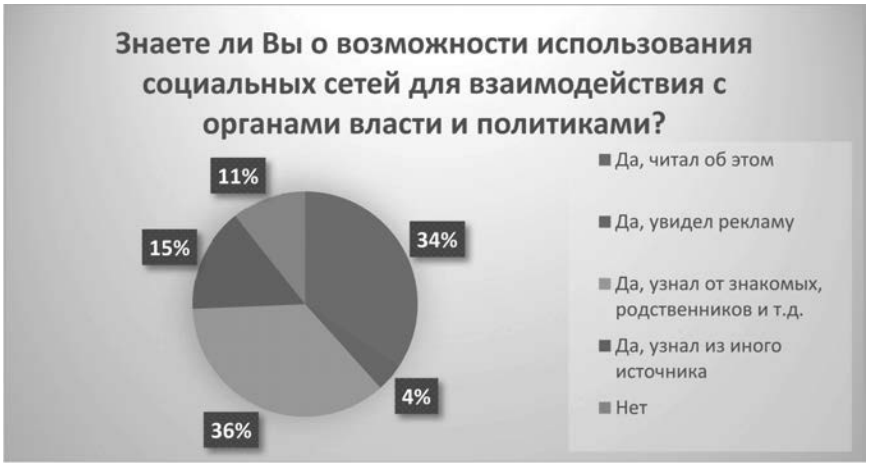

Рисунок 3. Знаете ли Вы о возможности использования социальных сетей для взаимодействия с органами власти и политиками?

через социальные сети и мессенджеры по причине их удобства и гибкости временных затрат.

На Рисунке 4 показано, что большая часть респондентов ответила отрицательно (71 %) и не принимала участие в электронной партисипации через социальные сети. Хотя, 48 % опрошенных думали об этом. Всем респондентам, кто дал отрицательный ответ на данный вопрос, было предложено мотивировать свой ответ, полученные результаты были классифицированы по нескольким группам:

• предпочтительнее более «традиционные» формы взаимодействия с властными институтами;

• недоверие к онлайн формату взаимодействия;

• наличие мнения, что проблема не будет решена через социальные сети;

• критика электронной партисипации в различных информационных и новостных сообществах в социальных сетях.

Полученные результаты опять-же говорят о слабой государственной информационной политике, которая практически не обращает внимание на процессы формирования общественного мнения и формирование образа института власти в электронном формате.

Кроме того, респондентам, которые дали положительный ответ на предыдущий вопрос, с целью выявления самых популярных видов партисипации, было предложено рассказать о своём опыте взаимодействия с органами власти и политиками через социальные сети. Ответы были сгруппированы по следующим категориям:

• обращения к депутатам;

• обращения к органам власти с целью решения тех или иных проблем;

• обращения с целью информирования;

• участие в опросах и иных социологических исследованиях;

• участие в публичных обсуждениях на основе платформ социальных сетей и мессенджеров;

• публичное комментирование новостей на страницах в социальных сетях и мессенджерах.

Особое место в исследовании занимает проблематика выявления ожиданий и потребностей акторов от использования механизмов и практик электронной партисипации. Ведь именно «сервисная ориентация» современного публичного управления способна исправить существующие институциональные и ментальные проблемы в электронной партисипации. С другой стороны, внедрение ориентации на актора будет способствовать широкому вовлечению граждан в публичные процессы и положительно влиять на уровень их удовлетворённости. Респондентам было предложено развёрнуто ответить на вопрос: Что Вы ожидаете от взаимодействия с органами власти и политиками в социальных сетях? Ответы респондентов были сгруппированы в следующие категории:

• получение помощи в решении проблем;

• обращение внимания органов власти на те или иные проблемы;

• обозначение личного мнения по различным вопросам;

• внесение предложений по вопросам, связанным с жизнью общества;

• получение информации.

Одновременно, респондентам было предложено высказать свои опасения от участия в электронной партисипации. Ответы респондентов были сгруппированы в следующие категории:

• отсутствие анонимности и возможность преследования за инакомыслие;

• проблемы со «свободой слова»;

• номинальный характер электронной партисипации;

• популизм со стороны должностных лиц и политиков.

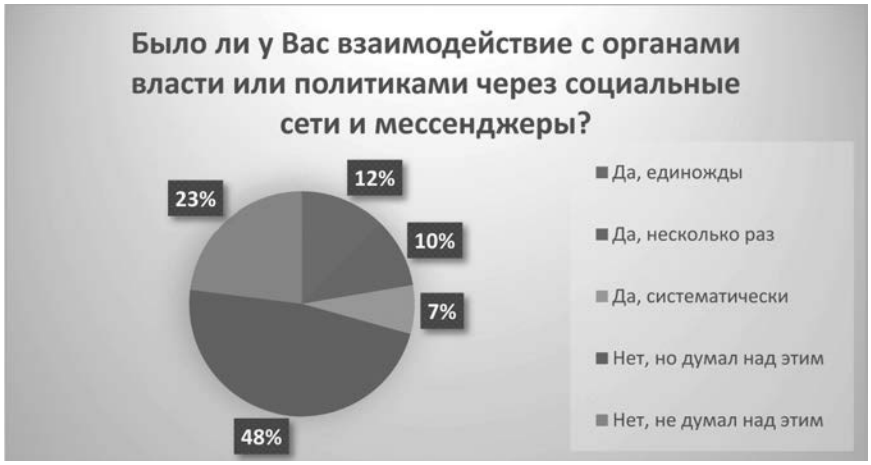

Рисунок 4. Было ли у Вас взаимодействие с органами власти или политиками через социальные сети и мессенджеры?

Перечисленные опасения говорят о низком уровне готовности граждан к активной электронной партисипации, что в комплексе с другими результатами исследования может указывать на существующие институциональные проблемы и отсутствие реальных действий со стороны государства в информационном поле для формирования положительного имиджа. Подобная проблематика не является исключительно Российской и прослеживается и в исследованиях заграничных учёных [12].

Результаты исследования формируют неутешительную картину, хотя граждане и готовы к электронной партисипации и взаимодействию с институтами власти через социальные сети и мессенджеры, они колеблются и не всегда доверяют подобной форме со-участия. Существующие проблемы могут быть преодолены только благодаря активным действиям со стороны государства и постепенным трансформациям общественного мнения.

Список литературы/References

1. *Hashem Y.* The Impact of Social Media on the Academic Development of School Students // Interna-tional Journal of Business Administration. 2015. № 46. P. 1.
2. *Hunter P.* The Growth of Social Media in Science: Social Media has Evolved from a Mere Communi-cation Channel to an Integral Tool for Discussion and Research Collaboration // EMBO Reports. 2020. № 21. Arti-cle № e50550. Doi:10.15252/embr.202050550.
3. *Bardus M., Rassi R., Chahrour M., Akl E.W., Raslan A.S., Meho L.I., Akl E.A.* The Use of Social Me-dia to Increase the Impact of Health Research: Systematic Review // J Med. 2020. № 22. Article № e15607 Doi: 10.2196/15607.
4. *Karakiza M.* The Impact of Social Media in the Public Sector // Procedia – Social and Behavioral Sci-ences. 2015. № 175. P. 384-392.
5. *Popovych V., Ragimov F., Kornienko V., Ivanova I., Zoriana B.* Development of social and communi-cative paradigm of public administration in the field of social networks // International Journal of Data and Net-work Science. 2020. № 4. P. 319-328.
6. *Aichner T., Grünfelder M., Maurer O., Jegeni D.* Twenty-Five Years of Social Media: A Review of So-cial Media Applications and Definitions from 1994 to 2019. Cyberpsychology, Behavior and Social Networking. 2021. № 24. P. 215-222. Doi:10.1089/cyber.2020.0134.
7. *Siadat S.H., Mahmoodi F.S., Sadeghi F.M.M.* Open Government Evaluation in a Public Sector: A Case Study of Iran// Electronic Government. 2021. № 2. P. 129-143. doi:10.1504/EG.2021.114576.
8. *Špaček D.* Social Media Use in Public Administration: The Case of Facebook Use by Czech Regions // NISPAcee Journal of Public Administration and Policy. 2018. № 11. P. 199-218. https://doi.org/10.2478/nispa-2018-0019.
9. *Zhang W., Zhang M., Yuan L., Fan F.* Social network analysis and public policy: what's new? // Jour-nal of Asian Public Policy. 2021. № 1. P. 1. DOI: 10.1080/17516234.2021.1996869.
10. *Yanga T., Wub Y.* The maturity assessment of the recent open data develop-ment in the context of Taiwan e-government//Journal of Educational Media and Li-brary Sciences. 2019. № 1. P. 7-44.
11. *Bekalu M.A., McCloud R.F., Viswanath K.* Association of Social Media Use with Social Well-Being, Positive Mental Health, and Self-Rated Health: Disentangling Routine Use from Emotional Connection to Use // Health Education & Behavior. 2019. № 46. P. 69-80. Doi:10.1177/1090198119863768.
12. *Feeney M.K., Porumbescu G.* The Limits of Social Media for Public Administration Research and Practice // Public Administration Review. 2021. № 4. P. 787-792.

Акбашев Ильшат Ильфатович,
аспирант, Высшая школа бизнеса, Казанский (Приволжский)
федеральный университет, город Казань
ilshataka@yandex.ru
Ilshat I. Akbashev,
Postgraduate, Higher school of business, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan

Акопян Артур Арсенович,
магистрант, МИРЭА – Российский технологический университет, Москва
artur.akopyan.12@mail.ru
Artur A. Akopyan,
Master's student, MIREA – Russian Technological University, Moscow

Алиева Зульфия Ибрагимовна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры Конституционного и международного права
Юридического института, Дагестанский государственный университет, город Махачкала
mumina@mail.ru
Zulfiya I. Alieva,
Ph.D. of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Constitutional
and International Law of the Law Institute, Dagestan State University, Makhachkala

Будагов Артур Суренович
доктор экономических наук, доцент, директор института Технологий предпринимательства,
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург
dean8@aanet.ru
Artur S. Budagov,
Doctor of Economic Sciences, Docent, Director of the Institute of Entrepreneurship Technologies, St. Petersburg
State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg

Варфоломеева Вера Александровна,
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры Социально-экономических наук
и внешнеэкономической деятельности, Ивангородский гуманитарно-технический институт (филиал), Санкт-
Петербургский государственный университет аэрокосмического
приборостроения, город Ивангород
varfvera@yandex.ru
Vera A. Varfolomeeva,
Ph.D. of Economic Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Social
and Economic Sciences and Foreign Economic Activity (Ivangorods branch), Saint-Petersburg State University of
Aerospace Instrumentation, Ivangorod

Владимирова Дарина Сергеевна,
преподаватель кафедры Теории государства и права, Уральский государственный
юридический университет, Екатеринбург,
dari.vladimirova@mail.ru
Darina S. Vladimirova,
Lecturer at the Department of Theory of State and Law, Ural State Law University, Ekaterinburg

Воробьева Светлана Евгеньевна,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры Философии,
Российский новый университет, Москва
SvetlanaV2212@gmail.com
Svetlana E. Vorobyeva,
Ph.D. of Historical Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Philosophy,
Russian New University, Moscow

Востокова Ольга Владимировна,
старший преподаватель кафедры Менеджмента, рекламы и связей с общественностью,
Институт деловой карьеры, Москва
vostokova1545@yandex.ru

Olga V.Vostokova,
Senior Lecturer at the Department of Management, Advertising and Public Relations,
Institute of Business Career, Moscow

Галкина Галина Станиславовна,
старший преподаватель кафедры Гуманитарных наук, Московский государственный академический художественный институт им. В.И. Сурикова при Российской академии художеств, Москва
galka-66@yandex.ru
Galina S. Galkina,
Senior Lecturer at the Department of Humanities, V.I. Surikov Moscow State Academic Art Institute at the Russian Academy of Arts, Moscow

Гирина Татьяна Сергеевна,
старший преподаватель кафедры Гуманитарных дисциплин,
Институт пищевых технологий и дизайна, Нижегородский государственный инженерно-экономический университет (филиал), Нижний Новгород
gts2009@yandex.ru
Tatiana S. Girina,
Senior Lecturer at the Department of Humanities, Institute of Food Technologies and Design, Nizhny Novgorod State Engineering and Economic University, Nizhny Novgorod

Глазкова Лилия Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент, Северо-Кавказский Федеральный университет, город Ставрополь
glazkova_lily@mail.ru
Lilia V. Glazkova,
Ph.D. of Juridical Sciences, Docent, North Caucasus Federal University, Stavropol

Горин Денис Станиславович,
кандидат экономических наук, доцент кафедры Управления инновациями,
МИРЭА – Российский технологический университет, Москва
gorinds@mail.ru
Denis S. Gorin,
Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Innovation Management,
MIREA – Russian Technological University, Moscow

Давитадзе Мевлуд Демуралович,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры Уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ (Одинцовский филиал), Московская область, город Одинцово
md2063@mail.ru
Mevlud D. Davitadze,
Doctor of of Juridical Sciences, Full Professor, Professor at the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics, Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Odintsovo branch), Moscow Region, Odintsovo

Делия Виктор Павлович,
доктор экономических наук, профессор кафедры Туризма, Московский государственный университет спорта и туризма, Москва
deliav52@icloud.com
Viktor P. Delia,
Doctor of Economic Sciences, Professor at the Department of Tourism,
Moscow State University of Sports and Tourism, Moscow

Динека Виктор Иванович,
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры Уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва,
viktordi@rambler.ru

Viktor I. Dineka,
Doctor of of Juridical Sciences, Full professor, professor at the Department of Criminal law
Vladimir Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow

Дмитриева Анна Владимировна,
магистрант, инспектор отдельной роты дорожно-патрульной службы, ДПС ГИБДД
отдела МВД России, город Новый Уренгой
dann89@rambler.ru
Anna V. Dmitrieva,
Master's student, Inspector of a separate company of the road patrol service, Traffic police Department
of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Novy Urengoy

Зорин Алексей Вячеславович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры Уголовного права и процесса,
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
Санкт-Петербургский институт (филиал), Санкт-Петербург
a.zorin_cof@mail.ru
Aleksey V. Zorin,
Ph.D. of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department
of Criminal Law and Procedure, All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), St. Petersburg Institute (branch), Saint-Petersburg

Иванова Наталия Александровна,
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры
Социально-экономических наук и внешнеэкономической деятельности,
Ивангородский гуманитарно-технический институт (филиал),
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического
приборостроения, город Ивангород,
ivanovanat207301@mail.ru
Natalia A. Ivanova,
Ph.D. of Economic Sciences, Docent, Associate Professor at the Department
of Social and Economic Sciences and Foreign Economic Activity (Ivangorods branch),
Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Ivangorod

Костенникова Елизавета Ивановна,
аспирант кафедры Уголовного права и процесса, Белгородский
государственный национальный исследовательский университет, город Белгород
elizaveta.kolomatskaya@yandex.ru
Elizaveta I. Kostennikova,
Postgraduate at the Department of Criminal law and procedure,
Belgorod National Research University, Belgorod

Кузнецов Александр Анатольевич,
полковник юстиции, следователь по особо важным делам,
Главное следственное управление Следственного комитета Российской Федерации, Москва
onikudaki@inbox.ru
Alexandr A. Kuznetsov,
Colonel of Justice, Investigator for particularly important cases, Main investigation
Department of the Investigative committee of the Russian Federation, Moscow

Кульгачев Иван Петрович,
кандидат философских наук, доцент кафедры
Индустрии гостеприимства, туризма и спорта,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Москва
kulg-ivan@yandex.ru
Ivan P. Kulgachev,
Ph.D. of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of Hospitality,
Tourism and Sports, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow

Кушнир Андрей Михайлович,
доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории Промышленной политики и экономической безопасности, Институт проблем рынка (ИПР РАН), профессор кафедры Экономики и менеджмента, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Москва
ku7@bk.ru
Andrei M. Kushnir,
Doctor of Economic Sciences, Full Professor, Chief Researcher at the Laboratory of Industrial Policy and Economic Security, Market Economy Institute Russian Academy of Science, Professor at the Department of Economics and Management, A.N. Kosygin Russian State University (Technologies. Design. Art), Moscow

Левченко Константин Константинович,
кандидат экономических наук, заместитель Специального представителя МИД России, город Сочи
lekonst@mail.ru
Konstantin K. Levchenko,
Ph.D. of Economic Sciences, Deputy Special Representative of the Russian Foreign Ministry, Sochi

Лунева Елена Андреевна,
кандидат экономических наук, доцент кафедры Экономики и финансового права, Институт деловой карьеры, Москва
eavalue2008@mail.ru
Elena A. Luneva,
Ph.D. of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Economics and Financial Law, Institute of Business Career, Moscow

Лысенков Сергей Геннадьевич,
доктор юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры Теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Санкт-Петербург
sergey.lysenkov@mail.ru
Sergey G. Lysenkov,
Doctor of Juridical Sciences, Ph.D. of Historical Sciences, Full Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Professor at the Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, St. Petersburg

Мазеин Артем Владимирович,
аспирант кафедры Правового обеспечения государственного управления и национальной безопасности, Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург
artemmazein@mail.ru
Artem V. Mazein,
Postgraduate at the Department of Legal Support of Public Administration and National Security, Ural Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ekaterinburg

Милов Павел Олегович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры Гражданского права и процесса, Институт деловой карьеры, Москва, директор редакционно-издательского дома, Российский новый университет, Москва
nauka@ideka.ru

Pavel O. Milov,
Ph.D. of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Civil Law and Procedure, Institute of Business Career, Moscow, Director of the editorial and publishing house,
Russian New University, Moscow

Морозова Александра Андреевна,
старший юрисконсульт Правового управления Главного управления МВД России о Московской области, адъюнкт ФПНПиНК Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва
aleksandra.morozova.14@mail.ru
Aleksandra A. Morozova,
Senior lawyer at the Legal Department of Main Department of the Ministry of internal Affairs of Russia in Moscow region, postgraduate Vladimir Kikot' Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow

Олейник Сергей Александрович,
кандидат юридических наук, доцент кафедры Гражданского права и процесса, Международный юридический институт, Москва,
oleynik.s.a@mail.ru
Sergey A. Oleynik,
Ph.D. of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Civil Law and Procedure, International Law Institute

Подкопаев Олег Александрович,
кандидат экономических наук, доцент кафедры Экономики и управления социально-культурной деятельностью, Самарский государственный институт культуры, город Самара
samin-conf@list.ru
Oleg A. Podkopaev,
Ph.D. in Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Economics and Management of Socio-Cultural Activities, Samara state institute of culture, Samara

Родин Андрей Вячеславович,
адъюнкт кафедры Теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации, Санкт-Петербург
Rodin.a.v@yandex.ru
Andrey V. Rodin,
Adjunct at the Department of Theory and History of State and Law, St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, St. Petersburg

Сухина Юлия Валериевна,
кандидат наук по государственному управлению, доцент кафедры Государственной, муниципальной службы и менеджмента, РАНХиГС, Липецкий филиал, город Липецк
yuliya-sukhina@mail.ru
Yuliya V. Sukhina,
Ph.D. of Public Administration, Associate Professor at the Department of State, Municipal Service and Management, RANEPA, Lipetsk branch, Lipetsk

Тарасов Евгений Александрович,
кандидат технических наук, доцент кафедры Строительной техники и инженерной механики, Воронежский государственный технический университет, город Воронеж
382652@mail.ru
Evgenii A. Tarasov,
Ph.D. of Engineering Sciences, Associate Professor at the Department of Construction machinery and engineering mechanics,
Voronezh state technical University, Voronezh

Троицкая Нина Геннадьевна,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры Туризма, Московский государственный университет спорта и туризма, Москва
troitskayang@mail.ru

Nina G. Troitskaya,
Ph.D. of Pedagogical Sciences, Associate Professor at the Department of Tourism,
Moscow State University of Sports and Tourism, Moscow

Трофимова Наталья Николаевна,
кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры Менеджмента наукоёмких производств,
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург
Tnn04@mail.ru
Natalia N. Trofimova,
Ph.D. of Economic Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Management of High-Tech
Industries, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, St. Petersburg

Туманян Гарник Вагинакович,
аспирант Философского факультета, Национальный исследовательский
Томский государственный университет, город Томск
tumangar@mail.ru
Garnik V. Tumanyan,
Postgraduate at the Faculty of Philosophy, National Research Tomsk State University, Tomsk

Туров Ростислав Сергеевич,
кандидат философских наук, доцент кафедры Философии и социально-гуманитарных наук,
Государственный аграрный университет Северного Зауралья, город Тюмень
turov.rostislav@yandex.ru
Rostislav S. Turov,
Ph.D. of Philosophical Sciences, Associate Professor at the Department of Philosophy
and Social Sciences and Humanities, State Agrarian University of Northern Trans-Urals, Tyumen

Усманова Елена Фанильевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
Правовых дисциплин, Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н.П. Огарева, город Саранск
usmanowa_ef@rambler.ru
Elena F. Usmanova,
Ph.D. of Juridical Sciences, Associate professor at the Department of Legal Disciplines,
N.P. Ogarev Mordovia State University, Saransk

Цветков Евгений Иванович,
старший преподаватель кафедры Туризма, Московский государственный
университет спорта и туризма, Москва,
chustov@yandex.ru
Eugene I. Tsvetkov,
Senior Lecturer at the Department of Tourism, Moscow State University
of Sports and Tourism, Moscow

Чжао Вэньфу,
аспирант кафедры Менеджмента, Институт экономики, управления и права,
Иркутский национальный исследовательский технический университет, город Иркутск
malex1j@yandex.ru
Zhao Wenfu,
Postgraduate at the Department of Management, Institute of Economics, Management and Law,
Irkutsk national research technical university, Irkutsk

Шкодинский Сергей Всеволодович,
доктор экономических наук, профессор заведующий лабораторией
Промышленной политики и экономической безопасности,
Институт проблем рынка (ИПР РАН), заведующий кафедрой
Экономического и финансового образования,
Московский государственный областной университет, Москва,
sh-serg@bk.ru

Sergey V. Shkodinsky,
Doctor of Economic Sciences, Full Professor, Head of the Laboratory of Industrial Policy and Economic Security, Market Economy Institute Russian Academy of Science,
Head of the Department of Economic and Financial Education, Moscow State Regional University, Moscow

Шовунова Наталья Юрьевна,
преподаватель кафедры Менеджмента, рекламы и связей с общественностью,
Институт деловой карьеры, Москва
eva73@live.ru
Natalia Yu. Shovunova,
Lecturer at the Department of Management, Advertising and Public Relations,
Institute of Business Career, Moscow

Штефан Алена Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры Уголовного права и криминологии,
Челябинский государственный университет, город Челябинск
Al.schtefan2011@yandex.ru
Alyona V. Stefan,
Ph.D. of Juridical Sciences, Associate Professor at the Department of Criminal Law and Criminology, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk

Щукина Татьяна Владимировна,
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры Правового обеспечения государственного управления и национальной безопасности,
Уральский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Екатеринбург
shchukina-tv@ranepa.ru
Tatyana V. Shchukina,
Doctor of Juridical Sciences, Docent, Professor at the Department of Legal Support of Public Administration and National Security, Ural Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Ekaterinburg,
shchukina-tv@ranepa.ru

Щурилов Алексей Вадимович,
кандидат экономических наук, доцент кафедры Экономики и гуманитарных наук,
Ковровская государственная технологическая академия им. В.А. Дегтярева, город Ковров
shurilow@yandex.ru
Alexey V. Shchurilov,
Ph.D. of Economic Sciences, Associate professor at the Department of Economics and Humanities, V.A. Degtyarev Kovrov State Technological Academy, Kovrov